

К. ЧЕРРИ

FANTASY

ORION

КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ

ЭЛЬФИЙСКИЙ КАМЕНЬ СНА

Трилогия

ORION

КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ

Трилогия

«ЭЛЬФИЙСКИЙ КАМЕНЬ СНА»

Книга первая:

ГРАГИ

Книга вторая:

ШИ

Книга третья:

ДРЕВО МЕЧЕЙ И КАМНЕЙ

КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ

ЭЛЬФИЙСКИЙ КАМЕНЬ СНА

Библиполис
Санкт-Петербург

C. J. CHERRYH
THE DREAMSTONE
THE TREE OF SWORDS AND JEWELS

Copyright © 1983 by C. J. CHERRYH
All Rights Reserved

Публикуется с разрешения издательства «DAW Books, Inc.»
и представителя издательства Александра Корженевского
(Россия, Москва 113105, МП, а/я 130).

Любое издание данного произведения
без разрешения издательства
подлежит преследованию
в соответствии с законами Российской Федерации
и международного права.

По всем вопросам обращаться по адресу:

БИБЛИОПОЛИС,

198147, Санкт-Петербург, Бронницкая 17.

© 1993, Библиополис

© 1993, М. Ланина: перевод с английского

© 1993, В. Громов: оформление

ISBN 5-87671-043-1

КНИГА ПЕРВАЯ

ГРАГИ

I. О рыбе и костре

Многое в мире никогда не испытывало симпатии к человеку и по своему возрасту было гораздо старше человечества, так что, когда раса людей была моложе, а леса больше, немало было мест на свете, где человек мог ощущать на своих плечах всю тяжесть времени. Леса там высились с таким непоколебимым покоем, что человек и внутри себя переставал чувствовать дыхание жизни. Ручьи там не лишились еще своего волшебства, вершины гор звучали на разные голоса, а временами налетавший ветер ерошил волосы и дышал в затылок, порождая такие предчувствия, что человек не осмеливался оглянуться.

Но звуки человеческого существования становились все более настойчивыми, посягательства на жизненное пространство все более уверенными. А с людьми явилась и смерть, распознавание добра и зла — это было мощное оружие, благородное, но в то же время и слепое.

Звенели топоры. Люди строили дома, выкорчевывали валуны, валили деревья, распахивали поля там, где испокон веку стояли леса; они приводили с собой блеющие отары, охраняемые псами, позабывшими, что когда-то они были волками. Человек менял все, к чему прикасался. Он завораживал зверей, делая их тупыми и послушными. Он принес в долины огонь и вонь дыма. Он искажил ландшафт холмов, проложив борозды и межевые границы. Многие из людей принесли с собой леденящий холод металла, чтобы смести с лица земли древние тени.

Но человек принес с собой и свет. Это было неизбежно, ибо для того чтобы различать свет, нужна тьма. Люди на-

громоздили камни на камни, утепляя свои жилища, и приручали робких и незлобивых тварей, порожденья же мрака уходили в глубь лесов, а создания света и вовсе в отчаянии покидали эти места.

За исключением тех, чье терпение или гордость были большими, чем у остальных собратьев.

Таким образом во всем мире осталось одно девственное место — небольшой лес неподалеку от моря и поблизости от людских поселений, где время текло по-старому, не так, как везде.

Давным-давно этот лес лишился былой своей прелести и обаяния. Под покровом папоротника его душили шипы и колючки. Мертвые упавшие деревья образовывали завалы, так как ни один дровосек не рисковал заходить в этот лес. Даже днем это было гиблое место. Ночью же оно казалось еще страшнее, и люди никогда не разводили костров вблизи тех вековых деревьев. Здесь раздавались шепотки, и деревья что-то бормотали, колеблемые ветром, а, может, и не ветром. Люди знали, что это место старо, как мир, и не могли найти с ним общего языка.

Однако однажды ночью в лес вошел усталый человек. Ему довелось пережить столько ужаса и побывать в таких переделках, что небольшой костерок для приготовления пищи казался ему небольшим риском — всего-то разжечь пару веточек, чтобы приготовить немного еды.

Целых пять лет он провел на берегах реки Керберн и на прогалинах этого леса. Если в округе и были разбойники, он знал их всех по именам. А если его здесь подстерегали другие опасности, то прежде ему не доводилось с ними встречаться, так что и в эту ночь, и во все предшествовавшие он не боялся их, двигаясь под мощными древними деревьями и слушая шелест и шепот листьев. Он развел костер, поджарил на нем рыбу и съел ее, что показалось ему настоящим пиршеством после нескольких дней голода. Он снова почувствовал себя как дома, ничто вокруг ему не угрожало, и он уже предвкушал отдых на постели из листьев, где вряд ли его сможет найти какой-либо двуногий враг.

Но Арафель заметила его.

Вообще ее мало интересовали дела человеческие. Тече-

ние ее времени и образ жизни слишком отличались от людских, но этого человека она уже видела ранее, когда он мелькал на границе ее леса. Он был проворен и не портил ее владений, он был осторожен, и его нелегко было уязвить: такой человек ничем не нарушал ее покоя.

Но этой ночью он выловил рыбу из вод Керберна и разжег костер под вековым дубом. Это было уже слишком.

И она пришла. Некоторое время она незаметно стояла под сенью дубов в своем сером плаще с капюшоном. Человек покончил с рыбой, бросив в костер лишь ее обглоданный костяк, и теперь стоял на коленях, грея руки над крохотным язычком пламени и грудой угольев. У него были обветренные грубые черты лица, а волосы подернутые сединой — сухощавый усталый человек, пахнувший железом, ибо рядом с его коленом лежал меч. Направляясь к нему, она готова была дать волю своему гневу, но он сидел так тихо и робко для такого большого человека, так жалостно льнул к теплу, окруженному великим мраком леса, что она лишь удивилась — откуда он взялся и зачем, рискуя столь многим во имя столь малого. Но ее опередили. Вокруг его костерка мелькали и в негодовании шипели тени. Однако, похоже, он не замечал их, оставаясь глухим к их ропоту и ослепленный пламенем, к которому он льнул.

— Тебе бы следовало быть поосторожнее, — сказала она.

Одним движением он схватил свой огромный меч и выпрямился.

— Нет, — тихо откликнулась она, двигаясь ему навстречу. — Нет, я здесь одна. Я увидела твой костер.

Меч так и остался полувынутым из ножен. До этого самого мгновения он ничего не слышал и не замечал. В чаще мелькнула серая фигура, словно луч лунного света, настолько смутная, что он вполне мог ее не заметить, ослепленный пламенем, но чтобы его так подвел слух?!

— Кто ты? — спросил он. — Ты, наверное, будешь из Ан Бега?

— Нет. Я живу здесь. Я редко выхожу отсюда. Убери свой меч.

Он был сбит с толку, а такое с ним редко бывало. Он не понимал, почему продолжает сидеть, когда нужно подняться с мечом в руке, но после первых же слов незнаком-

ки он словно лишился силы воли. Голос звучал ровно и спокойно. Он никак не мог различить его тембр или определить возраст его владелицы, не удавалось ему и разглядеть фигуру в темноте, однако он механически вернул меч в ножны. Руки у него похолодели.

— Пристраивайся, если хочешь, — сказал он, указывая на огонь. — По крайней мере тепло. А если хочешь есть, поймай себе рыбы. Я уже съел все, что у меня было.

— Я не нуждаюсь в пище, — незнакомка приблизилась так бесшумно, что даже листик не шелохнулся, и устроилась с краю прогалины на поваленном дереве, которое заслоняло костер от ветра. — Как будет твое имя?

— Сначала скажи мне свое, — ответил он.

— У меня много имен.

Мало-помалу земляной холод забирался в человека все глубже, а язычок огня уменьшился и стал совсем тусклым.

— И каким же будет хоть одно из них? — спросил он, потому что он был из тех людей, которым на все вопросы нужны ответы, даже если последние не сулят им ничего хорошего.

— Я замечала, как ты появлялся здесь и ходил в моей округе, — ответ прозвучал так тихо и безмятежно, что его с легкостью мог заглушить шелест листьев. — И не я одна видела тебя, знаешь ли ты это? До сегодняшней ночи твоя поступь всегда была легкой и неслышной; но сегодня ты обосновался здесь — неужто ты намерен остаться? Нет, не думаю. Ты гораздо мудрее.

Она различала суровые черты его лица. Когда-то оно было красивым, но годы и шрамы оставили на нем свои следы, его отшлифовали солнце и ветер, и теперь оно вполне гармонировало с его телом, спутанными волосами, лохмотьями одежды и потемневшим безнадежным взглядом глаз. Что касается его, она не знала, какой он ее видит: чаще всего люди видят то, что хотят видеть. Возможно, она казалась ему каким-нибудь изгоем, вроде него самого, или воином в доспехах оттуда, из-за реки. Его рука так и не отпустила рукоять меча.

— Зачем ты пришел? — наконец спросила она.

— Ищу убежища.

— Что? В моем лесу?

— Тогда я уйду из твоего леса настолько быстро, насколько смогу.

— За пределами этого круга тебя поджидает опасность — нет, тебе не стоит сейчас трогаться с места. Но за рыбу и костер надо платить. Что ты можешь предложить мне за них?

Он ничего не ответил. А она не знала, есть ли у него еще какое-нибудь добро кроме меча. Меч же он не предложил.

— Так что же? Ничего? — спросила она.

— А что ты хочешь? — поинтересовался он.

— Правду. За рыбу и костер расскажи мне честно, что ты делаешь в моем лесу.

— Живу.

— Не больше не меньше? Думаю, это не легко. Ты окружен печалью, человек. Сопутствует ли когда тебе радость?

Это была приманка. Человек почувствовал это и ощутил, как на него навалилась усталость, тяжелая дремота. Но сон таил в себе опасность, и это он тоже знал. Он воткнул острие ножен в землю и тяжело облокотился на перекрестие меча, глядя на незнакомку, пытаясь повнимательнее в нее всмотреться, но чем пристальнее он смотрел, тем более смутными становились очертания собеседницы, а складки плаща то и дело отбрасывали блуждающие тени, ничего не давая ему различить. Он не сомневался, что повстречал кого-то из эльфийского народа, несмотря на все тени, лунные лучи и то, что отказывались различить его глаза. Никогда в жизни он не думал, что ему доведется повстречать такое существо — он всегда был слишком занят своими собственными делами, но теперь он осознавал всю опасность этой встречи, вспоминая, как жестоки и беспощадны эльфы с теми, кто вторгается в их владения, как легко стать жертвой их темных чар. И, возможно, одна из них и заключалась уже в том, что он не испытывал никакой неловкости с этой незнакомкой, он был готов рассказать ей все, как ближайшему другу в последний день жизни.

— Я приходил сюда иногда, — сказал он. — Мне казалось, что здесь безопасно. Я не привел за собой врага. Ан Бег никогда бы не последовал сюда.

— Почему они охотятся за тобой?

— Я — воин короля.

— А они в ссоре с этим королем?

Голос звучал совершенно невинно и искренне, как у ребенка. Время ринулось вспять для него, и он еще тяжелее оперся на перекрестие своего меча, чувствуя боль во всех суставах.

— В ссоре, да, — рассмеялся он. — Они убили короля в Эшфорде, сожгли Дан-на-Хейвин... так что теперь вообще нет короля. Уже пять лет, — голос его стал хриплым. Он не понимал, как случившееся не потрясло мир, но существо, сидевшее перед ним, осталось невозмутимым.

— Войны людей. Они ничего для меня не значат. Рыба значит больше. Убийство рыбы затрагивает мои владения.

По спине у него пробежал холодок, но всплывшее в его памяти горе приглушило его.

— Это так, но ведь я заплатил тебе за нее правдой.

— Да, я назвала эту цену. А теперь я дам тебе один совет: не приходи больше сюда, — пепельно-серая на фоне мрака тень поднялась. — На этот раз я провожу тебя к реке, но это только один раз.

Он оперся о меч и поднялся на ноги как будто из последних сил, возможно, так оно и было. Он стоял, ссутулившись и повесив голову, потом распрямился и, расправив плечи, указал в противоположную сторону.

— Позволь мне пройти вдоль берега с милю вниз по реке — тогда я смогу улизнуть от своих врагов. Я буду идти как можно быстрее.

— Нет. Ты должен уйти тем же путем, что и пришел, и сделать это сейчас же.

— Ну что же, — сказал он и склонился, покорно задул свой костер и взял в руки меч, хотя в глазах его не теплилось уже никакой надежды. — Меня ждут там мои враги, и кто бы ты ни была, я пойду туда, если у меня нет выбора. И все же я прошу тебя еще раз — позволь мне пройти вдоль берега. Я всегда был добрым соседом этому лесу. Я никогда не входил в него с топором. И сейчас я прошу твоей милости. Ведь это такая мелочь.

Она задумалась — речь его была так тиха и так решительна. Она чуть было не отступила, вознамерившись отдать этого человека тьме и ночи. Но в нем не было темного гнева, от него веяло лишь печалью когда-то отважного воина. Он был как старый олень, загнанный волками, как

упавший орел, как побежденный волк. Она заколебалась, и сердце напомнило ей об одном местечке, единственном, где ей удалось познать тепло среди людей.

— Я укажу тебе путь, — мягко промолвила она, — и провожу тебя — это место лежит далеко в холмах, и оно не так опасно, как мои владения. Но ты должен будешь идти за мной шаг в шаг, не отставая, ибо Смерть была совсем рядом с тобой сегодня ночью. Она умеет подкрадываться гораздо бесшумнее любого человека. Нет, не оглядывайся. Пойдем, пойдем, убери свой меч и следуй за мной.

И снова он убрал меч в ножны и даже не почувствовал, как он это сделал. Он двинулся в путь, как когда-то шел в кровавый Эшфорд, спускаясь с холмов. Сначала он разводил ветви руками, потом, пройдя уже значительное расстояние, он ничего не мог вспомнить о своем пути, а затем его и вовсе поглотило забвение. Он обладал навыками лесной жизни, и никому бы не удалось ускользнуть от него в чащобе, но серый плащ скользил перед ним, словно ветви были бесплотными, и хотя он двигался очень быстро, ему не удавалось нагнать свою проводницу. Пот заливал ему глаза, а сердце стучало так громко, что заглушало все остальные звуки. Ветви хлестали по лицу и рукам. Листья проносились мимо, осыпая его мягкими, но назойливыми прикосновениями.

Наконец проводница остановилась на берегу реки у очень старого дерева — ее серый плащ казался наростом на коре в лунном свете. Они вышли к той части Керберна, где он разливался особенно широко и был мелким. Он здесь знал каждый камень.

Проводница указала ему на противоположный берег.

— Но здесь брод, — запротестовал он. — Они наблюдают за ним.

— Нет. По крайней мере не сейчас. И, возможно, не будут это делать еще несколько ночей — верь мне, я это знаю. Там ты увидишь холмы и на вершине первого — груду камней; миновав второй холм, ты пойдешь вдоль реки, где она вырывается из ущелья, вверх по долине и к самому дальнему холму. Место, куда я посылаю тебя, не будет видно до тех пор, пока ты не минуешь долину и не взойдешь на Воронов холм — не знаю, так ли он зовется в нынешние времена?

— Да, он носит это имя, — он взглянул на смутную линию холмов, видневшихся за рекой, за деревьями. Речная вода плясала в лучах света, разбивавшихся рядом с ним. Встревоженно он повернулся к своей спутнице. Но рядом уже никого не было, словно никогда и не бывало, лишь меркнувшие воспоминания о высоких, спокойных звуках голоса, да и то будто он приснился ему, и о мягком сиянии, которое он смутно различал.

Мир вокруг снова сгустился холодным мраком, а тени угрожающе придвинулись.

— Ты здесь? — спросил он тьму, но ответа не последовало.

Тогда он вздрогнул, сдвинул перевязь с мечом за спину и вступил в студеные воды Керберна, то и дело ожидая стрел из-за темных деревьев с противоположного берега, засады, а более всего — ледящего смеха эльфийского народа за своей спиной. Дары эльфов не сулили удачи. Теперь он уже никогда не сможет почувствовать уверенности в собственной безопасности.

Но он шел по пояс в воде, а с берегов не доносилось никаких звуков, разве что легкие всплески в камышах. Он вылез на противоположный берег, занимаемый его врагами, и не обнаружил ни засады, ни другой опасности поблизости. Он тут же бросился бегом, чтобы согреться, петляя между молоденькими деревцами, росшими вдоль пустынных границ Ан Бега и его деревень.

Его звали Нэаль, прозванный Далаханом, в былые дни он носил и другие имена и был известным властителем; но король, которому он теперь служил, был беспомощным младенцем, спрятанным где-то в холмах, как надеялись верные ему сердца. А пока эти преданные воины разоряли и опустошали поля предателей в долине Керберна и еще где могли, ибо это — единственное, что они могли сделать, пока юный король не превратится в мужчину.

Пять лет Нэаль жил в лесу, скрываясь за камнями и прячась в чащобах, и его люди следовали за ним, но теперь большинство из них были мертвы, остальные — разбрелись.

Поэтому он бежал и бежал, так как на востоке уже занималась заря, а темный лес обещал ему впереди безопасность. Он был уже не молод. Он растерял свою веру в грядущих коро-

лей. Он хотел лишь места у очага, хлеба для пропитания и чтобы больше ему не надо было уходить от погони.

Солнце уже взошло, а он все бежал, поднимаясь в Бурые холмы. Люди считали, что в них, как и в лесу, обитает нечистая сила. Но он давно уже привык к таким местам, куда ни один достойный человек не рискнул бы пойти. Несмотря на их дурную славу, он чувствовал, как его охватывает все большая надежда, по мере того как он углублялся в холмы. Усталость оставила его, и он бежал гораздо легче, чем раньше, по пустынной каменистой местности. Солнце поднималось все выше. Пот стекал с него ручьями. Он слышал лишь звуки своих шагов и скрип камней под ногами, словно на все остальные его чувства кто-то набросил покров, и мир перестал быть таким, каким он был. Если в лесу было темно, то здесь все сияло, солнце играло тут и там, и камни переливались на свету.

Он добрался до Воронова холма и поднялся на него. Что-то странное сверкало в полдневном солнце под уступом противоположного холма. В предвкушении необычного он снова бросился бежать, даже чувствуя, что силы на исходе. Он продолжал подгонять себя надеждой на то, что стоит только перейти некий барьер и окажешься в последнем пристанище, которое можно обрести лишь случайно или по воле невероятной удачи.

Это было уютное место с раскинувшимися вокруг полями и изгородами, каменные и соломенные крыши отливали золотом в лучах солнца, ветер доносил аромат свежего хлеба.

«Сюда! Сюда!» — донесся до него чей-то крик, когда он рухнул сначала на колени, а потом в полный рост растянулся на земле. «Сюда! Здесь человек упал во дворе!»

II. Хутор Барка

Пот ручейками сбегал по спине Нэаля, и это было сладкое чувство махать молотком, а не мечом, забивая колья и укрепляя закрома, пока не собран новый урожай и поля золотятся белизной под лучами солнца.

Мальчик с суровым лицом принес ему воды: он напился из ковша, вылив остатки себе на голову и часто моргая глазами от попавшей в них влаги. Мальчик по имени Ска-

га забрал у него ковш и двинулся дальше по своим делам — он всегда так себя вел, и ни у кого это не вызывало неудовольствия. Как только мальчик ушел, на изгородь опустились птицы, посмотрели своими мудрыми глазами на Нэаля и спорхнули вниз выклевывать зерно из пыли, стоило ему вернуться к работе. Он мечтал об обеде, вкусном обеде Эльфреды, который она, как всегда летом, подавала под вечерним небом, под раскидистым дубом, охранявшим хутор; одни будут есть, другие — слушать, и звезды проводят их в постель, и-разбудит их только солнце.

Так текли дни на хуторе Барка, а сам Барк так управлял своим обширным хозяйством, что дни не проходили впустую, и все делалось в свое время, как починка закровов перед сбором урожая. На хуторе было добрых четыре десятка рабочих рук — мужчины, женщины, дети. Поля были обширны, как и сады, овцы весной паслись на склонах холмов, а потом весь скот и пони спускались к ручью. Там, в тени корявых ив лежали обточенные временем валуны, а глубина ручья была такова, что его мог перейти и ребенок. Ближе к хутору, там, где ручей подходил к амбару, паслись свиньи и такие же толстые гуси, разгуливавшие повсюду с громкими криками. Но на склонах холма проживал и волк — упитанный ленивый щенок, любивший почесать себе за ухом, и молоденькая ланка, которая приходила и повсюду совала свой нос. В ложбине у поля с репой была барсучья нора; а вокруг гнездились целые стаи птиц — от цапли, обитавшей у ручья, до семейства сов, обосновавшегося в амбаре. Все они были заблудшими душами и все пришли, как волчонок и ланка, к миру и покою, поддерживаемыми Эльфредой. Никто из них никогда не охотился друг на друга, если не считать цапли, которая вылавливала рыбу в ручье, и сов, питавшихся амбарными мышами, — для них вообще не существовало никаких законов.

Это правило распространялось и на двуногих обитателей хутора — ибо все, за исключением Барка и Эльфреды, забрели сюда случайно как старые, так и молодые, и никакими родственными узами связаны между собой не были. На крыльце в целом ворохе ароматных стружек восседал иссохший и морщинистый, как последнее зимнее яблочко, дед Скелли, который своими руками и мудрым лезви-

ем умел вырезать из дерева всевозможные диковины; и кто бы из детишек ни присаживался рядом взбивать масло или чесать шерсть, он принимался рассказывать им разные истории — а детишек на хуторе было с полдюжины, ничьих и общих, как ланка. Здесь же жил и подросток Скага, при каждом удобном случае таскавший и прятавший пищу, хотя Эльфреда и давала ему всего, что только душе угодно. Он боится голода, — объясняла она, — а потому пусть прячет, что хочет, и ест, сколько может, глядишь, и он станет улыбаться. Тут была Хейзел шести лет и Холен двенадцати, а между ними Соврак, Эдвульф и Кинил. Из взрослых здесь жили Шелта, которая хромала и была уже в зрелом возрасте, — она пекла хлеб и делала вкусные сыры, и Лонн, у которого лицо от лба до подбородка было перерезано шрамом, но руки у него были уверенны и хороши в обращении со скотом: Шелта и Лонн были мужем и женой, хотя до того как встретиться здесь, они не были знакомы друг с другом. Здесь жили Конвей и Каррак, и Кинвел, и Фланн, Демсей, Дермит и еще один Дермит, Руа и Фейяк, а также другие мужчины и женщины, так что рабочих рук всегда хватало как для домашних дел, так и для сельскохозяйственных, не говоря уже о Барке и Эльфреде, которые радостно и прилежно брались за любую работу.

И погода благоволила к этому месту — колосья поднимались высокими, яблоки наливались спелостью, а ручей никогда не пересыхал летом. Днем холмы купались в дымке света, так что глазам было больно смотреть вдаль, на Бурые холмы; а между хутором и рекой, протекавшей на юге, высился отрог горы, отделявший разоренный Ан Бег и другие местности, казавшиеся здесь чем-то нереальным.

— И вы неставляете стражу? — спросил Нэаль Барка, когда его привели в дом и накормили. — У вас нет мужчин, чтобы охранять это место? Тогда я буду это делать. С чем я знаком, так это с оружием.

— Нет, — сказал Барк, и его скуластое, краснощекое лицо прорезали морщинки смеха. — Нет. Тебе повезло, что ты добрался сюда. Немногим удастся это сделать, а кому удастся, тех я радушно принимаю. На моей долине лежит печать благодати. Хочешь остаться, оставайся, хочешь

уйти — я покажу тебе дорогу, но если ты захочешь вернуться, сомневаюсь, чтобы ты смог во второй раз найти это место.

Больше Нэаль ничего не сказал об охране границ, поняв, что Барк обладает какой-то силой, оберегающей его владения. С невольным содроганием Нэаль подумал, что в Барке что-то есть от короля. Хотя и титул короля не соответствовал Барку с его нимбом седеющих рыжих волос и обветренными щеками, выступавшими над буйной, необузданной бородой. Он весь был как пламя, как порыв ветра, смеющийся великан, держащий советы лишь с самим собой; и Эльфреда была ему под стать, хоть и отличалась от него — с сильными руками, широкой талией и золотыми косами, уложенными венцом вокруг головы, она носила ведра с молоком, ткала, пряла и кормила как двуногих, так и четвероногих заблудших, поддерживая порядок в доме, а вместо скипетра пользуясь деревянной ложкой.

Судьба благоволила к этому месту, и здесь происходило гораздо больше удивительных вещей, чем в других местах: сорняки, заводившиеся на полях, сами по себе засыхали и падали в межу, так что пропалывать овощи не было необходимости, а если в ту же ночь исчезало несколько овощей, никто и не упоминал об этом. Потерянные инструменты обнаруживались на следующее утро на крыльце, что привело бы в трепет любых других менее уравновешенных людей. Точно так же каждый день исчезало молоко из мисочки и масляные лепешки, которые Эльфреда каждый вечер аккуратно выставляла на скамейку рядом с крыльцом; конечно, это могли быть проделки волчонка или ланки или гусей, но Нэаль никогда не следил за этим, да и не хотел следить.

Но самым удивительным был, конечно, коричневый человечек, как его называл Нэаль. Он шнырял тут и там в садах и меж камней, и большая часть странных происшествий была делом его рук.

— Он очень старый, — предупредил Барк, когда Нэаль рассказал ему о нем. — Никогда не тревожь его.

Нэаль не сомневался в том, что тот был стар, стар, как камни, холмы и все остальное, ибо от него веяло какой-то сверхъестественной жутью. Ни одно живое существо не могло двигаться так быстро, то появляясь, то исчезая. Вот он си-

дел у амбара — маленький коричневый комок, босой, обхватив колени руками, и смотрел, как Нэаль чинит загородку. Он был морщинист, как старик, и проворен, как ребенок, его коричневые волосы ниспадали на волосатые руки, а борода струилась по обнаженной груди, его руки и ноги — все было покрыто курчавой шерсткой. Коричневый, как орешек, и не выше подростка, он бродил по амбару, выуживал из бочки яблоки, и скармливал их пони в конюшне.

И еще этот коричневый человечек умел в одно мгновение быть здесь, а в следующее — уже в другом месте, так что когда Нэаль искоса взглянул на сарай, того уже там не было.

В то же самое мгновение что-то защекотало его по обнаженной спине, и он, вырвавшись, даже замахнулся молотком. Краем глаза он заметил, как в сторону амбара метнулась тень и зачерпнула пригоршню зерна; но несмотря на всю быстроту движений Нэаля, он так и не успел толком ничего рассмотреть — существо уже исчезло за углом.

— Эй! — закричал Нэаль и бросился за угол, и снова существо улизнуло от него, лишь вспыхнув коричневатым исполохом.

Однажды он уже гонялся за ним, и оно водило его через изгороди и валуны, на другую сторону ручья и обратно. Теперь он резко выскочил из-за угла и тут же наткнулся на него. Нэаль замахнулся молотком, но не для удара, а так, чтобы напугать.

Существо вскрикнуло и скорчилось на земле, вместо того чтобы бежать. Закрыв лицо волосатыми руками, оно испуганно ожидало удара.

— Эй ты, — сказал Нэаль. — Ну же, — он вдруг почувствовал стыд и уповал лишь на то, что его никто не видит.

Существо посмотрело на него сквозь растопыренные пальцы, потом плюнуло и поковыляло прочь на своих коротеньких ножках.

— Ни дна тебе ни крышишки, — пробормотал Нэаль и тут же пожалел об этом. Все в этот день валилось у него из рук. Гвозди и молоток он забыл в амбаре, и ему пришлось возвращаться и искать их там.

За шиворот ему набилось соломы.

— Чума на тебя! — закричал Нэаль, но существо вскарабкалось на стропила и разбудило сов, принявших хлопотать крыльями.

— Возвращайся! — попросил Нэаль, но оно уже было за дверью.

— Не старайся, — это уже был голос Барка, который подошел сзади, и краска стыда залила лицо Нэаля. Он не привык, чтобы из него делали посмешище или ловили на дурном поступке.

— Я не собирался ударять его.

— Нет, но ты ранил его гордость.

Нэаль задумался.

— Чем же можно залечить эту рану?

— Добротой, — ответил Барк. — Только добротой.

— Попроси его вернуться! — воскликнул Нэаль с неожиданным отчаянием в голосе.

— Я не могу это сделать. Он — Граги, и его никто не может позвать — он никому не говорит своего имени.

Нэаль вздрогнул — ему показалось, что удача оставила его. «Все кончено, — подумал он, — потому что я напугал одного из волшебного народа». Он вспомнил как пришел на хутор и как ему повезло, что он отыскал его и смог в нем остаться.

В тот вечер он не смог даже есть и поставил весь свой обед на крыльцо рядом с тарелкой Эльфреды; но на утро дар Эльфреды был принят, а его — оставлен.

И все же существенной перемены в его судьбе не произошло, разве что время от времени на голову ему сыпалась солома, когда он заходил в амбар, а стоило ему отвернуться, исчезали инструменты, чтобы появиться снова на своих крючках в амбаре, когда он приходил уже за другими.

Он переносил все это с совершенно несвойственным ему терпением, как-то раз даже оставив сочное яблоко на том месте, где была совершена кража. Дар его исчез, но продолжали исчезать и инструменты. И все же он научился относиться к этому с улыбкой, не обращая внимания на свои злоключения, сколько бы огорчений они ему ни приносили.

Он стал так терпим, что это распространилось даже на кражи Скаги, так что однажды, когда он застал мальчика

копающимся в его завтраке на поле, то лишь остановился рядом ничего не говоря, и глаза Скаги округлились от изумления.

У Нэаля и в этот раз был при себе молоток, но он не поднял руку.

— Не оставишь ли мне кусочек? — спросил Нэаль. — У меня сегодня был тяжелый день.

Мальчик, сидя на корточках — неудобное положение, чтобы пускаться в бегство, — кинул на него взгляд и поставил корзинку на место.

— Может, ты поешь со мной? — спросил Нэаль. — Я предпочитаю закусывать в компании.

— Здесь не так уж много, — ответил рыжеволосый разбойник, с сомнением заглядывая под салфетку.

— Сколько бы ни было, это всегда можно разделить пополам, — сказал Нэаль и последовал своим словам.

Это был молчаливый завтрак. Скаги и потом еще крал завтраки у других, но у Нэаля больше никогда. А порой быстрые ноги Скаги доставляли Нэалю пропавшие инструменты, прежде чем он успевал их хватиться.

Однажды днем появился Граги — уселся за амбаром и принялся подсматривать за Нэалем, а тот наблюдал за ним краем глаза.

— Вот, — промолвил он, чувствуя как колотится у него сердце, и зачерпнул пригоршню зерна, — вот зерно. А еще у меня есть с собой кусок хлеба, если хочешь. И хороший сыр.

Но голова Граги исчезла, прежде чем он успел договорить. С тех пор он начал время от времени появляться, а инструменты похищал только изредка в качестве напоминания.

Судьба продолжала улыбаться Нэалю, и дни катились от летнего зноя к осеннему урожаю: ланка стала долговой, волчонок уже был на луну по ночам, а серпы затачивались сами собой к каждому утру.

Но однажды в полдень из-за Воронова холма появился спотыкаясь человек — он шел к хутору, пугая гусей.

Нэаль вместе со всеми выбежал ему навстречу. Перелезая через изгородь, человек упал грудой костей и оружия, ибо он нес лук, пустой колчан и меч на боку. Лонн подхва-

тил его и помог подняться, так что когда подошел Нэаль, тот с трепетом опустился перед ним на колени, ибо они были знакомы друг с другом.

— Его зовут Кэвин, — сказал Нэаль. Страх обуял его, словно угроза нависла над его благополучием. Он кинул взгляд за изгороди, где высились складки холмов, ожидая увидеть погоню, идущую по пятам Кэвина. Но потом он ощутил прикосновение руки и со стыдом потупил очи.

— Господин, — промолвил Кэвин, и рука его задрожала — и это у Кэвина, лучшего их стрелка. — О, господин, мы слышали, что ты погиб.

— Нет, — ответил Нэаль, — тише, не кричи, обопрись на меня — я помогу тебе идти.

Кэвин позволил поднять себя, полагаясь лишь на Нэаля, опираясь и держась за него, и Барк, Лонн, Фланн и Каррак — вся компания понесла его во двор и в дом на попечение Эльфреды, лучше которого и быть не могло.

Его накормили бульоном и хлебом с маслом, но к вечеру Кэвин с трудом добрался лишь до крыльца и спустился во двор, где стол под дубом ломился от пищи, ожидая жнецов, с песнями возвращавшихся домой. Добравшись до стола, он замер с потеряннным видом человека слишком сурового, для того чтобы плакать, но ему на помощь пришел Нэаль, а Барк сердечно похлопал его по плечу и велел принести ему кружку эля и поставить на стол лишнюю тарелку.

— Сюда, — сказал Нэаль, поспешно усаживая Кэвина на свое место, пока все подвигались, а Шелта ходила ему за тарелкой и кружкой.

— Это — Кэвин, — сказал Барк, поднимая кружку за его здоровье. И все выпили за него, после чего набросились на вкуснейшую стряпню Эльфреды.

Кэвин попробовал кусочек того, кусочек этого, но руки у него дрожали, и наконец он застыл с куском хлеба в руке, по его щекам струились слезы. И Нэаль обнял его, чтобы поддержать — так тот был слаб, и все поняли его, и веселье возобновилось с новой силой.

— Что это за место? — спросил Кэвин, отхлебнув эля.

— Укрытие, — ответил Нэаль. — И безопасность. Это место, не знакомое со злом. Зло никогда не придет сюда.

— Значит, мы умерли?

— Нет, — рассмеялся Нэаль. — Никакой смерти.

Но необъяснимый страх так и не покидал его. Он даже жалел, что Кэвин вообще появился здесь, потому что этот человек напомнил ему о том, кем он когда-то был, и принес с собой непреодолимое злование смерти. Более того, он боялся, что приход Кэвина угрожает не только его миру и покою, но и всех остальных, словно опасность нависла над самым сердцем этого места.

В течение последующих нескольких дней Кэвин лежал в доме или отдыхал на крыльце под солнцем и легким дуновением ветра, спал, пил и вкусно ел, и постепенно выражение его лица стало менее изможденным и отчаянным.

В эти первые дни он не расставался со своим мечом и держал его при себе, даже дремля на солнышке. То и дело во сне рука его принималась шарить вокруг и успокаивалась, лишь когда пальцы сжимали ножны или перекрестие — тогда минутное напряжение таяло на его лице, и он снова расслаблялся. Но на третий день он отпустил меч, а на четвертый вышел из дома, оставив у очага колчан и лук. Сначала он посидел со старым Скелли на крыльце, потом пересек двор и наконец вышел на ток.

Там его увидел Нэаль и, утерев со лба пот и пыль, пошел к нему навстречу.

— Эльфреда знает, что ты уже ходишь? — беспечно спросил Нэаль.

— После твоего ухода...

Нэаль нахмурился.

— Нет. Не сейчас. Не здесь.

— Мой господин...

— Говорю тебе — никакого господина. Нет больше господина, Кэвин, — он слегка похлопал его по плечу. — Пойдем со мной.

Кэвин дошел с ним до амбара и вошел в его тенистое нутро, и там Нэаль остановился.

— Здесь, на хуторе, нет господ, — промолвил Нэаль, — разве что Барк и госпожа его Эльфреда. И по-моему, это справедливо. Забудь мое имя.

— Я отдохнул. Я достаточно поправился, чтобы пуститься в обратный путь — как-нибудь я снова принесу тебе весточку. В холмах наши люди...

— Нет. Нет. Если ты уйдешь отсюда, вряд ли ты сможешь когда-нибудь сюда вернуться.

Весь пыл погас на бледном лице Кэвина. Он окинул Нэаль взглядом с головы до пят, словно не веря собственным глазам, словно видя того впервые.

— Твои руки в мозолях, мой господин, и эти мозоли не от меча. В волосах твоих солома. Ты занимаешься крестьянским трудом.

— Я хорошо справляюсь со своим делом. И оно приносит мне больше радости, чем что-либо иное. И я тебе скажу, в нем больше добра, чем мне когда-либо доводилось делать. Кэвин, Кэвин, ты увидишь. Ты сам поймешь, что это за место.

— Я вижу только одно, что ты поддался его чарам. Король...

— Король, — Нэаль вздрогнул и отвернулся. — Мой король умер; а тот, другой — кто знает? Кто может с уверенностью сказать, что он жив? Я видел мертвым своего короля. Того, другого я никогда не видел. Дитя, тайно увезенное ночью, но чье дитя? Какой-нибудь служанки? Или нищего? Или вообще подкидыш.

— Я видел его!

— Хорошо, ты его видел. Но разве это что-нибудь доказывает? Какое-то дитя.

— Мальчик, белокурый мальчик. Лаоклан, сын Руари, похожий на него самого. Ему сейчас пять. Талли охраняет его — ведь не усомнишься же ты в его слове? — они все время перемещаются в холмах, так что ни один предатель не найдет его, и теперь им нужен ты... Им нужен ты, Нэаль Кервален.

— Мальчик, — Нэаль опустил на ларь и посмотрел на Кэвина, чувствуя горечь во рту. — А кто я такой, Кэвин? Мне было сорок два, когда я начал служить в надежде на возвращение короля, и мои кости болят, Кэвин, после пяти лет сна под деревьями на камнях. И если этот мальчик когда-нибудь вернет себе Дан-на-Хейвин, взгляни на меня. Нужно двадцать лет, чтобы из мальчика сделать мужчину, а сколько еще пройдет, чтобы из этого мужчины получилась король? Неужели ты думаешь, я увижу это?

— Что ж, а кто из погибших на поле Эшфорда увидит его королем? Или, может, я вижу? Может я? Не знаю. Но я

делаю, что могу, как мы поступали всегда. Где твое сердце, Кервален?

— Разбито. Давным-давно. И больше я не хочу ничего слышать. Довольно. Ты можешь идти, когда сможешь, или оставаться, как хочешь. Побудь еще немного. Отдохни. Но не задерживайся. Посмотри, как здесь течет жизнь. О, Кэвин, оставь меня с миром.

Долго молчал Кэвин, глядя на Нэаль с потерянным и отчаянным видом.

— Мир, — повторил Нэаль. — Наша война окончена. Время сбора урожая, наливаются яблоки — впереди длинная зима. И нет никакой нужды в мечтах, и ничем мы не сможем помочь. Это — дело молодых. И если суждено прийти королю, он будет их королем, а не нашим. То, что мы начали, закончат другие. Разве не такой порядок вещей?

— Господин, — еле слышно прошептал Кэвин, и вдруг в глазах его вспыхнула тревога — у дверей бесшумно метнулась чья-то тень. Кэвин бросился к двери и повалил соглядтая в пыль.

— За нами шпионят, — вскричал Кэвин и, схватив коричневого человечка за волосы, втащил его в амбар и хлопнул дверь за собой.

— Отпусти его, — поспешил Нэаль, — отпусти.

Кэвин взглянул на свою жертву и с криком отдернул правую руку, потому что тот кусался и царапался, однако левую кисть он так и не разжал.

— Это не человек, это...

— Это — Граги, — сказал Нэаль и разжал руку Кэвина, освобождая человечка. Существо потерлось о руку Нэаля, несколько раз подпрыгнуло у него за спиной и ринулось за стог сена — вся шерстка у него была в пыли и соломе.

— Злобный, злобный, — прошелестело оно голосом, от которого волосы у человека вставали дыбом.

— Он больше никогда не причинит тебе зла, — пообещал Нэаль. — Мне еще никогда не доводилось слышать его голоса, хотя другие и рассказывали, что он умеет говорить. — Открой дверь, Кэвин, открой ее! Пусть идет!

Кэвин осторожно толкнул дверь, и в амбар хлынул свет. Граги шелохнулся и двинулся по направлению к двери — Нэаль никогда не видел его так близко: морщинистое коричневое бородатое личико, а из-под спутанных волос бес-

цветные и глубокие как вода глаза. Граги взглянул на Нэ-ля и подпрыгнул на своих толстеньких ножках, словно кланяясь. Еще мгновение — и его не стало.

Повернувшись к Кэвину, Нэаль увидел на его лице испуг.

— В нем нет ничего дурного.

— Ты уверен? — Кэвин прислонился к двери. — Теперь я знаю, куда исчезают лепешки по ночам и что за добрая судьба благоволит к этому месту. Пойдем, Кервален, пойдем отсюда.

— Я никогда не уйду отсюда. Никогда. Ты еще не знаешь, что это за место. Послушайся меня. Ты всегда мне верил. Оставайся. Ты всегда сможешь уйти, но дороги назад ты уже никогда не найдешь. Разве тебя привела сюда не добрая судьба? Скажи мне. Скажи мне, вдыхал бы ты воздух этого утра или получил бы хороший завтрак и жил бы в ожидании обеда, если бы не пришел сюда. Быть живым не есть бесчестье. Эта война перестала быть нашей. Наша судьба привела нас сюда — это уже победа. Я так считаю. Подумай об этом, Кэвин. И оставайся.

Долго думал Кэвин, потом взглянул на землю и наконец на Нэаля.

— Впереди осень, — промолвил Кэвин, уступая.

— И зима. Впереди зима, Кэвин.

— До весны, — сказал Кэвин. — Весной я уйду.

Яблоки были засыпаны в лари, колбасы коптились, старый дуб сбросил свою листву, и пошел снег. Граги сидел на крыше у трубы и оставлял следы там, где исчезали лепешки и подогретый эль, а по ночам он коротал время в компании волов и пони.

— Расскажи нам сказку, — попросил юный Скага Кэвина, когда все домочадцы собрались у огня. Поразительно, но Скага сам без посторонних просьб заготовил отрубей для скота на зиму, и с лета ни у кого ничего не пропадало. Скага стал задумчивым и рассудительным парнем, сильно привязавшись к Нэалю, а заодно и к Кэвину.

И вот Кэвин принялся рассказывать о зиме в Дауре и о том, как ураган ломал старые деревья; а Скелли припомнил, как однажды заблудился в таком буране. А потом, когда весь дом улегся — каждый в своем укромном уголке,

а Барк с Эльфредой на своей огромной кровати на втором этаже, Кэвин сказал Нэлю, соломенный тюфяк которого лежал рядом с ним: — Это зима молодых.

— Это война молодых, — ответил Нэаль.

— Они отняли твои и мои земли, — сказал Кэвин.

Нэаль долго молчал.

— У меня нет наследника. И скорее всего не будет.

— Ну что касается этого... — и теперь Кэвин замолчал надолго. — Это тоже дело молодых. Как зима. И война.

И после этого Кэвин уже ничего не говорил. Но на утро он как будто просветлел, словно с него свалилась какая-то тяжесть.

«Он останется, — думал Нэаль, поглядывая на Кэвина. — Хоть один человек из всех последовал за мной». Но потом он отогнал эту тщеславную мысль вместе с «господином» и «Керваленом» и закутался в теплые одежды, ибо надо было идти делать зимние дела. Дети играли в снежки, и Кэвин играл вместе с ними, крадучись обходя амбар вместе со Скагой. Нэаль видел, как Кэвин учит мальчика сноровке и бесшумным движениям. Дрожь пробежала по его телу — но ведь это были всего лишь снежки, а крики и вопли — выражением детской радости.

Граги взгромоздился на крышу, скинул пару охапок снега и, рассмеявшись, убежал прочь.

— Ха! — прокричал он, прячась за трубу. — Ха! Злобный!

— Исчезни! — завопил Кэвин, но засада была раскрыта и битва проиграна.

Посмотрев, Нэаль отвернулся, но шум сражения и еще какие-то звуки продолжали долетать до него. Он обернулся, чтобы убедиться, что не ослышался, и глаза подтвердили ему, что это было именно то, что он слышал. Довольный, Нэаль двинулся по своим делам.

III. Арфист

И снова пришло время сбора урожая. Серпы мелькали взад и вперед, оставляя за собой стерню. А к утру снопы были уже аккуратно связаны и стояли рядами; так что Граги спал весь день напролет и уплетал предложенную пищу за обе щеки. В этот год на хутор пришли две лани,

прилетел только что оперившийся сокол, выпь, забрели трое лисят и отощавшая, раненная стрелой пегая кобыла — вот таких беглецов собрал у себя хутор. К осени сокол улетел, да и выпь тоже; лисята уже перестали играть у крыльца и уходили к самым границам хутора, следуя путем возмужавшего волчонка; а кобыла подружилась с пони, растолстела и залоснилась на сочной траве и зерне. Дети обожали ее и вешали ей на шею венки, которые она чаще всего норовила сбросить и съесть: она ела и ела и начала уже резвиться по утрам, словно наступила заря мироздания и ни о какой войне никто и не слыхивал.

«Вот и еще одна душа излечилась от безумия», — думал Нэаль. Он полюбил эту кобылу за ее мужество, временами он ездил на ней без седла и поводьев, позволяя скакать, куда ей захочется по полям и холмам. Ему нравилось снова ощущать себя наездником, а кобыла задирала хвост и то и дело ржала от радости, несясь куда ее душа желала — от богатых пастбищ к прохладному ручью, от ручья — в холмы на солнцепек или снова домой в конюшню к яслям с зерном. «Банен» — он называл ее — его прекрасная любимица. Ей нравилось возить его и детей, и Граги, который нашептывал ей слова, которые понимают лошади. Иногда она соглашалась, чтобы ее взнуздали, и тогда на ней ездил Кэвин под настроение, и другие, но это случалось редко и получалось не так хорошо, потому что, как утверждал Кэвин, у нее была лишь одна любовь, и никто другой не мог завоевать ее симпатий.

Так что этот год оказался к Нэалю еще добрее, чем предыдущий. Однако с гостями еще было не закончено.

Этот последний пришел с песнями, сияя, словно медный таз, он спустился с пыльной каемки поля по тропе, протоптанной скотом, юнак, бродяга с мешком за плечами, посохом в руке и безоружный, если не считать кинжала. Волосы у него выгорели до белизны и, когда он шел, развевались по плечам от дуновений ветерка. Он пел:

*Хэй, дуют ветра,
Хо, листва умирает,
Месяц месяц сменяет,
Скоро придет зима.*

Нэаль первым заметил его. Он чинил изгородь вместе с Барком, Кэвином, Лонном и Скагой.

— Смотрите, — сказал Кэвин, и все посмотрели, а потом перевели взгляд на Барка. Барк бросил работу и подбоченившись устремил взор на юношу, весело спускавшегося с холма — казалось, Барка это совершенно не удивило.

— Вот еще один идет сам не зная куда, — сказал Нэаль. В глубине души он чувствовал мелочное раздражение, что на хутор находит дорогу кто-то менее отчаявшийся, чем он сам, не столь израненный, как Кэвин, и не так оголодавший, как Банен или прилетевший сокол. То, что сюда можно было забрести случайно, просто так, разрушало все его представления о мире. Но потом он понял, что это низкие мысли, и в третий раз устыдился себя.

— Верно, кто-нибудь из эльфийского народа, — встревоженно сказал Лонн.

— Нет, — ответил Барк. — Он не из них. За спиной у него арфа и поет он несказанно хорошо, но к колдовскому миру он не имеет отношения.

— Так ты его знаешь? — спросил Нэаль в надежде на то, что Барк укрепит его уверенность.

— Нет, — ответил Барк. — Я не знаю. — Не было среди живых человека с более острым слухом и зрением, чем Барк. Юноша был еще далеко, и голос его был едва слышен. Но пение светлое и радостное звучало все отчетливее, по мере того как он не спеша спускался к ним: на плече его и вправду была арфа. Она звенела в такт его шагам и даже тогда, когда он остановился.

— Жалуют ли здесь странников? — спросил юноша.

— Всегда, — ответил Барк. — Всех, кто находит сюда дорогу. Издалека ли ты?

На мгновение юноша смутился. Он обернулся, словно отыскивая дорогу, по которой пришел.

— Я шел по тропе. Я думал, она сократит мой путь через холмы.

— Ну что ж, — сказал Барк. — Одни тропы бывают короче, другие длиннее. В холмах в наше время беспокойно.

— Я видел там всадников, — рассеянно заметил арфист, указывая на холмы. — Но они проехали своим путем, а я пошел своим, к тому же я пел по дороге, чтобы они меня ни с кем не спутали — или к арфистам теперь не испытывают бывшего почтения в землях Кер Донна?

— Если ты идешь в Кер Донн, то ты сбился с дороги.

Теперь на лице мальчика появился испуг, не то чтобы сильный, а так, тревога.

— Я пришел из Донна. Значит, это земля Ан Бега? Я не думал, что она простирается так далеко в холмы.

— Это свободный хутор, — сказал Барк и рассмеялся, обводя рукой дом у подножия холма, золотистую стерню, сады и всю широкую долину. — И если попросишь, Эльфреда, моя жена, даст арфисту кружку эля и место у очага. А если ты любишь медовые лепешки, так и их у нас всегда достаточно. Скага, проводи парня.

— Сэр, — промолвил арфист, приходя в себя и становясь очень учтивым, и отвесил Барку поклон, словно тот был настоящим господином. Он поправил ремень своей арфы и, бросив пару тревожных взглядов туда, откуда он пришел, зашагал по склону холма вслед за Скагой, и шаг его снова делался все легче и пружинистей.

— У тебя дурные предчувствия, — сказал Нэаль Барку, когда арфист отошел на достаточное расстояние. — Ты никогда не спрашивал ни о чем ни меня, ни Кэвина. Кто он? И что он за человек?

Барк продолжал смотреть вслед юноше, облокотившись на жердину, и на лице его больше не было смеха, ни крупницы.

— Сбившийся с пути. Он сказал — Кер Донн. Но сердце его закрыто.

— Он лжет? — спросил Кэвин.

— Нет, — ответил Барк. — Разве может арфист лгать?

— Арфист такой же человек, — возразил Кэвин, — а люди лгут с незапамятных времен.

Барк испытующе взглянул на Кэвина, его шевелюра, переходящая в бороду полыхала на ветру как костер.

— Значит мир стал дурным местом, если это так. По крайней мере этот не лжет. Это меня не пугает.

— А если он потом начнет петь о нас песни в Ан Беге? — спросил Кэвин.

— Они могут искать нас сколько хотят, — ответил Барк, пожав плечами, и снова взялся за жердину. — Зато у нас будут песни. Может, нам хватит их на целую зиму, а может, и нет.

И Барк сам запел, что он делал всегда, когда не хотел обсуждать какую-нибудь тему.

— Хозяин Барк, — недовольно начал Кэвин, но Нэаль взял другой конец жердины и молча поставил ее на место, так что все еще ворчавший Кэвин был вынужден склониться, чтобы укрепить жердь.

В этот вечер за столом под звездами действительно звучали песни. Арфист исполнял их на своей простенькой старенькой арфе, радуя детей веселыми припевками, сочиненными специально для них. Но пел он и великие песни. Одна была сложена о славной битве при Эшлине: он пел о короле и Нэале Кервалене, пока сам Нэаль, уставившись в свою кружку, ждал только одного — когда она закончится. У многих на глазах выступили слезы; лишь Барк и Эльфреда сидели взявшись за руки, тихо слушали и держали свои мысли про себя. Нэаль горестно ссутулился и сидел с сухими глазами, пока не прозвучал последний аккорд. Тогда Кэвин громко откашлялся и предложил арфисту эля.

— Благодарю тебя, — сказал юноша — он назвался просто Фианом. Он отхлебнул из кружки и задумчиво ударил по струнам.

— Ах, — промолвил он, позволив замереть звукам, и снова поднял кружку с элем. Он прильнул губами к краю, поглядывая на собравшихся и утирая пот с разгоряченного лба, а потом снова взялся за арфу.

*Гаснет искра,
Дуют ветра,
Камень бесплоден и гол.
Меркнет звезда,
Все — суета,
Пока ты себя не обрел.*

А потом дрожь пробежала по Нэалью Кервалену, и пальцы его сжали кружку, ибо далее речь шла о мальчике короле.

— Это — опасная песня, — сказал Кэвин.

— Так, — ответил арфист. — Но я знаю, где ее можно исполнять. К тому же арфист священен, не так ли?

— Нет, не так, — хрипло ответил Нэаль и поставил свою кружку на стол. — Прежде чем разрушить стены, они повесили Коеннача, королевского арфиста при дворе Дана-Хейвина, — он уже поднялся, чтобы выйти из-за стола, но вспомнил, что это не его стол, а Барка и Эльфреды, и

он не имеет права покидать его в гневе. — Это все эль, — робко промолвил Нэаль, опускаясь на место. — Спой что-нибудь повеселее, мастер арфист. Спой что-нибудь для детей.

— Хорошо, — ответил арфист, бросив на Нэалья внимательный взгляд и поколебавшись. — Я спою для них.

И он запел веселую живую песенку, но она отозвалась совсем иначе в сердце Нэалья. Нэаль посмотрел на Эльфреду и Барка и, убедившись, что те не обидятся, поднялся со скамьи и направился во тьму к амбару, где музыка звучала в ночи приглушенно и смутно, а смех был еле различим.

Там он прислонился к загому для скота, и ночь показалась ему холоднее, чем была на самом деле.

— Поют, — прожурчал голос.

Нэалья напугал его высокий и странный звук, донесшийся из стога сена, хотя он и догадался, кто это.

— Не суйся не в свои дела, — произнес он.

— Нэаль Кервален.

Его снова пробрал озноб — откуда тому было известно его имя.

— Боюсь, ты уже прятался не в одном этом стогу, — промолвил Нэаль. — Как не стыдно.

— Нэаль Кервален.

Дрожь стала сильнее.

— Позволь мне быть им.

— Быть кем, Нэаль Кервален?

Нэаль, дрожа, отшатнулся в сторону, готовый бежать куда угодно от этих навязчивых вопросов.

— В доме пируют, — промолвил Граги. — А мне что?

— Я позабочусь, чтобы тебе поставили тарелку.

— И эль.

— Самую большую кружку.

Граги, косматый, с запутавшимися клочками соломы в шерсти, выбрался из стога и залез в темноте на ограду.

— Этот арфист не видит, — промолвил Граги. — Он сидит и играет, и временами взор проясняется у него, но чаще — нет. Твоя судьба привела его сюда, Нэаль Кервален. Он пришел ради тебя. Он обречен. Его приход — твоя удача и несчастье для него самого.

— Что сделало тебя таким мудрым? — с трепетом спросил Нэаль.

— Что сделало тебя таким слепым, человек? Когда ты пришел сюда, от тебя тоже разило Ши.

Нэаль начал отворачиваться, но вдруг замер, и сердце его похолодело. А Граги прыгнул с ограда и побежал.

— Вернись! — закричал Нэаль. — Вернись сюда!

Но Граги никогда не возвращался. Он растворился во тьме и исчез, по крайней мере, до тех пор, пока ему не выставили лепешки и эль.

Совсем поздно тем же вечером у очага собралась гораздо более тихая компания — арфист дремал, захмелев от эля, прижимая к груди арфу, а языки пламени освещали его лицо теплым сиянием. Когда Нэаль вошел в дом, считая, что все уже легли, он нашел так Кэвина и Барка с Эльфредой, Лонна, Скелли и Дермита, сидящими кто где.

— Сэр, — промолвил арфист, вставая и кланяясь, — надеюсь, я не опечалил тебя.

— Нисколько, — ответил Нэаль, смягченный такой учтивостью. Потом он тоже поклонился и обратился к Эльфреде: — Можно я прослежу, чтобы вынесли лепешки?

Эльфреда, собравшись, поднялась на ноги и принялась всех выпроваживать.

— Арфист устал. Всем в постель, в постель, — захлопала она в ладоши.

Барк и остальные тоже поднялись, а уже сморенный сном арфист пару раз моргнул и устроился поудобнее в своем углу.

Нэаль сам налил в кружку эля и вынес его вместе с лепешками на крыльцо.

— Граги, — позвал он шепотом, но в ответ не раздалось ни звука.

Он вернулся в дом, где все уже укладывались, и Скага, притаившийся в углу, вышел из своего укрытия.

— Довольно, — промолвил Нэаль. — В постель. Сейчас же, — и Скага послушался его.

Но над Кэвином он не имел такой власти. Кэвин не спускал с него глаз, и арфист следил за его движениями.

— Кервален, — прошептал арфист.

— Это он сказал тебе? Сколько же людей об этом знают?

— Я узнал тебя еще за столом. Мне рассказывали, как ты выглядишь.

— И что же говорят? Что я дурен? Немилосерден?

— О тебе говорят, что ты суров, господин. И называют достойнейшим среди тех, кто служил королю. Я видел тебя однажды, когда еще был мальчиком. Я видел, как ты встал за столом сегодня, и на мгновение ты снова стал Керваленом.

— Для меня ты все еще мальчик, — оборвал его Нэаль. — А каждая песня хороша в свое время. Ты ведь не в зале Эшфорда или Эшлина. Она была слишком длинной и громкой. А мы проиграли эту битву.

— Но добились многого.

— Ты так думаешь? — Нэаль повернулся к нему спиной, грея лицо в отблесках угасающего пламени, и страшная усталость навалилась на него. — Пусть будет так. Но теперь я собираюсь спать, мастер арфист. В постель и спать.

— Ты собираешь здесь людей. Чтобы вести их к Кер Веллу. Это твоя цель?

Это изумило Нэаля, и он весело рассмеялся.

— Ты грезишь, мальчик. С чем вести? С вилами и мотыгами?

Арфист подошел к очагу и протянул ему старый меч в ножнах.

— Запылился? — спросил Нэаль. — Верно, Эльфреда забыла его протереть.

— Если ты возьмешь меня с собой, господин, я умею стрелять из лука.

— Ты ошибаешься. Ты жестоко ошибаешься. Меч постарел, и металл разъела ржавчина. Он больше ни на что не годится. К тому же я решил остаться здесь.

Лицо арфиста исказилось от боли.

— Я — не соглядатай, я — человек короля.

— Тебе повезло. Забудь о Кер Велле.

— Твой двоюродный брат — предатель...

— Я не хочу о нем слышать.

— ...захватил твои земли. Он заточил в темницу леди Меру, которую силой заставил стать своей женой. Двоюродный брат короля. А ты решил остаться здесь?

Рука Нэаля невольно поднялась, и он повернулся к арфисту. Тот, не сопротивляясь, приготовился принять удар, но Нэаль опустил руку.

— Господин, — промолвил Кэвин.

— Если бы я был Керваленом, стал бы я выжидать? — сказал Нэаль. — Кервален всегда был нетерпелив. Что же касается Кер Велла — как ты егохватишь, арфист? Нанесешь удар? Преждевременный удар. Послушай, мальчик — подумай как воин, хоть раз. Предположим, удар принесет нам победу. Предположим, я займу Кер Велл и стану его хозяином. Как долго мне удастся удерживать его?

— Вокруг тебя соберутся люди.

— О да, придут верные воины короля, они соберутся на имя Кервалена. И поведут войну за младенца короля — за преждевременную власть. Но тогда поднимется Ан Бег и Кер Дав — а это противники не робкого десятка. Донн обречен, и нет на него надежды без сильного короля. Лел колеблется, но Донн — пограничная область, а Кер Даву и вовсе доверия нет. Нет, этот год не годится. Может, лет через десять, как знать, может, лет через двадцать и вырастет подходящий король. Может, ты дождешься этого дня. Но этот день еще не сегодня. Мое же время ушло. Я научился терпению. И это единственное, чем я владею.

Некоторое время все молчали. Последние угольки потрескивали в очаге.

— Я — сын королевского барда Коеннача, — промолвил арфист. — Я видел тебя однажды в Дан-на-Хейвине — при дворе, где погиб мой отец.

— Сын Коеннача, — откликнулся Нэаль, и ему стало еще холоднее. — Я не знал, что ты остался в живых.

— Пока я не пустился в странствия, я был с молодым королем, ибо он — король, господин. Я ночевал под изгородями и среди камней, я останавливался в Леле и Донне, а также на хуторах Ан Бега, поэтому никогда не называй меня трусом, господин. Два года я скитаюсь там и сям, подвергаясь опасности.

— Оставайся, — сказал Нэаль. — Мальчик, оставайся здесь. Лишь здесь ты обретешь покой.

— Никогда. Это не для меня, господин. Это место пребывает во сне. Я ощущаю это все больше и больше, а я побывал во многих местах вокруг Донна, которые, может, мне уже и не удастся больше посетить. Оставь это место.

— Нет, — ответил Нэаль. — Ни Кэвин, ни я не уйдем отсюда. Не хочешь послушать меня, тогда не надейся сюда

вернуться. Миновав ворота Кер Велла, не думай, что ты сможешь найти путь назад или сохранить свою жизнь. Думал ли ты о том, сколь многих ты можешь выдать?

— Никогда и никого. Я принял меры предосторожности, чтобы ничего не знать. Я уже два года в пути, господин. Неужели ты думаешь, я не позаботился об этом? Я думал об этом со времен Дан-на-Хейвина, потому и отправился в это странствие.

— Тогда прощай, сын друга, — сказал Нэаль. — Возьми мой меч, если он тебе пригодится. Его хозяин не сможет пойти с тобой.

— Это щедрый подарок, — сказал арфист, — но я не владею боевым искусством. Кроме арфы мне ничего не нужно.

— Как хочешь — хочешь бери его, хочешь оставляй, — сказал Нэаль. — Здесь он заржавеет. — Он повернулся и направился в глубь дома к своему тюфяку. Но он не услышал шагов Кэвина. Тогда он оглянулся и сказал:

— Кэвин, мальчику предстоит долгий путь. Ложись спать.

— Да, — согласился Кэвин и оставил арфиста.

Арфист ушел еще до рассвета — бесшумно и не взяв с собой ничего чужого.

— Ни кусочка еды, — причитала Шелта, — ни глотка воды. Надо было нам приготовить ему, а он-то пел нам свои песни, пока у него не сел голос.

Но Эльфреда ничего не сказала, лишь молча покачала головой и поставила на огонь котел.

И все то утро в доме висела тяжелая тишина, словно веселье покинуло их, словно пение отняло у них все силы. Скага безучастно выполнял свои обязанности. Барк, взяв с собой Лонна и остальных, молча направился к амбару. Скелли уселся на свое место и начал что-то вырезать, понятное еще только ему, но дети были не в духе из-за того, что накануне поздно легли и хмурились, и жаловались на порученную им работу. А Кэвин, ушедший с Барком, так и не дошел до амбара.

Нэаль застал его сидящим на скамейке, где он должен был забрать свои инструменты.

— Пойдем, — позвал его Нэаль, — надо еще укрепить изгородь.

— Я не могу больше оставаться, — ответил Кэвин, и на Нэаля обрушилось все, чего он так опасался, разыскивая Кэвина; но он все равно рассмеялся.

— Работа — отличное лекарство от тоски, старик. Пойдем. К полудню ты изменишь свое мнение.

— Я не могу больше оставаться. — Кэвин встал и посмотрел прямо в глаза Нэалю. — Пойду возьму свой меч и лук.

— Зачем? Защищать арфиста? Что он будет говорить в Ан Беге? — «Не обращайтесь внимания на этого великого воина, он по собственной воле идет за мной?» — Хорошую пару вы будете представлять собой на дороге.

— И все же я пойду за ним. Я сказал, что пробуду здесь зиму. Но ты украл у меня еще один год. Мальчик прав — это место покоится во сне. Уходи отсюда, Кервален, уходи и сделай еще какое-нибудь добро до нашего конца. Хватит этого блуждания во сне, довольно ты уже здесь побыл.

— Ты еще вспомнишь о нем, когда снова будешь голоден, когда будешь дрожать от холода или лежать в какой-нибудь канаве и никого не будет рядом с тобой, о Кэвин! Послушайся меня.

— Нет, — промолвил Кэвин и робко обнял Нэаля. — О, мой господин, один из нас должен идти служить королю, даже если мы никогда не увидим его коронованным.

И Кэвин, не оглядываясь, направился к дому.

— Возьми тогда Банен, — закричал ему вслед Нэаль. — А если захочешь вернуться, пусти ее без узды, может она принесет тебя домой.

Кэвин остановился, опустил плечи.

— Ты слишком любишь ее сам. Лучше благослови меня, господин.

— Да будет с тобой мое благословение, — сказал Кервален и посмотрел, как тот удаляется к дому, а большего ему и не надо было. Нэаль повернулся и побежал. Он бежал через поля, как когда-то давным-давно, как ребенок бежит от чего-то или к чему-то, или просто потому, что сердце его раскалывалось надвое и он не хотел видеть, как кто-то идет навстречу своей смерти, а уж менее всего Кэвин.

Наконец он упал в траву на вершине холма, и все тело его заныло с такой же силой, как его сердце. У него не было слез — он видел себя, мрачного поджарого человека, кото-

рый износился от прожитых лет, как изнашиваются камни; а вокруг него царил мир и покой, даруемый холмом, а внизу стояли сады со спелыми яблоками, лежали широкие луга, а под старым дубом высился дом с амбаром. Над головой же было небо. За отрогом холма блестел путь, как камни на солнцепеке, а стебли травы так сияли, что глазам было больно, и он отвернулся, встал и пошел по холму.

Потом его начало грызть сомнение, и, идя вдоль хребта, он начал оглядываться в поисках Кэвина — боль саднила и не отпускала его. Но дойдя до спуска в долину, он никого не заметил и понял, что опоздал.

— Смерть, — раздался сзади с холма тоненький голосок.

Нэаль в ярости оглянулся на косматое существо, сидевшее на камне.

— Что ты знаешь, каркающее чучело? Чтоб ты засохло! Можешь выкрасть у меня все, что я имею, ползучий вор, и засохнуть!

— Злые слова ведут к злу, и одно лишь правдиво.

— Чума на твои пророчества.

— Дурно и вредно.

— Оставь меня.

Граги спрыгнул с камня и подошел еще ближе.

— Только не я.

— Значит он умрет?

— Возможно.

— Тогда говори яснее, — в сердце Нэаля забрезжила надежда и с отчаянным чувством вины он схватил Граги за косматые руки. — Если у тебя есть виденье, так посмотри. И скажи мне, скажи, прав ли арфист? Есть ли вообще надежда? Была ли она? Придет ли снова король? Должен ли я служить этому королю?

— Отпусти! — закричал Граги. — Отпусти!

— Не хитри со мной! — воскликнул Нэаль и встряхнул его, ибо страх сделал его жестоким, и взгляд косматого создания стал совсем безумным. — Есть ли надежда на этого короля?

— Он темн, — прошипел Граги, дико вздернув своей лохматой головой, и глаза его закатились, потом снова его взгляд остановился на Нэале. — О, темн.

— Кто? Что значит темен? Называй мне имена. Выживет ли юный король?

Граги застонал и, вывернувшись, укусил Нэаля за палец, тот выпустил его, отдернул руку и поднес ее ко рту. Но существо не стало убегать, оно уселось на корточки и, раскачиваясь туда и сюда с диким взором, заговорило тоненьким завывающим голосом:

*Темен путь и темна тоска,
И цепи крепки, что сковали их;
И наступит день, что даст им рассвет,
Но тут же придет закат.*

— Что это значит? — вскричал Нэаль. — Кто это «они»? Ты имеешь в виду меня?

— Нет, нет, Кервалена никогда. О, человек, Граги плачет по тебе.

— Значит я умру?

— Все люди смертны.

— Чума на тебя! — Нэаль посасывал свою прокушенную руку. — Какие цепи и где? Ты говоришь о Кер Велле?

— Оставайся, — промолвил Граги и исчез.

Нэаль уже готов был уйти. Он стоял на холме и смотрел вниз в долину, которая вела к выходу из холмов. Но в его ушах продолжало звенеть «оставайся», и мышцы его ныли от бега, и Кэвина не было видно.

Он опустился на землю и сидел так до заката, и отвага его все гасла и гасла, а вера слабела и слабела.

Наконец он увидел бегущего мальчика меж холмов — он петлял и подпрыгивал на поворотах, словно преследуемый болью.

— Скага! — закричал Нэаль, поднимаясь на ноги.

Мальчик замер, словно его ударили, посмотрел на Нэаля и начал спотыкаясь, карабкаться вверх; но Нэаль двинулся ему навстречу и поймал в свои объятия.

— Я думал, ты ушел, — промолвил Скага — он никогда не плакал, но сейчас губы у него дрожали.

— Это Кэвин ушел, а не я, — ответил Нэаль. — Ужин готов?

Мгновение Скага справлялся с одышкой.

— Наверное.

И он вернулся назад со Скагой — так захлопнулась лопушка.

IV. Травля

Арафель дремала. Лишь на мгновение она соскользнула в дебри своей памяти, что она частенько делала, в яркое сияние, столь отличное от тусклых ночей и слепящих дней смертного Элда. Но время у нее текло всегда не так, как у людей, и едва она погрузилась в сон, как ее разбудил какой-то звук, странный и жалобный.

«Он снова вернулся», — сонно подумала она, чувствуя сильную досаду: но потом она ощутила нечто совсем иное — откуда-то, совсем рядом веяло жестокостью, и сияние, прозвенев в ее памяти, исчезло.

Она собралась с мыслями. Сон безвозвратно рассеялся, но она даже не обратила внимания. Ветер донес до нее звук, и весь Элд задрожал как паутина. Она вынула меч и завернулась в плащ, хотя могла сделать гораздо больше. Это была беззаботность и привычка, а может, обрекшая ее на неудачи судьба. Но ни один противник не вышел навстречу Арафели, и тогда она пошла на услышанный ею звук.

Из крепости Керберна через Элд вела прямая тропа. Это был самый опасный путь из долины Кер, и с тех пор, как она завалила его, немногие отваживались пускаться им: лишь разбойники, вроде того изгоя, могли решиться на это — люди, глаза у которых так потускнели и помертвели, что они были глухи к обычному страху и голосу разума. Иногда им даже везло, и они выходили из него живыми, если шли днем, двигались быстро и не охотились на зверей Элда. Если они двигались достаточно быстро, то вечер заставал их живыми или в Новом лесу на холмах, или за пределами Элда на берегу реки.

Но пришелец, появляющийся ночью, да еще такой молодой и с таким безумным взглядом, и без меча или лука, а всего лишь с кинжалом и арфой — такой смельчак редко вступал в Элд, и мрачные тени посмеивались и шептались в изумлении.

Именно звуки арфы и услышала Арафель — столь редкостного инструмента, звеневшего на его плече и выдававшего его присутствие всем, у кого слышат уши, в этом мире и в том. Она следила за его бегом по этому звуку и вышла к нему прямо навстречу из нежного холодного све-

та эльфийского солнца в еще более холодную белизну лунного сияния. Она вышла без капюшона, и плащ беззаботно развевался у нее за спиной; и мрачные тени Элдвуда, осмелевшие на этой древней земле, вдруг ощутили теплое дыхание весны и отступили, хоронясь в укромные места, куда не проникал свет ни луны, ни солнца.

— Мальчик, — прошептала она.

Он замер, словно раненый олень, и изумленно осмотрелся, пытаясь отыскать источник голоса в чащобе. Она вышла к нему в полный рост и тут же ощутила сырой ветер смертного Элда на своем лице. Мальчик оказался крепче, чем она думала, но одежда его была вся в лохмотьях, разорванная его стремительным бегством сквозь лес. Его одежда, теперь испачканная и разодранная, больше подходила для какого-нибудь замка — она была из тончайшей шерсти и расшитого полотна, арфа же за его плечом покоилась в резном ларце.

Она не много захватывала с собой из иного мира, но все же захватывала, и это всегда отражалось на ее образе, который воспринимали смертные. Она явилась в простом обличье, как всегда, когда отправлялась в смертный мир, и теперь стояла, прислонившись к гниющему стволу умирающего дерева, сложив руки без тени угрозы и не прикасаясь к своему серебряному мечу. Более того, оперевшись ногой на выступавший корень, она встретила его легчайшей улыбкой, хотя, скорее, улыбалась просто по привычке. Но эта улыбка не обманула мальчика, и он продолжал внимательно смотреть на нее, возможно, видя оборванца в облачении изгоя, а может, и нечто большее, ибо, похоже, он был не так слеп, как некоторые. Его рука скользнула к талисману, висевшему у него на груди, и она, продолжая улыбаться, прикоснулась к бледно-зеленому камню, сиявшему на ее шее, ибо он обладал силой откликаться на чужие талисманы.

— Куда же ты идешь столь дерзко сквозь Элдвуд? — спросила она его. — На злодеяние? Или проказы?

— Скорее, на беду, — он перевел дыхание. Он все еще смотрел на нее широко раскрытыми глазами, словно сомневаясь в ее реальности, и это забавляло ее где-то далеко внутри. Она оглядела всего его вместе с арфой и тончайшей разорванной одеждой — необычайный путник на лю-

бой дороге мира. Он занимал ее, хотя она никогда не испытывала интереса к делам людей; она медлила — и вдруг ветер издали принес лай гончих. Мальчик вскрикнул и бросился наутек, ломая ветви на своем пути.

Его быстрота вывела ее из забытья, захватив ее врасплох, чего с ней не бывало уже давным-давно.

— Стой! — воскликнула она и во второй раз встала на его пути, метнувшись тенью из мрачных зарослей, словно какая-то хитрая игра лунных лучей. Именно это другое, тяжелое присутствие она и почувствовала сначала, она не забыла о нем, совсем не забыла, но легко отнеслась к этой угрозе, испытывая гораздо больший интерес к мальчику, чем к тому, неприятному гостю. Мальчик затронул в ней какие-то забытые струны, принесся во тьму свет своей души.

— Вряд ли, — беззаботно промолвила она, чтоб успокоить его, — вряд ли они заберутся так глубоко в лес, — но он продолжал смотреть на нее в недоумении, словно позабыв, чего он хотел. — Как тебя зовут, мальчик?

Он сразу же понял, что означает этот вопрос, и кинул на нее взгляд затравленного оленя, ибо он знал, какую власть над человеком обретает выданное имя.

— Ну же. Ты нарушил покой здесь, — резонно заметила она, — ты вошел в мой лес... Какое имя ты дашь мне за это?

Может, он и не сказал бы свое настоящее имя, может, он и вообще не стал бы останавливаться, но она так строго на него смотрела, что он пролепетал: — Фиан.

— Фиан. Из рода фей, ибо он был слишком светел для рода людского со своими бледными спутанными волосами и первым пушком бороды. Это было его настоящее имя, дающее над ним власть, и глаза его лучились сердечностью.

— Фиан, Фиан, — в третий раз она произнесла его имя еле слышно, как заклинание. — Значит, за тобой гонятся?

— Да, — ответил он.

— Люди?

— Да, — промолвил он еще тише.

— Зачем они охотятся на тебя?

Он ничего не ответил, но она и сама догадалась.

— Пойдем, пойдем со мной, — позвала Арафель. — Ду-

маю, мне надо заняться этим вторжением, пока им не занялись другие. Пойдем, не бойся меня.

И она раздвинула для него колючие заросли. Он еще чуть помедлил и послушался ее, неохотно и очень осторожно двинувшись за ней следом в обратный путь, удерживаемый ничем иным, как лишь собственным именем.

Она немного прошла в ту сторону, откуда он прибежал, пользуясь ради него временем смертных, а не собственными стремительными путями, известными ей в Элде. Но затем она свернула с широкой тропы. Чащоба, рожденная темным сердцем Элда, была неприятным местом, ибо Элдвуд был добрее в прежние дни, и в нем все еще сохранялся дух погибшего света; но молодые деревца, попадавшие им на пути, всегда чувствовали себя здесь одинокими. Они пропускали свои корни в остоны наползающих холмов, создавая предательски непроходимые барьеры. Ни один человек не смог бы отыскать путей Арафели, не говоря уже о том, чтобы выследить ее ночью вопреки ее воле, но она терпеливо расчищала дорогу следовавшему за ней юноше, то и дело останавливаясь и разводя для него ветви. Поэтому у нее было время оглядеться по дороге, и она была потрясена переменами, происшедшими в ее лесу, который она так хорошо знала. Она видела медленную, тяжелую и мудрую работу корней и ветвей, инея и солнца и несказанную славу ее, пробуждающуюся к жизни этой неожиданной ночью. Снова и снова оборачивалась она, чувствуя нерешительность за спиной: мальчик ловил ее взгляд и, несмотря на свою бледность и страх, с новыми силами преодолевал камни и льнувший к нему бурелом — покорно он следовал за ней, словно лишившись воли или последней надежды на иную судьбу.

— Я не оставлю тебя одного, — повторяла она. — Не спешу.

Но он ни разу ей не ответил, ни единым словом.

Наконец деревья слегка расступились на самой границе Нового леса. Арафель хорошо знала это место. Лай гончих доносился из долины Кера, из глубоких лощин, прорезаемых рекой меж холмами — там лежала земля людей со всеми их делами, дурными и хорошими. Она вспомнила на мгновение о своем изгое и о той ночи, когда он бежал отсюда, — на мгновение ее мысли унеслись далеко, в

невидимую даль и вновь вернулись к этому времени, к этому месту, к этому мальчику.

Она ступила на выступ скалы на вершине последнего холма, и вся долина Керберна раскинулась у ее ног — темная дымка в лунном свете. Каменная башня давно выросла на холме за долиной. Люди называли ее Кер Веллом, но настоящее ее имя было иным. Люди беспамятны, они разбросали старые камни и взгромоздили друг на друга новые. Вот как изменили годы облик мира.

Лишь мгновение назад отсюда бежал старый воин, или это было много лет назад?

Наконец подошел и мальчик, задыхаясь, он упал на край покатога камня, и струны арфы зазвенели. Он опустил голову и стер со лба пот, откинув спутанные светлые волосы. Затихший ненадолго лай снова возобновился и звучал теперь гораздо ближе, юноша поднял испуганный взор и вцепился в скалу.

Сейчас, сейчас он побежит, куда поведет его ее светлая воля. Страх разрушал заговор. Он вскочил на ноги. Она метнулась вперед и вновь остановила его легким прикосновением к его пышущей жаром руке.

— Здесь граница моих лесов, — промолвила она, — а там охотятся псы, от которых ты никогда не сможешь оторваться, никогда. Лучше оставайся здесь со мной, Фиан, право, лучше. Это твоя арфа?

Он кивнул, прислушиваясь к гончим. Он отвернулся от нее, глядя на темное море деревьев.

— Ты сыграешь для меня? — попросила она. Она хотела этого с самого начала, с первого долетевшего до нее звона струн; и желание это горело в ней куда как сильнее, чем любопытство к людям и собакам, и первое пересилило второе. Это было эльфийское любопытство, невинная простота, оно было по-эльфийски мудрым и истинным, а, значит, выше него не было ничего.

Юноша заглянул в ее внимательные глаза, словно опасаясь, не обезумела ли она; но, возможно, он уже миновал страх, и надежду, и доводы разума. По крайней мере, ничего этого не было в его взоре, и он снова опустил на край скалы, снял арфу с плеча и расстегнул чехол.

Темный лес расцветился золотыми звездами — так это было прекрасно: арфа была совершенна, за пределами ма-

стерства смертных, и звук ее был более чем красив. Когда Фиан взял ее в руки, она запела живым голосом. Он прижал ее к себе, словно защищая, и поднял свое бледное, все еще угрюмое лицо.

Затем он склонил голову и заиграл, как она просила его, — легкие прикосновения к струнам становились все решительнее, откликаясь эхом из глубин долины Кера и вызывая бешеный лай у далеких гончих. Музыка поглотила все голоса, наполнила воздух и сердце Арафели, и та уже не ощущала дрожи и неуверенности в его руках. Она слушала и почти забыла, которая луна светила на них, ибо так много времени миновало с тех пор, как в Элдвуде звучала последняя песня, исполненная с такой нежностью и нездешностью.

Фиан точно ощущал на себе чары, от которых дыхание ветра становилось теплее и деревья вздыхали, прислушиваясь. Страх исчез из его глаз, и, хоть на лице его драгоценными камнями блестел пот, он играл чистую и мужественную музыку.

А потом он вдруг яростно перебрал струны, и музыка превратилась в дерзкую песнь, непривычную для ее ушей.

В нее вкрался диссонанс — злорадный голос псов заглушил музыку и перебил ее мелодию. Арафель поднялась, чувствуя их приближение. Руки арфиста безвольно опустились. Внизу, в зарослях послышался шум и цокот лошадиных подков.

Фиан вскочил, отложив арфу, и выхватил из-за пояса маленький кинжал. Арафель вздрогнула при виде этого клинка, пропитанного горьким привкусом железа.

— Нет, — невольно вырвалось у нее, ибо она всеми силами души не хотела этого, и она остановила его руку. Покорно он опустил оружие в ножны.

А потом из темноты деревьев на них обрушились гончие и всадники — свора черных подобоострастных псов и двое могучих лошадей, цокающих среди них. От восседавших на них мужчин разило железом, которое страшно блестело в лунном свете. Псы, заливаясь лаем, хлынули на скалу и вдруг откатились обратно, рассыпавшись яростным кругом. Они выли и ежились от страха, шерсть вставала дыбом на их загривках от того, что они увидели. Всадники стегали их плетками, но лошади под ними пя-

тились и ржали от шпор, и они не могли заставить двинуться вперед ни лошадей, ни гончих.

Арафель стояла, оперев ногу о скалу, и с холодным любопытством наблюдала за этой неразберихой из людей и животных. Они казались ей мрачнее, жестче и свирепее, чем те изгои, которых ей доводилось встречать, и снаряжение их было странным — скалящаяся волчья голова. Она не могла припомнить этой эмблемы, но ее мало заботили обычаи этих посетителей, еще меньше, чем предшествовавших изгоев.

На склоне появился третий всадник, могучий и крикливый, и он, хлеща свою неповинующуюся лошадь, поднялся выше первых двоих, до самого гребня холма перед скалой, и следовавшие за ним всадники, немало из которых были вооружены луками, тоже добрались до середины склона. Предводитель отъехал в сторону и поднял руку, и луки натянулись, целясь в арфиста и Арафель.

— Стой, — промолвила она.

Но рука воина не упала, она лишь медленно опустилась. Он уставился на Арафель, и она легко поднялась на скалу, чтобы поближе рассмотреть этого всадника на высокой черной лошади. Лошадь внезапно попятилась, и он прищипорил ее и жестко хлестнул кнутом, но он так и не отдал приказа своим людям, словно скулящие псы и дрожащие лошади наконец заставили его увидеть то, что было перед ним.

— Прочь отсюда! — закричал он таким голосом, от которого могла содрогнуться земля. — Прочь! Или я проучу и тебя! — и он вытащил свой огромный меч и нацелил его на Арафель, хлеща сопротивляющуюся лошадь.

— Проучишь? Меня? — Арафель легко спустилась на землю и взяла за руку арфиста. — Не из-за него ли ты явился сюда и поднял весь этот шум?

— Мой арфист — вор, — промолвил господин. — Отойди в сторону, ведьма. Такие, как ты, тоже подвластны огню и железу.

Теперь ей и вправду показался не по нраву меч и стрелы с железными наконечниками, которые по первому же слову этого человека могли быть пущены в ход. Однако она не отпускала руки Фиана, хорошо понимая, что они сделают с ним одним.

— Но он принадлежит мне, господин людей. Если бы арфист доставлял тебе радость, вряд ли ты стал бы его преследовать. А мне он в великую радость, ибо давным-давно не было у меня такого приятного спутника в Элдвуде. Бери арфу, мальчик, и пойдем отсюда. Я поговорю с этим грубым человеком.

— Стоять! — закричал господин, но Фиан схватил в руки арфу и бросился прочь.

Просвистела стрела — юноша метнулся в сторону, и арфа со страшным звоном упала на склон. Он мог бы оставить ее, но он начал карабкаться за ней, и это была его ошибка. Мгновенно их окружили лучники с нацеленными на них стрелами.

— Не делай этого, — просто сказала Арафель господину.

— Что мое, то мое, — он удерживал лошадь на месте, держа меч поднятым, готовый в любое мгновение дать сигнал своим стрелкам. — Арфа и арфист мои. И ты глубоко ошибаешься, если считаешь, что твои слова для меня что-нибудь значат. Я накажу и его, и тебя за твою дерзость.

Разумнее всего было уйти, Арафель это и сделала. Но сделав несколько шагов и остановившись рядом с Фианом, она обернулась в блеске луны.

— Я хочу узнать твое имя, господин людей, если ты не боишься моего проклятия.

Так она подпнула над ним, чтобы его люди видели страх своего господина.

— Эвальд из Кер Велла, — ответил он презрительно и не колеблясь, хоть и понимал, кто перед ним. — А твое, ведьма?

— Зови меня, как хочешь, господин, — никогда еще во времена людей она не являлась им в своем истинном обличье, но гнев охватывал ее все сильнее. — И запомни, эти леса не созданы для того, чтобы в них травить людей, и твой арфист больше тебе не принадлежит. Уходи и будь благодарен. С людей довольно долины Кера. А если она тебе не нравится, приведи ее в порядок. А границы Элдвуда не смей переступить.

Господин закусил свой ус и еще крепче сжал меч, но натянутая тетива у лучников уже ослабла, и стрелы глядели в грязь. Страх стоял в глазах лучников, а всадники,

прибывшие первыми, подались назад: у свободных было меньше самообладания, чем у холопов.

— Ты забрала то, что принадлежит мне, — продолжал настаивать господин, хоть его лошадь и пыталась податься назад.

— Да, я поступила так. Иди, Фиан. Иди спокойно.

— Ты забрала то, что принадлежит мне, — снова прокричал господин долины. — Так значит ты не только ведьма, но и воровка? Ты должна заплатить мне за него.

Она задохнулась от удивления, но не двинулась с места.

— Тогда назови свою цену, господин людей. Я заплачу тебе, если ты оставишь нас. Но и я предупрежу тебя — принадлежащее Элду не выйдет за пределы Элда. Самое разумное, если ты попросишь у меня разрешения уйти, — его взгляд, полный ненависти, но и осторожности, свирепо метался из стороны в сторону. Леденящий холод пронзал Арафель от этого взгляда, особенно там, куда он чаще всего смотрел — чуть выше сердца, и рука ее сжимала лунно-зеленый камень, без оправы висевший на ее шее.

— Я не стану просить разрешения у ведьмы, — произнес господин. — Это моя земля, и я вправе ходить по ней... Что же до цены, то камня будет достаточно. Вот того, — сказал он.

— Я предупредила тебя, — заметила Арафель. — Ты не мудр.

Но человек не проявлял никаких признаков смирения. Тогда она сняла камень с шеи и протянула его на цепочке — такой же невесомый, какой была сама цепочка.

— Иди, Фиан, — сказала она арфисту, а, когда он замешкался, снова крикнула: — Иди!

И наконец, он побежал, помчался, полетел как безумный, прижимая к себе арфу.

И когда лес снова затих, утомился, и до нее доносился лишь цокот копыт по камням, да жалобный вой псов, она выпустила камень из рук.

— Получи! — промолвила она и двинулась прочь.

Она услышала шум за спиной и повернулась, чтобы лицом к лицу встретить предательство, и почувствовала, как меч Эвальда ледяным жалом пронзил ее сердце. Опомнилась она уже в других местах, все еще сгибаясь от боли, от которой перехватывало дыхание.

Прошло немало времени, прежде чем она снова поднялась, уже не испытывая ноющей боли от железа. По людским же меркам она лишь едва отступила куда-то, и теплые ветра еще несли с собой холодный запах железа. Она огляделась, но на прогалине уже не было ни людей, ни животных, лишь смятые поросли отмечали то место, где они только что были. Так он ушел со своим трофеем.

А мальчик... Она широкими шагами двинулась сквозь тени и полумрак, подгоняемая тревогой, пока не нашла его, израненного и потерявшегося, в самой чаще Элда.

— С тобой все в порядке? — безмятежно спросила она, скрывая свою тревогу, и опустилась на колени рядом с ним. Она боялась, что рана может оказаться серьезнее тех царапин, которые были видны, — так он сжался, обхватив свою арфу; но он изумленно поднял к ней свое бледное лицо — так бесшумно она очутилась рядом с ним.

— Ты можешь оставаться здесь столько, сколько хочешь, — промолвила она с нотой такого одиночества, с каким свивают деревья свои годовые кольца. — Ты будешь играть для меня, — а когда он все же бросил на нее испуганный взгляд, она добавила: — Новый лес тебе не понравится. У них там нет слуха.

Возможно, она поспешила. Возможно, нужно было подождать. Возможно, люди действительно забыли, кто она такая. Но взгляд его говорил о желании рисковать, доверяя другому.

— Может, и так, — ответил он.

— Значит, ты останешься здесь и примешь мое приглашение. Поверь мне — я редко зову к себе.

— Как тебя зовут, госпожа?

— Какой ты меня видишь? Красива ли я?

Фиан поспешно потупился, и она догадалась, что он не может сказать правду, не обидев ее. И она выдавила из себя смешок.

— Тогда называй меня Фокадан, — промолвила она. — Чертополох — это одно из моих имен, и в нем есть своя правда, ибо я груба и колюча. Боюсь, такой ты меня и видишь. Но все равно оставайся. Ты будешь играть для меня, — это последнее было сказано с полной серьезностью.

— Хорошо, — он еще крепче обнял арфу. — Но дальше этого места я не пойду с тобой. Пожалуйста, не проси ме-

ня. Я не хочу обнаружить утром, что за ночь прошли годы и весь мир постарел.

— Ладно, — она уселась рядом с ним, обняв руками колени, и откинулась назад. — Значит, ты узнал меня. Но чем тебе могут помешать прошедшие годы? Чем тебе так мил твой возраст? Похоже, время не было добро к тебе. Я думала, ты будешь только рад избавиться от своих лет.

— Я — человек, — промолвил он очень тихо. — И я служу своему королю. И это мое время, не так ли?

Это было так. Она не могла принудить его. Войти в иной мир можно лишь пожелав того. Он не желал, значит, это был конец. Чем больше она ощущала его, тем сильнее чувствовала глубокое горе в его сердце и холодный привкус железа.

Она все еще могла убежать, махнув рукой на его упрямство. Она заплатила за него непомерную цену и все же проиграла. От арфиста веяло несчастьем. Он разбил все ее надежды. Она чувствовала смертность и тлен, и слишком много человеческого.

Но она предпочла остаться и утопать в лунном свете, глядя на него. Он прислонился к стволу векового дерева и тоже смотрел на нее, лишь изредка отводя глаза, привлеченный шорохом листьев, и снова возвращался к ней — средоточию всей древности леса, всех самых страшных опасностей, грозящих куда как большему, чем жизнь. И наконец, несмотря на всю его осторожность, взгляд его начал замутняться, и шорохи овладели им и заворожили шепотом листьев и теплом спящего Элда.

V. Охотник

Фиан спал и проснулся лишь на рассвете, моргая и оглядываясь от страха, что деревья могли уже вырасти и умереть от старости, пока он спал. Лишь в самую последнюю очередь его взгляд остановился на Арафели, и она рассмеялась эльфийским смехом, ибо юмор ее был мягок, хотя иногда и жесток. Она знала, как выглядит в дневном свете, вид ее был столь же суров, как и растение, именем которого она себя называла. Она казалась загорелой, худой и мускулистой, облаченной в залатанную серо-зеле-

ную паутину, и лишь меч оставался тем же. Она сидела, заплетая волосы в серебряную косу, и улыбалась арфисту, который не сводил с нее косого тревожного взгляда.

Вся земля потеплела этим утром. Тучи не застилали солнца в этот день, и оно проникало даже в чащу леса. Фиан протер глаза после сна и открыл свою суму, собираясь позавтракать.

Похоже, в ней мало что было: он вытряхнул кусочек вяленого мяса, с сомнением взглянул на него, разрезал пополам и предложил часть Арафели — располовиненная, эта трапеза была столь скудной, что ее не могло хватить человеку, особенно такому изможденному и голодному, как он.

— Нет, — промолвила Арафель. Она сразу же почувствовала отвращение, уловив запах еды — она не испытывала аппетита ни к человеческой пище, ни к плоти бедных лесных созданий. Но то, что он предложил ей еду, его самоотверженная учтивость растопили ее сердце. Она достала пищу из собственных запасов — дары деревьев и пчел и многое другое, что не вызывало боли у владельцев при ее заимствовании. Она поделилась с ним, и он схватил свою долю с отчаянной жадностью.

— Вкусно, — поспешно заметил он, рассмеялся и быстро покончил с едой. Он облизал все пальцы до последнего, и во взгляде его появилось облегчение — он избавился от голода, от страха и еще от какого-то бремени. Он глубоко вздохнул, и она одарила его более теплой улыбкой, чем намеревалась, — то было воспоминание о другом, более светлом мире:

— Сыграй для меня, — попросила она его.

Он принялся наигрывать для нее нежно и празднично песни, лечащие душу, а потом снова заснул, ибо яркий день в Элдвуде таил в себе сон, когда солнце лило свое тепло сквозь спутанные ветви, и воздух висел бездыханно недвижимым. Арафель тоже мирно задремала в смертном Элде впервые с тех пор, как выросло не одно дерево. Прикосновение смертного солнца пролило на нее эту благодать, о которой она давно уж позабыла.

И снился ей сон, в котором высились своды залов из холодного серого камня.

В этом темном сне у нее было человеческое тело, тяже-

лое и смердящее вином, наполненное страшными воспоминаниями, в нем покоилась такая мрачная сила, что она с радостью сбежала бы от него, если бы могла. Она ощущала ненависть, она чувствовала тяжесть человеческой плоти, дурманящую неуверенность от крепкого питья.

У него была силой взятая жена, у Эвальда из Кер Велла, и имя ей было Мера из Дан-на-Хейвина; и был у него маленький сын, который испуганно бежал от него и прятался наверху, пока Эвальд пил со своими мрачными сородичами и проклинал наставший день. Чем больше он думал, тем сильнее в нем вскипала ненависть, и часто он посматривал на пустые крюки в стене, на которых висела арфа. Его терзала песня, но еще сильнее песни его терзал стыд, ибо эта арфа была родом из Дан-на-Хейвина, как и Мера.

Когда-то воспевала она предательство и убийство королей и бардов.

Так Эвальд сидел и пил свой эль, слыша отголоски арфы. А рука Арафели во сне ощупывала его в поисках лунного камня и наконец нашла его висящим на шее Эвальда.

Отдавая его, она наложила на него чары, так чтобы он не мог ни потерять, ни уничтожить его. Теперь она предлагала ему более приятные сны, по мере того как он начал клевать носом, ибо камень обладал такой силой. Она ниспослала ему мир и исцелила все, что в нем было дурного, маня его назад, в Элд. Но он к любой доброте относился лишь с горькой издевкой, ненавидя все, что не мог понять.

— Нет, — горестно прошептала Арафель. Она бы приложила руку, чтобы снять камень с этой подлой шеи, но она не имела власти над собственными чарами. И Эвальд защищал свое имущество столь яростно и ревностно, что мышцы сводило судорогой и перехватывало дыхание.

Больше всего он ненавидел то, чем он не обладал и не мог обладать; и средоточием этого был арфист и любовь, которой его одаривали другие, а также его собственное вожделение к Дан-на-Хейвину.

Так она ошиблась и теперь сама знала это. Она пыталась убедить его странный замкнутый ум. Но это было невозможно. Его сердце было почти лишено любви, а та малость, что была ему дарована, вся была обращена лишь к себе.

Он предал своего короля, убивал своих сородичей и теперь восседал в краденном замке с женой, которая презирала его. Такова была истина, глодавшая его во тьме, в каменном мешке, называемом Кер Веллом.

Об этом были и его сны, и он лишь крепче сжимал в кулаке камень, не выпуская его — так он понимал власть: держать и не отпускать.

— Зачем? — спросила Арафель Фиана в ту ночь, когда луна заливала светом Элдвуд, земля была тиха и небо чисто, и ничто не угрожало им. — Зачем ты ему нужен? — ее сны рассказали ей правду Эвальда, но она чувствовала, что у арфиста есть своя правда.

Фиан пожал плечами, и его юный взгляд вдруг постарел.

— Вот, — он прижал к себе арфу.

— Ты сказал, что она твоя. А он назвал тебя вором. Так что же ты украл?

— Она моя, — он взял ее поудобнее и прикоснулся к струнам. — Она так долго висела в его зале, что он решил, что это его собственность. Струны на ней были обрезаны и мертвы.

— А как она к нему попала?

Фиан перебрал низко звучащие струны, и лицо его потемнело.

— Она принадлежала моему отцу, а до него — его отцу, и они играли на ней в Дан-на-Хейвине перед королями. Она очень древняя, эта арфа.

— Ах, да, она древняя, и смастеривший ее знал свое дело. Королевская арфа. Но как она попала во владения Эвальда?

Светлая головка юноши склонилась ниже над арфой, и пальцы его безответно перебирали струны.

— Я заплатила, чтоб он оставил ее и тебя, — промолвила она. — Неужто ты не дашь мне ответа?

Звуки затихли.

— Она принадлежала моему отцу. Эвальд повесил его в Дан-на-Хейвине, перед тем как сжечь двор. За песни, которые слагал мой отец, за правду, которую он воспевал, о том, как приближенные короля оказались на деле совсем не теми, за кого себя выдавали. Эвальд был ничтожнейшим в его дружине, мелким даже в своем великом злодеянии. Когда король умер, а Дан-на-Хейвин горел, отец спел

им свою последнюю песню. И был схвачен ими, то есть Эвальдом — живым или мертвым, я так и не знаю. Эвальд повесил его во дворе на дереве, а арфу Дан-на-Хейвина забрал себе. В насмешку над моим отцом и королем он повесил ее на стене в своем зале. Так что она никогда не принадлежала ему.

— Повесил собственного арфиста короля!

Фиан не поднял на нее глаз.

— А, он сделал еще и не то. Но с тех пор прошло уже семь лет. И вот пришел я, когда вырос, и начал бродить по дорогам, играя во всех замках. Последним был Кер Велл. Ему — в последнюю очередь. Всю зиму я пел любимые Эвальдом песни. Но на исходе зимы я прокрался ночью в зал и починил арфу, а затем бежал через стену. На вершине холма я вернул ей голос и спел песню, которую он помнил. За это он и преследует меня. А кроме этого мне больше нечего сказать.

И тихо Фиан запел о людях и волках, и горькой была та песнь. Вздрыгнула Арафель при звуках ее и поспешно попросила его остановиться, ибо в своих тревожных снах Эвальд слышал ее и завертелся, и, вздрогнув, пробудился в поту.

— Спой теперь что-нибудь более доброе, — попросила она. — Более светлое. Эта арфа не была создана для ненависти — дар моего народа королям людей. Случалось раньше мы одаривали их, разве ты не знал? Звук ее проникает во все миры Элда — твой и мой, и гораздо более темные тоже. Никогда не пой темных песен. Играй мне светлые мелодии. Воспой мне солнце и луну, и смех, спой мне самую светлую песню, которую ты знаешь.

— Я знаю детские песни, — с сомнением ответил он. — И походные песни. И великие песни, но наше время словно создано для темных песен.

— Тогда спой мне песни для малышей, — сказала она, — те, от которых смеются люди — о, арфист, как мне нужен смех, больше, чем что либо иное.

И Фиан послушался ее, пока луна всходила над деревьями, а Арафель вспоминала песни былых лет, которые мир не слышал уже много веков. Она напевала их нежно, а Фиан слушал и подхватывал мелодию на арфе, пока слезы радости не начали струиться по его щекам.

В этот час в Элдвуде не могло случиться ничего дурного: духи недавних времен, что крались, пугали и боролись с человеком, бежали в иные места, не находя здесь ничего знакомого; и древние тени, дрожа, расползались в разные стороны, ибо они были памятливы.

Но время от времени эльфийская песнь обрывалась, ибо Арафель ощущала прикосновения зла и ничтожности внутри себя, и холод пронзал ее как железо, принося с собой чувство ненависти, которое она никогда не знала так близко.

Потом она рассмеялась, разрушив чары и отогнав их от себя. Она склонилась к арфисту, показывая ему полузабытые песни, все время ощущая, как где-то там, в долине Керберна, на холме Кер Велла мечется в потных снах человеческое тело, чувствуя, как над ним насмеются эльфийские песни, пробуждающие эхо и спящих духов.

С рассветом Арафель с Фианом поднялись и немного прошли, и разделили трапезу, и напились из холодного чистого источника, который был ей известен, пока горячее око солнца не пало на них и не погрузило Элдвуд в знойную тишину.

Потом Фиан безмятежно заснул, а Арафель боролась с навалившейся на нее дремой. И сны пришли ей в этой дреме, ибо настало время грезить ей, когда он, Эвальд, бодрствовал, и бег этих снов ничем нельзя было остановить, как тяжесть опускавшихся век. Они обступали ее все теснее и теснее. Сильные ноги человека сжали круп огромной дикой лошади, руки его сжали кнут, и он безжалостно прищипорил животное. Ей снился лай собак и травля, и бег по лесам и склонам, и яркие брызги крови на пятнистой шкуре, ибо Эвальд кровью стремился стереть кровь, потому что в его памяти все еще звучала арфа, и он помнил... арфиста и зал и то, как тот воспевал его службу королю. Он гнался за оленем, но думал о другом. Она вздрогнула от убийства, совершенного ее собственными руками, и ужаснулась страху, сгущавшемуся в глазах господина долины, который отражался в глазах его друзей, ложился на бледные лица его жены и сына, когда запятнанный оленьей кровью он вернулся домой.

С наступлением вечера Арафель и ее арфист проснулись, и нежные песни разогнали страх и сны. Но все равно

воспоминания время от времени охватывали Арафель, и она ощущала боль утраты, и леденящий холод наваливался на нее так тяжело, что рука ее невольно скользила к шее, где прежде висел лунно-зеленый камень. А раз на ее глазах внезапно проступили слезы. Фиан заметил это и запел еще более веселые песни.

Но музыка не веселила ее, и струны замерли.

— Научи меня еще одной песне, — попросил он, пытаясь отвлечь ее. — Ни один арфист не знает таких песен. И, может, теперь ты поиграешь для меня?

— Я не умею, — ответила она, ибо последний настоящий арфист из ее народа давным-давно утонул. Но ответ ее был не совсем правдив. Когда-то она играла. Музыка ушла из ее рук с тех пор, как последний из ее собратьев ушел, а она пожелала остаться, слишком любя этот лес, несмотря на людей.

— Играй, — сказала она Фиану, с усилием пытаясь улыбнуться, хотя железо смыкалось все туже вокруг ее сердца, а господин долины метался в кошмарах, просыпаясь в поту и обуянный духами.

Это была та самая человеческая песня, которую Фиан заиграл тогда в отчаянии на скале, яркой и дерзкой была она, и Элд откликнулся на нее звоном; и Эвальд, мучаясь бессонницей, завернувшись в меха, задрожал перед очагом, сжимая с ненавистью свой камень и не желая его отпустить, хоть он нес ему смерть.

Но тут запела тихо Арафель — песню древней земли, которую никто не слышал с тех пор, как мир поблек. Арфист подхватил мелодию, которая ведала о земле и берегах, о водах, о приходе человека и изменении мира. Фиан рыдал играя, а Арафель печально улыбалась и наконец умолкла, ибо это была последняя эльфийская песня. Сердце ее посерело и застыло.

Наконец вернулось солнце, но Арафель больше не хотела ни есть, ни отдыхать, она сидела погруженная в свою горе, ибо утратила свой мир. Ей снова захотелось вернуться сумеречным путем в свой мир с его более яркой луной и более нежным солнцем. Может, теперь ей удастся уговорить арфиста пойти с ней. Он смог бы найти путь туда. Но теперь она сама отдала часть своего сердца в залог и даже не могла уйти отсюда — слишком крепко она была привя-

зана к мыслям о камне. Так она отдавалась горю и отчаянию, временами прижимая руку к тому месту, где был прежде камень. Тени шептали, что наступает конец Элду. Но она с древним упрямством отказывалась их слушать, хотя чувствовала обреченность — слишком многого не стало, и она стала подвластна даже арфе.

Он снова выехал на охоту, Эвальд из Кер Велла, как только солнце поднялось. Доведенный до бешенства снами и бессонницей, он кнутом выгонял своих людей за ворота, как собак, к лесу разграблять его пределы, ибо он догадывался об источнике своего рока и звуках арфы во сне. С огнем и топорами он пересек темные воды Керберна, собираясь свалить одно за другим все деревья, пока все не опустеет и не погибнет.

Теперь шепот и шелест леса был пронизан гневом. С севера на Элдвуд и всю долину Кера накатывала армада туч, закрывая собой солнце. Ветер дышал в лица людей, так что ни один факел не был поднесен к лесу из страха, что огонь может обернуться против них же самих; но топоры все равно звенели и этот день, и весь следующий. Тучи обкладывали небо все плотнее, а ветра становились все более пронизывающими, и Элдвуд мрачнел и наполнялся сыростью. Арафели все еще удавалось улыбаться по ночам, когда она слушала песни арфиста. Но каждый удар топора заставлял ее содрогаться, и когда Фиан спал урывками, железное кольцо все больше смыкалось вокруг ее сердца. Она знала, что рана, наносимая Элдвуду расширится с каждым днем, и господин долины наступает.

И наконец покой и вовсе покинул ее — она не могла обрести его ни днем, ни ночью.

Она сидела, повесив голову, под подернутой облаками луной, и Фиан не мог развеселить ее. Он взирал на нее с глубоким отчаянием, а потом сочувственно прикоснулся к ее руке.

Она не сказала ни слова, но поднялась и пригласила арфиста немного пройти вместе с ней. Он повиновался. И злобные твари завопили и зашептались в глубине чащоб и порослей вереска, внушая гнусные помыслы ветрам, так что Фиан то и дело вздрагивал и пятился во тьму, и жался к Арафели.

Силы ее убывали — ей не удавалось заглушить эти го-

лоса, и она не могла заставить себя не слушать их. «Крах, — шептали они, — все бесполезно». И, наконец, ухватившись за руку Фиана, она опустилась на стылую землю и прильнула головой к изъеденному, умирающему дереву.

— Что мучает? — спросил Фиан и погладил ее по лицу, и расцепил скрюченные пальцы, раскрыв ладонь, тянувшуюся к горлу, словно ища там ответа. — Что мучает тебя?

Она пожала плечами и улыбнулась, и вздрогнула, ибо даже сейчас в темноте при свете костров и факелов топоры продолжали звучать, и она ощущала, как железо снова вгрызается в лес, сотрясающийся от бесконечного крика, длящегося уже много дней; но Фиан был глух к нему — таким уж он был создан.

— Спой мне песню, — попросила она.

— Сердце мое не лежит к песням.

— Как и мое, — откликнулась она. Пот покрывал ее лицо, и он утер его нежной рукой, пытаясь облегчить ее боль.

И снова он поймал и разжал ее пустую руку, тянувшуюся к горлу.

— Камень, — промолвил он. — Ты по нему скучаешь?

Она вздрогнула и обернулась, ибо топоры зазвучали громче и ближе. Он тоже посмотрел в ту сторону и снова перевел взгляд на нее, недоумевая и не слыша ничего.

— На этот раз, — произнесла она, — как только встанет солнце, ты должен отправляться в путь. Новый лес укроет тебя.

— И бросить тебя? Ты говоришь об этом?

Она улыбнулась и прикоснулась к его встревоженному лицу.

— Я достаточно вознаграждена.

— Как вознаграждена? И чем ты заплатила? Что ты отдала взамен?

— Сны, — ответила она. — Всего лишь. Не больше того. Но и не меньше. — Руки ее отчаянно дрожали, а сердце затопил невыносимый мрак — то была ненависть к нему, к себе и ко всему живому, и отгонять ее было все тяжелее и тяжелее. — Ими овладело зло. Он причинит тебе боль — мне это уже снилось. Арфист, пора идти.

— Зачем ты отдала такую вещь? — и крупные слезы потекли из его глаз. — Неужто моя игра стоила такой цены?

— Что ж, стоила, — ответила она и рассмеялась послед-

ним смехом, что оставался у нее — и на мгновение зло рассеилось, освободив ее. — Я вспомнила, как надо петь и что такое песни.

Он схватил свою арфу и побежал, ломая ветви и раздирая свое тело в стремительной спешке; но к ужасу своему она поняла, что бежал он не туда, куда надо, а возвращался вновь к долине Кера.

Она пронзительно вскрикнула и поднялась, ухватившись за ветви, — бездумным был этот шаг, не следовало ей идти за ним. Ее члены, столь быстрые под этой луной, занемели, и дыхание вырывалось с трудом. Колючки с умышленным злорадством цеплялись и не давали ей пройти, а все темные силы, обычно терявшие власть в ее присутствии, громко нашептывали ей теперь о смерти.

А где-то там господин-волк со своими людьми наносил лесу звенящие удары, язва его ядом железа. Тяжелое человеческое тело, которое она, случалось, носила, снова казалось ей естественным, и лунный камень был заточен близ сердца, что билось ненавистью.

Она старалась не спешить и не могла остановиться. Она с безнадежностью всматривалась в узкие глаза Эвальда и видела, как юный арфист выбегает из леса прямо на них. Вздываются луки и топоры. Лают псы и мечутся во всполохах костров.

Фиан, не колеблясь, идет к нему, неся себя и арфу.

— Обмен, — слышит она его голос. — Камень на арфу.

Сердце Эвальда было так полно ненависти и страха, что она едва могла дышать. Боль пронзила ее до самой глубины души, когда грубые пальцы Эвальда сжали камень. Она ощущала его страх и его ненависть к камню. Ничего бы он никогда не отдал по доброй воле. Но этого камня он страшился и готов был расстаться с ним со свирепым весельем.

— Подойди, — сказал Эвальд и вытянул руку с раскачивающимся и вращающимся камнем, так что ненависть отступила от сердца Арафели.

И к нему прикоснулась другая рука, нежная и полная любви. Она ощутила неожиданный прилив сил и отчаяния и кинулась вперед бежать, спасать...

И тут же боль пронзила ее сердце с последним звоном арфы, с таким всполохом любви и горя, что она, ослепнув и помертвев, вскрикнула и чуть не упала.

Но она не остановилась в своем беге; теперь она скользила словно тень, ибо тяжесть оставила ее. Под нездешним светом летела она через луга, собирая все позабытое, в мгновение ока то возникая здесь, то снова скрываясь в ином мире.

Лошади ржали в мрачном свете и лаяли псы; ибо теперь она не трудилась выглядеть так, как удобно людям. Лучезарная, как луна, она возникла среди них, и в руках ее был острый серебряный меч, чтобы скрестить его с железом.

Арфа и арфист лежали рядом разрубленные мечом. Она увидела, как человеческая мелюзга ринулась в стороны от нее, но ей было не до них; Эвальда она искала, подняв свое хрупкое серебряное лезвие. Эвальд изрыгнул проклятие, пришпорил лошадь и ринулся к ней, размахивая мечом, рассекая со свистом ветер. Лошадь взревела и попятилась назад, он снова выругался и опять ее пришпорил. Но первой нанесла удар Арафель, и он взревел от ярости при виде своей крови.

Она тут же отступила в лес. Он бросился следом. Преследование было в его натуре. Она могла бы убежать в иной мир и обмануть его, но она не стала этого делать. Она мелькала и петляла впереди огромной лошади, ломавшей ветви и кусты и мчавшейся за ней по пятам с пеной на удилах.

Жадные тени сгущались с обеих сторон, бормоча и радуясь погоне, которая уходила все дальше в черное сердце леса, ибо они жили по волчьим законам, и подобное влечло их к себе. Они все плотнее обступали Эвальда, но не смели его тронуть: она бы не позволила им. А над ними клонились и трещали деревья, и листья, обрываемые ветром, слетали вниз: небеса сотрясались от грома, и земля — от грохота копыт, и треск ветвей разгонял тени.

И вот в темноте, меж вспышек молний, она обернулась, откинула за спину свой темный плащ и засияла пронзительным светом: лошадь осела на задние ноги и упала, и Эвальд покатился по мокрой листве. Поверженное животное вскарабкалось на ноги и, минуя протянутые к ней руки хозяина и угрозы, ломая ветви, загрохотало вниз по сырой земле, разбрызгивая воду в каком-то потаенном ручье в темноте; и тогда тени злорадно засмеялись. Арафель во

всем своим обличье стояла в его мире, сиятельная, как серебряная луна. Эвальд выругался и перевернул в руке свой огромный черный меч. Затем он взвыл от ярости и нанес удар.

Она рассмеялась и отступила в иной мир, когда меч обрушился туда, где она только что стояла. И снова она вернулась к Эвальду, и снова ринулась в чащу, принуждая его к преследованию, пока он не упал от изнеможения и не зарыдал во мраке урагана, уже забыв о своей ярости, ибо тени уже горланили вовсю, мечась среди кренившихся деревьев.

— Вставай, — насмешливо промолвила она и снова возникла перед ним. Ветер перекачивал над ними раскаты грома, а издали доносилось ржание лошадей и лай собак.

При этих звуках веселое злорадство блеснуло в глазах Эвальда — он подумал о подмоге; и при свете молнии лицо его озарилось улыбкой, когда он поднял свой меч.

И она рассмеялась с эльфийской жестокостью при этих звуках; радостная уверенность Эвальда растаяла, когда попытка прогремела над ними, сотрясая небо и землю, ибо то шла охота иного рода и иного Элда.

И выругался Эвальд, и замахнулся мечом, и сделал выпад, и снова рубанул, чуть не коснувшись ее железом. И вновь занес свое оружие, наступая все упорнее. Она то возникала, то уходила в иной мир, уворачиваясь от клинка, и вдруг, нацелив свой серебряный меч прямо ему в сердце, ударила. Жало молнии раскололось пополам, Эвальд вскрикнул и, ужаленный серебром, испустил дух.

Она не издала ни смеха, ни рыданий; она слишком хорошо познала этого человека, чтобы чувствовать что-либо. Вместо этого она взглянула на небеса, на серые обрывки туч — предвестников грозы, которых гнали иные охотники, прищпоривая ветра, и истошный вой сопровождал запоздалый рассвет. И она подняла свой легкий меч, отдавая честь госпоже Смерти, что правит людьми, — многих старых товарищей отыщет волк в ее стране.

Лишь потом ее охватила печаль, и она тронулась иным путем к началу и концу своих странствий, где, покинутые всеми, лежали арфист и его арфа, ибо соратники оборотня бежали. Но воскресить нельзя было ни того, ни другую, ибо свет погас в его глазах, а деревянный каркас арфы был разбит в щепы.

Но пальцы его сжимали иное, что сияло в его ладони, как летняя луна.

Наполненный светом, камень был чист и нежен. Она взяла его в руки. Серебряная цепь снова охватила ее шею, и камень вернулся на свое место. Затем, склонившись, она поцеловала Фиана на прощанье и ушла в никуда.

Гроза меж тем разыгрывалась не на шутку.

VI. Выступление в путь

Ураган обрушился на хутор армадой туч и ветром, сгибавшим сучья дуба и срывающим раннюю весеннюю листву.

А с ним вернулся и Кэвин, спотыкающийся и бездыханный, он бежал вдоль изгороди, преодолевая сметающий все на своем пути ветер.

Так он подошел к воротам, и юный Эдвульф, вышедший проверить овец, увидел его первым и закричал: — Кэвин!

Но Кэвин пробежал мимо, держась за бок. Лицо его было в крови. Эдвульф увидел это и, перемахнув через загон, бросился за ним.

И Нэаль увидел его, сначала не признав, а лишь отметив, что в хутор пришел человек: он оставил свою работу в амбаре и бросился бегом к нему навстречу, как и другие со всех концов хутора — из дома, хлева и от закровов, все в спешке побросав.

Но когда он подбежал к Кэвину, сердце его перевернулось, ибо он разглядел лук и колчан, и его сухопарую фигуру, и свежий шрам на его небритом лице, и кровь, стекавшую из многих ссадин.

— Кэвин! — сказал Нэаль и подхватил того на руки. — Кэвин!

Кэвин рухнул на колени, и Нэаль опустился рядом, не выпуская его из своих рук и дожидаясь, пока тот отдышится. Худое бледное лицо, блестящее от пота и залитое кровью, вновь поднялось. В волосах и бороде запутались грязь и трава от многочисленных падений.

— Господин, — вымолвил Кэвин, — он мертв, Эвальда не стало.

Нэаль смотрел с непонимающим видом, а Кэвин сжимал его руки, пока подходили остальные.

— Мертв, — промолвил Нэаль, но дальше так ничего и не понял. — Но ты вернулся, Кэвин... ты отыскал путь.

— Ты слышишь меня, Кервален, он мертв, — Кэвин даже нашел в себе силы, чтобы встряхнуть Нэалья. — Кер Велл остался без хозяина — настал твой час, твой час, Кервален. Он ушел в лес и не вернулся; он схватился с волшебным миром и никогда уже он не вернется назад.

— Фиан... Он с тобой?

— Арфист мертв. Эвальд убил его.

— Сын Косеннача.

— Послушай меня. Сейчас или никогда. Люди ждут тебя...

— Арфист мертв.

— Кервален, неужто ты оглох? — и слезы заструились по лицу Кэвина. — Я вернулся за тобой.

Нэаль стоял на коленях в пыли. И Барк, подойдя сзади, положил свои большие руки Кэвину на плечи. Уже собрался почти весь хутор, и люди продолжали подходить — одни стояли, другие опускались на колени, и последние приближались так бесшумно, что тишина сгущалась в ужасном, напряженном ожидании.

— Скажи мне — где и когда, — попросил Нэаль. — Расскажи мне все с самого начала.

— Время от времени... — Кэвин отдышался, опустив руки на колени, — мы встречались, сын Косеннача и я. Фиан Финвар. Сначала на дороге, когда я ушел вслед за ним. Потом мы простились. И он лишь посылал мне весточки — как у него шли дела и где. Он провел зиму в Кер Велле, как и собирался, а я — я собрал старых друзей, мой господин, знакомых тебе людей. Я не терял времени даром — на дорогах и в холмах, и в излучинах реки: я был в Донне и в Бане, и в прочих подобных местах, я посылал людей в Кер Лел.

— ...Сбирая их на мое имя?

— А что иное смогло бы их поднять? Да, на твое имя. Но мы вели себя тихо, господин, и немного совершили во имя твое, получая вести от арфиста из самого Кер Велла, когда ему удавалось пересылать их нам. А потом он покинул замок — бежал, и Эвальд шел по пятам за ним, потом пришло известие, что он мертв, убит, а Эвальда не стало позже — он погиб лишь сегодня утром. Наш человек про-

езжал мимо его лагеря и принес известие, что люди Эвальда считают его мертвым, опасаясь сообщить о дальнейшем... при такой грозе... — Кэвин перевел дыхание и снова схватил Нэаля за руки. — Сегодня днем они вернутся в Кер Велл обездоленными и лишенными вождя; Кер Велл снова твой. Теперь ты не можешь отрицать этого. Люди готовы идти за тобой. — Фиграл и Кадок, Друв и Оган, и многие другие...

— Ты не имел права! — Нэаль стряхнул с себя руки Кэвина и встал, и расправил плечи, расчищая вокруг себя пространство, и замер под напряженными, изумленными взглядами собравшихся — Лонна и других, и обернулся, чтобы посмотреть на Барка, навстречу завывающему и хлещущему ветру, от которого слезились глаза. И наконец он перевел взгляд на Кэвина, который взирает на него снизу вверх, израненный и потрепанный, покрытый такими шрамами, от которых его уберег бы хутор, не знавший никогда войны, и сердце Нэаля содрогнулось, и покой покинул его безвозвратно. И то был не удар грома, хоть раскаты его и были слышны, то было внезапное прозрение, что жизнь и смерть шли в мире без него, что люди жаждали того же, что он сам когда-то любил. Он почувствовал себя обделенным, ибо в грозовых сумерках все показалось ему менее прекрасным, чем прежде. Вокруг хутора лежала мгла, которой он прежде не замечал. На лицах обитателей виднелись пятна и изъяны, которых раньше тоже он не видел. И слезы хлынули из его глаз, и ветер сдувал их со щек.

— Ну что ж, нам пора в путь, — промолвил он и помог Кэвину подняться. Не просто было посмотреть в глаза остающимся, но он должен был это сделать — взглянуть в спокойное лицо Барка, чья рыжая грива развевалась на ветру, и на Эльфреду, чьи золотые косы были неподвижны и при сильнейшем ветре, на Шелту и непоколебимого Лонна, на Скагу, чье узкое личико за прошедшие годы оформилось уже почти в мужское.

— Мне надо позаботиться кое о чем, — сказал им Нэаль. — Как волку и лисам, пришло свое время. И ланка ушла. Теперь в холмах они будут охотиться друг на друга.

— Тебе понадобится пища, — промолвила Эльфреда.

— Если вы позволите, — прошептал Нэаль и взглянул на Барка, — если вы позволите... Банен...

— Не сомневаюсь, что она понесет тебя, — ответил Барк. — А если она согласится, то пусть делает, что хочет.

— Мне нужен мой меч, — сказал тогда Нэаль и отвернулся, не в силах больше смотреть на Барка и Эльфреду. — Пойдем в дом, — он обнял Кэвина. — Там есть хлеб и эль.

И они пошли. Слева от Нэаля оказался Скага, а справа — Кэвин, и он положил свою левую руку на плечо Скаге, но юноша опустил голову и ничего не сказал ему, совсем ничего, а гром все грохотал над хутором, и ветер срывал охапками молодые листочки с дуба.

Они вошли в дом — в тепло и деловую суету, где было питье и хлеб, и остальное, необходимое, чтобы насытить двоих и более людей. Нэаль подошел к камину и взял из угла свой меч, но он не стал вынимать его из ножен и осматривать клинок. И ножны, и перекрестие были покрыты пылью. Возможно, в него пробралась и ржавчина здесь у очага. Но он не смел обнажать меч в доме Барка и Эльфреды. Дермит принес ему остальные вещи, которые были при нем, и вместе со Скагой, Лонном и Дермитом он занялся ими, пока Кэвин, дрожа от усталости, крошил и клал в рот пищу. Плаща у Нэаля не осталось, поэтому он надел свою старую теплую куртку, повесил пыльный меч через плечо и вышел на пронизывающий ветер искать Банен в амбаре.

— Я пойду с тобой, — закричал ему вслед Скага, выходя за ним.

— Нет, — откликнулся Нэаль. — Оставайся в тепле. Помоги Эльфреде. Я не уйду, пока не повидаюсь с тобой. Оставайся в доме.

Раздался раскат грома. Нэаль повернулся и побежал, минуя ворота, вниз по холму к амбару и скорее внутрь, где можно было укрыться от ветра и где тепло пахло сеном и лошадьми.

— Банен, — прошептал он, подходя к ней в полумгле конюшни. Он принес уздечку, которая была на ней, когда она пришла к ним. Нэаль потрепал лошадь по шее, а в ответ она ткнулась ему в грудь, и стоявший рядом пони тихонечко заржал.

— Банен, — повторил он, — Банен.

— Жестокий, — пропел тоненький голосок.

Он обернулся, став спиной к кобыле. На пони сидел

Граги и посматривал на него сквозь прутья соседнего стойла.

— Жестоко брать Банен. Жесток Кэвин, уводя своего господина. Ибо есть ли где мир и покой, человек? Никогда его не будет для Кэвина, никогда его не найдет Банен, нигде его не отыщет Кервален. О, не уходи!

— Если бы я мог, — Нэаль успокоился и снова начал поглаживать Банен. Руки у него все еще были холодны от ветра. Он просунул узду в рот Банен и заправил ей за уши удила. Она повернула голову и мягко подтолкнула его в грудь, всхрипнув, когда темная фигура вдруг опустилась перед ними на перекладину.

— Не уходи, — повторил Граги.

— У меня нет выбора.

— Выбор есть всегда, всегда. О, человек, Граги предупреждает тебя, — он поерзал и сжался в комок на перекладине. — Злой Кэвин, злой.

Нэаль взялся за узду, и Банен попятилась, покидая свое теплое уютное жилище. Граги последовал за ними, стремительно скатившись по соломе: он выбрался на свет, лившийся из полуоткрытой двери весь в соломенной трухе и снова закачался, обхватив себя руками.

— Не уходи.

Печаль нахлынула на Нэалья. Он никогда не испытывал таких чувств к Граги, но он знал, что там, куда он отправляется, нет ничего похожего на это существо, во всем холодном и враждебном мире. И он показался ему маленьким и сморщенным и куда более испуганным, чем страшным. Нэаль протянул к нему руку, как к ребенку.

— Граги, береги людей, которых я люблю. И это место. Я пробыл здесь слишком долго.

Граги чуть прикоснулся к его руке кончиками пальцев, совсем едва, и склонил голову на бок, и взглянул на него снизу вверх, потом вздрогнул и, взлетев на бочку с яблоками, обхватил голову руками.

— Она видит, она видит, — запричитал он, — о, страшное лицо, ужасный блеск ее глаз, она все видит!

— Кто? — спросил Нэаль. — Кто видит?

— Она проснулась, — воскликнул Граги, глядя между пальцев. — Она проснулась, проснулась, проснулась! И арфа королей разбита. О, страшный меч, злой острый меч!

О, не ходи, человек, о, человек, Граги предупреждает тебя — не ходи!

— Кто это она?

— В лесу, глубоком и недвижимом. Туда пришла арфа, ибо должна была прийти. Как и все принадлежащее Элду. Берегись, о, берегись Донна!

Гром прокатился, бормоча, над ними. Банен вскинула голову.

— У меня нет выбора, — вздрогнув, повторил Нэаль. — И никогда не было. Прощай.

Он распахнул дверь и вывел Банен на улицу. Он соби-
рался закрыть пони, но Граги выскочил на порог. Нэаль
вскочил на спину Банен и тронулся к дому, из которого
ему навстречу выходили люди.

Так ему и не удалось снова вернуться в дом. Он чувст-
вовал, что его обделили, отняв даже эти последние мгнове-
ния. Ветер завывал и хлестал Нэаля и Банен, которая пля-
сала в волнении под ним недовольная погодой и громом;
но дождь так и не пошел. Послышался чей-то вой. Но то
был не ветер. Нэаль оглянулся и увидел на крыше амбара
бесформенную шапку волос — то был Граги.

— Человек, — причитал он. — О, человек!

И тут подошли остальные — и Кэвин, и Барк, и Эльфре-
да, и все другие.

— Вот, — промолвил Нэаль, соскакивая со спины Ба-
нен. — Садись, Кэвин. Ты устал.

Кэвин ни за что не соглашался, но после долгих препи-
рательств Нэаль посадил его и взвалил на собственные
плечи мешок с провизией, приготовленный для них Эльф-
редой. Он поцеловал ее в щеку и пожал руку Барку. Он ог-
лядел всех подряд, но черты их лиц словно отдалялись,
ускальзывая от него, унося с собой его привязанность, ко-
торую он не знал, как удержать.

— Скага, — произнес он, не досчитавшись одного. — Где
Скага?

Все принялись оглядываться, но юноши нигде не было
видно.

— Он был со мной, — сказала Шелта, — всего мгнове-
ние тому назад.

— Он грустит, — заметил Лонн.

И Нэаль лишь тяжело покачал головой, все понимая.

— Пойдем, — сказал он Кэвину и закинул ремни мешка себе за плечи. — До свиданья, — промолвил он. — До свиданья.

— Прощайте, — ответил Барк. — Благословил бы вас, да что мои благословения.

И тогда Нэаль повернулся и зашагал рядом с Кэвином, восседавшим на Банен. Ветер обрушился на них, но из черных туч так и не упало ни капли дождя. Трава и нежные колосья лежали волнами, и в небесах то и дело вспыхивала молния. Нэаль оглядывался не один раз и махал рукой, но фигуры людей становились все туманнее в шквалах урагана, налетевшего на хутор. На душе у Нэаля становилось все тяжелее и тяжелее, и ноги словно налились свинцом.

— Берегись, — прохныкал тоненький голосок с вершины холма справа от него. — Берегись, — то был Граги, сидевший на камне, среди моря бушующей травы. — О, человек, в этих тучах не обычный дождь.

— Что за дрянное создание, — пробормотал Кэвин.

— Будь добр, — заметил ему Нэаль. — О, Кэвин, говори лишь добрые слова.

Но Граги уже исчез, и камень опустел. Банен тряхнула головой и принялась к ветру.

— Стой, господин, она снесет двоих, — сказал Кэвин. — Садись со мной.

— Нет, — ответил Нэаль. В последний раз он оглянулся, но между ним и остававшимися уже вздымался холм — он помахал рукой, но этого уже никто не видел. Отчаяние и одиночество охватили его, ветер швырнул в лицо ему пыль, и на мгновение ослепнув, он принялся тереть глаза, не останавливаясь. Прочистив их, он снова обернулся, прищуриваясь при порывах ветра.

Изгороди, по крайней мере, еще виднелись, но и они уже тонули в волнах бушующей травы.

— Кэвин, — промолвил Нэаль. — Изгородей не видно.

Кэвин оглянулся, но не проронил ни слова. И снова Нэаль протер глаза, чувствуя в костях пронизывающий холод, так, словно ветер наконец-то пронял его. «Кэвин нашел дорогу назад, — подумалось ему, — Кэвин пришел, как арфист, даже не догадываясь, как это трудно, из-за того, что ему нужен был я». И вдруг его охватило нетерпе-

ние, тупое и слепое нетерпение вернуться к миру, увидеть Огана, Дру и всех других, кого он знал — кровавые имена кровавых лет, его лет с королем...

В Кер Велл, домой, и что бы от него там ни осталось...

— Нэаль! — послышался с холма ломающийся голос, заглушаемый ветром. — Кэвин! Нэаль!

— Скага, — догадался Нэаль; и сердце у него перевернулось. — Нет, Скага, нет!

Но мальчик уже бежал к ним — мальчик? Нет, то был почти мужчина. Он сбежал с холма и догнал их — и ребра его ходили ходуном, так он запыхался.

— Вернись, — сказал Нэаль, встряхнув его за плечи.

— Я пойду с тобой, господин, — спокойно ответил Скага.

И Нэаль обнял его, ибо больше ничего не оставалось делать. Кэвин слез с Банен и обнял его тоже.

И дальше они пошли, спускаясь меж холмов, — Кэвин в основном верхом, а двое других вприпрыжку рядом.

— Мы встретим их у реки, — сказал Кэвин. — Там.

VII. Мера

Женщины горевали в Кер Велле — то было тяжелое горе без смысла и надежды. Охотники вернулись вечером домой без добычи и без своего господина, исцарапанные, порванные и напуганные долгим блужданием в лесу. Теперь молчаливой смущенной толпой они сидели в зале, не поднимая глаз от стола и пили эль. Лишь один плакал, уронив голову на руки. Один-единственный.

В своей комнате наверху сидела Мера, обняв малолетнего сына, склонившего свою темную головку к ней на колени — нет, он не спал, а лишь дремал от страха и усталости. Мера сидела молча и неподвижно, так что единственная служанка, оставленная ей, не осмеливалась ни шелохнуться, ни задать вопрос.

— Они одни вернулись домой, — наконец промолвила Мера, когда мальчик заснул. Она взглянула на высокое узкое окно, за которым стояла ночь и все еще неистовствовал ураган. — И они не поднялись наверх. Значит, они еще не уверены, что он мертв, — она погладила головку сына и взглянула на юную Кали — служанку, которая де-

лала вид, что шьет. В глазах ее застыл неистребимый страх. В ту ночь в Кер Велле не было иного закона кроме страха. Неестественный гром, рокотавший весь день, сотрясал и крушил древние камни. И наконец хлынул дождь — обычный проливной дождь. Кали взглянула вверх и выпустила судорожный вздох, как будто долго удерживаемое дыхание вырвалось из ее губ, как и у всей природы, не дышавшей весь день. Мальчик приподнял голову.

— Тихо, — сказала Мера. — Это всего лишь дождь.

— Он не вернулся? — спросил мальчик.

— Тихо, нет, не шуми. Хочешь, я возьму тебя на руки?

Он потянулся к ней. Мера подняла его к себе на колени. Ему было уже пять лет, и обычно из гордости он не позволял брать себя на руки, но она обняла его и стала медленно укачивать.

— Госпожа, — попросила Кали, — позволь мне.

— Нет, — ответила Мера. И Кали осталась сидеть, она опустила голову и принялась распускать неровные стежки, сделанные дрожащей рукой во время раскатов грома. Дождь струился по стенам замка, шурша и барабанил, и деревья вздыхали на берегу Керберна. То и дело порывы ветра раздували шторы, колебля пламя лампад и свечей, но дитя продолжало спокойно спать. Снизу из зала донесся звон металла, но потом все снова стихло, оставив лишь шум дождя.

— Они не идут, — повторила госпожа Мера тишайшим из голосов лишь для ушей Кали. — Но завтра, если он не вернется домой, они поднимутся сюда.

— Госпожа, — прошептала Кали, — что нам делать?

— Мужаться, как и прежде, — ответила госпожа Мера и посмотрела на своего спящего сына, разглаживая рукой черную шапку его волос. Он еще крепче сжал свой маленький кулачок на ее рукаве. Он никогда не отличался здоровьем, сын Эвальда, зато был быстр и догадлив. — Тихо, что мы можем сделать? Да и когда мы могли? Но если ты сможешь, ты должна будешь бежать с ним, понимаешь?

— Да, — еле слышно промолвила Кали, и голубые глаза ее стали круглыми. — Я знаю, — обе все понимали. И Мера нежно ласкала своего спящего сына, хорошо зная людей, сидящих внизу и не сомневаясь, что скоро в одном из

них взыграет честолюбие: и тогда у мальчика не останется ни единой возможности остаться в живых, как и у всех других, в чьих жилах текла кровь Эвальда, и, возможно, это случится еще до наступления рассвета. Там был Бертрам и другие, подлые, кровожадные люди, кровожадные и дикие, как и их господин... и с каждым часом они хмелили все больше. Чаши внизу наполнялись снова и снова, и трусы восстанавливали храбрость, потерянную ими в лесу.

Из далекой тьмы, под стенами послышался цокот копыт.

Мера приподняла голову и прислушалась сквозь гром, вой ветра и дождя.

— В стороне от дороги, — прошептала Кали. — Из-под стен, не у ворот.

Цокот все приближался, казалось, звучал уж под самыми окнами и был отчетлив теперь, несмотря на грохот воды и шуршание листьев. На мгновение он словно затих и вновь раздался, сопровождаемый раскатами грома.

— О, госпожа, — выдохнула Кали, сжимая талисман на шее, — то, верно, феи.

— То лошадь моего мужа вернулась домой, — промолвила Мера, и взгляд ее был холоден и устремлен вдаль. — Она может кружить всю ночь, но они не откроют ворот, нет, им страшно. Тихо, — сказала она, ибо мальчик зашевелился во сне, и она вновь закачала его, покрепче обняв. Лошадь снова процокала рядом и замерла.

— Феи, — настойчиво повторила Кали, когда цокот возобновился. — О, госпожа...

Но лошадь ушла во тьму, и внизу, в зале, никто не открыл и не закрыл дверь: никто не вышел взглянуть. И звуки копыт замерли, и в зале было тихо, и дождь начал ослабевать. Снизу не доносилось даже шагов. Изможденное дитя спало в объятиях Меры, и Кали перестала дрожать. Вздывалась и хлопала штора, растрепанная ветром, который тоже теперь стихал. Мера указала на нее рукой, и Кали с ужасом поднялась и, приблизившись к темному окну, привязала штору, затем по очереди начала подрезать фитили — такое мирное и уютное занятие в доме, таящем убийство.

— Поспи немного, — сказала Кали, покончив с лампадами, и протянула шаль. Мера жестом попросила накрыть

ею мальчика, и ненадолго на них снизошел покой. Кали заснула в кресле, которым они задвинули дверь, бессильно опустив руки на колени, а голову повесив на свою полную грудь.

Но Мера все время была настороже, прислушиваясь к дождю, который уже растратил весь свой пыл. В ее глазах не было слез — не то было время. «Они остались в дне вчерашнем, — думала она, — а те, что не выплаканы, надо приберечь для дня завтрашнего». Будь окно чуть пошире, она бы подумала о побеге, о том, чтобы сплести всю, имевшуюся у них одежду в канат и спуститься по нему вниз. Но оно было слишком узко для кого бы то ни было, разве что кроме ее сына. Отчаянно она размышляла над тем, чтобы дожидаться, когда те внизу уснут, попытаться пересечь зал и бежать вместе с сыном. Но тогда им пришлось бы миновать охрану, а та может оказаться менее пьяной.

Возможно, ей удастся выиграть время для сына, хоть немного времени, и мудрая Кали, верная Кали, простая деревенская женщина, не столь погибшая, как она сама, сумеет их спасти. Или вдруг Кали удастся как-нибудь пробраться за ворота, и тогда она передаст ей сына.

А может, ее господин все же вернется домой — в нем был залог спасения хотя бы от худшей участи, чем та, что он являл собой сам. И эта надежда лишала ее мужества, ибо из башни был один лишь путь — через зал и мимо замелевших воинов.

Она могла бы изобразить горе по своему господину, но каждый, кто хоть немного знал ее, лишь посмеялся бы над этим; и даже если б оно было искренним, оно не вызвало бы почтения с их стороны.

Они могли передрались между собой — таков был их обычай, если бы некому было их остановить; и то была единственная отсрочка, на которую она могла уповать. — возможно, лишь день, чтобы спасти сына. Но победителем из этого состязания выйдет самый кровожадный.

Где-то вдали раздался приглушенный звук открываемой двери. Мера услышала и содрогнулась в холодном предраассветном воздухе, сжимая занемевшими руками своего сына. «Он вернулся, — бездумно мелькнуло у нее в голове. — Окровавленный и свирепый он все же добрался до ворот».

Но она не была уверена в этом. Любую надежду на спасение она подвергала сомнениям, кроме Кали, спокойно спящей у дверей. Она взглянула на лицо сына. Непослушный локон снова упал ему на щеку. Но она не осмелилась шевельнуться, чтобы убрать его, боясь разбудить мальчика. «Пусть спит, — подумала она, — о, пусть он спит. Он будет меньше бояться, если выспится».

Из оружейной, снизу слышался топот ног. «Так значит это он, — подумала она, и холодок пробежал по спине, — он поднимается со сторожем или еще с кем-нибудь, кого разбудил внизу. Мы спасены, мы спасены, если только не будем шуметь». Ибо она знала в глубине своего сердца, что если негодяи оставили своего господина в лесу живым и без лошади, за этим последует жестокая расплата.

Затем слышался звон стали, возгласы, удары и предсмертные крики.

— Ах! — воскликнула Мера и прижала к груди перепуганного сына. — Тихо, не надо, тихо-тихо.

— Наверное, сам, — всхлипнула Кали, прижав руку к губам. — О, он вернулся!

Крики, удары и вопли еще усилились. Мальчик дрожал в объятиях Меры, и Кали, подбежав, обняла их обоих и тоже дрожала вместе с ними.

— Нет, то не он, — промолвила Мера, различив голоса, и сердце у нее похолодело. Кто-то поспешно поднимался по лестнице. — О, Кали, дверь!

Запор был задвинут, но он был ненадежен. Кали бросилась к креслу, стоявшему перед дверью, чтобы придвинуть его, но дверь распахнулась перед ней, и кресло отлетело к стене. На пороге стояли окровавленные люди с обнаженными мечами в руках.

Заслонив от них Меру, Кали замерла перед ними.

Последним в дверь вошел узколицый воин в пастушьей куртке и с мечом в руках. У него не было никаких знаков и фамильного оружия, он отличался лишь спокойствием, которого не знал Кер Велл. Волосы у него были длинными и большей частью седыми, а худое лицо отмечено шрамами. За ним вошел суровый широкоплечий воин, и наконец — рыжеволосый юноша с рассеченным лбом.

— Госпожа Мера, — промолвил пришелец. — Успокой свою защитницу.

— Кали, — сказала Мера. И Кали отошла к стене, плотно сжав губы и не спуская встревоженных глаз с мужчин. Под передником она сжимала кинжал, которого никто не видел.

Но высокий незнакомец подошел к Мере и опустился на одно колено, придерживая согнутой рукой свой окровавленный меч.

— Кервален, — неуверенно проговорила Мера, ибо лицо его постарело и изменилось.

— Мера дочь Кенарда. Ты овдовела, не знаю, огорчит ли тебя это известие.

— Не знаю, — ответила она, и сердце ее бешено забилося. — Это ты мне должен сказать.

— Это — мое владение. Мой двоюродный брат убит, хотя и не моей рукой, чего не скажешь о его соратниках. Кер Велл в моих руках.

— Как и мы все, — заметила она. Все промелькнуло перед ней — безопасный путь за ворота и безнадежные скитания потом. — У меня может быть родня в Бане.

— Бан колеблется от каждого дуновения ветра. И чего от него ждать тебе, вдове оборотня? Искать укрытия в Ан Беге? Дружья оборотня ненадежны. Я говорю — Кер Велл мой, и я намерен защищать его, — он протянул руку к мальчику, который отпрянул от него, вцепившись в рукав матери. — Это твой?

Она так и не позволила себе заплакать. Сдержала слезы она и теперь, когда огромная, измазанная кровью рука протянулась к ее сыну, к ее дитя.

— Он мой, — ответила она. — Эвальд ему имя. Но он — мой.

Рука помедлила и опустилась.

— Я ничего не сделаю наследнику Эвальда, но буду относиться к нему как к сыну, и его мать, если она останется в Кер Велле, будет в безопасности.

С этими словами он поднялся и подал знак своим людям, большинство из которых уже удалилось.

— Охраняйте эту дверь, — распорядился он. — Пусть никто не тревожит их. Они невинны — он еще раз оглянулся, не выпуская из рук окровавленного меча, ибо его

нельзя было убраться в ножны. — Если мой двоюродный брат вернется домой, его ждет суровый прием. Но я думаю, он не придет.

— Нет, — подтвердила Мера и вздрогнула. И впервые за все это время по щекам ее заструились слезы. — Удача покинула его.

— В Кер Велле с ним не было удачи, пока он владел им, — сказал Нэаль Кервален. — Теперь я буду владеть им со своей доброй судьбой.

Мера плакала, склонив голову, ибо больше ей ничего не оставалось делать.

— Мама, — прохныкал ее сын, и она прижала его к себе, ища в нем утешения, и Кали, подойдя, обняла их обоих.

— Не стоит спускаться в зал, — сказал Кервален, — пока мы не очистим его. — И он вышел прочь, так ни разу и не улыбнувшись. А Мера смеялась, так смеялась, как уже и не помнила, что такое бывает.

— Свободны, — говорила она. — Свободны! О, Кали, это — Нэаль Кервален, защитник короля! Он очистит зал! Пусть получают они по заслугам. Когда-то я знала его — много-много лет тому назад; настало утро, наша ночь прошла.

И робкая надежда забрезжила во взгляде Меры, потаенная, неуверенная надежда, как любое упование в Кер Велле, ибо оно искажалось и становилось орудием мести. Она забыла, что юный арфист Фиан был мертв, забыла о своей почти любви к нему, ибо Мера все еще была молода, и арфист тронул ее сердце. Она забыла обо всем, возложив всю свою надежду на Кервалена. Таков был характер племянницы бывшего короля, которая научилась выживать в житейских бурях, ибо она умела отыскивать спокойные заводи.

— Мама, — промолвил ее сын, он всегда мало говорил, этот юный сын Эвальда: он тоже научился спасаться, несмотря на свой юный возраст, а спасение его было в молчании и в том, чтобы крепче держаться, не отпускать единственную свою защитницу. — Он идет?

— Никогда, никогда он не придет, сынок, — ответила Мера. — Этот человек уберезет нас.

— Он был в крови.

— То была кровь всех негодяев Кер Велла. Он никогда не обидит нас.

И она зачала своего сына, но силы вдруг оставили ее, и Кали пришлось подхватывать на руки их обоих. И все же Мера продолжала смеяться.

С приходом летнего тепла в Кер Велле сыграли свадьбу. В замке появились новые лица — худые суровые воины, но говорили они спокойными голосами и были учтивы, и многих из них Мера знала еще в юности, и те из них, кто еще мог улыбаться, улыбались ей. Кое-кто и из старых людей остался в Кер Велле, но худшие погибли или бежали, а остальные исправились; и еще многие пришли к замку, даже фермеры, надеявшиеся на землю, которую они и получили — всю, что была под паром. Было несколько сородичей Нэаля, хоть и мало; пестрый народ пришел с холмов, суровый и не терпящий, чтобы ему перечили. Был здесь и Кэвин, охромевший после сражения, и долговязый Скага, и мрачный бешеный Дру с южных холмов. Но какими бы они ни были, они подчинялись закону, а слухи о зловещей смерти оборотня разнеслись далеко, так что Ан Бег и Кер Дав лишь глухо ворчали, не испытывая желания шутить с лесом и его силами. На них тоже обрушился ураган. А по сему они решили закрыть дорогу и запретить Кер Велл, словно его и не существовало.

Так Мера, убранная цветами и тихая, как всегда, вышла замуж и стала женой Нэаля, госпожой Кер Велла.

И мальчик Эвальд научился ходить по пятам за Нэалем, Кэвином и Скагой, и к нему вернулись игры и смех.

— Он — твой сын, — говорил Нэаль Мере, зная, что радуется ее. — И моего двоюродного брата, и кровь королей в нем течет от тебя.

Но временами он замечал и другое, когда мальчик обижался и злился. И тогда вдвойне Нэаль был терпелив с ним, потому что, случалось, сердце его таяло, когда мальчик смеялся или когда, несмотря на усталость, он следовал за ним, подстраиваясь под шаги взрослого мужчины. Он всюду сопровождал Нэаля — на стены, вверх и вниз, в конюшни и кладовые. Одно слово Нэаля могло зажечь его глаза и погасить в них свет, и не было конца его обожаю.

Так мальчик рос, и, когда Скага при необходимости тащала его за уши, тот лишь хмурился; только Нэаль мог вы-

звать у него слезы. У него был пони для верховой езды — косматое животное, спасенное с мельницы, которое отъелось и превратилось в веселую и хитрую лошадку, приплясывавшую рядом с Банен на летних прогулках. Эвальд вырос из всей своей одежды к зиме, и все рукава надо было выпускать, а талии занижать, чем и занималась Кали. А зимними вечерами он слушал рассказы воинов.

Но никогда и слова не говорилось об Элде: всякий раз, как о нем заходила речь, Мера вздрагивала и прижимала к себе сына, и тогда Нэаль запретил рассказы о нем.

Мера родила ему дочь — белокурую голубоглазую девочку, а затем еще одну, так что у него не было сына, о чем он если и задумывался, то не печалился, ибо его счастливая судьба принесла ему двоих сыновей: Скагу, ставшего широкоплечим мужчиной, крепким молодцом, который однажды сумел даже отразить нападение Ан Бега и который выучился воинскому искусству и участвовал в затяжной тяжелой войне; и он имел Эвальда, достигшего юности, своего наследника, ибо Скага не помышлял о власти. А Эвальд, Эвальд легко относился к тому, что замок был его... ибо он был самоотвержен и горд в своей преданности, он научился быть мягким и отдавать все свое сердце тем, кто дарил его своей милостью, ибо так говорил ему Нэаль.

И так Нэаль имел двоих дочерей и любил их всем сердцем, и они получили пони Эвальда, когда тот вырос. Эвальду же он дал последнего жеребенка Банен.

Кэвин умер — и это было самое сильное горе, постигшее Нэалья в течение этих счастливых лет: он просто упал, хромая нога подвела его на лестнице. Так Кэвин заснул в сердце Кер Велла, приняв мирную смерть, о которой даже не мечтал.

Деревья за рекой снова выросли. Снег падал и стаивал весной, и в Кер Велле началось строительство новой башни, ибо, сказал Нэаль, никто не знает, какие могут настать времена. Он думал о короле, который теперь вступал в возраст мужчины, и о будущих войнах, которые он уже не увидит, ибо старость подступала к нему. Волосы его совсем поседели, и настал день, когда ему пришлось отослать Банен, ибо она слабела, и он не мог более делать вид, что года не сказываются на них. Он велел Скаге отве-

сти ее и отправил с ним еще отряд воинов, словно пегая кобыла была важной персоной. Им предстояло миновать дорогу, удерживаемую Ан Бегом: что они и сделали без малейших препятствий со стороны Ан Бега, который, наученный горьким опытом, предпочитал лишь наблюдать, не вмешиваясь.

Так Банен свободно ушла вверх по лощине.

— Она убежала, — с горящими глазами рассказывал потом Скага. — Сначала, казалось, она не уверена, но потом она вскинула голову, задрала хвост и побежала туда, куда пошла бы в молодости. Я потерял ее из виду меж холмов. Но она знала дорогу. Я в этом уверен.

— Ты бы и сам мог последовать за ней, — сказал Нэаль, и слезы заблестели в его глазах.

— Как и ты, — ответил Скага. — Здесь у меня жена, мой сын и мой дом.

— Ну-ну, у Банен здесь тоже был дом, — он поджал губы. — Как и у меня, как и у тебя, что правда, то правда. Наступает время, когда мы должны расставаться даже с любимыми.

— Господин, — промолвил Скага, и на его волевом лице отразилась тревога, — ты сам не свой из-за этой кобылы. Ты прав: время ее пришло, но твое еще нет.

— Кэвин ушел. Его ни с кем не связывали узы, надо было мне его послать туда.

— Он никогда бы не бросил тебя.

— Он никогда бы не бросил Кер Велла, — поправил Нэаль. — Он любил эту землю и эти камни и теперь он спит среди них. У меня есть Мера и Эвальд, и мои дочери... и жеребец, что принесла мне Банен, но какая же крепкая она лошадь. Я и вполтину не любил ее так, как должен был бы.

— Мы поедем завтра на охоту, господин, чтобы исправить твоё настроение.

— Сказать по правде, я никогда не находил в ней радости. Она напоминает мне о другом.

— Тогда мы просто будем скакать верхом и предоставим оленям делать то, что им нравится.

— Пусть так. Да, — сказал Нэаль и устремил взгляд на угли в очаге. Над очагом выступала каменная голова волка. Он так и не убрал ее.

VIII. Удача Нэалья Кервалена

Времена года сменяли друг друга. Долго, уже очень долго царил мир, ибо юный король, по слухам, жил в холмах, и хоть люди и хорошо отзывались о нем, его день еще не настал. И старели предатели, на которых лежала вина, и верные воины тоже старели.

— Ты должен будешь сделать то, что я не могу, — говорил Нэаль Эвальду, потомку королей, и вливал в него надежду, и учил его военному искусству. — Он — твой двоюродный брат, — говорил Нэаль. — И ты поможешь ему взойти на трон. Как помог бы я.

Но любая война, в которой Нэаль не будет первым, казалось очень далекой Эвальду, ибо с самого его детства этот человек, хоть и седой, а потом и вовсе побелевший, был сильным; как ураган, он очищал свои владения от всякой несправедливости, которую встречал, а временами совершал вылазки, чтобы напомнить своим врагам, кто правит в долине Кера. И Эвальд, который знал лишь боль до прихода этого человека, принявшего его к сердцу, считал, что эти времена никогда не кончатся. Но они подходили к концу, хотя сначала он и не понимал еще этого — первым ушел Кэвин, затем Дру вернулся в свои горы, и Скага взял на себя объезд границ, пока Нэаль оставался дома. Так старость накатила на него. Так пришло время беседы — уже не первого откровенного разговора, но самого серьезного.

— Придет день, когда меня не станет, — сказал Нэаль, — и люди начнут сплетничать, но ты помни, сын, я люблю тебя. Хоть ты действительно мне сын лишь по любви, а не по крови. Ты — двоюродный брат короля и никогда не забывай об этом. Но мне ты племянник. Есть надежные люди, которые будут с тобой — ты знаешь их имена. Но другие будут шептаться и пытаться свергнуть тебя — таковы люди.

— Тогда я буду драться с ними, — ответил Эвальд. — И ты не умрешь. Никогда не говори об этом.

— Молчать об этом не было бы мудрым, — Нэаль взял кувшин и налил себе в чашу вина, вторую чашу он наполнил для Эвальда. — А потом я задумал твой брак.

Краска залила лицо Эвальда. Он поднял чашу. Ему было шестнадцать, и он был мальчишкой со всеми мальчи-

шескими помыслами об охоте и играх, и будущей славе в сражениях с Ан Бегом; но сейчас он делил вино с отцом — редкая честь, и потому чуть слышно спросил:

— С кем?

— С дочерью Дру.

— Дру!

— Я сказал — с его дочерью, а не с ним.

— Но Дру...

— ...не самый веселый человек из моих друзей. Но самый молодой, и судьба одарила его сыновьями — отважная семья. Он имеет единственную дочь, любезную его сердцу. А сыновья его имеют единственную сестру. И они позаботятся о своем. Мне не найти надежнее людей, чем клан Дру, чтоб защитить тебя. И я не буду тревожиться.

— Потому что человек, зачавший меня, был убийцей короля, — и Эвальд опустил голову. Он никогда не говорил об этом, но он это знал.

— Потому что ты мой наследник, — сурово возразил Нэаль и добавил более мягко: — Я не хочу видеть, как выбранные мною союзники покинут тебя. Дру я верю, и сыновьям его я буду верить, если ты свяжешь себя с ними узами. Ее зовут Мередифь.

— А что говорит мама?

— Что это самое разумное.

— А что считает Дру?

— Его еще предстоит об этом спросить. Сначала мне надо было спросить своего сына.

— Что ж, — с неловкостью промолвил Эвальд. — Пусть будет так. Если так надо. — Это было бы нечестно. Не было такого на свете, в чем он отказал бы Нэалю. Ради любви к Нэалю и матери он готов был броситься на копья и мечтал о подобной судьбе — умереть, защищая Кер Велл. Он никогда и не думал, что существуют другие пути. И это пугало его больше, чем орды врагов — то, что ему внезапно предстоит стать мужчиной во всех отношениях, и быть мудрым, и иметь своих детей.

— В этом году, — сказал Нэаль.

— Так скоро.

— Я не могу исчислять оставшееся мне время в годах.

— Господин...

— Это принесет покой и мне, и твоей матери. Я думаю о

ней. Ради нее я хочу, чтобы у тебя были сильнейшие союзники, когда меня не станет.

— Она всегда будет в безопасности.

— Конечно, так. — Нэаль выпил, и повеселел, и улыбнулся Эвальду. Его улыбка напоминала улыбку камня — таким иссохшим и суровым было его лицо.

Но Эвальду было страшно, когда он взглянул на него, ибо он впервые понял, как тот стар, и что выезжать ему из замка становится все тяжелее, и члены его утратили былую силу. Так было и с Банен — она стала худеть и стала костлявой в коленках, и молодость иссякла в ней, и ее увели в холмы. Эвальд не верил сказкам: Банен умерла, как умер этой весной его пони, надорвав сердца его сестрам — он не питал иллюзий.

«Но почему все должно умирать? — думал он. — Или стареть?» И он с ужасом понял, что и на нем лежит проклятье, и что сейчас он должен стать мужчиной и научиться говорить в советах, ибо борьба за короля может оказаться не столь уж победоносной, но затяжной войной, которая потребует всей жизни, как у Нэалья.

Его будут называть сыном Эвальда, и без поддержки материнской крови и союзников Кервалена никто не станет доверять ему. Он распростился со своим детством, думая об этом, и понял в глубине своего сердца то, чего всегда боялся: что он может потерять Кервалена и соскользнуть обратно в тот мрак, из которого Кервален вызволил его. Песни воспевали Кервалена и кровавый Эшфорд, отвагу и хитрость, и благородство — и этот человек спас его и защитил их с матерью, что было не легко, как он был в состоянии понять. Он помнил арфиста, хоть и смутно — золотое видение и светлые песни; от своего настоящего отца он помнил лишь боль — кровь и страдания, и хриплый громкий голос; и ночь сверкавшего металла и окровавленных тел всех тех, кто когда-либо обижал его мать. В ту ночь она смеялась, и с тех пор к ней вернулась улыбка, и Нэаль никогда не позволял крови приближаться к ней — вернувшись после битвы на границе, он мылся и следил, чтобы все оружие и военные принадлежности были убраны, ибо Кер Велл — говорил Нэаль — не разбойничий притон, как Ан Бег. И этим же словам он выучил своих людей.

Но то было много лет тому назад. Еще до того, как поднялась башня.

«Это ради меня, — думал Эвальд, полный мрачных предчувствий, и смотрел на каменные укрепления с острыми зубцами, врезавшимися в небо. — Он строит это для меня, а не для себя». И тогда он понял, что это последнее слово Нэаля.

«Я не могу исчислять свое время в годах», — сказал он.

И так этим летом месяц за месяцем башня вздымалась все выше, а Нэаль выезжал все реже и мучился болями по ночам. Мера нежно ухаживала за ним, и Эвальд замечал, как и ее волосы тронула седина и как она надрывается в заботах о его слабеющем отце. Но Нэаль улыбался, и она отвечала ему улыбкой. Но большей частью у Меры был встревоженный вид.

Месяц за месяцем к Дру уходили и от Дру приходили посланцы, и наконец появился он сам, тоже седой, в окружении сухопарых юношей, которые немногим отличались от разбойников — то были его сыновья.

— Ну что ж, — промолвил Дру, оглядев Эвальда с головы до пят, — у меня есть свои доносчики, они хорошо отзываются о мальчике.

— Мой отец тоже хорошо отзывается о тебе, — промолвил Эвальд с дерзостью, заставившей горного господина нахмуриться и окинуть его еще одним холодным взглядом.

— Который отец? — поинтересовался Дру, и Нэаль присутствовал при этом.

— Тот самый, что называет тебя другом, — резко выпалил Эвальд, — и чьи суждения о людях я ценю.

Это понравилось Дру и заставило его рассмеяться сухим и леденящим смехом и похлопать Нэаля по плечу.

— А он парень — не промах, — заметил Дру. И Дру и Нэаль отослали его прочь и уселись обговаривать детали, как два фермера, торгующиеся из-за овец.

И так дело было сделано, и Нэаль считал, что лучшего и желать нельзя. «Весной, — пообещал Дру. — Мередифь приедет весной». И Дру с сыновьями уехал домой, спеша добраться до зимних снегов, и Эвальд бродил по замку с убитым видом, который появился у него со дня разговора с Нэалем. «Но это было хорошо и правильно сделано», —

повторял про себя Нэаль, и Мера говорила о том же вслух. «Ибо, — говорила Мера, — теперь с одной стороны он имеет мою родню, а с другой — твоих друзей».

«И еще у него есть Скага, — добавлял Нэаль. — У него есть Скага, надежнейший и вернейший», — и сердце Нэаля таяло при этой мысли.

И это вдобавок к баншине казалось ему достаточным. Ему уже трудно было облачаться в тяжелые одежды и скакать по осенней стуже — приятнее было оставаться у очага. Многие свои обязанности он передал в более молодые руки, хотя временами он думал, как хорошо, когда ляжет снег, оседлать лошадь и скакать, слушая хруст снега под копытами, и видеть нар дыхания и чувствовать лезвие студеного ветра на лице. Но уже нет Банен. А объезжать другую лошадь казалось ему бессмысленным, да еще нужно брать свиту с собой на случай встречи с неприятелем, которая в лучшем случае могла надеяться на кружку с бодрящим напитком на какой-нибудь ферме — и все это заставляло его задуматься о многих других потерях. Так, он считал, что многие вещи он никогда не разлюбит: и желание казалось ему большей радостью, чем действие. Так что лучше всего было оставаться у очага и слушать арфиста, пришедшего к нему в замок (хоть он даже отдаленно не напоминал Фиана Финвара — и эта радость поблекла). По крайней мере, оставалось тепло очага, не дающее холоду сковать его члены и добрая еда, и доброта Меры и его людей. Он увядал — вот и все, то было мирное угасание — он усыхал.

— Я дождусь весны, — сказал он Мере. — Столько я проживу, — он имел в виду, что дождется свадьбы своего сына, но такое обещание сулило слишком мрачный подарок к торжеству: и Мера покачала головой, и заплакала, и, наконец, стала подшучивать над ним, что всегда успокаивало Нэаля — и он улыбнулся, чтобы доставить ей удовольствие. Все утомляло его, и ему казалось, что с него довольно зимы. Ему снился хутор меж холмов — пустые зимние сады, путешествия к амбару по колено в снегу и запах хлеба на пути домой.

Он стал обузой, а этого он боялся больше всего. По большей мере он лежал в зале. Его сыновья и дочери ухаживали за ним — ибо своих дочерей он тоже намеревался

выдать замуж, несмотря на их юный возраст, и уже разослал посланцев: одну он предполагал отдать в Бан, а младшую выдать за одного из мрачных сыновей Дру — о лучших партиях он и не мечтал. Так что даже в угасании его забота простиралась далеко, на много лет вперед. И Мера изумляла его своей привязанностью, ибо, казалось, она никогда не любила его и была ему женой по привычке; ведь и его нежность была лишь привычкой. Единственное, что печалило его, что он всегда был в разъездах, занимаясь то тем, то сем ради нее и детей, и так и не узнал такой простейшей вещи.

Любил ли он ее? Он не был уверен, что вообще что-либо любил, он просто исполнял свой долг, за исключением короткого урывка — всего лишь нескольких лет, прожитых им для себя. К ним-то и возвращался он памятью, ища защиты. Но ему страшно повезло, что он снискал столько любви к себе, выполняя свой долг.

В его памяти мало что осталось от жизни на хуторе. Весь хутор ему казался сном, а воспоминания об Эшфорде и вовсе потускнели, как и Дан-на-Хейвин, да и стены самого Кер Велла. Единственной реальностью казались костер и рыба и тень меж дубами; и, как ни странно, ему не было страшно на этот раз. И сморщенное коричневое личико с глазами, как стоячая вода, не пугало его.

«О, человек, — говорило оно, — о, человек, возвращайся».

Нэаль Кервален умирал. И больше это было не скрыть. Ан Бег совершил набег на границы, но преждевременно — Скага изгнал их прочь и преследовал до их собственных владений, пока горе и тревога не заставили его повернуть назад. Ибо Скага проводил в зале дни и ночи, расставив по всей стране вооруженных людей и приказав фермерам жечь костры, если кто-нибудь их потревожит.

И Эвальд видел, что все было сделано верно, как если бы распорядился сам Нэаль, а может, это и были его приказы, которые он отдавал, приходя в себя, считавшемуся его правой рукой и даже душой.

Тогда приехал Дру, хоть и стояла еще зима, и морозы были еще слишком крепки, чтобы появиться зелени. Он поднимался вверх по Керберну с таким количеством воинов, которое могло отразить при случае любое нападение

— как холодный ветер обрушился он с южных высот, так что патрульные посты, не узнав его, сначала подали сигнал тревоги. Но со стен разглядели его знамена — синие с белым, и крики радости впервые за много дней заполнили Кер Велл.

Эвальд сверху смотрел, как они въезжают в ворота. Он знал, что его отец не ошибся в Дру — тот не стал тратить время на гонцов, и впервые он ощутил нежность к этому костлявому безумцу. Они пришли со звоном оружия и блеском копий и ожидали приема; но среди них вышагивал пони с заплетенной лентами гривой, на котором ехала девушка, завернутая в плащ.

— Мередифь, — прошептал Эвальд и бросился вниз со стены, словно увидел нечто такое, о чем лучше забыть. Душа его не лежала к свадьбе. Только не сейчас, сейчас — ни за что.

Но «да» сказал его отец, когда Дру вошел в зал.

— Да, спасибо, старый друг, — и сознание его было прозрачно, по крайней мере, в этот вечер.

И Эвальд познакомился со своей невестой — худенькой девочкой, одежда на которой висела, а глаза испуганно оглядывали его. Мера, занятая своими мыслями, не могла уделить ей времени, и Эвальду пришлось занимать ее и нашептывать ей любезности. Но он был благодарен уж за то, что она привезла с собой свою кормилицу, чтоб та заботилась о ней.

— Жаль, — прошептала Мередифь, как мышка, — жаль, что не успели дошить мое лучшее платье. Ведь это мне не идет.

Но все это было слишком далеко от Эвальда, хотя он увидел, как она покраснела, и то, как она юна.

— Как хорошо, что ты приехала раньше, чем обещала, — промолвил он. — Это самое важное.

Мередифь подняла голову и с признательностью взглянула на него.

Она не была похожа на его мечту, но в ней не было и ничего такого, чего он страшился, это была смышленная девочка. И вправду, она быстро подняла навсрх свой багаж и прибрала свою комнату, и спустилась вниз, чтобы помочь устроить своего отца, и бегала туда и обратно то с тем, то с другим, помогая прислуге и отдавая распоряжения так ловко, что вся свита была накормлена, в то время как его мать воспользовалась предоставленной ей передышкой и просто сидела у изголовья отца.

И Эвальд пробыл с ними сколько мог, но Нэаль не шевельнулся за весь вечер — он спал, и, казалось, крепче, чем обычно.

— Ступай, — сказала ему Мера. — Дру сказал, что завтра свадьба. И отец будет рад узнать об этом. Она славная девочка, правда?

— Славная для нас, — ответил Эвальд, душа которого как будто занемела, но Мередифь уже завладела его мыслями, как она завладела замком, потому что так должно было быть. — Да, славная, — он не спускал глаз с лица Нэаля. Потом он повернулся и пошел к дверям, где суровый и осунувшийся неотлучно стоял Скага.

— Он спит, — сказал он Скаге.

— Пусть так, — ответил Скага. И ни слова больше.

И Эвальду что-то подсказывало, что он не должен уходить сегодня.

Он спустился в оружейную, где горел очаг, и постоял там в ночной темноте, глядя на утасающий огонь. Из двора и барачков, где устроились люди Дру, почти не доносились никаких звуков — вокруг стояла тишина.

Лишь цокот копыт у стены чуть слышно раздавался в темноте — так тихо, что можно было подумать, это снится ему, если бы глаза у него не были открыты. Волосы встали у Эвальда дыбом, и такая тяжесть навалилась на него, что сбросить ее было невозможно.

Затем послышалось царапанье по камню, и это было уже слишком. Он встал и, завернувшись в плащ, стараясь не шуметь, чтобы не потревожить покой, вышел. Он вышел на стену, ступая как можно тише и все еще сомневаясь, не сыграл ли шутку с ним его слух.

И вдруг темный комок вспрыгнул на стену — волосатое существо с огромными руками и глазами. Он вскрикнул, приглушенно вскрикнул, и оно спрыгнуло вниз.

— Кервален, — пропело оно. — Я пришел за Керваленом.

Эвальд кинулся за ним, но оно было слишком ловким и отскочило в сторону, но Эвальд бросил нож ему вслед. Раздался вой, и существо нырнуло через стену, и тут же отовсюду раздалась крики «огня! огня!»

Но Скага, скатившись по лестнице, первым добрался до Эвальда.

— Какое-то волосатое существо, — воскликнул Эвальд, —

что-то темное явилось за Керваленом; оно сказала, что пришло за ним. Я бросил нож в него, и оно прыгнуло вниз.

— О нет, — вскричал Скага. И больше ничего, ибо бегом Скага бросился к лестнице, но это «нет» прозвучало с такой болью и с таким ужасом, словно ему была известна природа этого существа. Эвальд поспешил вслед за ним, но Скага крикнул: — Оставайся со своим отцом, — и исчез.

Эвальд замер на лестнице. Он услышал, как открылись малые ворота, услышал удаляющийся цокот копыт и ринулся к стене, чтоб посмотреть. То была пегая кобыла с кем-то на спине, за ними к реке, меж деревьями мчался Скага.

— Дру! — закричал Эвальд во двор. — Дру!

Оно остановилось, маленькое и незащищенное. Кобыла убежала неведомо куда. И Скага, переводя дыхание, опустился на корточки рядом.

— Железо, — плакало оно, — жестокое железо. Я истекаю кровью.

— Ступай назад, — промолвил Скага. — Ты приходил за ним? Возьми его с собой.

В ответ тот покачал косматой головой и вздрогнул всем телом в смутном лунном свете, льющемся сквозь листья.

— Граги жалеет его. Жалеет тебя. О, поздно, слишком поздно. Его удача иссякла. О, горькое железо.

Скага оглядел себя, свое оружие и отложил меч.

— Это был его сын. Он не понял, он никогда не видел тебя. О, Граги!

— Он ушел, — промолвил Граги, — ушел, ушел, ушел...

— Нет, не говори так! — воскликнул Скага. — Да будешь проклят ты за эти слова!

— И Скага облачен в железо. О, Скага, бойся леса, бойся леса. Граги уходит туда, куда и ты мог бы пойти, но никогда не пойдешь. Бойся встречи. Ты никогда не был таким, как твой господин. Элд убьет тебя в день встречи. О, Скага, Скага, Скага, как они оплакивали твой уход. И Граги плачет, но он не может оставаться здесь.

И все исчезло — ни тени, ни колебания ветки, лишь лунные блики на реке.

И Скага побежал со всех ног, помчался к Кер Веллу.

— Он умер, — сказал ему Эвальд, когда он вошел в замок. И Скага, войдя в зал, склонился и зарыдал.

И настало время похорон и траура, и Дру оставался в замке, охраняя Кер Велл от врагов. Эвальд с неотлучным Скагой вершил суд, приказывал сделать то и это в близлежащих землях, выставял посты и охрану и принимал присягу от проходящих.

Даже от древнего Талли пришло послание, которое лишь Дру смог объяснить.

— Король, — удрученно сказал Дру, и лицо его еще больше помрачнело, — эта смерть отняла у нас время. Если б твой отец был жив и силен, но его нет. Обеты верности должны быть снова подтверждены.

— Отошли гонца, — ответил Эвальд, — и скажи, что я сын Кервалена и госпожи Меры и никого другого.

— Так я и сделал, — сказал Дру.

И в другой раз Эвальд сказал:

— Ты не можешь вернуться в свои земли, не сдержав обещания, данного моему отцу. И я буду рад твоей дочери.

И это была правда, ибо Мередифь обосновалась в самом сердце Кер Велла, став утешением его матери и ему самому, и если это была не любовь, то, по крайней мере, сильнейшая нужда. И если бы ему пришлось на коленях молить о руке Мередифи, он был готов и на это; к тому же, это было волей отца, которую он стремился выполнить во всем.

— Да, близится время, — сказал Дру.

И так Кер Велл отложил свой траур по весне. Все было так же — высились камни, и росла трава, и цвели цветы — фиалка и рута.

И плющ сплетался в лесу, меж забытыми костями.

КНИГА ВТОРАЯ

ШИ

I. Лето и встречи

Лето пришло в Старый лес — серо-зеленые листья прикрыли скрюченные стволы и украсили искривленные сучья. Они были упрямы, эти старые деревья, и продолжали упорно цепляться за свое существование на краю долины. Здесь у холмов покоились гнев и долгая память. Деревья шептались, склоняясь друг к другу, как старые конспираторы, а дожди приходили и уходили, и сменялись смертные солнца, и тени скользили меж корней среди колючек и зарослей. Ни одно существо из Нового леса не вступало сюда без страха и ни одно не оставалось на ночь — ни беглый заяц, щипавший цветы на краю леса, ни олень, приняхивавшийся дрожащими черными ноздрями и убегавший прочь, предпочитая человеческих охотников. Ни самое измученное, ни самое отважное существо, рожденное под смертным солнцем, не могло полюбить Элдвуд... но в нем блуждали свои олени и зайцы — туманные странники с темным отрешенным взглядом, быстрые, как стрела, и не созданные для охоты.

Изредка лес словно просыпался, скидывая оковы сна, и шевелился, когда луна не была такой жуткой и ярко-белой. Середина лета была таким временем, когда по ночам собирались призрачные олени, и появлялись такие птицы, которых нельзя было увидеть днем, и ненадолго Элдвуд забывал свой гнев и мечтал.

В такую ночь, одну из многих одинаковых ночей, по зову сердца вышла Арафель — желания ее достало на то, чтобы связать кажущееся и действительное, чтобы вы-

скользнуть из течения ее времени, ее солнца и луны, сиявших более прохладным и зеленоватым светом, из памяти деревьев и лесов, из их воспоминаний о том, какими они были, или какими они могли стать. С собой она принесла нездешний свет, струившийся за ней. Цветы, никогда бы не раскрывшие своих бутонов, расцветали этой волшебной ночью от ее присутствия. Она оглядывалась и прикасалась к лунно-зеленому камню на своей шее, хранящему в себе частицу ее сердца, и вздрагивала от прохладной сырости мира, уже позабытого ею. Олени и зайцы, которые, подобно ей, блуждали туманными путями, мелькали то здесь то там, осмелев от ее присутствия.

Когда-то в такую ночь здесь были танцы и веселые пирушки, но арфы и свирели давно затихли, а музыканты ушли далеко за серое холодное море. Камень на ее шее откликался лишь воспоминаниями об этих песнях. Она вышла в эту ночь лишь из любопытства, по зову памяти. Смертные годы летели быстро, и сколько их прошло с тех пор, как гнев и горе ее утихли, — она не знала. Она была в унынии. Ей больно было видеть лес столь изменившимся, задущенным колючими лианами. Огромный холм высился на том месте, теперь поросшем дурманом, где в старое время ее народ танцевал среди высокой травы и высоких прекрасных деревьев. Этой ночью она подошла к старому танцевальному кругу и положила руку на невозможно древний дуб, и тот словно высосал из нее силы — и старое сердце его зазеленело, и тоненькие почки набухли на концах ветвей. Такие волшебные силы в ней сохранились еще, они были естественны, как дыхание.

Но звезды над головой прежде светили ярче. Разрозненные облака плыли по небу. Она взглянула вверх, и ей захотелось, чтобы их не стало, чтобы все было, как тогда. Олени и зайцы смотрели вверх своими огромными туманными очами, как будто небо и вправду очистилось. Но вскоре клубы облаков примчались снова, и ветер затянул ими синеву неба.

— Давно, — прошептала Смерть.

Арафель обернулась, сжав свой камень, ибо у самого круга появилась черная тень, мрак, опустившийся рядом с деревом, погубленным молнией, и гнусные шепотки зазвучали вокруг.

— Давно тебя не было, — промолвила госпожа Смерть.

— Уходи отсюда, — попросила Арафель. — Это не твоя ночь и не твое место.

Смерть шевельнулась. Вздогнули олени и неуверенными шагами двинулись поближе к Арафели, вдыхая влажный воздух, который всегда пах сыростью в этом лесу.

— Много лет ты не появлялась здесь совсем, — заметила госпожа Смерть. — И я гуляла здесь! Или я не могу? Здесь были мои охотничьи угодья. Что ж мне теперь, уйти?

— Мне все равно, что ты будешь делать, — ответила Арафель. Ей было так одиноко, что даже этот разговор притягивал ее. Она уже спокойнее взглянула на тень, посмотрела, как та расползается и устраивается на расколотом пне среди колеблющихся кустов. А у ног хозяйки построился еще какой-то мрачный сгусток, похожий на пса. Он опустил свою чернильную голову, зевнул и прерывисто задышал в темноте, повергнув в трепет оленей и зайцев.

— Не надейся остаться здесь, госпожа Смерть. Это я говорю тебе.

— Гордячка. Госпожа паутин и лохмотьев. Старый дуб сегодня помолодел. А другими ты не хочешь заняться? Или может... в тебе иссякают силы?

— Корни у него уходят в нездешний мир, у этого старого дерева, и в нем гораздо больше всего, чем кажется. Не трогай его. Кое-что и для тебя вредно, госпожа Смерть.

— Много лет, много зим ты пренебрегала этим местом. А теперь ты снова обратила сюда свой взор. Что привело тебя сюда?

— Разве нужны мне причины, чтобы прийти в свой лес?

— Элдвуд стал меньше в этом году.

— Он все время уменьшается, — сказала Арафель и внимательнее присмотрелась к тени, впервые различив намеков на руку, кисть, но ничего похожего на лицо.

— Старый друг, — позвала Смерть, — пойдем погуляем со мной.

Арафель насмешливо улыбнулась, но улыбка исчезла с ее лица, когда она увидела протянутую руку.

— Выскочка, какое мне дело до тебя?

— Ты посылала мне души для охоты, Арафель. И я забирала их, когда догоняла, но какой в них толк? Ни благодарности. Ни радости тем паче. Зачем я пришла? Что ты видишь со своей стороны Элда? Что там такого, что мне не суждено увидеть? — тень приподнялась, и ищейка тоже встала. Подобие руки все еще тянулось к Арафели. — Пойдем со мной, — чуть слышно позвала Смерть. — Разве не создана эта ночь для дружбы? Прошу тебя — пойдем со мной.

Олени бросились врассыпную, зайцы в испуге кинулись прятаться. Но пес не трогался с места, лишь часто дыша во тьме. И вдруг из чащобы послышался цокот копыт и шуршанье, и смутные своры начали стучаться вокруг.

Ветер возник в кронах деревьев. А в небе, там, где сияли звезды, выросла черная кромка тучи. Арафель перевела взгляд с неба на деревья, в которых плавали тени и шепотки нарушали покой.

— Отошли их прочь, — сказала она, и тени исчезли, а ветер спал. Лишь стукот тьмы говорил о ее присутствии, да леденящий дух.

Она пошла с ней прочь из круга и дальше, дальше, все глубже в мир, населенный людьми — нелепая дружба — эльф и одно из наименее чтимых человеческих божеств. Смерть была неразговорчива. Им не хотелось говорить — ни Арафели, ни ей. Арафель не боялась ее, ибо эльфийский народ никогда не подчинялся ей: когда они не могли совладать со своими ранами, они просто уходили в тот мир, где смерти не было, и куда она не могла прийти. Теперь уж никого из них не осталось, а Арафель все была тут; они ушли далеко за море, но Арафели не хотелось уходить. Она была последней и слишком любила лес, чтобы поддаваться отчаянию. А может, ее удерживала здесь привычка или гордость — ее народ всегда был горд, а, может, она просто сердцем прикипела к этому лесу. Откуда было Смерти знать, что заставляет эльфов поступать так или иначе.

Она шла человеческой тропой, не удаляясь под свою луну. Смерть не могла за ней последовать в иной мир, и не следовало ее дразнить. Она оставалась любезной с ней, с этой охотницей, хранительницей ее леса, пока она была в

отлучках, которая явилась вместе с человеком и полюбила этот лес больше других мест на земле. Смерть показывала Арафели ее владения — огромные вековые деревья, которым было не так-то просто умереть, ибо корни их уходили в иной Элд. Арафель видела их иные образы, отражающиеся под этой луной, и, находя время от времени какое-нибудь смертельно засыхающее дерево, лечила его своей силой.

— Ты мешаешь моей работе, — укоряла ее Смерть.

— Только в своих владениях, — ответила Арафель и снова взглянула на тьму, в которой, казалось, брезжили два слабых огня. — Раз уж я не ушла со всеми, то буду зализывать язвы Элда, причиненные ему людьми. Неужто ты думаешь, госпожа Смерть, что я растрочу всю свою силу? Или этого ты и дожидаясь? Или ты думаешь, мой род может умереть?

— Поживем увидим, — отвечала Смерть спокойным тихим голосом. И что-то, похожее на рукав, всколыхнулось в широком жесте. — Ты все здесь можешь исправить, изгнать людей, взять под свою власть и править.

— А после умереть, как водится.

— И умереть, — еще тише откликнулась Смерть.

Арафель улыбнулась, почувствовав тоску той.

— Девчонка.

— Возьми меня с собой, — попросила Смерть. — Дай мне хоть раз увидеть то, что ты видишь. Дай мне увидеть тебя такой, какая ты есть. Покажи мне... ту, другую землю.

— Нет, — вздрогнув, ответила Арафель и ощутила легкое прикосновение к своей щеке.

— Не надо, не надо ненавидеть меня, — взмолилась Смерть. — К чему меня бояться. А все бояться... кроме тебя.

— Оставь свои надежды. Мой род тает от ран.

— Но разве может что-нибудь ранить тебя! — воскликнула Смерть. — Нет, Арафель. А значит, ты прикована в этому месту и разделишь судьбу Элда.

— Многое может ранить меня, — возразила Арафель, глядя туда, где по ее представлениям у Смерти должно было быть лицо. — Только не ты.

— Разве что когда все деревья умрут. Разве что когда все, питающее тебя силой, исчезнет. Ты будешь долго жить, моя госпожа увядающих деревьев, но не вечно.

— И все равно я обману тебя.

— Возможно, — прошелестел дрожащий шепот. — Знаешь ли ты, куда ушел твой народ? Известно ли тебе, хорошо ли то место? Нет. А со мной ты знакома. Я привычна и проста. Мы старые друзья, ты да я.

— Мы приятели, но не друзья.

— Разве тебе не знакомо одиночество? Его мы делим с тобой.

— Но ты — вся мрак и холод, — сказала Арафель.

— Все видят тебя одинаково?

— Нет, — призналась Арафель.

— Может, ты придешь взглянуть, как выгляжу я.

Арафель ничего не ответила, ибо она была не так жестока, как некоторые ее сородичи, и умела чувствовать боль.

— Я тоже исцеляю, — сказала Смерть.

Но Арафель так ничего и не ответила.

— Пойдем, — позвала Смерть. — Я покажу тебе свое другое обличье.

Арафель замерла при ее прикосновении, ибо та вела ее в другую, третий Элдвуд, бывший в ее власти, и ледяным ветром несло из этого порождения смерти.

— Нет, — ответила Арафель. — Только не туда, моя госпожа, туда — никогда.

— Все, что я беру, я возвращаю, — сказала Смерть. — Все, что падает в котел, снова выходит из него. Я могу быть красивой, Арафель, но ты не можешь этого увидеть, потому что ты не была со мной и не переживала меня. Твое мнение обо мне превратно.

— Ты оказала мне услугу, защищая Элд от людей, — сказала Арафель. — Зачем?

И теперь Смерть замерла, не отвечая.

— Может, я недооцениваю свое время. Может, я задержусь в этом лесу слишком надолго. И ты можешь уповать лишь на это. Но я не стану обнадеживать тебя.

— Мне не нужна надежда, — сказала Смерть. Порыв ветра отодвинул ее. — Но пойдем, если не туда, так в другое место. Я хочу, чтобы ты хорошо думала обо мне. Увидишь... что я могу исцелять.

Голос у нее был мягким и не сулящим никакой беды, и вправду она ничего не могла сделать Арафели. И она по-

слушалась на этот раз и подчинилась, и пошла за Смертью, как ходят смертные, по общей их земле.

Но вскоре она заколебалась, ибо поняла, куда ее ведут.

— Верь мне, — просила Смерть, и холодный ветер налетал все сильнее и напористей.

Они медленно брели сквозь заросли и чащобы, и на исходе ночи они вышли к роще, к которой вела ее Смерть, к Новому лесу, к границе Элда, ближе всего подступавшей к человеку. Здесь лежали мертвыми исполинские деревья, израненные топорами, о чем Арафель не забыла. Это бессмысленное разрушение угнетало ее, ибо в день гибели этих деревьев умерла часть ее Элда, рассеялась в серой дымке, что ограждала ее мир и замутняла ей взор.

— Видишь, — сказала Смерть, и тень метнулась к буйным зарослям папоротника-орляка, видневшимся под меркнувшими звездами. Прямые и свежие побеги в человеческий рост тянулись вверх. — Взгляни на мое рукоделье. Разве мы можем быть врагами?

Арафель взглянула и содрогнулась, вспомнив, каким было это место, когда поваленные деревья стояли высокими и прекрасными, а их двойники в ее родном Элде цвели звездами и укрывали ее своими белыми ветвями.

— Это всего лишь Новый лес, — промолвила Арафель, — мой же мал для этого. Они не имеют корней в Элде.

— И ты не ощущаешь в этом красоты?

— Это красиво, — согласилась Арафель и прошла дальше и преклонила колена от внезапного укола памяти, ибо под орляком лежали кости и древесная щепка, и она прикоснулась к давно пробитому черепу.

— Деревья ты восстановила. Не можешь ли поправить и это, госпожа Смерть?

— Со временем, — ответила та, надрывая ей сердце. — А что тебе в них?

— У меня есть свои пристрастия, — сказала Арафель, но когда она встала, старое любопытство нахлынуло на нее, и она прошла немного дальше, к плоской скале, нависавшей над долиной, над темным морем деревьев. Она вспомнила каменную башню на другом конце долины — там, далеко, среди деревень и полей, и ручных животных, и разного прочего, что дорого человеку. Но все это было за пределами видимости. Внизу Керберн катил свои темные

воды к морю, как черная змея, разделяющая лес; и этот бег воды к морю напомнил ей о расставании с ее родом, и Арафель загрустила.

— Люди всегда честны. Они začínаются, рождаются и умирают. И нет этому конца, — сказала Смерть.

— И все же им приходит конец.

— Не навсегда. Такова их природа. Ты не хочешь смотреть на мой Новый лес, он не нравится тебе.

— Нет, пока мой умирает.

— Умирает и не тает?

Арафель бросила на нее холодный взгляд.

— Уходи, — попросила она. — Я устала от тебя.

— Ты обижаешь меня.

— Тебя, разрушительницу всего, к чему ты прикасаешься? Ты не можешь обижаться. Оставь меня.

— Ты ошибаешься, — сказала Смерть. — Ты ошибаешься, так говоря обо мне. Есть одиночество, Арафель, и есть бессердечие; я никогда не была бессердечной. Не дразни меня, Арафель.

— Так уходи же. Я устала от тебя.

И за спиной ее послышалось шуршание теней, дыхание и кашель. Она нахмурилась и приложила руку к самоцвету, висевшему на шее. Звуки затихли.

— Я не боюсь тебя, божок. Никогда не боялась и не буду бояться. Исчезни!

И тень исчезла, прикоснувшись к ней в последний раз и обдав тоскливым холодом. Арафель отмахнулась и, наконец, почувствовала, что та ушла. Остался лишь склон холма, да ветер, да испорченная ночь.

Арафель тронулась вдоль хребта. Темная долина расстилалась перед ней, там спали смертные, избывая эту ночь. Она вспомнила, сколько боли и добра принесли ей люди... но сколько лет прошло с тех пор, она не знала. Она помедлила, и странное томление охватило ее — ей захотелось знать, что с ними стало за это время и как сложились их жизни.

II. Бранвин

Она пошла другим путем, скользя с такой прытью, с которой не могли тягаться ноги смертных, вдоль троп, где

заросли не тревожили ее. Она остановилась в серой мгле рассвета в приятной зелени свежих побегов на берегу реки, куда она давным-давно не приходила. Она была за пределами Элда и все же не совсем, ибо Элд следовал за ней по ее воле, растягиваясь и утончаясь не без усилий.

Утро принесло с собой смертную красоту, легкое прикосновение солнца позолотило черные воды Керберна — красоту контрастов, которых не было в ее мире, ибо он был лишен уродства, и не было в нем мертвых сучьев или поваленных деревьев, или безобразных ветвей. Она взглянула на призрачного оленя, следовавшего за ней из иного мира, на его трепещущие ноздри и огромные глаза, полные рассвета.

— Уходи, — сказала Арафель, ибо он не знал здешних окрестностей, и тот исчез, хрустнув веткой, взметнувшись пятнистым крупом, укрывшись в призрачном безопасном мире.

Она прошла чуть дальше, за реку, где теперь были видны суровые стены Кер Велла на холме, а внизу раскинувшиеся поля, как золотые и зеленые шали. Когда-то здесь обитало зло, окруженное грубыми людьми и острым оружием. Теперь в замке поднялась новая башня, усилились защитные укрепления. Но сейчас ворота были открыты. Новый лес раскидал свои саженцы совсем близко от замка с этой стороны холма, а под ними стелилась трава и выглядывали цветы из-под мрачных черных камней. По дороге туда и обратно ходили люди, но они не были отмечены жестокостью. Они смеялись, и на сердце у нее отлегло, в ней разыграло такое любопытство, которого она не знала долгие человеческие годы... ибо приставания Смерти омрачили ее душу, а вид жизни и радости был целителен.

На зеленой траве между молоденькими деревцами и увитой цветами стеной сидело несколько женщин, а по склону, смеясь, бегало золотоволосое дитя, перебирая крохотными ножками. Странное чувство родилось в эльфийском сердце Арафели при звуках этого смеха, словно эхом откликнулся детский смех давно прошедших лет. Она вышла под смертное солнце, убедившись, что девочка видит ее, хотя другие и не замечают. Глаза у ребенка были синими, как лен, и круглыми от удивления.

Тогда Арафель встала на колени и, прикоснувшись к

цветку, заколдовала его в дар. Девочка сорвала его, и чары рассеялись, оставив в пухленькой ручке лишь обычную примулу, и в синих глазах появился испуг.

Арафель раскинула чары по всем примулам на склоне, проливая на них эльфийскую красоту, и детские глаза заискрились радостью.

— Пойдем, — прошептала Арафель, протягивая руку. И девочка вошла за ней под сень деревьев, забыв о цветах.

— Бранвин, — закричала одна из женщин, — Бранвин, не уходи далеко.

Девочка остановилась и обернулась. Арафель уронила руку, и ребенок помчался прочь, навстречу раскрытым объятиям женщины, боязливо вглядывавшейся в утренний туман над папоротниками.

Человеческий страх. Он также леденил, как Смерть, и не нравился Арафели. Она бросила последний тоскливый взгляд на девочку и ушла в лесную тень.

— Помни, — раздался шепот у нее над плечом. — Они умирают.

То была Смерть на развалинах старого дерева.

— Исчезни, — сказала Арафель.

— Они принесут тебе боль.

— Исчезни, выскочка.

— Они неблагодарны за дары.

— В третий раз говорю — сгинь.

И она ушла, ибо не могла послушаться в третий раз, оставив за собой лишь стылый воздух.

Арафель нахмурилась и отпрянула, свернув своим путем в эльфийскую ночь, освещаемую лишь ее собственным сияньем, да бледно-зеленой луной.

Она часто вспоминала об этой встрече, но не рисковала снова попасться Смерти на глаза. Ее гордость, надменная эльфийская гордость не позволяла ей признаться в том, что Смерть смутила ее, и все же она отложила свое возвращение на следующее лето, а может, и не на следующее... что значит время для того, кто помнит крохотными ростками вековые деревья? Но, наконец, она вернулась в этот лес рядом с Кер Веллом и снова была смущена быстротечностью человеческой жизни, ибо дитя стало гораздо выше, когда она снова увидела его играющим на полоске у

стены. Девочка уставилась на нее огромными детскими глазами, позабыв о кукле, лежавшей на коленях. С ней снова были спутницы, которые болтали и смеялись резкими лукавыми голосами, не замечая гости. Они сидели кружком, разложив свои яркие юбки, а пальцы их снова-ли, занимаясь вышивкой. Лишь девочка смотрела на нее с серьезным интересом.

И Арафель, скрестив ноги, опустилась на землю, и девочка принесла ей венки из маргариток и показала, как загадывать желания. Они вместе смеялись, но потом прибежали девушки и увели девочку от леса, отругав ее.

Арафель приходила не каждый день и даже не каждый месяц. Иногда она была занята другими делами, но в эти дни она часто вспоминала людей и много пела, и была счастлива.

Но время у смертных тянется долго, и, когда ее не было несколько месяцев, девочка села на своего пони и направилась в лес искать ее вдоль поросших ивами берегов Керберна.

Лесной сумрак становился все гуще, и это место не годилось для ребенка. Толстенький пони знал это и, скинув ее со спины, в ужасе убежал прочь. А Бранвин стряхнула с рук мокрые листья и, сжав губы, не позволяла им дрожать, ибо то, что испугало пони, кряхтело и шепталось в соседнем кусте.

Много незваных пришельцев хлынуло в Элвуд тем вечером — зазвенели рога и человеческие голоса, и нашли бедного пони с переломанной шеей. И Эвальд заехал глубже всех, движимый отчаянием и отцовской любовью... и группа под предводительством Скаги зашла так далеко, как можно было зайти, только стыдясь Эвальда и боясь гнева Скаги.

И Арафель пустилась на поиски, услышав крики и увидев вторжение. Она нашла девочку сжавшейся, как испуганная ланка, в дупле старого и ненадежного дерева, она вытерла ей слезы и разогнала мрак с прогалины.

— Ты пришла за мной? — спросила Арафель, и сердце ее потеплело от того, что наконец после стольких лет люди начали подавать какую-то надежду. — Пойдем, — сказала она Бранвин, желая взять ее туда, где детство длится.

долго, а жизнь еще дольше. Но девочку пугали иные виденья.

И вдруг издали зазвенел голос отца, и выбор был предрешен — она откликнулась и бросилась к нему.

Арафель скользнула прочь и долго оставалась там. Может, ее мучил стыд за намерение украсть. И боль... наверно, более всего. И много миновало лет и праздников костров, и смертный Элд дичал, и Смерть своевольничала, пользуясь ее отсутствием.

Но когда сердце ее исцелилось, она снова вернулась. Она надеялась встретить девочку как всегда на окраине леса, но не нашла ее там... «Наверное, в такой яркий летний день Бранвин будет играть на склоне холма», — подумала Арафель; и неутомная, она подошла к самым стенам Кер Велла, обшитым горьким железом.

Там она и нашла Бранвин — на вершине башни, в закрытой нише, куда не мог проникнуть ветер.

Облик девочки изменился. Она стала молодой женщиной, облаченной во взрослое платье, которая с тревогой смотрела на нее и не могла вспомнить, забыв о своих детских мечтах. Бранвин кормила здесь птиц, но рука ее замерла, полная крошек, а в глазах застыло изумление, ибо она не понимала, откуда взялась здесь ее гостья, и лишь видела, что она тут, — так на Арафель смотрело большинство смертных, если они вообще замечали ее.

— Ты помнишь меня? — спросила Арафель, огорченная увиденными ею переменами.

— Нет, — сказала Бранвин, наморщив нос и закинув голову, чтобы с ног до головы осмотреть свою гостью. — Ты бедна.

— Да, некоторым я кажусь такою.

— Ты просила милостыню у меня на дороге? Тебе не следовало приходить сюда.

— Нет, — терпеливо ответила Арафель. — Возможно, когда-то я казалась тебе другой.

— У наших ворот?

— Никогда. Я подарила тебе цветок.

Синие глаза моргнули, но память не возвращалась к ней.

— Я нашла тебя в лесу. Я показывала тебе волшебство, и мы плели с тобой венки из маргариток.

— Неправда, — выдохнула Бранвин, сложив чашечкой ладони с крошками. — Я перестала верить в тебя.

— Так легко? — спросила Арафель.

— Мой пони умер.

То была ненависть. Она ранила. И Арафель застыла в изумлении.

— Мой отец и Скага привезли меня домой. И больше я никогда туда не ходила.

— А могла бы... если б захотела.

— Теперь я — женщина.

— Ты все еще помнишь, как меня зовут.

— Чертополох, — и Бранвин отодвинулась подальше от нее. — Но подружки детства уходят, когда девочки вырастают.

— Ну что ж, пусть будет так, — сказала Арафель.

И она начала исчезать. Но в последнем порыве отчаянной надежды она помедлила и произнесла заклинание, как когда-то делала раньше, посеребрив крылья прыгавшим вокруг нее птицам. Но Бранвин поспешно швырнула крошки, и птицы вспорхнули, борясь за них, и их сияние померкло в трепетанье крыльев. Она им бросила еще. Такие были чары у Бранвин — она приручала диких тварей, потворствуя их желаниям. Она враждебно взглянула потемневшими глазами, осознавая всю их власть, и в них отразилось презрение ко всему первозданному и дикому.

— Прощай, — сказала Арафель и уступила силе, удерживавшей ее так далеко от Элда.

Она растаяла, не захотев здесь более оставаться.

— Разве я не предупреждала тебя? — холодно спросила ее Смерть в следующий раз, когда пути их пересеклись. И тогда в гнев Арафель прогнала ее от себя, но не из леса, ибо она не благоволила к людям. Надежды, которые она возлагала на человечество, оказались тщетными и обернулись против нее же, ибо выросшее дитя, как и побеги в Новом лесу Смерти, укоренялось в этом мире, а не в ее.

Она соскользнула в безопасный и добрый свет своей луны, в тот Элд, который видела она, — никогда с начала мира не увядающий лес. Здесь листья серебрились в зеленоватом, юном сиянии луны, здесь воды пели, и птицы были свободными, и олени блуждали с такими глазами, в которых отражались все звезды ночи.

И в этом было ее утешение — в мечтах, в прогулках по

любимому лесу и в сохранении того, что вечно оставалось неизменным, без всяких мыслей о человеке. А иногда летними ночами она выходила и видела, как смертный Элд все больше дичает и пустеет. Она не знала и не хотела знать о делах Смерти, но судя по всему они шли хорошо, и та успешно охотилась на души.

III. Дан-на-Хсийви

Над каменными развалинами трепетали стяги, и дзорные костры поыхали во тьме, как звезды, по всей долине. Это была война. Она бушевала от Керберна до Бурых холмов и Эшфорда, и обратно к югу, ибо восстал король Лаоклан, сын Руадрига, чтобы предъявить права на замок своих предков, в каких бы руинах он ни лежал.

И Эвальд конечно же явился. Он прибыл в первых рядах, выехал из Кердейла, чтобы предвосхитить наступление злейших врагов короля еще перед тем, как тот объявил о себе. Он пришел с сыном Скаги Барком и вооруженными воинами, и со многими крепкими сыновьями фермеров из долины — со всей силой, которую мог собрать. И с южных гор спустился Дру, сын Дру, с самым большим войском со времен Эшфорда. Поднялись и Лел, и Бан, как и ожидалось. Позже всего прибыли люди из Кер Донна, с горных вершин: их привел Киран. Против них собрались воины Дава и Ан Бега, и дикие люди Боглача Тивака, и разбойничьи предводители Браххита и Лиослина.

И война была долгой, долгой и кровопролитной, и мало она принесла славы Эвальду: о нем складывали песни, но он все больше и больше понимал Кервалена, ибо то, что другие воспевали как мужество, он помнил как грязь, страх, холод и голод. И все же он продолжал сражаться, а когда у него выдавалось время на размышления, он скучал по Мередифи, своей дочери и родному очагу. Когда шли дожди, у него ныли суставы и старые раны. И большая часть войны заключалась в переходах и переездах, в переброске людей туда и сюда, в отражении врага в одном месте, чтобы он прорвался в другом, только что отвоеванном, и подверг все грабежам и пожарам, и снова приходилось укреплять границы и удерживать их, ибо в холмах

было полно врагов, и нельзя было полагаться на безопасность.

И облик Дан-на-Хейвина переменился — там горели костры и неприятеля было так много, что он казался саранчой на земле, прижавшейся к холмам.

А потом произошло сражение жестокое и долгое — с рассвета одного дня до вечера следующего, и черные птицы сгустились в небе, как до того дым. Но король взял верх.

— Уходи, — попросил в этот день короля Дру, сын Дру. — Я не оставлю их в покое.

— Ступай, — ответил король. Дру был бледен и забрызган кровью, как гончая, которую отвлекли от погони. — Не давай им передышки.

И Дру вскочил на лошадь и собрал своих людей, многих из них пеших и привыкших двигаться, как тени, меж холмов.

— Когда ты позволишь, я пойду с Дру, — сказал Эвальд. — Изменники из Ан Бега и Дава — старые враги моих владений, и у них еще есть силы. Большая часть людей со мной здесь, и если они сейчас нападут на Кер Велл...

— Мы захватим их сзади, — договорил король. — Мы кинемся за ними из всех сил. Пусть Дру гонит их, как может.

— Но Кер Велл... — промолвил Эвальд. И на душе у него помрачнело, когда он огляделся вокруг и увидел разорение и тучи птиц, соперничавших с дымом в своей черноте. Негоже было спорить с королем Лаокланом — он был среднего роста, этот Лаоклан, светловолос и с бледно-голубыми холодными глазами, которые никогда не загорались огнем. Он пережил своих советников. Большую часть жизни они держали его на поводке, и он вырос спокойным и редко гневался. Даже в бою он убивал хладнокровно, в политике же был умен и непоколебим. И Эвальд повернулся и пошел прочь с тяжелой думой. Вероломство закралось в его душу, но завещание Кервалена удерживало его, дабы это никогда не могло произойти с Эвальдом. Но он был готов собрать своих людей и ехать прочь, несмотря на короля; и Барк, сын Скаги, поспешил к нему, заметив грозовые тучи в его глазах, устремленных на разор, оставленный на поле боя.

— Брат, — окликнул его король.

Эвальд остановился и повернулся, скрывая гнев.

— Да, мой господин.

— Я не хочу рассеивать своих людей, раскидывая их кого куда, кого сюда. И без моей на то воли ты не покинешь это место.

— Кер Велл был укрытием для твоего брата и крепостью, удерживавшей твоих врагов. Теперь он стоит на пути Ан Бега и Кер Дава, мешая им вернуться домой. Мой управляющий — отважный воин, чтобы сразиться с ними, но с ним осталось слишком мало людей. Я прочесал свои владения, отдав тебе всех и каждого, кто мог держать оружие в руках. Теперь угроза нависла над Кер Веллом, и что тебе в том, если Кер Велл падет? Ты потеряешь всю долину Керберна — и это будет немалой потерей; отвоевать ее будет непросто, господин король.

Но даже эта речь оставила короля бесстрастным.

— Не хочешь ли ты нарушить мой приказ, брат?

Эвальд задохнулся, и на мгновение разум покинул его. И поле, и король, и советники — все поплыло в кровавом тумане. Они стояли под разрушенными стенами Дан-на-Хейвина: черные птицы сидели на его поваленных стенах. На поле уж начал располагаться лагерь — ставили палатки — яркие с зеленым и золотые с коричневым — среди убитых и стонущих раненых. Люди уносили трупы, не забывая грабить их, чем могли помогали раненым, добывали безнадежных, а также раненых врагов. Таков был закон королевской войны — звуки и вонь ее мешались в голове, не давая отличить действительное от кажущегося. Меч Эвальда был вложен в ножны, но рука его лежала на перекрестии; кровь затекла в его перчатку и засохла меж пальцев — и у него не было времени посмотреть, своя или чужая. Он думал лишь о своем доме, и взгляд его был мутен.

— Так ты подчинишься, — спросил король, — или нет?

— Королю известно, что я послушен.

— Тогда пойдем. Обсудим наши планы. Теперь же.

Эвальд задумался, не спуская глаз с Барка, юного сына Скаги. Барк подчинится ему и сделает это с радостью. И они станут послушниками короля, и тот отныне станет преследовать их по закону. Но если они взбунтуются, король, скорее всего, потерпит поражение, ибо с ними уйдет Дру, и

южные горы вступят в союз с Ан Бегом и Кер Давом, пусть лишь на деле и никогда в душе. Наверное, и король почувствовал забрезжившую тень угрозы, ибо он дважды назвал его братом и говорил с учтивостью, обращаясь к нему. Лаоклан был хладнокровен, но и умен, несмотря на свою одержимость, с которой он усеял это поле мертвыми. И он знал, что нужно делать.

— Пойдем, — тихо заметил Эвальд Барку, и они пошли через поле, в котором, как камышины, раскачивались сломанные копыя, торчащие из груди убитых, валялись ключья стягов Боглача и Брахита, и раздавались предсмертные стоны умиравших.

Королевскую палатку раскинули среди развалин Дана-Хейвина, во дворе, рядом с чудом пережившим пожар старым дубом. Колья вбили меж растрескавшихся камней, которыми был вымощен двор, на границе участка, где когда-то зеленел сад. Здесь прежде жили голуби. Теперь же они вспугнули лишь темнокрылых ворон. В эти владения и удалился король, собрав к себе всех остальных военачальников.

Пока все собирались, Эвальд мрачно оглядывался, стараясь придумать что-нибудь, ибо он с радостью был бы сейчас последним копыеносцем у Дру в отряде, чем советником короля. С ним был лишь Барк и больше никого, ибо у него здесь не было сородичей, кроме самого короля, короля, не желавшего помнить все мрачные перипетии истории и то, что предшествовало этой войне. Здесь были Киран из Донна с сыновьями Донкадом и Кираном Каланом — странная, коварная семья. Пришел и Фергал из Бана со своими братьями — невысокими, темноволосыми, кровожадными воинами, как Далач из Кер Лела. Все они были с севера, некоторые — из долин, но никто из них не имел кровных уз с югом.

Так против воли Эвальд вошел с ними в палатку, выжидая, пока слуги помогут Лаоклану снять доспехи и принесут им вина. Вино было кровавого цвета. Эвальд взял чашу, и вкус вина был также кроваво-соленым, с медным привкусом в дымном воздухе и среди потной вони, которой разило от них всех.

— Дру поскакал за ними, — сообщил король тем, кто

пришел позже. — Он будет гнать их вперед, не давая ни мгновения отдыха.

— Я снова повторю, — начал Эвальд, но Лаоклан наградил его своим холодным бесцветным взглядом.

— Ты уже много сказал. Ты испытываешь наше терпение.

— Я служу своему королю из владений, принадлежавших ему со времен моего отца.

— Со времен Кервалена, — тихо добавил король, словно это нуждалось в пояснениях, и краска залила лицо Эвальда.

— И твоего брата, господин, — ровным голосом напомнил Эвальд, поставил чашу и снял перчатку с руки. Чей-то меч или топор разрубил ее кожу. Кровь была его собственной. — Если ты соизволишь вспомнить. Я прошу твоего разрешения, нет, я умоляю о том, чтобы отправиться тотчас же и удержать долину Кера в твоих руках. Они объединятся со своими свежими силами. И Дру не справится с ними, если они соберут всех, кого могут, в своих владениях. Они снова окрепнут...

— Ты учишь меня военному делу?

Они были ровесниками, он и его король, рожденные почти в один и тот же год.

— Я знаю, мой господин заботится о многом. Поэтому я взял бы на себя такое небольшое дело.

— Так, может, мы все вернемся в свои владения? — спросил Фиргал. — Два года ждали мы, чтоб встретиться с изменниками на этом поле, а теперь господин Эвальд предлагает нам снова разъехаться по своим замкам и каждому обороняться в одиночку.

— Это поле опустело, — ответил Эвальд. — Враг ушел, или ты не заметил этого, господин Бана? Мы сидим здесь, зализывая свои раны, а их будут исцелены, когда они наберут новые силы и, удвоившись, захватят Кер Велл. В своей полной мощи Кер Велл может выстоять дольше, чем у нас хватит сил осаждать его со всем Брахитом у нас за спиной.

— Я не позволю никому разойтись, — сказал король. — Это опаснее мечей. И я не отпущу никого, кроме Дру. Его люди легко вооружены и приспособлены к ведению такой войны. Ты слишком многого опасаясь, брат. Твой уп-

равляющий — умелый воин, и у Кер Велла есть свои защитники. И если Ан Бег и замыслит возвращаться, то он пойдет на нас, а не на твои земли.

— По опыту мне известно иное об Ан Беге. Нет. Прости меня, господин король, но они знают, какова цена Кер Велла, и я знаю, что они сделают все, чтоб захватить его. Дру будет стараться, но они могут запереть его в холмах и наброситься на Кер Велл не жалея сил. Мы ранили врага, но не убили его. А раненый зверь вдвойне опасен.

— Так что же, твой советник — страх? Нет, слушай меня. Я не позволю дробить свои силы. И не хочу более говорить об этом.

— Отправь нас, господин король, и когда ты подойдешь к ним сзади, мы окружим их. Разделившись, мы объединимся снова над их трупами. Но стоит Кер Веллу пасть, и мы будем оставлять свои трупы на каждом шагу, сделанном нами в долине.

Бледное лицо короля так и не тронула краска, но взгляд его стал ледяным. Он поднял руку со старым кольцом королей и знаком призвал всех к молчанию.

— Ты слишком напорист и горяч. Но я не уступлю.

— Господин, — пробормотал Эвальд и, склонив голову и взяв свою чашу, отошел от короля к Барку, стоявшему в тени, ибо он не владел ни мыслями своими, ни языком сейчас. — Ступай, — шепнул он Барку, — возьми лошадь и отнеси им хотя бы весть о том, что произошло здесь.

— Я отнесу, — промолвил Барк и поклонился, и уже почти вышел — будучи скорым на ногу, как и его отец.

— Верни своего человека, — приказал король. — Скажи ему!

И пики преградили выход.

— Барк! — поспешно крикнул Эвальд, зная, что было у того на уме. Барк замер на волосок от гибели и опустил руку, которая уже тянулась к мечу.

— Куда с такой поспешностью? — сказал король. — Позволю себе спросить.

Искушение солгать овладело Эвальдом. Но он справился с ним и прямо взглянул в глаза Лаоклану.

— Мои гонцы свободно приходят и уходят. Неужто врагу может быть известно больше о происшедшем на этом поле, чем моим собственным людям?

Это было рискованно. Глаза короля опять стали ледяными, что проявлялось лишь в минуты сильнейшего гнева.

— Брат, — промолвил Лаоклан, — гонцов здесь посылаю я. Или ты не согласен?

— Тогда прошу тебя — пошли Барка и побыстрее. Ему известна дорога.

— Разве не сказал я, что ни один человек не уйдет отсюда к себе домой — ни господин Кер Велла, ни сын его управляющего, ни последний из его вассалов.

— Господин король, — промолвил Киран из Кер Донна. — Ан Бег и Дав вероломны, и не будет греха в том, чтобы послать гонца. Отъезд этого человека не породит слухов в лагере. И все всё поймут, по крайней мере, люди Донна. Долина лежит у самых наших дверей, и, если Кер Велл падет, наступят старые времена с пожарами и грабежами в холмах. Пусть гонец ободрит воинов Кер Велла и сообщит им, что мы на подходе, ведь мы не быстры. А путь предстоит не короткий. Что если они отчаятся в Кер Велле?

— И ты вступил в наш спор, — нахмурившись сказал король, ибо к Донну испытывал он особые чувства, даря его своими милостями. — Но люди Кер Велла не отчаятся. Ведь они будут защищать собственную жизнь. В чем, в чем, а в этом на обитателей долин уж можно положиться.

— Господин, — промолвил Эвальд, загораясь гневом, — но защитники могут сделать ошибочный выбор, не надеясь на помощь, — мой народ смел и отважен, но он может отчаяться.

— Господин король, — раздался голос, еще не звучавший на совете — то был Киран Калан, младший сын Донна. — Ты поклялся, что никто из нас не вернется домой до окончания войны. Но Кер Велл — не мой дом. И я знаю холмы.

Глубокие морщины пролегли на лице его отца и брата Донкада. Но король повернулся к нему без гнева.

— Вот. Здесь есть лишь один, кто обладает даром учтивости. И мне было бы жаль его потерять.

— Ты не потеряешь, — ответил юный Киран, и он рассмеялся — самый высокий из своей родни, светлее большинства и самый жизнерадостный. — Я частенько прочесывал эти холмы. И я спокойно миную их, если король

меня отпустит, а может и быстрее Барка, кто знает? Он не охотился в холмах, как я.

— Тогда ты отнесешь послание господина Эвальда, — сказал король. — Скажи ему, что хочешь передать, брат, и покончим с этим. Я сделал для тебя все, что мог.

И низкое подозрение зародилось тогда у Эвальда, что его двоюродный брат король побаивается его, побаивается гонцов и передаваемых тайн — боится своего родства с ним. То была черная и недостойная мысль. За ней последовали и другие — столь же черные и недостойные. Но он все отогнал их прочь.

— Господин король, мой господин Донн, примите мою благодарность. Моего управляющего ты узнаешь по сходству с его сыном. Покажи ему вот это. Поговори с моей госпожой — я посылаю ей это кольцо. Расскажи ей, как обстоят дела. И какие бы слухи до них ни дошли, пусть держатся, скажи, что сзади на Ан Бег наступает король.

— Господин, — ответил юный Киран, беря кольцо. — Я так и поступлю.

— Это опасно, — добавил Эвальд.

— Ах, — сказал Киран, и только это, да так тихо, что Эвальд тут же отогнал все свои подозрения относительно Донна.

— Скачи скорее, и да минуют тебя опасности, — от души промолвил Эвальд.

— Отпусти меня, господин король, — и Киран обнял своего отца, но брат его не стал с ним обниматься, отойдя под каким-то предлогом к дверям.

— Я — твой должник, — тихо добавил Эвальд. Гордость его была уязвлена, и гнев в нем все еще кипел, ибо это было меньше того, на что он рассчитывал. Ужасное опасение будоражило его, что король хочет перенести войну в долину, чтобы самому пока немного передохнуть, ибо та была слишком богата и слишком удобно расположена и принадлежала его сродственнику. Но это было слишком жестоко — даже думать об этом. Это было слишком расточительно. Он взглянул на юношу Кирана, столь же молодого и благородного, каким он сам когда-то был, и душа его полетела вслед за ним, когда тот вышел из палатки на свет угасающего дня. Но у Эвальда были раны, и впереди еще

был королевский совет. Он положил руку на плечо Барка, беззвучно прося того успокоиться, но рука Барка была жестка и напряжена от сдерживаемой ярости.

И вот король стал совещаться с ними, как им нанести последний удар по Ан Бегу и Даву и Брахиту, а крики раненых и карканье ворон мешались в вечернем воздухе. Эвальд вздрогнул и прильнул к своей чаше. Он служил королю, как служил бы его отец, доведись ему дожить до этого дня; он служил ради матери и мало помышляя о себе.

— Они послали хорошего гонца, — тихо промолвил Барк, когда король распорядился принести еще вина. — Все хорошо отзываются о младшем сыне Донна.

— И я последую их примеру, — ответил Эвальд, — я стану хорошо говорить о всем Донне после этого.

Что до Кирана, то он немного помедлил с отъездом, выбирая себе лучшую лошадь и беря щит брата с изображенной на нем уцербной луной Донна, ибо его собственный был разбит.

— Будь осторожен, — напутствовал его брат Донкад, который был столь же темен, как Киран светел, менее высок и менее любим не только королем, но и собственным отцом.

— Я буду, — с серьезностью пообещал Киран, проверяя сбрую и беря флягу с вином, которую совал ему брат. — Это скрасит мне путь.

— Напрасно ты вызвался. Напрасно ты впутался в это.

— Это не шутка, — ответил Киран, — спасти долину.

— Он никогда не доверял долине. Никогда. Он сомневается в ней. Не забывай об этом.

— Я не забуду, — отозвался Киран, приторачивая щит к седлу вместе с провиантом, принесенным ему слугой. Он и меч пристегнул к седлу и, повернувшись, обнял своего брата, и стоял так дольше, чем обычно при расставаниях. — Эвальд раздражает короля. Но это не значит, что он не надежен — такого человека нельзя терять... Береги себя, Донкад.

— И ты, — сказал ему брат, не выпуская его из объятий. — Ты слишком легкомыслен. Как всегда.

— А ты слишком все усложняешь. Чем это отличается от простой поездки в те же холмы? Разве что враг впереди. Мне больше следует опасаться Дру — не хотелось бы, чтоб

он принял меня за какого-нибудь дикаря из Брадхита. Береги себя. Увидимся в Кер Велле, а пока я буду есть на серебре и спать на тонком полотне, ты будешь мокнуть под росой, Донкад.

— Не говори о сне.

— А ты полон предзнаменований. Мне будет лучше, чем тебе, и тебе перед стенами замка предстоит тревог больше, чем мне за ними. Только приходи поскорее, и мы прогоним негодяев на север и покончим с ними. Не печалься, Донкад.

И он вскочил в седло и тронулся в путь, выбрав сначала длинную дорогу, менее усеянную мертвыми и умирающими. Дым костров окутывал холмы — лагерных костров и тех, что полыхали в ямах, куда стаскивали погибших.

То был неблагоприятный час. Киран бы с радостью остался. Но он служил королю и жил ради этого, хотя он знал, что другие поступают иначе. Он поехал дорогой Дру через холмы, стараясь не попасть в засаду ни Дру, ни людей Ан Бега.

Теперь он уже не тратил времени на объезды. По правде, не так уж легкомысленно он относился к делу, как уверял Донкада, но он считал, что задержка армии в Дан-на-Хейвине губительна куда как больше, чем даже разрушение Кер Велла. Лаоклан совершал двойную ошибку — задержавшись слишком долго на поле и отказываясь от половины того, что они отвоевали; к тому же долина располагалась слишком близко от Донна. Теперь все зашевелилось, и король готов был тронуться. Он надеялся, что сам он — лишь первый камешек перед оползнем, ибо теперь Донн не оставит короля в покое. И он надеялся, что его миссия запомнится надолго, ибо он ехал провозгласить не только битву за долину, но и то, что со временем может оказаться решающим сражением всех этих долгих лет войны.

IV. Дела Кирана Калана

Поездка от Дан-на-Хейвина через холмы оказалась не таким уж быстрым делом. Лишь раз Киран повстречал людей Дру, и ему повезло, ибо южане были скоры на руку и легки на расправу. Временами он догадывался об их

присутствии по молчанию птиц там, где они должны были петь, и по странному духу, витавшему вокруг, названия которому он не знал. Но наконец он обогнал отряд Дру и понял, что миновал уже самый отдаленный его восточный авангард, ибо Дру шел прямо на север к Керберну вслед за неприятелем, его же путь лежал в глубь лесов.

Наконец он достиг реки и переправился через нее, предпочтя неизведанность дальнего берега дурной репутации южного. Он был уже в седле так долго, что забыл, когда отдыхал, да и отдыхал он лишь ради лошади и снова возвращался в седло, недосыпая и мучаясь от тяжести доспехов и ран, полученных во время битвы. Теперь он ехал, держа щит на руке, не доверяя темному лесному пути через долину Керберна. А он уже был в долине. Здесь не было друзей. Теперь он оглядывался не потому, что надеялся увидеть людей Дру. Это был самый мрачный и опасный участок его пути. Он рассчитал так, чтоб миновать Ан Бег во тьме, и надеялся, что хорошо ориентируется.

День угасал, и временами лошадь замирала на узкой тропе, бежавшей через скалы и лес вдоль черных потоков Керберна, который неся и брызгался в быстринах и на отмелях, закипая белой пеной в сгущавшихся сумерках. Растительность была здесь слишком густой, хотя и давала ему укрытие. Он ехал верхом и предпочел бы не столь густые заросли, как эта чаща, через которую приходилось продираться лошади, рискуя на каждом шагу. Меньше всего ему нравились шепотки, наполнявшие сумерки, шорох совсем не лошадиных копыт и легкие движения, которые, конечно, мог вызывать и ветер, а, может, что и другое. С этим лесом были связаны печальные легенды, и его людям в холмах, в Кер Донне не нравились эти легенды, ибо там все еще опасались древних сил, в местах, где высились разрушенные башни, а из дрока и раakitника выступали странные камни, напоминая о том, что было древнее богов, что было столь же древним, как сам камень, и как камни было рассеяно повсюду. В его родных холмах были места, куда он не отважился бы ехать в сумерки ни за что, и имена они носили, что их не упоминали ни темной ночью ни ясным днем. Здесь ужас был почти таким же. Лошадь, загнанная и в мыле, вскидывала голову и косила глазом, всматриваясь, раздувая ноздри, то в эту тень, то в

ту. И лишь, где могла, шла ровным шагом — прерывистый скрип кожи, лязг металла да цокот копыт.

Затем появились два бледных мотылька — они носились со свистящим звуком пущенных стрел... Киран поднял щит; тот содрогнулся от удара, а лошадь встала на дыбы и начала заваливаться на бок.

Он выбрался из-под умирающей лошади и с поднятым щитом начал отступать в то время, как второй удар откликнулся эхом, и из кустов послышалось шипение. Отчаянно он бросился бежать, пытаясь спрятаться, раздирая шипами правую незащищенную руку, а треск сучьев уже предупреждал о приближении врагов. Он прижался спиной к дереву и приготовился защищаться, вынув меч из ножен. Они набросились на него из мрака леса толпой с ножами и палицами. Удары посыпались на него, и он принялся их отражать усталой левой рукой, нанося правой уколы мечом, и послышались первые крики. Они попытались обойти его сзади, но он, не отрываясь от дерева, развернулся и убил одного, потом другого, подтянул щит под подбородок, покрытый бородкой, и снова отразил удар, теряя силы, ибо почувствовал в боку резкую разливающуюся боль и понял, что что-то проникло внутрь между пластинами доспехов. Брошенный в него топор срезал верх щита и плотно застрял в нем. Он бросил щит и двумя руками принялся орудовать мечом, круша налево и направо; и тут на него обрушилась палица. Удар оглушил его, но он вонзил лезвие меча в брюхо обидчика и умертвил его... а ветви трещали все громче и сзади доносились крики: «Эй, на помощь! На помощь, он тут!»

Он кинулся к кустам и побежал, спотыкаясь и падая, он перебрался по пояс в воде через ледяные мутные воды Керберна и снова бросился бегом по другому берегу, прижимаясь к кустам, когда вслед за ним засвистели стрелы. До него долетали ругательства из сгущающейся тьмы. Движимый звериным инстинктом, он начал забирать все выше, опасаясь свалиться в какую-нибудь яму на извилистых берегах. Ветви били его по лицу, цепляясь и раздирая плоть. Ноги его занемели от тяжести доспехов, и болел бок. Мгла начала застилать ему взор, и вечерний свет совсем поблек для него, став мутным, но надежда не покидала его, ибо, казалось, его преследователи отстали. Он взби-

рался все выше, прижимаясь к кустам и искривленным древним стволам деревьев, продираясь сквозь такие густые заросли, что меж них не рос даже папоротник, по каменистым уступам и неровной земле. Он надеялся; и ветви сухо затрещали под ним, и сучья начали клониться как будто от порыва ветра — предвестника грозы. Он снова побежал, и в ушах его звучали лишь биение собственной крови, треск сучьев да хриплое дыхание, раздирающее горло.

Но по пятам его преследовал уже звук другого дыхания, хрип бегущей лошади и стук копыт, ломавших кусты все ближе за его спиной.

Он развернулся, чтобы встретить лицом к лицу атаку, но не увидел ничего кроме тьмы, и ветер холодом пахнул ему в самое сердце, оледенив его. И тут он испугался так, как не боялся ни в одном сражении, и бросился бежать с такой скоростью, словно все предшествовавшее было лишь игрой. Боль в боку была сильнее, чем желание дышать: он прижал к ране правую руку и почувствовал бульканье крови.

Он слабел. За спиной послышался хриплый смешок, и он понял, как зовут наездника, преследующего его, узнал он и имя леса, в который забрел. И когда он уже валился с ног, он прижался к дереву, стоявшему на прогалине, где, по крайней мере, он мог увидеть врага, наступавшего на него.

Тень явилась с брызгами дождя, грохотом грома и лаем ищеек. Тени хлынули с деревьев черными сгустками ночи, обрушившимися на него. Меч проходил насквозь, не задевая их, а холод все крепче сковывал ему руку, леденя и пробираясь к сердцу.

Он вскрикнул и, вырвавшись, помчался, оставив часть себя в их лапах, и меча уже не было в его руках. Тени кинулись за ним, и копыта звенели в такт биению его сердца, и дыхание преследователя было таким же хриплым, как у него самого. И враг был уже не за ним, но в нем самом, где рана, истекая кровью, лишала его жизни. И часть его души уже принадлежала им — они разорвут его в ничто, когда набросятся снова, и это испытание будет страшнее первого в стократ. Дождь слепил ему глаза, так пропитав листья, что они приставали к нему, и сквозь мокрые доспехи он уже не мог отличить кровь от небесной влаги. Он снова

споткнулся от раската грома и вдруг с такой же очевидностью, как наступавший сзади ужас, он ощутил спасение, грядущее впереди, где высился холм, словно земля, набухнувшая жизнью, и деревья раскинулись широко и сильно, протягивая к нему с любовью свои ветви.

И он добрался и вошел под их сень, и ощутил неведомую легкость среди деревьев одновременно сучковатых и стройных, обнаженных и цветущих звездами, сияющих самоцветами, свисающими как плоды, украшенных мечами и блестящими кольчугами, стоящих в дымке утреннего тумана и серебристой паутине, застывшей меж бледно-зеленых листьев.

И перед ним удобно для руки свисал меч... он рванул его с ветви, осыпав себя дождем блестящих листьев, и свет померк вокруг него, оставив его наедине с тьмой и юркими скачущими тенями, и черным всадником, обрушившимся на него во всполохе молний и поглощавшим весь свет, словно мировая яма, в которую и он может свалиться, если прежде его не разорвут ищейки. Дрожа, он вытянул вперед призрачное лезвие и ужаснулся, когда его сияние выхватило из тьмы оскаленные пасти и глаза псов. А когда неведомая сила заставила его поднять голову и взглянуть на всадника, он увидел нечто такое, что его помутившийся разум не мог осознать.

Всадник приблизился, и озноб охватил все его тело, кроме руки, сжимавшей меч. Взгляд его помрачился, и он перестал различать окружающее. Тьма начала затапливать его, но он нанес удар, и псы, воя и дрожа, откатились в сторону.

— Пойдем, — чуть слышно шепнул ему голос.

И ему ничего не оставалось делать, ибо рука его отказывалась сжимать меч, — тот дрожал и неумолимо опускался. И тут, как дыхание весны, спину его обдало теплом.

— Держись, — велел ему кто-то.

— Он мой, — сказала тень, и голос ее звучал, как осколки льда.

— Уйди, — откликнулся другой, мягкий, но решительный.

— Он обокрал тебя. И ты поощряешь такие кражи? — и мир вдруг осветился заревом, и тень, как ржа, была на его лице — застывшая в изумлении тьма. — Ах, — пораженно выдохнул ледяной голос. — Ах. Ты отняла это у меня.

И вспыхнул свет — он ослепил Кирана, и тот рухнул на колени, издав стон муки, и более не отличал уже земли от неба и ночи от дня. Мокрые листья лежали на его щеке или его щека на мокрых листьях, и дождь барабанил ему по лицу, холодя его разорванную душу.

Но тень исчезла, и гром утих. И снова засияла луна. И черты лица изменились под ее светом, под мягкими солнечными бликами иного, эльфийского неба.

Рука его все еще сжимала меч. Холодные длинные пальцы разжали его кисть и расправили его члены, укутали его нежным покоем, не излечив лишь боли в сердце и воспоминаний о потере.

V. Древо камней и мечей

Она склонилась под дождем, все еще капавшим с ветвей, — роса ложилась на них обоих; бледный пришелец лежал неподвижно под смертной луной. Он был отмечен железом и все же прорвался в ее лес — пусть ненадолго, но он принес сюда железо и привел за собой Смерть. Ее охватили и гнев, и страх, и тоска, которых давно не знало ее сердце, с тех самых пор, как его разбило дитя. Войти в ее Элд, найти самое его сердце и похитить эльфийский меч... этот человек был не простым вором, и не обычная нужда привела его сюда. Может, его смертный взор был просветлен той страшной раной, что виднеется на его теле, и он обрел более истинное зрение, чем большинство; но никогда еще не доводилось Смерти упустить свою жертву.

Когда-то Элд до прихода человека простирался далеко; и когда-то ее народу было многое известно о людях, среди которых изредка встречались полукровки — плоды эльфийских увлечений и любви к роковым незнакомцам. «И все же, — думала она, — в ком-то могла остаться тонкая струйка эльфийской крови, в полукровках, никогда не слышавших зов из-за моря и никогда не таявших в иной мир». В отчаянной надежде она попыталась забрать этого незнакомца с собой, но железо, облежавшее его, было слишком тяжело, а сам он не мог стоять.

Но она стерпела боль прикосновения к железу, растягивая пряжку за пряжкой и снимая доспех за доспехом, пока не освободила его целиком. Так открылась ужасная

рана в его боку, и она призвала все силы, чтобы начать исцеление, походя, единым прикосновением залечивая и мелкие царапины. А потом, когда она отдохнула, ей было уже нетрудно увести его с собой — она просто положила его голову к себе на колени и принялась думать об эльфийском мире. И тогда деревья стали такими, какими они были на самом деле — стройными и красивыми, и ее солнце залило нежным теплом всю рощу.

Он долго спал, пока заживлялась его рана, пока печать смерти исчезала с его лица, оставляя его сиять той красотой, которая могла быть лишь эльфийским наследством. Все это время она не покидала его, всем сердцем ожидая его пробуждения.

И наконец он шевельнулся, огляделся и посмотрел ей в глаза в страшном смущении. И тут же начал таять, проваливаясь в смертный мир, во тьму, ибо он вернулся к собственным мыслям, но она взяла его за руку и удержала, чтобы он не соскользнул в небытие.

— Берегись возвращаться, — промолвила она. — Ибо Смерть забрала часть тебя. Очень просто ей будет теперь призвать тебя под свою сень. А здесь ты в безопасности.

Он попытался встать, не выпуская ее руки, поддерживая эту хрупкую связь с нездешним миром. Она придала ему сил, тех зеленых живительных токов, которыми питаются деревья, и вскоре он уже смог стоять, оглядываясь вокруг. Ветер шептался в листве, и солнце сияло своим особенным светом, и олени смотрели на них мудрыми глазами из зеленой тени, в роще мечей и самоцветов.

— Я был мертв, — сказал он.

— Вовсе нет, — заверила его она.

— Мое сердце болит.

— Возможно, — согласилась она, — ибо оно было разорвано. А исцелить такую рану я не могу. Как тебя зовут, человек?

В его глазах мелькнул страх.

— Киран, — ответил он почтительно, как подобает гостю. — Киран, второй сын Кер Донна.

— Кер Донн. Мы называли его Кер Ри — владения короля.

Страх охватил его, но он снова взглянул на нее.

— А как тебя зовут? — спросил он.

— Я скажу тебе мое истинное имя, которое еще не открывала смертным, ибо ты — мой гость. Меня зовут Арафель.

— Тогда я хочу отблагодарить тебя от всего сердца, — от души произнес он, — а потом попросить тебя вывести меня на дорогу, чтоб я смог выбраться отсюда.

Такими словами он исцелил ее сердце и тут же ранил его... и раскаяние появилось в его глазах, когда он увидел ее страдание. И тогда он поднял правую руку, на которой виднелось золотое кольцо с печаткой.

— Это мой долг, — промолвил он. — Честью своей я обязан пойти и совершить его, если я еще не опоздал.

— Куда?

Он поднял руку, чтобы указать ей направление, но все вокруг было совсем иным.

— Там войска, — проговорил он в смущении, указывая туда, где, по его представлениям, должны были быть Бурые холмы. — На равнине идет война; и мой король побеждает. Но неприятель отступил в долину, где сможет долго выдерживать осаду, если захватит ее. С королем сражается и господин Эвальд из Кер Велла. Понимаешь ли ты меня, госпожа Арафель? В долину пришла война. Нельзя допустить, чтобы Кер Велл был обманут. Они должны держаться, какие бы слухи и выгодные предложения не доходили до них, им надо всего немного продержаться, пока оттуда не подойдет войско короля. Замок господина Эвальда должен получить послание, которое я им несу.

— Войны, — слабо промолвила она. — Неразумны те, кто ступят в Элдвуд.

— Я должен идти, госпожа Арафель. Я должен. Прошу тебя, — и он начал таять, обнаруживая собственную силу воли.

— Киран, — сказала она и этим призывом удержала его под лучами своего солнца. — Ты непоколебим. Но ты не знаешь цену. Охотница вновь пустится в погоню за тобой. Вернувшись в смертный мир, ты станешь ее жертвой; а она никогда не выпускает своих жертв. Охота не закончена.

— Возможно, — ответил он, побледнев. — Но я поклялся.

— Гордыня, — сказала она. — Пустая гордыня. Каким оружием ты владеешь против таких врагов, чтобы спокойно миновать Элд?

Он оглядел себя — безоружного, незащищенного, и все равно махнул рукой, прощаясь.

— Постой, — промолвила она и, подойдя к старому дубу, сняла с сука один из самоцветов, висевших в окружении других, — бледно-зеленый, такой же, как был на ее собственной шее, разве что потускневший, ибо его владелец давным-давно ушел. Он зазвенел ей снами эльфа по имени Лиэслиа, частью его души, такой, которой обладали все ее сородичи. — Возьми его. Ты взял его меч в минуту нужды, но это сослужит тебе лучшую службу. Носи его всегда на шее.

— Что это такое? — спросил он, не беря и оглядывая деревья, увешанные драгоценностями и мечами, сияющими серебром и светом меж листьев. — И что это за место?

— Можно сравнить это с усыпальницей; это ваших рук дело... мои братья, сестры, предки. Это эльфийская память.

— Прости меня, — потрясенно прошептал он.

— Мы не умираем. Мы уходим... прочь; а когда мы уходим, к чему нам эти вещи? Но они сохраняют память. Теперь они сами пользуются ею. От меча тебе будет мало толка. Но возьми этот камень. Лиэслиа не пожалеет его для моего друга. Он был моим братом, он был юн, как и все мы, и, возможно, он окажется тебе полезнее всего. Те ни бояться его.

Он взял камень в руки, и глаза его расширились, а рот раскрылся. Страх... наверное, он испытывал страх. Но он не смущаясь взял его, и камень запел ему об эльфийских снах и воспоминаниях.

— В нем — власть, — промолвила она, — но и опасность. Он делает тебя неподвластным Смерти, ее дыхание не сможет окостенить тебя... если у тебя достанет мужества использовать его.

Он расправил серебряную цепь и надел ее себе на шею. Его светлые ясные глаза затуманились от силы нахлынувших видений. Но он не потерялся в них. Она прикоснулась к своему камню сна и вызвала нежнейшую из песен, сладкий и радостный мотив.

— Не доверяй железу, — предупредила она его. — То и это... они не любят друг друга. И ступай, раз ты должен. Пойдем я провожу тебя. Элд будет благосклоннее к тебе, чем мир людей.

— Он считается гиблым местом, — заметил он.

— Пойдем со мной и ты увидишь, — и она протянула ему руку.

Он взял ее, и она была тепла и сильна, может, слишком широка для ее эльфийской ладони, но удобна. Он шел рядом с ней и, несмотря на все свое понимание, не мог сдерживать удивления, глядя на землю, деревья эльфийского леса, сияющие луга, покрытые цветами, и робких оленей, взиравших на них огромными глазами.

Камень разговаривал с камнем, и его сердце переговаривалось с ее, и ветер дышал теплом под этим, иным солнцем. Она почувствовала, как тает ледяное кольцо, сковавшее ее сердце, впервые за все века человечества с ней рядом был спутник, она ощущала братство, забытое ею с тех пор, как ушел Лиэслиа — последний из эльфов, кроме нее.

«Прости меня, — сказал Лиэслиа — такие немудреные человеческие слова, надорвавшие ей сердце. — Я пытался остаться». Но в его серых глазах уже появился зов, а однажды зазвучав в его сердце, он повел его за собой, и при всем своем желании она не могла удержать его и уйти не могла с ним, ибо сердце ее было здесь.

— Он красив, — промолвил Киран.

— Когда-то он был больше, — откликнулась она и добавила: — Когда-то нам принадлежал Кер Донн.

— Праотцы говорят, что кое-кто из ваших до сих пор обитает там.

Она с обидой вскинула голову.

— Народец фей. Глупые пустышки. К тому же печальные. Совсем нет мозгов. Они так часто меняют свой облик, что забывают, кто они такие, и не могут вернуться обратно — но это не значит, что они безопасны при встрече.

— Но это не твои сородичи.

— Нет, — ответила она, рассмеявшись. — Не мои. Мы были великим народом. Эльфами. Вина Ши. Народ фей живет на наших развалинах. Они никогда не любили нас.

— А другие твои сородичи?

— Ушли, — ответила она. — Все, кроме меня.

Он отпустил ее руку, чтобы взглянуть на нее, а отпустив, покачнулся и в страхе вскрикнул, ибо они вышли на берег Керберна, блестящего потока, обрамленного ивами,

и имя ему было Аргиад, что значит серебро. Она поддерживала его, снова взяв за руку.

— Остерегайся. Ты можешь упасть. За человеческие годы Керберн резко искривил свое русло, и берега его круты. И что хуже, гораздо хуже, никто не знает, как глубоко он утонул в тенях. География госпожи Смерти лишь черное зеркальное отражение этого мира, но все же отражение, и меня не заботит эта река в ее мире. Не забывай о своей ране, когда идешь по Элду.

Он вздрогнул; и она ощутила его ужас, пронзивший ее холодом от камня на груди. Дотронувшись до камня, она согрела и его, и Кирана.

— Пользуйся камнем, — посоветовала она. — Смерть не сможет заполучить тебя, если ты научишься ходить по Элду. По желанию сердца ты можешь оказаться здесь, если не уйдешь слишком далеко; по желанию сердца ты сможешь уйти.

— Это — великий дар, — признал он наконец. — Но говорят, все дары этого мира нуждаются в отплате.

— Только не среди родных.

Усталым и безумным взглядом посмотрел он на нее, как смотрит загнанный олень на псов, окруживших его.

— В тебе течет эльфийская кровь, — промолвила она. — Разве ты не знал? Иначе ты не смог бы сюда прийти. Ведь я сказала, что когда-то мы правили в Кер Донне.

— Так говорят.

Она почувствовала, как бьется его сердце, словно пойманное в ловушку камня.

— Тебя так страшит родство со мной? — спросила она.

— Я родной сын своего отца, я — не подкидыш.

— Тогда от отца или от матери ты унаследовал мою кровь. Нет, ты не подкидыш. В тебе нет ничего низменного. Кто выше всех остальных отец твой или мать?

Страх заполнил его, сметая все известные ему истины. «Отец» — почувствовала она, прочтя это в его мыслях. Он ничего не сказал. Она почувствовала холодок, пробежавший по его спине, но то была не Смерть. Она ощутила его воспоминания о древних камнях близ Кер Донна, почуяла детские страхи, все мрачные легенды и человеческую ненависть и вздрогнула сама.

— Прости меня, — промолвил он, чувствуя, что ей от-

крыта его душа. В мыслях его были смятение и чувство долга, страх смерти и черные ищейки. Он взялся за цепь на шее, пытаясь ее снять, но она перехватила его руку, удерживая его.

— Ты не умрешь, — пообещала она. — Я отведу тебя, куда тебе надо. Пойдем, это недалеко.

Лес заканчивался у яркого потока, там, где взгляд тонул во мгле, лежала граница ее мира. Она провела его сквозь это мутное место, ведя его вслепую и лишь держась рукой за камень, который помнил, каким был мир когда-то — так она угадывала очертания за пустотой, находя нужную дорогу. Она помнила, каким был когда-то Кер Велл — нежно-зеленым холмом, купающимся в неувядающей весне; и так она нашла его, продолжая крепко держать за руку Кирана. Но даже на этих тенистых тропах они различали всполохи костров, военные кличи и тени сражения, бушующего вокруг них.

Видели они и другое. Но Смерти не было рядом.

— Не обращай на нее внимания, — сказала Арафель. — Держись за камень и иди со мной.

Она вела его все уверенней за собой в смертную ночь и в грохот сражения под черными стенами Кер Велла. Она знала, как в него войти. Никакая охрана не могла противостоять ей. И она провела его в замок.

— Прощай, — промолвила она. — И возвращайся.

И она вышла из Кер Велла, вернувшись в круговерть теней.

Она почувствовала, что не одна — холодный непроглядный мрак ступил рядом, вынырнув из гула сражения.

— Охоться где-нибудь в другом месте, — сказала Арафель.

— Ты поступила по-своему, — ответила ей Смерть, с юродством кланяясь.

— Охоться где-нибудь в другом месте.

— Ты одарила этого смертного немислимыми дарами.

— Так что из этого? Разве они не мне принадлежат?

Тень ничего не ответила, и Арафель двинулась дальше сквозь мглу в свой яркий мир, в свой собственный. Призрачные олени с любопытством взирали на нее в эльфийском закате; она вернулась в рощу круга, и, касаясь кам-

ней, свисавших с дуба, стала внимать бесценным воспоминаниям, о которых они пели, когда ветер раскачивал их. Лишь один голос умолк в этом хоре, тот, что принадлежал Лиэслиа.

— Прости, — прошептала она ему, хоть он был далеко за морем и не мог услышать ее. — Прости, что это оказалось ты.

Но странное зародившееся братство продолжало вибрировать в ней после стольких лет одиночества. Она шла, сливаясь с жутким звучанием песни, свойственной лишь ее камню сна, и все же до нее доносился шепот другого сердца — отмеченного человеком, но истинного, как сама земля. Что-то ее тревожило в нем, ибо он знал войну; он умел убивать, но и она умела в жестоком и холодном эльфийском гневе. Человеческий гнев был иным — кровавым и слепым, как у волков. Ему были знакомы страсти, казавшиеся ей непонятными; ему были ведомы странный страх и сомнения. И все это присутствовало в нем, заглушая ясный голос Лиэслиа. Он боялся Лиэслиа; с человеческим упрямством он отрицал то, что видел собственными глазами в Элде.

Но в нем не было ненависти.

Она опустилась меж корней древа памяти, поплотнее завернулась в плащ и начала смотреть его сны.

VI. Кер Велл

Его ввели как пленника в освещенный факелами зал под звуки затихавшей битвы. Они обращались с ним грубо, но быстро сменили свои манеры, когда он показал им кольцо их господина на своей руке.

— Сядь, — тогда сказали ему и указали на скамью, а он был только рад, ибо смертельно устал.

Вошел еще кто-то — «старый волк», — подумал Киран, глядя на мрачное широкоскулое лицо, покрытое потом и разгоряченное жаром битвы. Он встал, как только тот вошел в сопровождении новых воинов.

— Скага? — отважился Киран, ибо тот был очень похож на своего сына, такой же большой и рыжеволосый. — Я пришел от короля и от твоего господина.

— Покажи мне это кольцо, — сказал Скага, и Киран

протянул ему руку, которую старый воин грубо сжал, повернув кольцо к свету очага. Убедившись, он отпустил руку Кирана, не переставая хмуриться.

— У меня есть сообщение, — промолвил Киран, — для ушей твоей госпожи. — И добавил, догадываясь, как изголодался управляющий по надежде: — Добрые вести, — хоть и должен был дожидаться более высокого лица.

— Тогда добро пожаловать, если это правда, — и Скага отвернулся к открытой двери, за которой звуки битвы значительно утихли, и снова взглянул на Кирана, осмотрев его с головы до ног. — Как ты сюда проник?

— Мое послание, — ответил тот, — для супруги господина Эвальда.

Скага продолжал хмуриться — такова была природа его лица или его сердца; и Киран подумал, что не хотел бы встретиться с ним на дороге. Но Эвальд доверял ему как управляющему, как защитнику замка от врагов, а стало быть, он был человеком верным и больших достоинств.

— Ни доспехов, ни оружия, — продолжал Скага. — Как ты оказался во дворе?

— Кольцо твоего господина, — упорствовал Киран. — Я буду говорить только с твоей госпожой, — он ощущал тяжесть камня, спрятанного за воротником, его присутствие и тепло, казавшееся сверхъестественным. Его близость к сердцу пугала Кирана, а Скага со спутниками подозрительно всматривались в его лицо.

— Ты увидишь ее, — промолвил Скага и махнул рукой в сторону лестницы. — Мальчик! — крикнул он. — Узнай, встала ли моя госпожа.

Парнишка бегом кинулся к ступеням. Киран вздрогнул от усталости и холода, ибо ветер задувал в открытую дверь. Он мечтал лишь о кружке эля и о том, чтобы лечь и отдохнуть.

Но ни о том, ни о другом пока не шло и речи, ибо Скага продолжал смотреть на него прищурившись и не оказывал ни признака гостеприимства, потом знаком велел телохранителям окружить Кирана и отвести его по лестнице в другой зал в толще Кер Велла, который хотя бы был теплее и где огонь полыхал в очаге.

— Будь осторожен, — кто-то прошептал Кирану в ухо, и он вздрогнул от неожиданности. Он не знал, слышен ли

голос был другим, но никто не обернулся, а стало быть звучал он лишь для него одного. — Берегись этого зала. Они не любят эльфийский род. И не показывай им камень.

Над очагом вздымалась каменная волчья голова. Кирану показалось, что он видел ее прежде; словно он тут уже сидел, и на правой стене висела арфа — он взглянул и смутился от того, что она висела как раз там, где он и считал. Значит, ему снилось это место.

Или ей. У очага стоял огромный испещренный стол, а рядом когда-то было кресло. Он отчетливо видел его и, подойдя к столу, устало оперся о него в окружении столь же усталых стражей.

И женщины вошли столь быстро, что он подумал — вряд ли они спали. Да и как могли они спать, когда враг подвергал пожарам их владения. Они вышли из внутренней двери, открывавшейся в зал, — одна из них старше и уже с проседью. «Это — Мередифь, — догадался он, — госпожа Эвальда»; и камень, подтверждая, прошептал у его сердца: «Мередифь». Другая была юной и светловолосой — и имя ее тоже шепнуло ему сердце: «Бранвин. Бранвин. Бранвин». И он не мог отвести от нее глаз, ибо столько боли и гнева было в этом шепоте. А Бранвин замерла и тоже смотрела на него изумленными голубыми глазами, казалось, не догадываясь о столь сильной боли.

— Твое послание, — промолвил Скага хриплым голосом.

Киран же вместо ответа взглянул на Мередифь и сделал шаг к ней, но руки вокруг него метнулись к оружию, и он не подошел к ней ближе. Он снял кольцо с пальца и передал его Скаге, который уже вручил его госпоже. Она взяла кольцо как драгоценность, внимательно осмотрела его и подняла встревоженный взор.

— Мой муж, — промолвила она.

— С ним все в порядке, госпожа. Я принес его любовь и слово моего короля: держитесь, защищайтесь, не дайте обмануть себя врагу и не принимайте никаких условий. Король выиграл великую битву при Дан-на-Хейвине, и враг все надежды возлагает на эту долину, как на последнее свое прибежище. Удерживайте этот замок, а король и ваш господин подойдут к ним сзади, как только смогут. Им все известно. Дело за вами.

— Да будут благословенны твои известия, — зарыдала госпожа, и даже морщины на лице Скаги разгладились.

Мередифь подошла и протянула к нему руки в приветствии, но он ощутил на плече тяжелую руку Скаги, отстранявшую его.

— Это не все, — заметил Скага. — Этот человек каким-то образом перебрался через стены без доспехов и оружия, пройдя незамеченным сквозь внешние посты. Какими бы добрыми ни были его вести, вот те вопросы, что следует задать ему, моя госпожа. Прошу тебя, спроси его, как он проник к нам.

На мгновение сомнение забрезжило в глазах госпожи.

— Меня зовут Киран, — сказал он. — Господин Киран из Кер Донна — мой родной отец. Что ж до того как я пришел — легко, как видите, украдкой и тайком. Пока неприятель бьется у ворот, я выбрал другой путь. Я покажу вам. Но вооруженный человек им не пройдет.

Ложь не была ему привычна. И он почувствовал себя скверно, когда госпожа сжала его руки.

— Ты покажешь нам, где, — сказал Скага и наградил его медвежьим объятием. И взгляд его все более увлажнялся чувством, быть может, надеждой там, где ее так долго не было. И Бранвин подошла и поцеловала его в щеку; и наконец оружие было убрано, и воины подходили похлопать его по плечу и от радости обнимались друг с другом. Веселье наполнило зал, такое отчаянное счастье. И он ощутил какое-то шевеление в своем камне, чужое присутствие и понял, что ничего не сказал сам, но что все его слова были окрашены какой-то странностью, делавшей их лучше, чем они были на самом деле.

Ему дали вина и отвели наверх в роскошную комнату — «в ней жил ее господин в юности», — сказала госпожа Мередифь; и воистину все здесь говорило о женской любви — и тонкая вышивка покрывала, и ковры, и пологи постели. Бранвин собственными руками принесла теплый ковер на пол, служанки — воду для мытья, а госпожа Мередифь — хлеб еще горячий после утренней выпечки. Он взял его с благодарностью, а госпожа и ее дочь все не спешили уходить, засыпая его вопросами, как шли дела у Эвальда и других родных, свойственников, друзей и людей замка — тысяча вопросов, во время которых служанки

входили и выходили, заглядывали воины под разными предлогами, чтобы послушать. Кое-кого из них он знал. Чаще сообщаемые им сведения были печальны, и ему было очень трудно говорить, случалось, он знал кого-то лишь понаслышке, а то и менее того, но как он рад был рассказать о кем-то любимом, что он жив и здоров. Сын Скаги был одним из таких, ибо и Скага задал ему вопрос.

— Он в полном здравии, — сказал Киран. — Он вел большой отряд людей Кер Велла на Дан-на-Хейвин и был одним из первых, кто сломал сопротивление Брэдхита, пока господин Эвальд отрезал им пути к отступлению. Он вышел из битвы неуязвимым и, когда мы прощались, был рядом с господином Эвальдом в палатке короля.

Услышав это, старый воин даже не улыбнулся, но глаза его загорелись светом.

— Он должен отдохнуть, — наконец произнесла Мередиф. — Ведь он проделал такой путь.

— Мне повезло, — сказал Киран, ибо он истосковался по людям, звукам голосов, картинам человеческой жизни.

— Перед сном он должен показать нам слабое место в наших укреплениях, — заметил Скага.

И теплота как будто испарилась из Кирана. Он кивнул, не зная, как поступить, но чувствуя, что вынужден пойти. Он проглотил кусок хлеба, ободравший ему горло, допил последний глоток вина и поставил чашу.

— Конечно, — промолвил он. — Это не ждет.

Скага промолчал, но это, видно, было свойственно Скаге. Но такое молчание лишь больше встревожило Кирана. И, когда они вышли на стену, он начал тоскливо оглядываться в поисках чего-нибудь, что могло бы подтвердить его ложь.

— Иди на восток, — долетел до него нежнейший из шептков, как дуновение ветерка. — Сверни на восток и гляди вниз.

Он двинулся в указанную сторону вдоль укрепления, и Скага тяжело шагал за ним. Затем, словно от толчка, он остановился, там, где кладка стен была самой старой и грубой, где в расщелинах между камнями тут и там проросли кусты, и рукотворные стены безумно громоздились на лежащих в основании скалах. И вдруг глаз его разглядел подъем, выющийся от одного уступа к другому меж

травы и кустов, вросших в стену, — смертельную угрозу замку.

— Вот, — промолвил он. — Мы — горный народ в Кер Донне. И я умею лазать по стенам, как мальчишка. Вот, видишь, Скага? Так, так и так.

Скага кивнул.

— Правда. Нуждается в расчистке и пригляде. Верно, мы ослепли, что не уследили. Когда что-то видишь часто, перестаешь и вовсе замечать: я и не заметил, как здесь все разрослось.

— Верно, дожди, — хрипло промолвил Киран, но в глубине души он знал, что дело тут не в этом. Он вздрогнул от пронизывающего ветра и почувствовал, как Скага дружески обнял его за плечи.

— Пойдем. Спасибо, друг. Вернемся в замок.

Он двинулся вслед за Скагой, радуясь укрытию стен, заслонявших его от ветра, и вдруг в прорези бойницы перед ним раскинулся весь вид. Внизу был двор, забитый живностью и сельским людом, оттуда приглушенно доносились звуки — детский плач и неустанное блеяние коз. Но здесь, в Кер Велле царил порядок — крестьяне обороняли стены и хоть и были легко вооружены, зато выглядели молодежато и действовали проворно и умело. Женщины карабкались по внутренним лестницам, разнося корзины с хлебом. Значит голод еще не пришел сюда, не будут они страдать от жажды, так как вне досягаемости врага здесь бил источник, по имени которого и назван был холм. Киран почувствовал прилив бодрости при виде этой обороны, невзирая на зловещий дым вражеских костров, вздымавшийся перед стенами. Он прошел дальше, чем того хотел Скага, до главных ворот и взглянул на запад.

И вид, открывшийся оттуда, порадовал его куда как меньше, ибо сколько хватало глаз, повсюду расстилался черный разор. Поля и луга были сожжены и втоптаны в грязь. Враг подобрал своих мертвых и раненых, но все было усеяно трупами павших лошадей, вокруг которых кружились черные птицы; а далее холмы пылали пожарами — горели фермы и деревни и так, верно, до самого Кер Дава. Бесчисленными струями дым вздымался на холмах, где был разбит лагерь неприятеля, мешаясь с черными клубами, окутавшими лесистый берег Керберна вплоть до

опустошенных холмов. Ветер разносил смрад, туманя небо.

Они не могли так продвинуться за то время, что он был в пути. Он провел одну ночь — всего лишь ночь в Элде.

«Или сколько? — спросил он камень, теряя уверенность в себе. — Сколько ты меня держала у себя?» Он был предан. Он опасался этого и знал, что это так.

Пожары скоро разрастутся, когда с тыла из-за холмов к ним подойдут Дру и король. Или они уже подошли? И что еще произошло за это время и сколько из тех, кого он только что назвал живыми, уже скончались? И что так задержало короля?

«Держитесь». Не устарело ли это послание, которое Скага воспринял так хмуро, а госпожа Мередифь с такой надеждой? Сколько уже медлит король?

— Кажется, костров стало больше, — прервал молчание Скага. — Теперь понятно, почему.

— Да, — ответил Киран, предпочитая ничего не говорить вообще.

Он снова вернулся в башню и сел в зале за столом у камина, опять отвечая на вопросы, которые еще не успели задать более робкие обитатели; а кое-кто из простолюдинов заходили, чтоб лишь взглянуть на него с застывшим, невыразимым упованием во взоре, и тут же быстро удалялись. Весь день напролет он просидел в этом зале, порою один, а днем — со Скагой, приведшим с собой верных людей, которые неторопливо интересовались, как велики силы противника, каково состояние вооружения и сколько людей еще может подойти. Он отвечал на все вопросы настолько толково, насколько мог, ничего не скрывая, и был рад, когда они ушли.

«Не надо больше лжи, — молил он Арафель. — Ты впускаешь меня в клубок лжи, которая разбивает мое сердце. Где правда? Что я должен им сказать? Неужто я должен заставить их усомниться в надежде, которую сам же им принес?»

Но она не отвечала или не слышала.

Но вечером в зал вошел юноша, снял арфу со стены и заиграл для него и дам. И тогда он ощутил тепло у сердца, нежное и сладкое тепло. И наступил мир и покой впервые за день. Враг не двигался, и чистые звуки арфы нашли

еще одного восхищенного слушателя: камень изливался потоками радости, заполнявшей сердце Кирана. Он улыбнулся.

И случайно взглянув в глаза Бранвин, он встретился с ее улыбкой, рожденной надеждой. Она посерьезнела, но не отвела глаз от его цветочно-чистых очей.

— Нет, — раздался шепот из глубин камня.

Но голубые глаза были ближе и обладали своими собственными чарами. И он заворуженно глядел на нее под звуки песни арфиста.

— Держись за камень, — снова раздался шепот, но ближе к нему лежала изящная рука Бранвин. Он прикоснулся к ее пальцам, и они ответили пожатием. А арфист пел о любви и героях. Киран, переполненный чувствами, держал ее руку, и чувства эти были не от мира сего и имели над ним свою собственную власть.

Затем арфист умолк. Киран убрал свою руку, пока другие не заметили, ибо она оставалась единственной дочерью великого господина, какими бы тяжелыми ни были времена.

А потом он один поднялся в комнату, принадлежавшую в юности Эвальду, к широкой мягкой постели с расшитым пологом. Он расстегнул свои одежды, дрожа на ветру, который дул из тьмы сквозь прорези окна, снял все, что на нем было надето, кроме камня на серебряной цепи, и быстро лег, натянув на себя тяжелые покрывала и сжавшись в клубок, чтобы согреться. Он вытащил руку, чтобы зажать фитиль в лампаде, и снова запихал ее под одеяла, а темнота рождала странные тени на незнакомых предметах чужой комнаты. Внутри и снаружи раздавались потрескивания и звуки передвижений, где-то во мраке кричал ребенок — там далеко-далеко во дворе. Его окно выходило на реку. Он слышал отдаленный шепот листьев и воды — «наверное, ветер», — подумал он, и где-то псы заливались лаем — столь неуместный звук в осажденном Кер Велле. Он сжал в руке камень, черпая из него тепло, и более уже не слышал собак.

Ему снились рощи, высокие деревья и холмы. То был Кер Велл, но имя ему было Кер Глас, и вместо колодца над белыми камнями бил чистый источник, стекавший в

прозрачные воды Аргиада, и вид был чист и ясен до самых Бурых холмов. Высокий, с тем же бледным камнем на груди он ехал по долине, ехал один среди многих под звуки рогов и в многоцветье стягов. Стрелы летели, как серебряные нити, и мрачный враг бежал пред ними, ища укрытия в горах и в мрачных пещерах у подножий холмов. Вина Ши шла войной, и небо сияло разноцветными крыльями драконов, которые пролетали, змеясь, как ураган, под рев рогов и лязг оружия.

Затем наступила эпоха мира, когда бледное солнце и зеленая луна светили неизменно, и арфисты пели песни под бледными стройными деревьями.

Затем наступило время расставаний, когда мир начал меняться, и пришли люди со своими богами, ибо злобные твари были загнаны в глубь холмов, и человеку стало нечего опасаться. И пришла бронза, и явилось железо, но были среди Ши такие, кто терпеливо сносил убийство деревьев, — мелкие существа, они хоронились в земле вблизи человека; но Вина Ши в мрачном гневe преследовали их.

И все же мир начал меняться. Наступила эпоха увядания, и мужество покинуло их. Один за другим они впадали в отчаяние и уходили за серую грань мира. Они не брали с собой оружия, они даже не брали камней, которые так ценили, ибо такова была природа их таяния — они теряли интерес к памяти, к снам и оставляли камни висеть под дождем и лунным светом утешать тех, кто все еще был привязан к миру. Многие уходили с печалью, другие в недоумении шли, куда глаза глядят, а кое-кто — горько отрекаясь, ибо гордость их была уязвлена.

Он чувствовал гнев такой силы, от которого содрогнулись бы холмы. «Лиэслиа», — прошептал ему камень, и он глубоко вдохнул, словно не дышал много лет, и взглянул вверх и вперед, заставляя проявиться образы из мглы, окутавшей мир, деревья и камни, потоки ветра и вод.

Киран проснулся на постели, дрожа и весь в поту, ибо сердце у него билось слишком громко. Он устал в мутные полосы света, прорезавшие комнату, стер пот с лица руками, которые были мозолистой и грубей, чем те, что были во сне, уронил их на тело, жесткое от сплотившихся волос, в котором сердце разрывало ребра — совсем не то, что во

сне — стройное с блестящими волосами, с камнем, сияющим светом и жизнью, в ярких доспехах и с серебряным мечом, которого боялись тени и ни один враг Ши не осмеливался встретить.

Лиэслиа, звездно венчанный князь Вина Ши, высокое и белокурое создание.

И он сам, грубый и земной, чья сила заключалась лишь в руках да в мозгах.

Он задрожал, несмотря на покрывавший его пот, и слезы хлынули из его глаз. Он попытался снова заснуть и увидеть во сне Арафель из солнечных лучей и серебра и призрачных оленей, то появляющихся, то исчезающих в тени, ибо это было ее пробуждение и его ночь. Ослепительно сияло бледное эльфийское солнце, и она шла берегом Аргиада там, где он тает во мгле, превращаясь в ничто, так близко от него, что могла запросто прийти.

«Родной», — прокричала она. И это было так, словно она внезапно повернулась к нему лицом. Вздвогнув, он проснулся в темноте, снял камень и положил его вместе с цепью на стол у кроватной стойки рядом с лампадой. Он не хотел больше таких снов, которые мучили его тем, чем он был и чем стал, и чем никогда уже не станет, которые рождали эльфийского принца в его сердце со всей печальной обреченностью его народа, с его леденящей любовью и еще более холодной гордостью. Они были смертельными врагами при встрече — он знал это, такой может стать и она, та, что была к нему так добра.

«Родной», — она окликнула его, но братом был ей Лиэслиа, чья холодная гордость желала снова жить, чей страшный меч убивал людей.

— Ужасный враг, — шепнула тень.

И издали Арафель закричала ему:

— Камень, Киран!

Ему снова снился сон. Он был нагим, и ветер разносил клочья его плоти. То был лес, подобный Элдвуду, и дикое существо бежало в нем, которым был он сам. Трещали ветви, черные сучья, и даже листья здесь были черными, как древние грехи; над ним нависало медное небо, и луна была на нем, как мертвый глаз, налившийся желчью.

— Ужасный, — повторила тень, и ветер пронесся сквозь чернильную листву.

За ним. Она охотилась за ним, и он не должен был глядеть на нее, ибо он был в ее владениях, а раз увидев истинное лицо врага, он сделал бы его реальным.

«Камень!» — принес ветер умоляющий голос.

Он дотянулся до него, напрягая все силы. Он прикоснулся пальцами к нему, и рука его засияла лунным огнем. Тени отступили, и он вышел из этого третьего самого страшного Элда. Он проходил мимо других созданий, которым меньше повезло, теней, что кричали и молили о помощи, которую он не мог им оказать. Одни стенали, моля о милости эльфийского принца, другие шипели, изрыгая яд. И он не осмеливался ни смотреть, ни закрыть глаза.

И вот он снова оказался за каменными стенами, и голос Арафели упрекал его. А он дрожал в чужой постели, сжимая в ладони камень. Так он лежал, а в прорезях окна уж занимался тусклый день. Студеный ветер шевелил его волосы, и где-то вдали ворчал гром.

Он надел холодную серебряную цепь снова себе на шею и замер, сжимая камень обеими руками и дрожа в наплыве эльфийских воспоминаний... о старых распрях с этой госпожой теней. И мужество, казалось, вытекло из него сквозь раны, оставленные псами в его душе. Он знал, что стал увечным, увечным навсегда, и тем увечьем, что не видно другим, но незабываемо для него. И камень должен быть всегда при нем, чтоб охранять его, а власти в нем больше, чем в самом Киране. Руки у него оледенели, сжимая камень, и согреть их было не так-то просто — они были смертными, а драгоценность хранила эльфийскую память о тех, кто не любил людей.

Наконец он шевельнулся, услышав, что замок ожил, почувствовав, как перекликаются голоса друг с другом, обычные голоса, возвращая его к миру, который был теперь не совсем его. Он встал, стуча зубами, натянул штаны и подошел к окну, обняв себя руками. Сквозь прорези были видны грязный холм, край леса, мокрая листва и серое небо. Штурмующие ничем не давали о себе знать, если не считать того, что он уже видел накануне. Дождь моросил. Он отвернулся в поисках рубахи и остальной одежды. Он спрятал камень за воротник и зашнуровал его, чтобы тот был не виден. Он не осмеливался остаться без него... теперь уж навсегда.

VII. Об огне и железе

Дамы собрались в главном зале, чтобы приветствовать его — и Мередифь, и Бранвин со служанками; и два пажа осталось, чтобы прислуживать им. Он прошел между ними в надежде найти место у очага и получить кусок хлеба; но стол был накрыт, и он расслышал, как госпожа Мередифь велела принести кашу. Паж бросился, как мышь, исполнять поручение, в дверях столкнувшись со Скагой, который всем кивнул.

— Все тихо, — сообщил Скага.

Его сообщение не вызвало радости, и Киран тоже нахмурился, прикидывая, как скоро враг обрушится на них с удвоенной силой. Возможно, неприятель не испытывал приязни к дождю. А может, он замышляет что-нибудь другое — мелькнуло у Кирана на пустой желудок. Вдруг что-нибудь случилось с королем — какая-нибудь хитрость, заранее заготовленная ловушка. Король, Дру и его отец должны вот-вот подойти и предпринять какие-нибудь действия.

А может, они уже что-то предприняли и потерпели поражение, пока он спал в Элде — вот эту мысль было не так-то просто отогнать. Им могла помешать засада в горловине долины. Разорение перед стенами Кер Велла было столь же опустошительным, как и при Дан-на-Хейвине, и он не мог решить, было ли войско неприятеля большим, чем они считали, и успел ли он объединиться с силами, бежавшими из Дан-на-Хейвина.

Он сел туда, куда указала госпожа Мередифь — справа от нее, а Бранвин села слева от нее. И Скага сел, и прочие, но много мест осталось пустовать — трапеза в замке, пребывающем в затяжной войне, когда его хозяина и юных воинов нет. Арфист, пришедший позже, тоже сел за стол; здесь была вдовствующая пожилая госпожа Бевин и Марна всего лишь двенадцати лет — робкое бледное дитя, молчащее в присутствии старших. И зал в Кер Донне невольно пришел ему на память — лица родителей и смех слуг, и радостные шумные утра, он сам и суровый Донкад всегда с дружескими шутками.

— Ты плохо спал, — промолвила красавица Бранвин, сидевшая напротив. И на лице ее отразилось беспокойство.

— Я спал, — ответил он, напрягая плечи; но камень тяжелым грузом давил ему сердце. И его ответ, похоже, не удовлетворил тех, кто недоуменно смотрел на него. — Я проделал слишком долгий путь сюда. И, видимо, усталость поселилась во мне.

— Ты должен отдохнуть, — промолвила госпожа Мередиф. — Скага, не беспокой его сегодня.

— Пусть отдохнет, — проворчал в ответ Скага. — Жаль лишь, что те не спешат.

Подали кашу. Киран начал есть — маленькие привычные движения, позволявшие ему молчать. В нем и вправду все занемело, он даже испугался на мгновение, что начнет проваливаться в иной мир — так далеко он был в своих мыслях. Он представил себе общий страх, если он начнет таять.

И в этой домашней обстановке он снова вспомнил о доме и друзьях. О предстоящих встречах с отцом и матерью, с Донкадом теперь, когда он навеки скован с эльфийским камнем, когда он знает все о прошлом, которое Кер Донн старался не вспоминать. Теперь он никогда уже не сможет спокойно смотреть на фермерские дозоры против волшебного народа, не чувствуя угрозы, нависающей над ним; никогда не сможет взирать на горные развалины над Кер Донном, не вспоминая, какими они были когда-то до прихода человека; не сможет гулять по склонам, забыв об иных далях и зная, какие гнусные твари роются под ними, никогда по-настоящему не исчезающие с лица земли. Но хуже всего было снова встретиться с отцом и Донкадом, зная то, о чем они и не догадываются, что их связь с теми, кто таится, прозябая, в отрогах холмов, куда как ближе, чем они думают; и вглядываться в их лица и гадать, всегда ли облик соответствует сути.

Гибельной Донкад назвал долину — но ему теперь придется жить бок о бок с врагом, преследующим, как тень, человека, который забрал бы его целиком, если бы он расстался с камнем.

Затем он оглядел лица обитателей Кер Велла, которые вели ту же войну, что и он, только без защиты, даруемой камнем — враг у них был один. Вчера за стенами крепости Смерть охотилась за душами. «Разве не все мы ранены? — думал он. — И неужто я трус лишь оттого, что взор мой проклят видеть ее приближение?»

Камень горел на его груди.

— Будь мудр, — донесся до него шепот. — О, будь мудр. Еще до того, как она стала твоим врагом, она была моим врагом. Ей нужен кто-то из эльфийского рода. Меня она ждет... а сейчас тебя. Твоя судьба иная, чем у них. Тебе опасность угрожает больше.

Он прикоснулся к камню, моля, чтобы шепот затих. «Я — человек», повторял он снова и снова, ибо зеленое видение не исчезало, а звучащие вокруг голоса долетали до него словно издали.

— Тебе не плохо? — спросила госпожа Мередифь. — Господин Киран, все ли с тобой хорошо?

— Рана, — ответил он, почти не солгав, и добавил: — Старая.

— Дождь, — заметил Скага. — У меня есть кое-что, что утолит твою боль. Мальчик, принеси мою фляжку со свאי внизу.

— Все пройдет, — устыдившись, пробормотал Киран; но мальчик уже убежал, а дамы заговорили о травах, желая помочь ему. Потом он принял пару глотков снадобья и взял мази у Мередифи и служанок, а также добрую одежду — теплый плащ, выпитый мелкими стежками самой Мередифью. Их доброта тронула его сердце и погрузила в еще большую печаль. Затем он в одиночестве ходил по стенам, глядя на лагерь врага и мечтая о том, чтобы ему нашлось применение. Мрачный дух царил в крепости и от моросящего дождя и из-за непривычной тишины. Женщины и дети поднимались на стены, чтобы посмотреть: одни плакали при виде сожженных полей, дети просто взирали с изумлением и поскорее спускались вниз, ища тепла в лагере.

За рекой виднелись зеленые верхушки деревьев, а над гребнем берега вздымались еще более высокие исполины, и небо над ними было чернее всего. И эти тучи окутывали его сердце мраком, ибо они говорили о присутствии Смерти, о том, что замок осажден не одними лишь людьми. Ему пришло в голову, что он может навлечь опасность на других, что Смерть, охотившаяся за ним, может забрать других — тех, кто окажется рядом. И этот его враг может принести гибель Кер Веллу и его народу, которому он пришел помочь. Он все больше укреплялся в этой мысли, впадая все в более безысходное отчаяние.

— Возвращайся, — прошептал ему голос, обещая мир и покойные сны. — Ты выполнил свой долг в Кер Велле. Возвращайся.

— Господин, — промолвил чистый человеческий голос, и, обернувшись, он увидел Бранвин в плаще и капюшоне. На мгновение он смутился, но тут же пришел в себя и низко поклонился ей.

— Ты, кажется, печален, — промолвила она. — Там есть какое-нибудь движение?

Он пожал плечами, взглянул через выступ стены и вновь повернулся к ней, к ее бледному лицу, обрамленному вышивкой накидки, к ее глазам, столь же изменчивым, как бегущие облака, которые отражали его собственные страхи, когда он колебался, и мужество, когда он был бесстрашен.

— Похоже, они не любят дождя, — заметил он. — А твой отец и мой отец, да и сам король скоро подойдут и покажут им кое-что еще, что им также не понравится.

— Все это длится уже так долго, — промолвила она.

— Теперь уже недолго, — ответил он с отчаянной надеждой.

Бранвин взглянула на него и посмотрела на поле, простиравшееся внизу, и так они стояли, черпая утешение друг в друге. Птицы опустились на камень... мокрые и взъерошенные; она принесла с собой корку хлеба и, разломив ее, стала крошить, провоцируя драку, хлопанье мокрых крыльев и удары клювами.

— Чаровница, —дохнула Арафель ему в самое сердце. — Они перестали быть самими собой; ее всегда забавляло это.

Но Киран не обратил внимания на голос, ибо взор его был прикован к Бранвин: он обнаруживал, как изящно ее лицо, как оно бледно в этот хмурый день, как светятся ее глаза, удивлявшие его смелым взглядом, от которого туманилась голова.

Мальчик, промчавшись мимо, остановился неподалеку: беззвучно он указал им на поле и бросился дальше. С дурным предчувствием Киран обернулся и взглянул за стены, ибо там произошли перемены. Отделившись от неприятельского лагеря, к замку спешила группа всадников. Как только их заметили другие часовые, в Кер Велле нача-

лась суматоха. Киран взглянул на Бранвин и, увидев, как искажилось ее лицо, протянул руку, чтобы успокоить ее. Ее холодные пальцы сжались вокруг его ладони. Они стояли и смотрели, как приближается вражеский разъезд.

— Они хотят говорить, — заметил Киран, видя малочисленность всадников. — Это не штурм.

Скага с грохотом взлетел по ступеням к зубцу стены и, перетнувшись через укрепление, мрачно уставился на приближающегося врага.

— Моя госпожа, — промолвил он Бранвин, взглянув на них обоих, — прошу тебя, уйди под прикрытие. Я не хотел бы вверять тебя случаю. Я не хотел бы, чтобы тебя видели.

— Я останусь, — промолвила Бранвин. — На мне плащ.

— Тогда хотя бы отойди от края, — попросил ее Скага и двинулся вдоль стены, отдавая распоряжения своим людям.

Враг подскакал уже совсем близко — группа всадников со знаменами — в основном с красным боровом Ан Бега и черными стягами Кер Дава. Но через луку одного седла было перекинута и другое знамя, волочившееся по земле, которое они подняли перед стенами и показали. И крик ярости сотряс стены Кер Велла, ибо это было зеленое знамя их собственного господина.

— Сдавайтесь, — закричал один из всадников Ан Бега, подъезжая под самые стены. — Ваш замок обречен; ваш господин убит, король разгромлен, и армия его бежала. Спасайтесь сами и спасайте жизни госпожи и ее дочери — мы не причиним им вреда. Скага! Где Скага?

— Здесь! — прорычал старый воин, склоняясь со стены. — Возьми обратно эту ложь! Вы есть лжецы, какими и были вы всегда, и вы солгали и в первом, и во втором.

Пришпорив лошадь, к воротам подскакал второй всадник, держа на пике какой-то темный шар — голову с запекшимися в крови волосами и с обезображенным лицом. И он швырнул ее в ворота.

— Вот ваш господин! Предлагай свои условия, Скага! Когда вернемся, мы с вами говорить уже не станем.

Госпожа Бранвин напряглась, и рука ее обмякла в ладони Кирана, и когда он прижал ее к себе, желая поддержать, она чуть не упала, повиснув на нем.

— Прочь! — заревел Скага. — Лжецы!

Из всадников кто-то натянул лук.

— Берегись! — закричал Киран, но Скага видел и метнулся в сторону, и стрела просвистела мимо, бесцельно улетев куда-то. В ответ со стен обрушился целый ливень стрел, и всадники не без потерь поскакали прочь, оставив валяться зеленое знамя в грязи и окровавленную голову у ворот Кер Велла.

— Все это ложь! — повернувшись закричал Киран, чтобы его слышали на стенах и во дворе внизу. — Ваш господин послал меня, чтоб я предупредил вас о подобных кознях — фальшивое знамя и изуродованное лицо какого-то бедняги — все это ложь!

Отчаяние сквозило в его призыве, быть может, потому, что сам он верил в него лишь наполовину. Весь замок словно окаменел — никто не шевелился, никто ни в чем не был уверен.

— Когда Ан Бег говорил правду? — захохотал Скага. — Мы предпочтем послушать гонца короля, чем самые медоточивые их слова. Они знают, что у них осталась последняя надежда. Король выиграл сражение. Король идет сюда с нашим господином, Дру и господином Донна. Кто в этом сомневается?

— То был не мой отец! — откинув капюшон, громким и чистым голосом выкрикнула Бранвин. — Я видела и говорю вам — то не он!

Горстка людей приободрилась, а ее примеру последовали и остальные. Поднялся шум, воины замахали оружием и забряцали щитами, у кого они были.

— Пойдем в замок, — взмолился Киран и взял Бранвин за руку. — Поспешим, твоя матушка могла уже прослышать.

— Похороните ее, — содрогнувшись и зарыдав, распорядилась она, и Киран посмотрел на Скагу.

— Я прослежу за этим, — ответил Скага и, велев своим людям смотреть в оба, направился к воротам. Киран укрыл краем своего плаща Бранвин и повел ее в башню, в свет факелов и тепло, чтобы самим сообщить о происшедшем.

Но отведя Бранвин к матери и дав ей полный отчет, он снова спустился во двор к Скаге.

— Он? — спросил он Скагу, улучив момент, когда их никто не слышал.

— Нет, — ответил Скага, — взор его был темен и суров. — Я знаю это по старому шраму, который был у моего господина; но они обезобразили его до неузнаваемости. Мы похоронили ее. Их ли то был человек или наш — мы не знаем. Скорее их, но к чему рисковать.

Киран ничего не сказал и отвернулся, не удивившись, ибо он сражался со сбродом Ан Бега не первый год, но его продолжало воротить от них. Он жаждал битвы с оружием в руках, чтобы достойно ответить этим людям. Но час еще не настал. Нападающих не было видно. Неприятель надеялся, что увиденное повергнет их в размышления.

Весь день стояла тишина. Киран сидел в зале, пытаясь дремать в те редкие минуты покоя между видениями кровавого поля и еще более страшными зрелищами гневного Элда, шелестящего за стенами. То и дело он просыпался в испуге и долго глядел на привычные домашние вещи — на каменную серость стен или на языки пламени в очаге, прислушиваясь к человеческой речи входящего и выходящего люда. Пришла и посидела с ним Бранвин — и он был благодарен за привнесенный ею мир.

— Киран, — время от времени доносился до него слабый зов, разрушая его спокойствие, но он не обращал на него внимания.

В ту ночь они вдвое увеличили число караульных, не веря ни во что уже; но в зале пылал очаг, и было уютно. К Кирану вернулся аппетит, и снова арфист исполнял им воинственные песни, вселяя в них мужество: и лишь камень мучал его — в ушах его звучали другие мотивы, более медленные и нечеловеческой мелодичности, превращая звучащие песни в утробный диссонанс. И слезы бежали по его щекам. Но арфист принимал их на свой счет и радовался, чувствуя себя польщенным. Киран же не осмеливался ничего сказать.

А дальше его ждала кровать и одиночество, и тьма, но хуже всего — тишина, в которой он слышал лишь внутреннее отголоски, и нечем их было заглушить. Он постыдился просить еще света, как малое дитя, и все же пожалел, что не попросил, когда все легли и он остался один.

Он не стал задувать лампаду, так подкрутив фитиль, чтоб он горел как можно дольше. В молчании он с камнем вел войну с воспоминаниями, не принадлежавшими ему,

в которых не было ничего человеческого; они становились все явственнее и мощнее за долгие часы одиночества, так что даже пробуждение не ограждало от потока образов, обрушивавшегося на него.

Лиэслиа. И нечто большее, чем воспоминания. Он впитывал природу того, кто лелеял эти сны так долго, гордость, не признававшую ничего, из того, что он считал добрым и красивым, раскидывавшую перед ним такие эльфийские красоты, что на их фоне все бледнело и он ощущал печаль собственного мира. Он попытался снять камень при свете, но это оказалось еще страшнее, ибо он тут же ощутил ноющую боль — осознание того, что часть его пребывала в черном Элде. И тут же он почувствовал, что за ним следят, и ночь стала казаться темнее и мрачнее, а язычок пламени слабее и тусклее. Он поспешно надел цепь себе на шею, дав камню лечь на своей груди, и боль растаяла... зато вернулись мучительные яркие видения.

Потом лампада погасла, и он остался лежать во тьме. В комнате царила мертвая тишина, и отгонять воспоминания ему было все труднее и труднее.

— Спи, — прошептала издали Арафель с жалостью в голосе. — Ах, Киран, спи.

— Я — человек, — ответил он ей шепотом. — Но перестану им быть, если отдамся камню.

И музыка пришла к нему — нежное пение, ласкавшее и наполнявшее невыразимой истомой, убаюкивая все его чувства. Он невольно заснул, и сны вползли в него о гордом князе Лиэслиа, о его сжигающей гордыне, а иногда и бессердечии. Он тосковал по солнцу, которое вернуло бы к действительности привычные, обычные вещи; и когда наконец солнце встало, он уронил голову на руки и заснул настоящим сном, окончив битву за свою душу.

Кто-то кричал. Он проснулся от медного воя тревоги и от криков, доносившихся с улицы, что готовится штурм. «К оружию!» — разносилось по коридорам Кер Велла и из дальних дворов. «К оружию и к бою!»

Страх поднял его на ноги, страх и безумное облегчение, что наконец враг был не внутри него, но снаружи и уязвимый для оружия в человеческих руках. Он натянул одежду

и бросился в зал с остальными в поисках Скаги — вниз по лестнице в оружейную. Скага вооружался, с ним были и другие.

— Дайте мне оружие, — взмолился Киран, и Скага распорядился. Мальчики бросились измерять его, подыскивая доспехи по размеру. Звуки тревоги затихли. Все готовились к сражению. Мальчики вбегали и выбегали с колчанами стрел, и комната дымилась от разогреваемого масла. Его зашнуровали в кожи, и пажи со всех ног примчались со старой кольчугой. Киран нагнулся, и они просунули в нее его руки и голову; он выпрямился, и она впиалась в его тело, пронзая ледяными иглами и ядом. «Нет», — услышал он настойчивый шепот, моливший его, но не обратил на него внимания. «Нет», — надрываясь, кричал уже он сам, чувствуя, как просачивается яд в его члены, леденя и лишая его сил. Слезы подступили к его глазам, а во рту появился горький и резкий привкус железа. Они зашнуровали его, и он встал; они пристегнули меч, и Скага в полном вооружении воззрился на него в изумлении, ибо члены Кирана ослабли, и пот струился по его лицу, замерзая на ветру. Боль нарастала, вгрызаясь в его кости и мозг, лишая его чувств.

— Нет, — закричал он Арафели и — нет! — прошептал он и рухнул на колени. И сломленный болью, согнулся, теряя сознание. — Снимите, снимите это с меня.

— Помогите ему, — приказал Скага и в сомнениях метнулся туда и сюда, и кинулся заниматься своим делом, ибо наступление уже кипело, как водопад, и крики раздавались все ближе, и луки свирепо завывали, посылая стрелы вперед.

Пажи расстегнули пояс и распустили шнуровку, и сняли с него железо, пока он стоял на коленях, поверженный болью. Ему принесли вина и стали ухаживать как за ранеными, которых уже начали приносить со стен.

— Занимайтесь ими, — вскричал Киран, сжимая зубы от вгрызавшейся в его чрево боли. И глаза его защипали слезы стыда, что он отвлекает внимание от тех, кто умирает. Дрожа и истекая потом, он поднялся на ноги и, шатаясь, двинулся вдоль стен. Он вышел во двор, чтобы хотя бы взять лук. Но когда мальчик протянул ему колчан со стрелами, железная мука вновь охватила его: колчан выпал из его руки, и стрелы рассыпались.

— Он не может, — кто-то сказал. — Мальчик, уведи его, отведи его в зал.

И он пошел, поддерживаемый пажом, спотыкаясь на лестнице от боли в костях. Мальчик и служанки уложили его у очага и принесли подушки под голову.

— Он ранен, — раздался полный боли и страдания за него голос Бранвин. И он почувствовал прикосновение ее нежных рук. И нимб светлых волос, обрамлявших лицо, склонился над ним. Слезы боли и стыда замутили его взор.

— Никто не причинил ему вреда, — промолвил мальчик. — Я думаю, госпожа, он болен.

Ему принесли вина и трав, накрыли и согрели, пока он метался почти без чувств. Снаружи доносился лязг железа, воинственные кличи, а мальчики и служанки, снующие с поручениями, приносили известия, на чью сторону склоняется победа. Потом башня вздрогнула от удара, обрушившегося на ворота, и жуткий треск заставил его вскочить с тюфяка. С языка его готовы были сорваться просьбы об оружии, но боль в костях твердила ему об ином. Прислонившись к дверям оружейной, он прислушивался ко все более и более тревожным сообщениям, ибо один из створов ворот поддался под напором тарана, и его укрепляли бревнами кто как мог, поливая неприятеля дождем стрел со стен.

Штурм отхлынул. Киран сидел у очага, сжав руками невидимый чужим глазам камень, но тот молчал, откликаясь лишь болью. «Ей тоже больно», — подумал он, но раскаяние не охватило его. В зале не было никого, кроме Бранвин и госпожи Мередифь, которые изумленно взирали на него, когда им не надо было спешить к более тяжело раненым.

Весь день бушевала битва за ворота. Гибли люди. Временами Киран вставал и доходил до стены, но воины просили его вернуться в укрытие, а то, что он видел, не успокаивало его. Разбитые ворота еще держались, хотя петли их и покосились. Стрелы летали вверх и вниз со стены, и слышны были отчаянные предложения о вылазке, чтобы отогнать неприятеля от ворот, пока они не рухнули.

«Не делайте этого», — мысленно молил он Скагу, не в силах преодолеть ливень стрел, что окружал того на вершине ворот. И мудрый Скага распорядился обороняться, а

не атаковать; масло лилось на осаждающих, охлаждая их пыл, но они развели костры перед воротами, и от масла огонь разгорался еще яростней, грозя пожрать ворота. К полудню сорвалась еще одна петля, и враг хлынул в ворота. Раненые, изможденные воины проходили мимо Кирана, укоряюще глядя на него залитыми кровью глазами. Женщины взбегали по лестницам, поднося стрелы, помогая раненым, а иные, взяв луки и укрывшись за плетеными щитами, посылали стрелы в гущу нападавших. Наконец, Киран вышел, взял лук у раненого лучника и попытался еще раз: одну стрелу он выпустил и заложил вторую... но слабость охватила его, и третья улетела мимо, а лук выпал из его рук на амбразуру. Мальчик подобрал лук, а Киран, охваченный стыдом, сел, приходя в себя, пока не выискал в себе силы, чтобы вернуться в укрытие.

А мальчика принесли мертвым чуть спустя, ибо стрела пронзила его в горло, и его место занял другой, еще более юный. Киран заплакал, увидев это, и отошел в угол, пытаясь скрыться ото всех.

С наступлением сумерек шум сражения утих, а вскоре и вовсе прекратился. Киран вернулся в зал, погреться у очага и послушать разговоры слуг. Пришли женщины, усталые, с тенями под глазами, и заговорили о холодном ужине, к которому ни у кого не лежало сердце. Мужчины во дворе пытались укрепить ворота, и звук молотков отдавался в зале.

Пришел Скага, бледный и измученный раной от стрелы, пронзившей его руку. При виде его Киран отвернулся и устался в углы очага. Дамы сели, и прислуга принесла хлеб, вино и холодное мясо.

Киран подошел к столу и тоже сел, глядя перед собой, не поднимая глаз ни на женщин, ни на сражавшегося весь день арфиста и уж менее всего на Скагу. Еда была подана, но никто не притронулся к ней.

— Это из-за его раны, — внезапно прервала молчание Бранвин. — Он болен.

— Он утверждает, что пробрался сквозь ряды неприятеля и перелез нашу стену, — ответил Скага. — Он дал нам добрый совет. Но кто он на самом деле? Откуда он прибежал? И кого мы приняли в то время, когда наши жизни зависят от закрытых ворот?

Киран поднял голову и встретился глазами со Скагой.

— Я из Кер Донна, — промолвил он. — Мы служим одному королю.

Скага ответил ему суровым взглядом, и никто не шелохнулся.

— Это все его рана, — повторила Бранвин. И Киран почувствовал к ней благодарность за это.

— Мы не видели раны, — ответил Скага.

— Хотите? — спросил Киран, ибо у него не было недостатка в шрамах. Он изобразил на лице своем гнев, но на деле стыд пожирал его. — Можем пойти в оружейную, если хочешь. Можем поговорить там об этом, если желаешь.

— Скага, — с укоризной заметила Бранвин старому воину, но госпожа Мередифь прикоснулась к дочери рукой, делая ей знак умолкнуть. И Скага встал. И Киран поднялся на ноги, готовясь следовать за ним, но Скага кликнул пажа.

— Меч, — сказал Скага. И мальчик принес его от дверей. Киран стоял не шевелясь, чтобы не опозориться в глазах всех. Бранвин вскочила на ноги, за ней поднялась госпожа Мередифь, и один за другим все повставали.

— Я хочу посмотреть, как ты будешь держать меч, — сказал Скага. — Мой согдится. Он из доброго старого железа.

Киран ничего не сказал. Сердце екнуло у него, и камень загодя отозвался болью. Он взглянул в глаза старого воина и понял, что тот повидал больше на своем веку, чем остальные. Скага вынул меч из ножен и протянул ему; он взял обнаженное лезвие в руки, стараясь скрыть боль, отразившуюся на его лице. И не смог. Он протянул оружие обратно, чтобы не обесчестить его, уронив, и Скага сурово принял его. В зале застыла мертвая тишина.

— Нас обманули, — медленно выговорил Скага, и глубокий его голос был печален. — Ты принес нам сладкие слова. Но ваши дары никогда не бывают без расплаты.

Послышались всхлипывания. То была Бранвин, которая вдруг вырвалась из объятий матери и выбежала из зала. И это причинило ему боль не меньше, чем железо.

— Я сказал вам правду, — промолвил Киран.

Ему никто не ответил.

— Король придет сюда, — продолжил Киран. — Я вам не враг.

— Мы слишком долго живем рядом со Старым лесом, — произнесла госпожа Мередишь. — Заклинаю, скажи мне правду. Жив ли мой господин?

— Клянусь тебе, госпожа, он дал мне кольцо со своей руки и был жив и здоров.

— А чем клянется ваш эльфийский люд?

У него не было ответа.

— Что будем делать с ним? — спросил Скага. — Госпожа? Железо удержит его. Но это будет жестоко.

Мередишь покачала головой.

— Возможно, он говорит правду. И в ней вся наша надежда, не так ли? Зачем нам лишние враги сейчас, когда своих достаточно. Пусть делает, что хочет, и лишь приставь к нему охрану.

Киран склонил голову, благодарный и за это. Он не взглянул ни на Скагу, ни на других, лишь посмотрел на госпожу Мередишь. Но более она ничего не сказала, и он тихо вышел из зала и поднялся наверх в предоставленную ему комнату, где, по крайней мере, он был избавлен от укоризны их глаз.

Спустилась тьма. Лампада не горела, и он знал, что из прислуги никто к нему не поднимется сегодня. Он закрыл за собой дверь и сквозь дымку слез уставился в окно. Ночь, обрамленная камнем, была светла.

Где-то, обманутая, рыдала Бранвин. Вся принесенная им радость растаяла. Теперь они готовились к смерти. Он закрыл глаза и вспомнил о своей семье, представив всю ту боль, что причинит им. Стыд и боль еще пронзительнее охватили его при мысли, что им предстоит узнать, кто они есть и потерять всю веру в себя.

Он сел во тьме на кровать, расшнуровал воротник и, вынув камень, сжал его в ладонях.

VIII. Пути Элда

— Арафель, — прошептал он, — помоги нам.

Но никто ему не ответил, а Киран и не надеялся. Видно, сомнения подкосили его. Он ощущал боль в сердце, боль во всех суставах, словно яд железа, к которому он прикасался, просочился внутрь. Возможно, это и отпугнуло Арафель; возможно, это ранило ее гораздо больше, чем

он мог себе представить. Там, где когда-то раздавался ее шепот, теперь стояла тишина, и это напугало его.

В камне была власть. Она так обещала. Сорвать его, искать смерти в бою... он думал и об этом, заранее зная, что прежде чем смерть настигнет его, он увидит такое, чего увидеть никому не суждено. И это вдруг показалось ему хоть и отчаянным поступком, но малодушным — себялюбиво погибнуть без толку и унести с собой все упования Кер Велла. Власть выражалась в том, чтоб вывести их из того тупика, в который они попали по его вине — ах, если бы он только знал как.

И какой прок был в камне, если не считать связи с Элдом? «Возвращайся», — молила его Арафель.

И он решился, держа камень обеими руками. Он встал и соскользнул мыслью в зеленый волшебный мир... увидел серую дымку и вошел в нее.

Вокруг все было пусто. Он попробовал вспомнить путь, которым его вела Арафель. Ему казалось, что он лежит перед ним во мгле. Что-то говорило в его сердце ему об этом, и он послушался, хотя прежде никогда не доверял ему.

«Лиэслиа», — подумал он, призывая воспоминания этого сурового эльфа, но ничто не пришло к нему. Наверное, в том виновен был запах железа. Паника нахлынула на него, как потоки воды. Он развел руками туман и в испуге мигнул, ибо стоял на темном склоне холма за стенами Кер Велла.

Испуганно он снова нырнул в туман и побежал в нем, побежал изо всех сил, но очень скоро он и в самом деле заплутал, не зная, верный ли путь избрал с самого начала. Ему казалось, что он различает во мгле деревья, но они были корявы и уродливы, и мгла стучалась.

И тени появились рядом с ним — они скакали с замедленностью сна. Он плохо различал их, но слышал треск сучьев, неторопливый и странный стук копыт. Олень промчался в тумане, но он был черен и вскоре скрылся во тьме. И черная птица пролетела мимо с недобрый взглядом. Увидев его, она вскрикнула и пронеслась дальше. Он пробежал еще, едва дыша, и временами, казалось, почва уходила из-под его ног, и он проваливался. Псы лаяли, повергая в ужас его плоть, и рана его начала саднить, все

больше заполняясь болью. Затем послышался топот уже более тяжелого скакуна, и ветер принес звук рога.

Что-то, завывая, шмыгнуло мимо. Он метнулся в сторону и налетел на другую тень, заметив, как исказились облики деревьев. Дорога становилась все темнее и темнее, рифмуясь со смертной ночью, чего не могло быть в эльфийском лесу. Его охватил внезапный ужас, что он вообще перепутал направление, что он бежит и стремится к врагу, где никакой камень не сможет спасти его. Подул ветер, но не разогнал туман, а лишь заморозил его до костей.

— Арафель! — отчаянно закричал он, ни на что не надеясь. — Арафель!

И тень сгустилась перед ним. Он метнулся в сторону, но она поймала его, и камень потеплел у него на груди.

— Имена имеют свою силу, — промолвила она. — Но нужно трижды произнести их.

Он поймал ее руку и сжал ее, закрыв глаза, ибо мимо проносилась гурьба теней, и Охотница среди них. Вид ее был столь ужасен, что ему показалось, она навсегда оставит шрам в его памяти.

И холод оставил его. Он открыл глаза, и они уже выходили из тумана на солнечный свет, к зеленому лесу, к лугам с бледными цветами. Он без сил упал на траву, и Арафель опустилась рядом, спокойно выжидая, когда он отдышится.

— В тебе больше смелости, чем мудрости, — сказала она.

— Мне нужна твоя помощь, — промолвил он. — Ты нужна им.

— Им! — она вскочила на ноги, и голос ее задрожал от негодования. — Их войны это их войны. Ты же видел. Ты знаешь, что есть выбор. Ты вернулся по собственной воле. Разве ты не знаешь теперь, что нам сделали люди?

Он не мог найти доводов. И серая дымка окружила его, как настоящего эльфа в минуту печали, когда мир переставал устраивать их или они мир.

Ее гнев утих. Он по камню ощущал, как тот замирает. Она опустилась на колени рядом с ним и прикоснулась к его лицу, к его сердцу, все еще холодному от воспоминаний о псах.

— Это, — она дотронулась до камня, — и железо не переносит друг друга. Теперь ты это знаешь. Ты стал мудрее, чем был. А когда ты еще больше помудреешь, ты узнаешь, что у тебя нет с ними ни общей судьбы, ни мира.

— Я видел сон, — промолвил он, — и теперь я знаю, кем вы были. Я прошу твоей помощи. Арафель-Арафель-Арафель, я прошу тебя помочь Кер Веллу.

Лицо ее стало холодным и спокойным.

— Ты слишком мудр, — промолвила она. — Берегись таких заклинаний.

— Тогда возьми свой дар обратно, — ответил он. — В нем нету сердца.

— В нем наше сердце, — отрезала она и пошла прочь.

Он встал и огляделся, посмотрел на зайцев, которые покойно восседали под белым деревом. В отчаянии он потрянул головой и собрался выбросить камень, но это была его единственная надежда вернуться в собственную ночь. Он шел уже раз этой дорогой и снова двинулся по ней под серебряными деревьями, все дальше и дальше в туман, ибо он правильно выбрал путь, и страх его прошел.

И он ни разу не оступился в самом густом и неестественном тумане. Деревья расступались перед ним, пока впереди не появилась его комната. Он различил ее. Черная обитель в сумраке. Он вошел в нее, и стены снова сомкнулись вокруг него.

Всю ночь он просидел не шевелясь. Снов не было. Перед восходом он немного поспал, проснувшись, вымылся, оделся и спустился в зал с душой, занемевшей для страха, даже когда взгляд его остановился на людях Скаги, стороживших его. Он вошел в зал, где собрались уже все остальные, и тишина воцарилась.

— А есть ли место здесь для меня? — послышался чей-то легкий голос. Он взглянул. То была Арафель.

Заскрипели кресла и скамьи, и все повскакивали из-за стола. Бранвин замерла, прижав руки к лицу. Скага схватился за меч, но так и не вытащил его из ножен. Арафель стояла спокойно, и ее лесные одежды потускнели и были залатаны. Меч висел у нее на боку. Ее бледные волосы были стянуты сзади. Она походила на высокого стройного юношу.

— Давненько я здесь не была, — произнесла она среди всеобщего молчания. Со стен раздавались сигналы тревоги, сзывая всех к битве. Но никто не тронулся с места.

— Меня просили помочь вам, — промолвила она. — Я спрашиваю — вы хотите этой помощи? Скажите: помочь или удалиться.

— Мы не смеем принять такую помощь, — сказала Мередифь.

— Это опасно, — добавил арфист.

— Это правда, — согласилась Арафель.

— Арафель, — промолвил Киран. — В чем здесь опасность?

Она взглянула на него своими бледными глазами.

— У Вина Ши есть другие враги. Есть многое такое, чего ты не видишь. И так было задолго до того, как войны достигли Элда.

— Мы погибнем без твоей помощи, — сказала Мередифь. — Если о помощи ты говоришь.

— Да, это верно, — согласилась Арафель.

— Тогда помоги нам, — сказала Мередифь.

— Назови свою цену, — добавил Скага.

— С этим ты уже опоздал, — мягко ответила Арафель.

— Чу, или ты не слышишь тревогу?

— Твоя цена? — повторил Скага.

— Я не из мелкого люда, — холодно взвешивая слова, ответила Арафель. — Мне не платят блюдцем молока или пригоршней зерен. У меня есть свои причины. Я говорю о справедливости, человек, но об этом сейчас поздно. Моя помощь была призвана, и я должна оказать ее.

— Тогда мы примем ее, — сказал Скага и со страдальческим видом двинулся к двери. — Там и сегодня же.

— Дай мне время, — промолвила Арафель. — Обороняйтесь собственными силами и ждите. — Она повернулась и взглянула на Бранвин, а последним посмотрела на Кирана, без гнева и вовсе без всяких чувств. — Не выходите на стены, — добавила она. — Оставайтесь в замке. И ждите.

Голос ее начал таять, как и она сама, и вскоре не осталось ничего кроме стен, да кресла, да тишины, повисшей после ее ухода.

— К оружию! — вскричал Скага, ибо сигнал тревоги все

еще звучал, но никто не откликался на него. — К оружию, к бою!

Все побежали. Лишь Киран остался стоять в зале, чувствуя себя раздетым и одиноким. Он вдруг заметил, что камень висит у всех на виду, и прикоснулся к нему, но тот ничем ему не ответил.

Он обернулся и заглянул в глаза Бранвин. В них стоял ужас.

— Я знаю ее, — промолвила Бранвин. — Мы с ней были друзьями.

— И что случилось? — спросил он, в смятении осознав, как тесно переплелась жизнь здесь с делами Элда. — Что произошло, Бранвин?

— Я пошла в лес, — сказала она. — И испугалась.

Он кивнул, понимая ее. И теперь они уже вдвоем стояли в окружении испуганных глаз. Но с самым огромным ужасом смотрела на них госпожа Мередифь, словно она вновь ощущала весь тот кошмар. Дочь, ушедшая в лес и возвращенная ими домой. И Скага знал, он тоже — он видел эту дрожь в железе, которая безошибочно указывала на известный ему недуг. Страх обуял их, но он всегда был с ними, клубком таясь у их сердец.

— Я — Киран, — медленно произнес он, чтобы самому расслышать свои слова, — второй сын Кирана из Кер Донна. Я потерялся в лесу, и она помогла мне добраться до вас. Но я ни слова не солгал о короле, о вашем господине. Нет.

Никто не ответил ему — ни женщины, ни арфист. Киран отошел к очагу и опустился на скамью, чтобы согреться.

— Бранвин, — резко окликнула Мередифь.

Но Бранвин подошла и села рядом с ним, и, когда он протянул ей руку, взяла ее в свои, не глядя на него, но, вероятно, зная, каково идти путем, который выбрал он.

Арафель вернется. Он верил в это; и он помнил слова Арафели, которые другие не захотели услышать, разве что кроме Скаги — но и тот не понял ее ответа.

Элд спал в глубокой тишине, а люди просили ее нарушить. И сделал это он, думая лишь о власти, но не о цене. Он крепко сжимал руку Бранвин, которая была вся плоть и тепло, и гадал, ощущает ли она то же.

Приближалась война не железа и крови. Они заблужда-

лись, если ожидали от Арафели меча и огня; и он был слеп до времени.

Теперь он прозрел.

IX. Заклинание Ши

Она быстро шла, проворно и упруго, сквозь мглу, обрамлявшую ее мир, к мягкому зеленому лунному свету, игравшему на серебряных деревьях. Олени и другие создания смотрели на нее и не осмеливались приблизиться.

А когда она добралась до сердца Элда — до травянистого холма, усеянного цветами, до круга вековых деревьев, весь Элд затих, даже теплый ветер перестал играть в ветвях. Лунный свет сверкал и отблескивал от камней, висевших на древе памяти, от серебряных мечей, теснившихся рядом, от доспехов и сокровищ, вмещавших в себя всю магию Элда. Магия дремала, но какой силой она обладала. Спали и воспоминания растаявших Вина Ши, которые составляли жизнь Элда.

Она сбросила облик, в котором являлась людям, и замерла, прислушиваясь к малейшим звукам, а потом и к полной тишине, нарушаемой лишь шепотом эльфийских голосов. Переходя от камня к камню, она поочередно касалась их, пробуждая их к жизни, чтобы ни один не спал от малого до великого.

А в мире людей Киран вздрогнул, глядя в огонь перед собой, и ощутил волнение, от которого всколыхнулась сама земля. И люди, стоявшие вокруг, показались ему паутиной, податливой и хрупкой.

— В чем дело? — спросила Бранвин. — Что с тобой?

— Мир покачнулся, — ответил он.

— Я ничего не чувствую, — промолвила она, пытаясь вселить в него уверенность, но все было напрасно.

Элд всколыхнулся. Арафель стояла в центре рощи, оглядывалась и прислушивалась; и наконец, пройдя между сокровищ Элда, она приблизилась к своим доспехам, которых веками не касалась ее рука. Она надела их на себя — кольчугу, сияющую, как сама луна, взяла свой лук и стрелы с наконечниками из серебра и прозрачного, как лед, камня. Она взяла свой меч и меч Лиэслиа, его лук и

все его доспехи. Взойдя на холм, она сложила весь свой груз и села, положив меч на колени. Она отвратила свой взор от Элда, каким он был, и прислушалась к камням.

— Эктиарн, — прошептала она в воздух, и тишина вздрогнула, и поднялся ветер, от которого зашептала трава на холме, зашуршали листья и запели камни.

Ветер рванулся дальше, скользя меж деревьев, через луга, заставляя склоняться цветы и замирать зайцев, скакавших под лунным светом.

Он коснулся вод Аргиада, подернув их серебром.

Он качнул деревья на другом берегу, и их ветви всколыхнулись.

— Эктиарн, дай мне своих детей.

Ветер скользнул по склонам холмов, серебря их волнующейся травой, и полетел еще дальше.

А потом он подул обратно: через холмы и лес, пересекая тихие воды Аргиада, в луга и рощу, шелестя травой и раскачивая камни, с легким привкусом моря, тумана и прощаний, и криков чаек.

Арафель вздрогнула от этого ветра, и серый туман всколыхнулся, подавая ей знак. Печаль охватила ее, но она сжала камень, открыла глаза и увидела рощу, какой та была.

— Финела! — позвала она. — Финела! Аодан!

И ветер снова откликнулся ей, благоухая зеленым Элдом, и сладкими травами, и тенью, и летним теплом. Он улетел, и все замерло.

И снова ветер подул обратно, сначала слегка, потом все больше набирая силу, бренча ветвями и сотрясая воды Аргиада, укладывая наземь траву и сгибая деревья, как перед грозой, на которых вдруг камни загорелись несказанным светом. Небо было безоблачным, звезды сияли, луна незамутненно горела, но гроза бушевала, срывая листву, и Арафель поднялась, сжимая меч обеими руками. Всполохи молний мелькали в ее летящих волосах и играли меж мечей на древе. Нарастая, загрохотал гром, гудя и вторя нежному перезвону камней и круговерти листьев.

И ветер принес с собой свет в ночь: друг за другом, как луны, летящие над землей, гремя копытами и полыхая гривами, они бежали вместе, как то было и всегда.

— Финела! — приветственно воскликнула Арафель. — Аодан!

В завываниях ветра примчались к ней эльфийские кони, с раскатами грома они окружили ее; и бледная Финела подошла к ней идохнула огнем из бархатистых ноздрей, и взглянула на нее, как олень, глазами широко распахнутыми и дивными. Аодан вдохнул ветер и потряс головой во всполохах молний, и ударил копытом землю, и та содрогнулась.

— Нет, — печально промолвила Арафель. — Его нет здесь. Но я прошу, Аодан.

Сияющая голова склонилась и вновь приподнялась. Она пристегнула к талии меч и взяла доспехи Лиэслиа. И Финела, заржав, подошла к ней. Она ухватилась одной рукой за сверкающую гриву и вскочила на нее, Финела взрыла землю и повернулась, и Аодан последовал за ней. Шаг становился все шире, и ветер мездрил деревья, сминая траву, и молнии, треща, полыхали в гривах и ее волосах.

— Кер Велл, — промолвила им Арафель, и Финела легко побежала над землей. Туман слоился перед ними, но ветер разогнал его, и молнии вспороли его, обнажив очертания, давно затерянные в нем, верховья Аргиада и контуры завядших деревьев. Тени, захваченные врасплох, разбегались в ужасе, завывая на ветру под равномерные раскаты грома, цепляясь за разлетающиеся клочья тумана.

Молния ослепила Кер Велл, заплесала в небе под рокот грома... и замерла, и лошади остановились, и наездница взглянула на хаос, на ворота, грозящие рухнуть и бегущих людей, пораженных тем, что явилось в их гуще.

— Киран! — закричала она. — Я здесь!

И Киран поднялся со своего места у очага, и более его уже не было, не было и руки Бранвин, чей голос в отчаянии взвился ему вслед.

Он стоял во дворе, и камень горел, как огонь, у его сердца, и молнии трещали вокруг него... и сны становились явью.

Арафель соскользнула с коня, сияя серебряными доспехами, и обеими руками протянула ему такие же. Он взял и надел их, пристегнул эльфийский меч, но сердце его было холодно, и холод пронизал все его нутро, и молнии окружали их. Человеческий день был серым и облачным, но они стояли в ином мире, и эльфийская луна светила на них бледно-зеленым светом; ночь шла своим че-

редом — спутница бури, и из двух коней он узнал, что один принадлежит ему.

— Аодан, — назвал он его по имени. — Аодан. Аодан. — И конь подошел к нему и застыл в ожидании.

— Еще не пора, — промолвила Арафель, ибо вокруг них были и другие — люди, заслонявшиеся от ветра, — женщины, дети и раненые, на чьих испуганных лицах отражалось сияние. Они ей не сказали ни слова; и она не удостоила их речью. Рядом с Кираном она тронулась к воротам, и эльфийские кони шли за ними.

— Скага, — промолвил Киран, указывая рукой на стену.

— Скага, — повторила она, и старый воин взглянул вниз, и лицо его исказилось.

— Мы молим вас — сделайте все, что сможете, — сказал Скага.

— Помни, Скага, о чем ты сейчас попросил. У тебя есть всадники — приготовь их, чтобы они выехали вместе с нами, если смогут.

Отзвучало несколько ударов сердца, а старый воин все стоял. Он был умудрен и боялся их. Но затем он созвал своих воинов и спустился по лестнице, и принялся отдавать распоряжения мальчишкам, и приказал седлать лошадей. Арафель стояла спокойно, потом задумчиво сняла с плеча лук и натянула его. Она могла бы подняться на стену и помочь им оттуда. Но железные стрелы летели стаями, и это она всегда успеет.

— Помни, — сказала она Кирану, — когда скачешь иными путями, ты неуязвим для железа, но и сам не можешь поразить человека. Перемещайся то туда, то сюда — это умнее всего.

— Мы можем погибнуть, не так ли? — ответил Киран.

— Нет, — сказала она. — Ты не погибнешь, пока на тебе камень. Ты можешь лишь растаять. У каждого своя судьба, Киран. Смерть здесь на поле. Шагни в иной мир, и ты увидишь ее. Предоставь людей мне — они сами хотят кровопролития. Во мне больше добра, чем ты даже можешь себе представить. Стрелы — оставь их — они слишком страшны для людей.

— Тогда что же мне делать?

— Езжай со мной, — тихо ответила она. — Мудрость

должна управлять рукой, иначе верх возьмет безрассудство. Чу, они уж готовы.

Воины и мальчики выводили лошадей из замка — цокот стоял во дворе, защитники оставляли укрытия стен, направляясь к воротам. Аодан слабо заржал, и Финела приветствовала их также, и смертные скакуны, сбившись гурьбой, прядали ушами и втягивали воздух. Но Арафель пошла между ними и, прикасаясь по очереди к каждому, называла их истинными именами и успокаивала их.

— Это Белянка, а это Прыгун, — говорила она наездникам. — Зовите их верными именами, и они будут ваши.

Люди смотрели на нее, но никто не осмелился задать ей вопрос, даже Скага, владелец Белянки.

Она взглянула на ворота, сотрясавшиеся под напором тарана. Финела подошла к ней ближе, опустила голову и нетерпеливо потрясла ею.

— Не оставляй меня, — попросила она Кирана. — Ты заклинанием призвал мою помощь; я не заклинаю, я просто прошу.

— Я с тобой, — ответил он.

— Скага, — приказала она. — Вели им открыть ворота. — И тихо добавила Кирану: — Обычно люди видят лишь то, что хотят, и не замечают нас. Даже эти нас видят превратно. Впрочем, им это на благо.

— А я? — спросил он. — Вижу ли я тебя такой, как ты есть?

— Я не могу знать, — откликнулась она. — Но я знаю тебя. И ты обладаешь властью призвать мое имя. На это способен лишь тот, кто обладает истинным видением.

Он ничего не ответил. Она схватила Финелу за гриву и вспрыгнула ей на спину. Он влез на Аодана, и конь вздрогнул и вскинулся, и ноздри его затрепетали, ибо это был не его наездник. Но Киран уже видел этот сон, и Аодан был его частью. Финела тряхнула головой, и поднялся ветер.

Х. Битва перед воротами

Ворота подались со стоном и треском щепок, когда отодвинули подпорки, удерживавшие их, и распахнулись створы. Киран почувствовал, как конь его метнулся в сторону, легкий, как лух чертополоха, и пряданул ушами в

сторону неприятеля: ему не нужны были ни узда, ни удила. Аодан поднял ногу и двинулся с такой же легкостью, как ветер, обвевавший их, и копыта его опускались с грохотом грома. Молнии раскалывали небо, и волосы и гривы летели по ветру. Арафель ехала рядом с ним на белой кобылице в свете эльфийской луны, нога в ногу с Аоданом.

И враг, навалившийся на ворота, увидел их, и страх отразился на освещенных молниями лицах, и воздух сотряс протяжный жуткий вой. Они бросали оружие и поворачивали назад, но подступавшие сзади орды теснили их вперед и вперед.

— Следуй за мной! — сказала Арафель, и Финела растаяла, как только она вынула серебряный меч. Киран прильнул к Аодану, и тот метнулся в иной мир.

А затем наступили страх и ужас. Боль пронеслась мимо: то было железо, лезвие, пронзившее его, но безопасное для его иного облика. Арафель бросилась на этого человека: она явилась из иного мира и тут же исчезла обратно, но серебряное лезвие принесло смерть. Люди и смертные лошади двигались медленно, и движения их замедлялись с каждым мгновением, лишь эльфийские кони неслись своей ровной и устрашающей поступью, вскачь, не касаясь земли. Киран держал в руке меч обнаженным, но сноровка покинула его: он ударил и промахнулся и снова ударил. Камень пел в его душе, и холод сковывал его сердце; Аодан, чувствуя это, рванулся вперед, и гром загремел еще громче. Рядом неслись и другие создания — скачущие контуры псов, большое и черное облако лошади и абрис наездницы на ее спине. В страхе Киран потянулся к луку.

— Нет, — промолвила Арафель. — Не трогай их.

Смерть отстала, свернув по дороге, и Киран, оглянувшись, увидел Скагу и прочих воинов в их медленном и неуклонном продвижении вперед. Всполохи молний выхватывали раздувающиеся плащи и летящие волосы. Арафель окликнула его, и эльфийские кони замедлили шаг. Кругом мелькали люди, все быстрее и быстрее — тенями они проносились мимо, не задевая их. Железо рубило болью и ядом, но кони соскальзывали в иной мир и вновь возникали, чтобы не сбиться с пути.

«Мы лишь тени на этой земле, — думал Киран, — и не ве-

даем, для чего мы созданы», — ибо между вспышками иного мира стоял лишь серый день, и не было там войск, лишь незнакомый ровный пейзаж без ферм, без войн, без людей.

И все же не пустынный. Взвизгнув, взревел рог, и из-под копыт эльфийских скакунов брызнули мелкие твари — одни прелестные, другие злые, а облик третьих и вовсе был неразличим. Чье-то оружие скользнуло по кольчуге Кирана, и надо было принимать бой. Киран ударил мечом и увидел Арафель, окруженную сворой теней, слетавшихся из густеющего воздуха. Она исчезла, и он решил, что ей конец, но тени хлынули за ней в ее ничто.

— Вперед, — крикнул он Аодану, и конь скакнул за Арафелью в смертный день. Теней здесь не было — они спрятались или изменили вид. Арафель рубила людей — страшный сон, от которого стыло сердце Кирана... «Я один из них», — кричало все его нутро; но в нем уже пробуждалась иная душа, наполняя его тело и члены.

«Сдавайся, уступай», — пел камень в его сердце, твердя о его человеческой беспомощности перед таким оружием.

Он старался победить этот голос и вернуться, желая жить. Аодан перестал слушаться его и начал дико метаться в нарастающем ветре, и кошмары мелькали все быстрее с обеих сторон. И гнев поднялся в нем при виде безобразных тварей, что вились, искажаясь, вокруг него, то был зов древней вражды.

— Лиэслиа! — в ярости орали они; и гнев усилился в нем, наполнил его сердце и поднял его руки к борьбе. Он закричал, и сам не понимая, что это был за крик. Аодан послушно подскочил и понес его вперед, пока Киран доставал стрелу и натягивал эльфийский лук. И воздух забурлил от урагана — то понеслась стрела, оперенная светом и с наконечником из льда. Твари с воплями бросились врассыпную, и ветер подхватывал их. Рядом вспыхнул свет, превратившийся в Финелу и ее наездницу, и он увидел, что лицо Арафель спокойно и жутко, когда она шлет стрелу за стрелой вслед за его. Они забыли о людях. Те стали для них ничем. Здесь шла война, и тут был враг, древний, как сама земля, и столь же старый, как они. Сменяющиеся образы бежали перед ними, то оборачиваясь и обороняясь, то падая и погибая от ран.

И вдруг они остались одни, и все вокруг затянуло серой дымкой — «они бежали, бежали», — пело ему воспомина-ние; и куда бы он ни глянул, всюду стояла отравленная же-лезом тишина.

— Идем, — сказала Арафель и перенеслась на кровавое, разоренное поле. Дождь лил, не касаясь их, но барабаны по кровавым лужам, пропитывая мертвые тела и сломан-ные копья. Они были в середине поля, где обе стороны разошлись для передышки. Киран повернул Аодана и поска-кал к Кер Веллу, у которого сгрудились пешие и конные, прижимаясь к стенам.

Это была передышка, а не победа. Это была подготовка к новому бою, пока небо проливало свои слезы.

И еще один всадник возник в мареве поля боя. И вид его был, как всполох ночи, и одежды его раздувались встречным ветром, дувшим навстречу тому, что бушевал в смертном мире. Госпожа Смерть остановилась перед ни-ми и склонилась через холку своей лошади, и Киран вздрогнул, ибо в смутных очертаниях головы скакуна ему увиделась голая кость черепа.

— Ты обезумела, — промолвила Смерть. — Возвращай-ся. Останови это.

— Я обязана, — ответила Арафель. — Они призвали мою помощь.

Смерть выпрямилась и, приподняв черный рукав, ука-зала на дальние ряды противника.

— Они там, пришли из-за холмов на помощь им. Разве ты не знаешь? Там силы, пришедшие на помощь им.

— Что ж из того. Но мы обязаны.

— Это мои собратья-боги, — сказала Смерть. — И я несу тебе от них известие: уйди, пока не стало хуже.

— Пусть сами уйдут, — сказала Арафель. — Здесь зла довольно и без них.

— Уйди, — прошептала Смерть. — Если бы Вина Ши оставили эту землю, то эти твари никогда бы не повыпол-зали снова.

— Лишь потому что я все время была здесь, девчонка, они скрывались по своим норам. — Арафель рассмеялась, и черный конь вздрогнул. — Теперь ты знаешь, какой до-зор я несу в Элде?

Смерть замерла, не зная, что ответить. Киран взирал на

черноту, а Аодан уж начал рыть копытом, ибо под ногами начиналось шевеление, и силы собирались.

— Я снимаю заклятие с тебя, — с трудом промолвил Киран Арафели. — Я знаю, что суждено. Я обрек тебя на это. Я освобождаю тебя. Отдай нас Смерти, нас и их, только так можно всему положить конец.

Арафель взглянула на него, и волосы у него встали дыбом, ибо глаза ее метали молнии.

— Лишь люди наделяют их властью, — промолвила она. — А взгляд твой и вправду стал вернее, чем он был. Мы будем биться на этом поле до тех пор, пока то войско не отзовет само своих союзников.

— Но будь они победители или побежденные, они не сделают этого.

— Что ж, пусть так. Но если победит твой смертный враг, его союзники усилятся, их станет больше. И эти силы разойдутся и наберут мощь, они сметут весь мир. Принимаешь ли меня, о, человек, мой брат?

— Прости меня, — прошептал Киран.

— Ты хочешь от меня покоя. Возьми его. Но признаюсь, я ожидала больших сил в Кер Велле. Если б мы могли отнять у неприятеля жизни и воюющие руки... но у нас нет сил на это.

— У вас есть неиспользованные силы, — заметила Смерть. — Используйте их! Неужто ты дашь им взять верх?

— Но ты знаешь и цену этих сил.

— Но они нам потребны сейчас.

— Такая жертва не погубит их, а лишь отгонит на время. А что же дальше, госпожа Смерть? Что станет с ними за тысячи людских жизней, когда они разойдутся в своей безнаказанности? Ты не имеешь над ними власти, не больше, чем надо мной. Нет, это безнадежно. Нет, я скажу тебе, что надо сделать — не трогай Кер Велл. Наши силы и так уже слишком малы.

— Я не могу, — склонила голову Смерть. — Я тоже обязана делать свое дело.

— Мой король придет сюда, нам нужно лишь продержаться, — сказал Киран.

— Твой король слишком долго медлит, — тихо промолвила Арафель. — Ты поступил бы мудрее, если б призвал меня ему на помощь, а не к обреченному Кер Веллу. Сей-

час же наш долг служить ему и быть поверженными. А чего будет стоить это поражение, тебе не понять сейчас.

— День тому назад там было сражение, — сказала Смерть. — Верьте мне, ибо я знаю. Там до сих пор продолжают стычки, и те холмы крепко удерживаются той силой, о, человек. Не надейся на них. В горловине Кердейла враг тоже взял верх, и все силы твоего короля не могут изгнать его оттуда.

Киран слушал. И под черным капюшоном словно что-то блеснуло. И что-то застучало в нем — верно, его сердце или Арафели, или оба забились вместе. Он положил руку на камень на своей шее и услышал его шепот, и ощутил эльфийскую душу, давшую сил ему рассмеяться над тем, что пришло ему в голову; и Аодан рванулся под ним.

— Нет, — попросила его Арафель, но глаза ее зажглись огнем. — Ты мудр, но этот путь не для тебя, о, человек. Ты должен стоять здесь, где ты служишь Кер Веллу. Я свободна, чтобы поехать туда.

— Все его союзники падут, и враг захватит его, — промолвила Смерть, и чернота окружила ее, как нимб. — Но я уйду с этого поля со всеми своими силами. Это все, что я могу сделать.

— Иди, — сказала Арафель.

И Смерть растаяла. Остался лишь дождь, да и тот вскоре прекратился.

Арафель зашептала с Финелой. И кобылица понеслась. Аодан заржал ей вслед и ударил землю копытом, но остался стоять.

А на другом конце поля враг уже собирал свои силы.

Киран вздрогнул. «Берегись, — прошептал ему голос, — то лишь люди. Иные же ближе».

— Лиэслиа, — промолвил он, сжимая камень, и, вздрогнув, сдался. — Я отказываюсь от себя. Проснись. Проснись, Лиэслиа. Ты им нужен сейчас. Проснись! Враги твои здесь!

И холодное пламя поднялось из камня. Оно напугало его, как и сила, пронзившая его члены, и гордость, от которой перехватывало дыхание, и смех, презирающий человека.

И тогда Аодан заржал и широким шагом понесся к поредевшим войскам Кер Велла, и остановился перед ними.

Он увидел лицо Скаги, рассеченное кровавой раной, заметил, как этот бесстрашный человек отшатнулся от него, как отступили остальные. Он метнулся в иной мир и увидел врага, накатывающего, как прилив. Он вынул стрелу из колчана и выстрелил, и увидел, как ледяное острие глубоко впилося в несчастную жертву, упавшую в муках.

И вместе с камнем он ринулся к Элду, отбрасывая отблеск на все войско у себя за спиной, одевая их всех в серебро.

— Вперед, — крикнул он им, но не он — эльфийский князь, вынувший меч и ударивший Аодана пятками по бокам, князь, умевший противостоять железу и не знающий язвящей боли. Быстрее и быстрее несяся Аодан, и все больше и больше отставали люди, и эльфийский меч вспыхивал из ниоткуда, разя человеческую плоть, и снова исчезал, прежде чем ему успевали ответить ударом на удар.

Но никто не умирал. Неприятель слабел, и человеческое оружие наносило страшные раны, и люд Кер Велла оборонялся в ответ, но не погибал, а продолжал рубить врага, пока двигались члены.

И завыл ветер, и сгустилась тьма. Но он не поддался, и молнии выхватывали из мрака чудовищные морды. Удары сыпались один за другим на серебряную кольчугу; в гневе сметал он их и калечил, а Аодан то и дело прыгал из смертного мира в иной, и гнусные твари следовали за ним, и потерявшие смерть люди взирали на них с ужасом.

Один из таких был Скага, чей изможденный взгляд Киран узнал — он все еще сжимал свой меч, стоя в грязи. И сердце Кирана сжалось от сострадания, и он подхватил старого воина, но Лиэслиа был сильнее, и Аодан скинул его, грянув громом о землю. Керберн кипел кровью. Вытоптаны были побоища на берегах. А он рубил врага, как только ряды того смыкались, и гнал его и жалил, хоть никто и не умирал. Свет гас и разгорался, ибо человеческое солнце клонилось к сумеркам и занимался эльфийский рассвет.

И темные силы, собравшись, хлынули на искалеченный Кер Велл, бросая вперед изуродованных людей неприятеля.

И начали теснить его, ибо враг был повсюду, со всех сторон, наседая на сломанные ворота и круша защитников, медливших в своем бегстве.

И люди встали с ним рядом, и человек подошел к Аодану — Скага. Старый воин крикнул своим людям, и стрелы полетели со стен Кер Велла — железо, которое злобные твари ненавидели так же, как и он сам. Одни закорчились от боли. Другие прижались к стенам замка, вгрызаясь в самый камень.

И ветер подул с востока, и грянул гром.

— Арафель! — закричал он.

И она была здесь. Он метнулся в иной мир и увидел свет, забрезживший в тумане над блеклой землей, и тени прятались меж его клочьями и пятились, оседая, в отчаянии. И он удерживал от них ворота, хоть рука его устала, и Аодан начал дрожать под ним. Но и земля содрогнулась от грома, и новые воины пришли на помощь неприятелю. Но крик ужаса пронзил эту живую волну — гортанные вопли и военные кличи.

«Лиэслиа!» — долетело к нему с ветром, и он увидел, как промелькнула белая кобылица и сверкнул меч Арафели. И Аодан, собравшись с силами, пришел в движение, все увеличивая и увеличивая шаг.

И рядом метнулась тень — сумрак в форме лошади и наездницы и свора преследующих их псов. А за ними последовали другие, столь же черные фигуры, как и Смерть — и кто-то из них бежал, напоминая обликом людей, другие же походили на рогатых оленей.

Финела мелькнула во мгле, и ее седок был не меньше Смерти — бледным и страшным огнем струились ее волосы на ветру.

— Лиэслиа! — приветствовала его Арафель. И он протянул такую же светозарную руку, как у нее, и пожал ей ладонь — вспыхнувшая и угасшая радость, ибо рядом кипела резня.

Войска сошлись в буре и мраке, но шум долетал до их ушей приглушенным. Темные твари скакали и набрасывались, убивали и погибали, и искалеченные тени уносились с порывами ветра. Госпожа Смерть протрубила в рог, и сгустились тучи, когда рванулся вперед ее черный жеребец; Аодан кинулся вслед за черной всадницей, и Финела

последовала за ним. Бок о бок ехали они со Смертью, и псы заливались лаем, преследуя свои жертвы. Они неслись над землей, попирая ветры. Аодан вскинул голову и встряхнулся, и Арафель повернула назад Финелу, подгоняя отставших и раненых тварей к собакам. Кони рвали копытами облака и высекали молнии. Рог зазвучал еще раз, и к ним примкнули новые всадники с черными, как тучи, знаменами. Воины в полном вооружении с темными ввалившимися глазами преследовали добычу, и пики сверкали в их руках, и кони под ними были такими же черными, как сама Смерть. Умершие собрались преследовать живых. Киран взглянул, и человек в нем вздрогнул, ибо немало из этих лиц было ему знакомо и столько же любимо. Там он увидел двоюродного брата, там — друга детства, а вот еще один на лошади с белыми ушами. «Скага!» — крикнул он, но всадник, не откликаясь, проехал мимо, и многие из людей Кер Велла последовали за ним. Последний обернулся и поманил его за собой.

— Лиэслиа! — с укором промолвила Арафель и протянула ему руку. Киран обернулся и снова отдался эльфийскому князю, и Аодан своим широким шагом понес его в облака вслед за бежавшими тенями.

И тогда они развернулись вдвоем и поехали через поле в мир людей, ибо битва была закончена. И черные тени шарахались от них, когда они проезжали мимо, и искали укрытий, и исчезали.

Люди собрались у ворот Кер Велла на вершине холма. И Арафель с Кираном поехали тише, держась земли, и оружие убрали в ножны.

А потом Арафель остановилась и, не сходя с Финелы, взглянула на ворота.

— Я свободна, — проговорила она. — Кончено дело.

— Подъедем поближе, — попросил он ее, ибо с королевским войском подъезжал Донн и господин Эвальд и оставались люди за стенами Кер Велла. И ему не терпелось узнать, как обстояли дела у тех, кого он любил.

— Ты хочешь видеть их? — спросила его Арафель. — Да, мне понятны узы родства. Ступай.

Она не последовала за ним к замку. Ему была известна ее гордость, и боязнь обидеть ее мучила его не мень-

ше. Но Аодан почувствовал его желание и двинулся вперед.

Люди в испуге расступались перед ним. А когда он подъехал к воротам, то увидел знамя Эвальда и его самого, раздававшего приказы своим людям. Эвальд замер, уставившись на него. А у ног Эвальда, склонившись, стоял на коленях Барк, сын Скаги, держа на руках изуродованное, грязное тело отца и оплакивая его.

— Он сражался лучше лучших, — промолвил Киран. Барк поднял голову, и горе в его глазах уступило место ужасу. Взгляд его ранил Кирана не меньше, чем железо, и боль эта все разрасталась, ибо воздух густел вокруг от страха, затрудняя дыхание. Аодан рванулся прочь, но Киран двинулся дальше под створ разбитых ворот в поисках своего отца и Донкада, и лунного знамени родного Кер Донна. Эльфийское зрение быстро отыскивало их, и Киран остановил Аодана рядом с ними в людской круговерти в центре двора.

Они взглянули на странного всадника и не узнали его, иначе почему же так исказились их лица при виде его? Он тронулся прочь, и люди шарахались от него в переполненном дворе.

— Стой, — попросил он Аодана и соскользнул с его спины, и пошел среди людей, своих родных, мимо двоюродных братьев, на всех лицах видя один и тот же страх.

Он прошел дальше и по велению сердца вдруг оказался в каменном зале Кер Велла, где у очага стояли госпожа Мередифь и Бранвин. И в их глазах было не меньше страха, чем у других.

— Все хорошо, — промолвил он, сжимая камень, чтобы уменьшить боль, терзавшую его. — Ваш господин дома. Вы спасены. Но Скага мертв.

Невольно он зарыдал, промолвив это, и начал таять. Но Бранвин назвала его по имени и удержала этим и попыталась подойти — о, смертное желание. Он протянул ей руку, чтоб помочь, но она не могла идти путями, известными ему. Он поцеловал ей руку, склонился к ее лбу и еще остался с ними.

Вошел господин Эвальд и с ним король. Киран склонил колена при виде короля, но юные глаза Лаоклана взирали на него с тем же ужасом.

— Приятно мне твое явление, — сказал король, но лишь губами, сердце его молчало. И Эвальд, господин Эвальд, ближайший сосед Элда, кинул на него косой и неприязненный взгляд и лишь затем подошел и обнял его.

На это не решился ни один — ни отец его, ни брат, когда вошли по лестнице в зал, звеня оружием.

— Киран, — сказал его отец и посмотрел на него робко и испуганно. Донкад сделал шаг ему навстречу, но отец протянул руку и удержал его. И лицо Донкада стало ему как чужое, ибо оно исказилось от горя и скорби.

«Они всегда знали, — подумал Киран, — оба знали всегда, что течет в нашей крови». Он вспомнил эльфийскую луну, сиявшую на знамени Кер Донна с незапамятных времен, и сердце его заболело от взгляда, брошенного на него Донкадом.

— Мы уходим, — сказал его отец королю, не глядя на Кирана, словно того и не было. — Нас ждут свои заботы, которыми так долго мы пренебрегали.

— Идите, — отпустил король; и его отец с братом пошли прочь из зала, не желая задерживаться рядом с Элдом и ни разу не оглянувшись назад.

Горько уязвленный стоял Киран, потом взглянул на Бранвин, не спускавшую с него глаз, и в муке своей пожелал быть подальше отсюда — на свежем воздухе, в тумане, на пустынных тенистых тропах.

Спустя время он вернулся в смертную ночь во двор, где стало гораздо тише.

Он вышел за вывернутые ворота, где кошмар поля боя лежал во всей своей неприкрытой безысходности.

— Аодан, — тихо позвал он, и дунул ветер, когда конь двинулся к нему, и медленно зарокотал гром, и вспыхнули зарницы, как эльфийское солнце в полдень. Он погладил его белую шею и подумал о доме в холмах, о Кер Донне. Он мог помчаться туда сейчас, помчаться сразу — обнять мать и всю родню, увидеть знакомое и близкое, рассказать им обо всем задолго до того, как подойдут отец, Донкад и войско, задолго до того, как произойдут другие, неизвестные события. Аодан мог отнести его туда.

Он прикоснулся к камню на своей шее.

— Арафель, — промолвил он.

Но вместо нее к нему пришел кто-то другой, он ощутил,

как что-то прикоснулось к его сердцу с эльфийским блеском, но нежнее, чем когда-либо прежде.

— Человек, — различил он шепот, а затем рев волн и крики чаек. — Человек.

Лишь это промолвил он, эльфийский князь, и этого было довольно.

XI. Конец всему

Он пришел, но не один, и это удивило ее — в простых добротных одеждах и с Бранвин, следовавшей за ним, продиравшейся сквозь заросли. И колючки вплелись в ее золотистые волосы. Он нес меч и лук и узел, который был не легкой ношей. Она глядела на них и хотела помочь, но она ощущала страх Бранвин и могла, не больше, чем он: Бранвин была обречена на тернии.

Они достигли круга плясового, и он призвал ее в своей душе, и она вышла и грустно улыбунулась, видя боль в его глазах, а затем посмотрела на Бранвин, и та сумела открыто и спокойно встретить ее взгляд.

— Я привел обратно Аодана, — сказал Киран.

— Быстрее было бы ехать на нем, — заметила Арафель.

— Бранвин пыталась.

— А-а, — с жалостью промолвила она и снова взглянула в синие глаза Бранвин. — Ты бы могла.

Страх ответил на ее взгляд, но за ним что-то барахталось, как ребенок.

— Я хотела.

— Уже и этого довольно, — сказала Арафель.

Поднялся ветер. Она ощущала присутствие Аодана, но лишь Киран мог призвать его. Киран протянул руку, и конь ступил на смертный свет, отблескивая заревом эльфийской луны. И гром прокатился над прогалиной, и полыхнули молнии. Киран погладил Аодану шею, и назвал его по имени и попросил идти. Ударил гром, и лошади не стало, так быстро, что часть Кирана покинула его — такой у него был вид.

Затем Киран встал на колени, развязал свой тюк и положил меч и лук поверх доспехов к ее ногам.

— Благодарю, — сказала Арафель, и дары растаяли.

— Я благодарю тебя, — возразил Киран. — Я должен

благодарить тебя. Но... понимаешь... я нес их столько, сколько мог. Я видел многое, теперь я буду это видеть постоянно. И этого довольно.

— Я знаю, — ответила она.

Он встал и потянулся к цепи, обнимавшей его шею.

— Нет, — остановила его она. — Это ты должен оставить при себе.

— Я не могу, — ответил он. Он снял цепь и протянул ее Арафели дрожащими руками.

— Но это — твоя защита.

— Возьми его.

— И Бранвин. Неужто ты надеешься выйти из этого леса без него? Неужто ты хочешь видеть, как ее будут травить?

Это било не в бровь, а в глаз. Руки Кирана упали, и Бранвин взяла его за руку.

— И это я знала тоже, — промолвила Бранвин, и ее синие глаза стали глубоки как никогда. — Но я ведь здесь. И мы выйдем отсюда снова.

— Пожалуйста, — снова сказал Киран, протягивая камень. — Я — человек, и если она придет, что ж, таков удел человека, не так ли? Но если я его оставлю, надежды мне не останется никакой.

Арафель тогда нехотя взяла камень, и рот у нее раскрылся — такая сила в нем была заключена, такое мужество, что вынести это было почти невозможно.

— Да, — промолвила она, прикладывая камень к своему сердцу и глядя на Кирана со слезами на глазах. — Ты преподнес мне дар, о, человек. А у меня ничего не осталось, чтобы отблагодарить тебя.

— Благослови нас, — промолвил он. — Я приму твоё благословение.

— Немногие просили его у Вина Ши.

— Я прошу.

Тогда она поцеловала его, а затем Бранвин.

— Ступайте, — промолвила она.

И они пошли, рука в руке, а она следовала невидимо за ними своими тайными путями. Препятствия подстерегали их: их царапали ветви, они взбирались на холмы и спотыкались на камнях, тени шипели им вслед, но по ее мановению разлетались в стороны.

Наконец, они достигли Нового леса, и Арафель остановилась на плоской скале и смотрела, как они спускаются вниз, к Керберну и к Кер Веллу.

Мрак сгустился рядом с ней, и она нахмурилась.

— Дай им немного, всего лишь немного времени, — попросила она.

— Мы были союзниками, — ответила Смерть. — Разве у меня такая короткая память? Я подожду. Что до Бранвин, то она всегда принадлежала мне.

И снова Арафель нахмурилась.

— У меня есть другое обличье, — промолвила Смерть.

Арафель выпрямилась и положила руку на меч.

— Берегись меня, госпожа Смерть, мне известно твое имя; и в тот день, когда я увижу твое лицо, ты сама окажешься в опасности. Не искушай меня.

— Ты попросила меня об одолжении, — заметила Смерть.

— Да, — уже спокойнее ответила Арафель, и гнев ее схлынул. — Я сделала это.

— Он может приходить сюда, когда захочет; и она может. Он умрет в своей постели много лет спустя. Это я отпускаю ему.

— Тогда я прощаю тебе многое, — промолвила Арафель.

И оставив ее, она пошла своей дорогой — от тихих берегов Аргиада к роще, залитой луной.

Там стояли Финела и Аодан.

— Ступайте, — сказала она им. — Вы свободны.

Но они остались стоять, ведь они были свободны выбрать и это. Они остались поблизости, и роща задышала от ветра и воспоминаний.

— Лиэслиа, — промолвила она, прижимая камень к своему сердцу.

Он был здесь, хоть и в ином месте. Сжимая камень в руках, она шла меж серебряных деревьев.

Элд стал меньше. Но он устоял. Она нашла свое место на краю Элда, и Граги бросился прятаться, вспомнив о старых распрях, но он унес ноги, а это все, что его заботило. Поля были чисты. Она предпочитала землю, не знавшую железа, края, покоившиеся в тени ее деревьев, но теперь ее заботили места, далеко выходившие за пределы

Элда, где редко выдавался год, чтоб не срубалось ни одного побега. Все это требовало ее забот. Она делала все, чтоб залечить раны, нанесенные войной, и простирала свою заботу так далеко, как только могла. Давно она избрала этот лес и хранила его, но теперь у нее были соседи, которых она ценила, лелея с особым надрывом, ибо век их был краток, а они были смелы и преданы своему делу. Она никогда не отдавала себе отчет, зачем она следит за ними, разве что из гордости тем, чем когда-то были Ши; но теперь все изменилось, и она делала это из любви.

И все же однажды, однажды она почти отчаялась — столько Элда она уж отдала. Она вернулась в сердце своего леса за утешением и шла, прислушиваясь к камням, в невыносимой усталости повесив голову.

И так она нашла ее — крохотную мелочь под самыми ногами. «Наверное, ветка, — подумала она, — упала с серебряных деревьев». Такого не бывало ни при каких ветрах; значит, Элд начал умирать из самого сердца.

Но вот она в изумлении бросилась на колени, ибо веточка росла из земли, пробиваясь вверх серебряными листьями с изящными прожилками — то была первая новая жизнь в Элде со времени, как мир начал тускнеть.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ДРЕВО МЕЧЕЙ И КАМНЕЙ

«Король... я скажу тебе больше. Твои мечты — ничто рядом с моими. Король — лишь начало всего. Кер Велл был когда-то нашим, как и Кер Донн, но носили они иные имена. Я научу тебя, как называть их. Из всего человечества останешься лишь ты, моя душа, мой внутренний свет. Ты хотел отбросить Элд, я его повергну и восстановлю мир, каким он был прежде. И ты увидишь, душа, все чудеса — драгоценности, сияющие, как солнце и луна, красоту и радость, все редкости, которых не видел ни один человек. Мы очистим мир и будем владеть им».

І. Фиатас

Это была древняя игра в прятки, и они смеялись, Мев и Келли, пока Мурна искала их. Они смотрели, как костлявая женщина держится стен, глядя туда и сюда меж кустов, и зажимали себе рты, чтобы не расхохотаться вслух. Потом Келли бросил камень, и кусты зашуршали справа, так что Мурна повернулась туда, чтобы взглянуть.

— Выходите, — закричала Мурна. — Сейчас же выходите! Слышите?

Она уже сердилась. Мев нырнула обратно в кусты, таща за собой Келли за рукав.

Келли послушно скрылся за ней.

— Вы меня слышите? — кричала Мурна, а они уже бежали прочь по склону. — Не смейте играть в эти игры!

А когда они пробрались сквозь деревья, перед ними возникла тропинка. Место было очень неподходящим для тропинки, потому что в их мире все ходили по большой и пыльной дороге и никто не уходил в эту сторону из Кер

Велла — к реке и огромным таинственным лесам, разве что их отец, который отправлялся сюда в одиночестве и без всякого оружия, никого не беря с собой, даже Барка, который ходил с ним повсюду. Конечно, двойняшки спрашивали — зачем. Они спрашивали все: почему летают птицы, и зачем встает солнце, и откуда дует ветер. Но никто не мог объяснить им это, и никто не говорил им, зачем их отец уходит к Керберну, куда не осмеливался ходить никто другой, даже Барк, огромный рыжий человек, ничего не боявшийся на свете.

Так что когда они увидели тропинку так близко от себя, холодок восторга охватил их. Одна и та же мысль пронзила их, и, взглянув друг на друга, они в сокровенном счастье соединили руки, переплетя свои пальцы. Келл шел впереди, ведя сестру за руку. А потом, когда он помог Мев перелезть через поваленное дерево, она вышла вперед и повела его. И так они шли, то один, то другой впереди, и глаза их блеснули от тайн этой тропы, которые, казалось, приглашали их дальше. Этим путем ходил их отец. Они не сомневались в этом, а потому им нечего было бояться, и даже мысль, что они могут забрести куда-то в опасные места, не посещала их.

Они были так уверены, что лишь переглядывались, продвигаясь дальше, и тянули друг друга, перепрыгивая через древние камни и торчащие кости остова векового холма, на котором высился замок. Они пробирались сквозь заросли, чудом не раздирая свою нежную кожу. Творилось волшебство. Они знали это точно так же, как знали, что думает другой, словно золотая нить связала их души, и не было нужды им говорить.

И ни разу они не задумались, что тропа эта может быть длиннее, чем способны пройти их юные ноги. Они прыгали и бежали, они разводили ветви руками, они отчаянно рисковали, ни о чем не задумываясь.

Мев первая замедлила шаг, усомнившись в том, что они совершали. Она едва потянула его назад, и он, подскользнувшись, увлек их обоих вниз по склону, заросшему папоротником. Мев уселась у подножия, надувшись в окружении своих шерстяных юбок, и принялась тереть ссадины, содранные камнями и корнями, а Келли упал справа от нее, у самых колючих зарослей.

— Ох! — сказал Келли. — А что ты уселась?

— Тихо! — вздрогнув, ответила Мев. — Мы подошли к реке. Слышишь?

— Нам нельзя потерять тропу, — заметил Келли. Кусты здесь казались темнее, и вода журчала, как ветерок в шептавшихся листьях. — Пойдем, Мев, она должна быть здесь рядом.

Но Мев закусила губу и задрала юбку, чтобы рассмотреть свои содранные коленки там, где разорвались ее шерстяные чулки. Раны саднили. Вдруг все стало не так. Лес помрачнел, и река кряхтела под боком, и уже невозможно было не думать о том, о чем их предупреждали.

— Лучше вернуться назад, — сказала Мев. — Мурна будет искать нас.

И в голосе ее прозвучала надежда, что Мурна сейчас появится откуда ни возьмись и спасет их. Она протянула руку Келли, чтобы он помог ей встать, готовая бежать отсюда так же быстро, как они бежали сюда, хотя ее бок и коленки болели, и она уже не знала, в какой стороне дом.

«Ах, — донесся до них стон. — Ах-ах-ах...»

Они замерли, как два олененка, и, раскрыв от страха глаза, повернулись на звук, который переплетался с журчаньем реки.

«Горе мне, — раздалось вновь. — Бедная я, бедная».

— Послушай, — прошептал Келли.

— Не знаю, кто из нас бедный — она или мы, — промолвила Мев, и зубы у нее застучали, как в студеную зиму. Коленки болели, твердя о приключившейся с ними беде. Они вцепились друг в друга с такой силой, что им стало больно. — Я считаю, не надо ей отвечать.

«Погибла, — послышался голос. — Горе, горе, куда мне идти?»

— Это — девочка, — сказал Келли, охваченный новым приливом мужества. — Пойдем, Мев, это всего лишь какой-то человек, — и он, встав, потянул ее за руку.

«О-о, — зазвучали рыдания. — О, я попалась, как больно, как больно...»

И громкие звуки рыданий долетели до них, заглушая журчание реки; и Мев, тянувшая Келли назад к тропинке, уступила и поддалась — не то чтобы она передумала, но эти рыдания надрывали ей сердце и требовали подойти.

Она перестала упрямиться и двинулась вслед за Келли сквозь заросли, все ниже и ниже, туда, где бежала река.

— Мне не нравится это, — нашла в себе смелость промолвить Мев, когда они подошли к черной воде, и Келли тоже почувствовал себя неуверенно. Река текла зловеще и привольно, и старые сучковатые деревья нависали над ней в такой недвижимости, в которой застывали и сопение, и плач. — Келли, пошли домой.

— Смотри, — проговорил Келли и прильнул к сестре, потому что из ниоткуда вдруг кто-то оказался на черных камнях — весь обернутый водорослями, еще блестящими от речной воды. Этот кто-то приподнял бледное прекрасное лицо, и кудри золотые, как пыльца, рассыпались по плечам, переплетаясь с водорослями. Ногами он обнимал камень, на котором сидел, а руками придерживал плащ из скользких водорослей. Глаза, темные, как вода, глядели на них спокойно. Потом объятые водорослями руки взметнулись и опустились в воду, и существо нырнуло так плавно, словно вода слилась с водой.

— Ой, — сказала Мев и потянула брата, чтобы бежать.

Но лицо вновь вынырнуло над водой и было как цветок с бледными волосами, плывущими по течению, и глаза уставились на них, и рот округлился от удивления и неожиданности.

— Я пропала, — произнесло существо. — О, помогите, я пропала, совсем пропала.

— Куда тебе надо? — забыв о бегстве, с любопытством спросила Мев.

— Пропала, — повторило существо. И прекрасная голова снова скрылась под темной водой и вновь вынырнула, струя кудри по течению. — А вас как зовут?

— Фланн, — не задумываясь, откликнулся Келли.

— Флойн, — с неловкостью добавила Мев, ибо она не привыкла лгать, но имена давались не для того, чтобы их сообщать первому встречному, а Фланн и Флойн, два толстых пони, благополучно были дома и им ничто не грозило. — А ты кто? — это было полное безумие беседовать с тварью, плавающей в реке и облаченной в водоросли, словно она была обычным встречным в добрых одеждах.

Но существо еще больше высунулось из воды, словно

встало на ноги, и протянуло к ним сложенные руки, будто держало в них что-то драгоценное.

— Я одарю вас дарами — видите, жемчуга. Вы видели когда-нибудь жемчуг или хоть слышали о нем?

— Нам надо идти, — сказал Келли.

— О нет, совсем не надо! — и существо исчезло в круговерти темной воды; и река вдруг вскипела и раздалась, над ней возникла голова черного скакуна — и лошадь вышла из реки словно после купанья, такая лошадь, по сравнению с которой все кони замка казались скучными и хилыми, столь прекрасна она была — такая лоснящаяся и черная, будто сама ночь вышла из реки. И такая страсть охватила их, Мев и Келли, ничего в своей жизни они не желали так, как ее. В ней была заключена свобода, в ней была власть реки — она переливалась, как вода, и наделяла их силой. Они увидели друг друга королевой и королем, мужчиной и женщиной, и не надо было ничего дожидаться долгие тоскливые годы. Они различали почтение, окружавшее их, и не надо было больше никого бояться — ни человека, ни зверя — никого во всем белом свете.

Конь подошел ближе и опустил свою прекрасную голову. Вода стекала по его гриве, и шкура лоснилась и блестела. Он поднял переднюю ногу и опустил на колени, предлагая им сесть к себе на спину, и Келли первым ринулся к нему, лишь смутно помня о страхе, и Мев с расprostертыми объятиями пошла ему навстречу, как к своему пони, совсем забыв о том, как она любила свою маленькую простую лошадку, ибо страсть загорелась в ней к тому, что обещало и сулило это существо.

«Нет, — послышался отчетливый голос, — я бы не стала».

Келли замер, и черный конь тряхнул своей головой. Мев в ужасе оглянулась, и сердце замерло у нее в груди, ибо на границе чащи стоял незнакомец в сером плаще, и свет и тени так играли вокруг него, что его трудно было рассмотреть. Казалось, рука его лежала на боку, на перекрестии меча, и весь его облик был суров и сулил опасность. И там, где только что стояла лошадь, вдруг раздался всплеск, и брызги холодной воды упали им на лица, заставив вскрикнуть от неожиданности.

И тут необъяснимая сила, одарившая их бесстрашием,

растаяла в их сердцах, оставив после себя лишь растерянность и страх. Лес стемнел, а незнакомец был страшен и опасен. Они стояли на берегу, видимые со всех сторон, и Келли вцепился в руку Мев, окаменев от страха столь сильного, что и бежать не было сил.

— Бряд ли можно назвать это мудрым, — промолвил незнакомец. — Кто вам позволил уйти сюда?

— Это наше место, — осмелилась возразить Мев чужаку, который мог быть разбойником, а то и хуже — лазутчиком из Ан Бега или гонцом в Брадхит, и тут же подумала, что лучше уж она бы молчала, но она никогда не умела тихо себя вести. И от всего веяло опасностью — и от незнакомца, и от ее поспешных слов, и от темных берегов Керберна. И ей не удавалось определить, кому принадлежит голос — молод ли его обладатель или стар и на что он похож, как не могла она и разглядеть незнакомца в тени, которая вовсе не была глубокой — а так, игра листьев и солнца.

— Ваше место, — откликнулся незнакомец. — Вовсе нет, — и вдруг черты лица незнакомца открыто проступили, словно свет прекратил играть свои шутки, или солнце вынырнуло из-за туч. Это был вовсе не человек Ан Бега, а при более внимательном взгляде выяснилось, что это вовсе и не мужчина, а высокая стройная дама в залатанном серо-зеленом охотничьем костюме с серым плащом поверх него. Широкими шагами она прошла мимо них, словно они ее и не интересовали, и встала на берегу.

— Фиатас, — произнесла дама таким голосом, от которого мурашки побежали у детей по коже. О, как он был нежен, но от него вскипели воды, и из реки высунулась золотистая головка, и глаза, темные, как вода, устало блеснули над рекой.

И так они поняли, что перед ними две Ши, одна из которых стояла на берегу, здесь и не здесь, светозарная и лучистая иным, нежели дневной, светом.

— Выходи, — сказала Ши.

— Нет, — губы существа покачивались над водой, и теперь оно выглядело испуганным. — Нет, о нет-нет-нет.

— Сюда. И моментально. Мне назвать твое имя? Я научу произносить его этих детей, и они будут вызывать тебя, когда им захочется.

— Нет, — всхлипнуло существо. И выскользнув на берег, оно упало кипой водорослей, пучком старой тины, которая булькала и подрагивала.

— Чтобы ты помнила, чей это лес и кто ты такая, — добавила Ши. — Хотите узнать ее имя? — внезапно спросила она у детей, и лес померк в глазах Мев от ее взгляда, а у Келли сердце начало так стучать, что казалось земля содрогнется. — Нет, — задумчиво молвила Ши. — Вы призовете ее раз и захотите снова, и вам понравится, что она рядом и делает все за вас, чем дальше, тем больше, пока не увидите, что вас боятся. Разве этому должно быть?

— Нет, — ответила Мев. Она вспомнила речную лошадь и ее всевластие и вдруг вздрогнула от мысли, что мать и отец стали бы крошечными в ее глазах, а сама она великой и всемогущей. Нет, мир был предназначен для иного. И она не хотела другого.

И Келли сказал: «Нет», подумав, что стало бы, если бы они с Мев сделались всемогущими и одинокими, и исчезли бы игры, и укоренился бы страх вокруг и между ними.

— Ее зовут Кили, — сказала Ши.

— Ах! — взвыло существо, — о нет, о нет, о, сжальтесь! — и оно взглянуло на детей, протягивая к ним худенькие белые руки со сложенными ладонями, словно она держала в них жемчуга. — О, сжальтесь, сжальтесь, только не покидать реку — нет. Я одарю вас, о, какими дарами одарю!

И Мев захотелось жемчугов. Это было доброе желание и совсем бескорыстное, ибо она подумала, как они будут смотреться на шее матери, и как та удивится такому подарку. Конечно, их надо будет отдать. Но высокая Ши в сером плаще смотрела на нее так пристально и странно, что листья замерли во всем лесу. И она поняла, что та от нее чего-то ожидает, какого-то поступка, какого Мев еще никогда не совершала, а может, и не совершит, что-то мудрое и в то же время простое, как понимание.

— Оставь их себе, — сказала Мев.

— Уйди в реку и не выходи, — добавил Келли.

Существо бросило на них безумный взгляд, склонилось и поплыло прочь.

— О, благородные, — донесся ее вой ниже по течению, — добрые дети, о, добрые... — звук перешел в неразборчивое бульканье, и река потекла дальше своим чередом.

— Мое прозвище — Чертополох, — важно сказала Ши, словно забыв о фиатас, как о случайном ветерке. — Возможно, вам можно доверять и истинное мое имя, я думаю, вы достойны, несмотря на ваш возраст. Но я — не пустяк и не мелкая тварь, как эта, с которой в конце концов вы поступили мудро, хоть и не сразу.

— Теперь нам пора домой, — сказала Мев со всей серьезностью.

— Я отведу вас.

— Мы можем и сами дойти, — возразил Келли.

— Тогда я провожу вас и прослежу, чтобы вы добрались благополучно.

— Нельзя.

— Но я — друг вашего отца, — серьезно сказала Ши.

— Значит, он к тебе приходит?

— Возможно, и ко мне.

— А я думал... — начал Келли, и голос у него оборвался.

— Т-с-с! Не называй имен на берегу реки, — сказала Ши. — Кили подслушивает. Пойдем. Пойдем отсюда. В реке водятся твари и пострашнее эквиски.

Она протянула им руки, и Мев мрачно задумалась, и Келли в нерешительности посмотрел на их высокую спасительницу.

— Теперь вам страшно, — сказала Ши. — Это хорошо. Но вы боитесь не того, кого надо, и это дурно. Тогда идите, как хотите.

— Пойдем, — позвал Келли Мев и взял сестру за руку. И они полезли вверх по берегу от Ши, продираясь сквозь заросли меж серых валунов. Здесь рос и папоротник, но его заглушили колючие кусты, чьи шипы царапали их, вцепляясь в волосы и одежду.

— По-моему, мы неправильно идем, — заметила Мев, спустя немного времени. — Я думаю, нам надо свернуть левее.

Келли послушался ее, и какое-то время идти было легче, но это была не тропа, и вскоре они остановились, оглядываясь, держась за руки и отчаянно желая вновь оказаться дома.

— Надо идти, — сказал Келли.

— Но куда? — спросила Мев. — Боюсь, я завела нас в неизвестное место. Тропы нигде не видно поблизости.

— Я покажу вам, — послышался голос, а за ним возникла Чертополох в самой гуще колючих зарослей, где ни один человек не мог бы пройти.

— Это она или лишь кто-то похожий на нее? — засомневался Келли. — Мев, не верь ей.

— Еще того умнее, — сказала Чертополох и, выйдя из зарослей, вновь протянула им руки, уже уверенней и более настойчиво. — Но этот путь ведет к Ан Бегу, и сомневаюсь, чтобы вы хотели туда попасть. Я говорю — пойдем, Келли и Мев, пошли сейчас же.

И их потянуло к ней, почти так же сильно, как к водяной лошади, и сначала Келли, а затем и Мев пошли, хотя и мучимые сомнениями, которые в совокупности рождали недоверие.

— Ну что ж, меня зовут, — сказала Ши. — Я слышу голос вашего отца. Если он окликнет меня в третий раз, мне придется оставить вас, и это уже будет опасно. Лес проснулся, и ему грозит опасность не меньшая, чем вам. Идемте, я сказала, идемте сейчас же!

И Мев пошла. Слова об угрозе, нависшей над отцом, победили ее сомнения; и Келли, хоть и не сразу, бросился бегом их догонять.

— Ах! — в испуге вскрикнула Мев, ибо Ши накрыла их своим серым плащом, и солнце скрылось из вида. И сильные руки обхватили их, затопив благоуханием цветов и травы, и туманная дымка закрыла им взор, все сгущаясь и становясь темнее. Мев начало клонить в сон, и она знала, что ей должно быть страшно, но страх почему-то не приходил. И Келли знал это и пытался противиться сну, по крайней мере, так думал, но сон окутал его — он услышал, как Ши прошептала его имя.

Укутанные в дымку, они спали, сами не желая того.

Так и принесла их Арафель и нежно уложила на папоротник.

— Они невредимы, — сказала она их отцу. И сердце ее сжалось от боли при виде того, как годы обошлись с этим человеком. Но большее всего было ей видеть его испуг и то, как он побежал и упал на колени рядом с детьми, как он поднял их спящих на руки, и обнял, прижав к себе, словно к нему вновь вернулась оторванная часть сердца. Арафель, скрестив ноги, опустила на землю, чтобы не смот-

реть на него сверху вниз, и задумчиво оглядела их всех троих, пока Киран приходил в себя.

— Они спят, — заверила она его, ибо он мог превратно истолковать этот сон. — Так проще было их принести сюда.

— Арафель, — промолвил он, прижимая к сердцу своих детей, две золотые головки, спрятавшиеся под его русой бородой. Слезы струились по его лицу. Годы проложили глубокие морщины у него под глазами. Он налился тяжелой мужской силой, и все же его руки держали свою ношу так нежно, что он не мог помять бы и цветок.

Так быстро летели годы. Всякий раз, как она видела его, что-то в нем менялось, и, казалось, жизнь все больше и больше подчиняет его себе.

— Они так выросли, — кивнула она в сторону детей.

— Да. Они растут, — боль исказила его лицо — давно удерживаемое страдание, которое он привык терпеть. — Я так надеялся... я думал о тебе... вся моя надежда была лишь на тебя... я уповал, что они с тобой.

— Со мной, — Арафель приложила руку к камню на своей груди. Взгляд Кирана зиял, как рана. — Нет. Ты ошибаешься, человек.

— Я знал, что ты не причинишь им вреда. Нет, никогда.

— Или увлеку их в чащу. Или без твоего ведома уведу их в Элд.

— Так где же они были тогда? Заблудились? Всего лишь заблудились?

— О, человек, человек.

— Я боялся, вдруг я уже так погряз в миру, что ты не расслышишь мой голос, — сказал он.

Слез уже не было у него на глазах, но боль разливалась повсюду. В нем ощущалось одновременно гордыня и смирение, и это печалило ее еще больше, чем слезы.

— Ты не понимаешь, — промолвила она. — Я всегда слышу твой голос.

— И никогда не приходишь.

— Время... оно иначе течет для меня. Сейчас я смогла прийти и оставила все... О, поверь мне, мой добрый друг — приходишь ты или уходишь, ты никогда не идешь по Элду в одиночестве.

— Многие годы я мечтал хоть о слове, — простосердечно признался он, нахмурив брови. — Хотя бы о слове, если

нельзя просить о большем, — он нежно поворошил детские волосы, опустив голову, и вновь открыто взглянул на нее. — Но теперь мне не о чем просить. Это — все, о чем я мог мечтать.

— Ты звал меня иначе на этот раз. И я почувствовала это. Ах, Киран, как я бежала, как бежала. Мне всего не передать тебе, нет, не сейчас. И не думай, что твой приход безразличен мне.

— Значит, им грозила опасность.

— Они справились с ней гораздо лучше, чем многие другие. В них много от их отца, — она увидела, как снова в нем вспыхнул страх, и прикоснулась к его руке. — Глупая русалка — они опаснее всего для детей. Держи их подальше от леса. И сам... о, мой друг, не надо больше ходить в лес. Лучше я сама приду к тебе. Жизнь его стала темнее, чем прежде, и многое в нем изменилось.

Он всегда был прозорливее многих. И боль уступила место страху.

— Что изменилось?

— Не место здесь говорить об этом. Чу, Бранвин зовет.

— Бранвин, — и тысяча забот нахлынула на него, углубив морщины на лице. Он обнял детей и попытался встать, но Арафель была проворнее и положила руку на его плечо.

— Позволь мне взять девочку, — промолвила она, — и пойдем со мной.

Он передал ей дочь, и Арафель взяла ее в свои объятия, укрыв плащом, он же взял сына и встал.

Это был легкий полет меж тенями, мгновенное перемещение. За дымкой тумана возникли стены Кер Велла и выступили из сумрака на дневной свет.

— Вот они и дома, — промолвила Арафель, а дети уже начали тереть глаза руками, словно просыпаясь от обычного сна. Она поставила Мев на ноги, поддерживая ее, и посмотрела ей в лицо.

— Все в порядке?

Мев моргнула и сонно кивнула. И Келли проснулся и обнял отца за шею, когда Мев, увидев сразу и отца, и свой дом, кинулась к нему с распростертыми объятиями.

— Они знают, что я — Чертополох, — промолвила Ара-

фель, начав растворяться в ночи своего мира. — И это к лучшему.

— Возвращайся, — крикнул ей вслед Киран.

Она помедлила, играя в солнечном свете.

— Возвращайся скорей.

— В Кер Велл? Хорошо, если ты хочешь. Я приду сегодня... Да, я приду. Пора. Жди меня на восходе луны.

Дети не успели моргнуть, как она исчезла, и они тут же затараторили о водных лошадях и речных русалках, о лесных тропах и чудесных избавлениях. И Арафель слышала их — ну что ж.

Удаляясь своими путями.

— А потом она велела ей уйти обратно, в реку, и мы испугались, вспомнив, что ты говорил нам о незнакомцах, — рассказывала Мев отцу. Слова застряли у нее в горле, когда она вспомнила о том, какой ей был предложен выбор, ибо он слишком глубоко запал ей в душу, был слишком черен и слишком велик для ее маленького сердца, чтобы говорить об этом кому-либо, а менее всего тем, кого она любила. Но так или иначе, она добралась до конца своего рассказа, упомянув и имя существа; и Келли поведал то же самое. Но она стала другой; она уже никогда не сможет быть такой, как была, узнав, что такое выбор; и Келли уже никогда не будет прежним; и она поняла это, глядя на своего отца, и испугалась, но душой знала, что поступает верно. Она выросла, совсем не так, как того ждала, но об этом нужно было молчать.

И Киран, не будучи слепым, увидел, как тайны свили свои гнезда в его детях.

— Вы были с Ши, — промолвил он и почувствовал прилив отчаянной ревности к тем, кого любил больше всего на свете. — И ваши рассказы не для простых ушей. Есть такие, кого вы можете напугать ими, понимаете? Будьте мудры и молчите об этом, — и он взял их за руки и повел к воротам Кер Велла.

И со стен затрубил рог, будя эхо в холмах. Потерянные были найдены, и все ушедшие на розыск могли вернуться из лесу домой. И вслед за эхом слышались звуки других рогов из леса и с берегов реки — услышавшие охотники передавали сигнал дальше.

Женщины выбежали им навстречу из ворот, и впереди всех бежала Бранвин, которая стояла на стене, всматриваясь в ту часть Элда, который запал ей в душу с давних времён. Она бежала им навстречу — и косы ее растрепались, юбки полоскались по ветру, скользящие ноги едва касались камней. Она схватила в объятия своих пропавших детей и заглянула в их лица, и посмотрела на Кирана, и разрыдалась.

— Они были с ней, — гневно промолвила Бранвин. — Я так и знала, я так и знала...

— Нет. Они не были с ней, — ответил Киран. — Но она отыскала их.

И лицо Бранвин покрылось смертельной бледностью, и она застыла в смятении. Она взяла в руки лицо Мев, а потом Келли, и заглянула им в глаза, стоя на грязных камнях на коленях, и, наконец, в отчаянии перевела взгляд на Кирана, ибо ответом ей было лишь молчание. Подбежала Мурна, утирая нос и глаза и моля о прощении.

— Это вы должны просить прощения у Мурны, — строго сказал Киран своим детям. — Вы убежали от нее, как я слышал.

Мев мрачно присела в реверансе, с трудом шевелясь в объятиях своей матери, и Келли прошептал:

— Прости, Мурна.

Киран оглядел собравшихся и почувствовал, что все молчат, кроме детей.

— Спасибо, — промолвил он. — Все вернулось на место. Потерянное нашлось, — он положил руку на плечо сына, а Бранвин взяла Мев на руки, и они вошли в ворота замка, которым Киран владел как господин последние десять лет.

II. Кер Велл

Бранвин рыдала в верхнем зале Кер Велла, прижав руки к лицу и свернувшись в комок в кресле перед очагом. К ее чести рыдала она в одиночестве — дети были в своей комнате с Мурной, а муж со своими людьми у ворот, ибо это были слезы ярости, беспомощности и многолетнего страха.

Она ненавидела Элд. И эта ненависть была рождена не гневом, хотя и пропитана им, ибо она ощущала себя обманутой. Когда-то ребенком она его любила всей душой и потому-то стремилась уберечь от него детей, движимая больше чем инстинктом. Лес и она были врагами, но потаенными, не явными, ибо все, что она любила, было связано с Элдом: ее муж, ее дом и, наконец, ее дети. Она видела, как пляшет свет и мелькают зеленые листья на всем, к чему она прикасалась, и этот свет был лишен плоти: она не могла укрыться от него или схватить в руку, и любые шторы и ставни были бессильны против него. Он проникал сквозь трещины, и ветер, долетавший из лесов, дышал колдовством, куда как более могущественным, чем ее смертная жизнь.

Что-то коснулось ее детей, какая-то часть Элда удерживала их сегодня, и она сжимала кулаки и вспоминала себя — словно летела в воздухе над девочкой, скакавшей на упитанном кердейльском пони, и девочка эта была ею, и летевшая сверху тоже была она, только взрослая, и она пыталась предупредить девочку: «вернись, вернись, не доверяй им».

И здесь видение всегда обрывалось, ибо пони испуганно отскакивал в сторону. И тем ужаснее оно было, что каждый веселый шаг вприпрыжку казался сверху чудовищно зловещим, и каждое трепетание листьев таило в себе угрозу, о которой дитя и не догадывалось.

«Вернись, вернись, вернись».

Странно, но она не могла вспомнить Арафель. Умом она знала, что та существовала на свете, являя собой власть, обитавшую в самом сердце леса. Сколько раз она говорила с ней с глазу на глаз. Но лицо и голос стерлись из памяти, оставив лишь воспоминание о воспоминании, о чем-то, перевернувшем ее жизнь и оставившем шрам после себя, заставляя ее усомниться в том, а было ли это на самом деле. Она никогда не признавалась в этом своему мужу, никогда не говорила об этом, ибо она знала, что для него все было иначе, и что Элд слишком глубоко вгрызся в его сердце, чтобы он мог его когда-нибудь забыть. Она ненавидела Элд и заключала его в свои объятия, зачиная от него, от Кирана, отца ее детей, ощущая в нем зеленую тишину и мысли, которые она не могла со-

разделить с ним, и томление, против которого она использовала все свое смертное колдовство — «останься, о, останься, не думай о ней, не слушай ветра, не вспоминай ничего».

Иногда ей казалось, что, если бы она могла представить его себе целиком, ей удалось бы овладеть им. Лишь раз она была в сердце Элда, войдя туда за руку с Кираном, и это все, что она видела; но и эти воспоминания протекли как вода сквозь сито ее памяти, и она помнила, что они с кем-то говорили, но кто это был? Еще был конь, на котором ехал Киран, а она не могла. А по правде, она даже не была уверена в том, что это был конь, и не помнила она, был ли он красив или ужасен, лишь одно запало ей в душу, что в нем была заключена власть и что однажды ее муж ездил на нем на войну, что существо это было соткано из света и страха, а иногда память доносила легкое лошадиное сопение и цокот копыт, нет, даже не цокот, а отдаленные, слабые раскаты грома.

Она вздрогнула и взглянула в очаг, где трепетал язычок пламени — весной они всегда поддерживали огонь в этом зале, чтобы было тепло. Воспоминания поблекли, как и положено было колдовству, которое всегда так пряталось в этом мире; поблекли для нее, хотя когда-то она все это видела и прикасалась к эльфийскому коню, и встречалась с Арафелью с глазу на глаз.

«Уйди, — надрывалось ее сердце, — не возвращайся, не тревожь нас снова», ибо она знала, что все полученные ею дары и все ее счастье исходят из этого крайне ненадежного источника.

И меркли волшебные дары, как и само волшебство, в памяти своих свидетелей, кроме тех, в ком текла эльфийская кровь.

Поговаривали, что ее муж — Ши, а значит, обречен. Он никогда не упоминал об этом, хотя и знал, что ей что-то известно, и все же ничего не опровергал. Значит, слухи были правдивы, и такова была его судьба. Она знала, знала, что тревожит его в самых глубоких снах, где его преследует Смерть, владевшая частью его и лишь давшая ему передышку. А случилось ли это с ним где-то в Элде на самом деле или то был лишь кошмарный сон, она не знала, ибо все ее воспоминания текли как зыбучий песок. Но бур-

ная ночь и впрямь повергала Кирана в черное отчаяние, которому он давал волю, когда они оставались одни и он мог не изображать веселость, напускаемую для других.

В такие ночи он почти не спал, вздрагивая при раскатах грома, и успокаивался лишь при первых проблесках рассвета. А после он смеялся и улыбался, словно ничто и не тревожило его; но она боялась таких ночей, и когда они случались, что-то в ней сжималось, и она чувствовала себя несчастной.

«Уходи, — молила она, — уходи, уходи!»

Но ей не удавалось договориться, и то и дело смутно и отдаленно, как сон, она вспоминала лицо, всплывавшее перед ней на мгновение, и свет, то отливавший зеленью, то сиявший солнцем и луной одновременно. Детям милы такие безделушки, и их легко увлечь красочными посулами. У Арафели не было детей, по крайней мере, Бранвин ничего о них не знала и считала, что эльф может испытывать зависть.

О Ши рассказывали и такое, а они могли быть так жестоки, так безрассудно жестоки.

Разве не была с ней жестока Арафель, пообещав маленькой девочке неземные красоты и заманив ее в лес, где она потеряла своего пони и чуть ли ни самую жизнь?

«Пойдем, — до сих пор слышался ей голос в снах, — пойдем, ты увидишь настоящую жизнь».

Но это было лишь воспоминание, голос, столь же неразборчивый, как и черты лица.

То, что она лелеяла в своей душе сейчас, было теплым и крепким, как стены Кер Велла, — руки мужа и смех детей. За это она отдала все волшебные обещания.

«Пойдем со мной, — говорил голос, — и ты увидишь, как проходят годы, как они увядают, словно фиалки; но там, куда я иду, нет увядания. Возьми меня за руку и пойдем, не слушай их зов».

— Бранвин.

Она обернулась, не вставая, испуганная тихим окликом мужа — так бесшумно он поднялся по лестнице, но эта бесшумность всегда была в его природе. Он протянул к ней руки, и она протянула к нему свои, и он опустился перед ней на колени, и обнял ее, и погладил ей плечи, и заставил ее посмотреть ему в глаза.

— Ты плакала? — спросил он, ибо слезы еще не просохли на ее ресницах. — О, Бранвин, моя любовь, моя душа, теперь не надо плакать. Они спасены, в тепле и сыты, и ничего не осталось, кроме царапин и содранных коленок...

— Что они там нашли?

— Что-то... Она сказала — глупую русалку... О, не будем говорить об этом. Пустое: прошло, и больше нам нет дела.

— Они больше не пойдут к реке.

— Нет, не пойдут. Они все поняли, — он погладил ее голову, нежно прижав к себе.

— Это все из-за того, что они гуляют в полях, все из-за того...

— Нельзя вырастить цветы в тени — им нужны солнце и ветер, Бранвин.

Она вздрогнула и отстранилась от него, он остался стоять на коленях, держа в руках ее сжатые кулаки. И долго она пыталась вернуть себе самообладание.

— Они не могут расти, как сорняки, — промолвила она.

— Они не могут обманывать Мурну и убегать.

— Конечно, нет. Но с ними талисманы, и сегодня они принесли им больше чем удачу. Она придет сегодня вечером, Бранвин. Сюда.

Она не сразу поняла его.

— Нет, — ответила она.

— Как это нет? — в полном замешательстве переспросил он, и лицо его исказилось. — Бранвин...

Теперь его отчаяние и недоверие — все проявилось; и тогда она сказала, поскольку никогда не вступала в открытый бой с врагом:

— Прости, я обезумела от горя, я лишь хочу мира в своем доме, лишь мира и покоя...

Он взял ее руку и поднес к губам, но она едва ощутила тепло его дыхания.

— Бранвин. Ты слишком многого боишься.

— Чего она хочет?

У него не было ответа на этот вопрос. И глаза его выдавали какую-то тревогу, подтверждая ее худшие опасения.

— Возможно, предупредить нас. Или объяснить. Не более. Возможно, это лишь знак учтивости. Она такая. Вина Ши очень учтивы. Бранвин, она — наш друг. И всегда была другом. Подумай, чьи земли после войны столь благо-

словенны, как наши, есть ли у кого поля зеленее, чем у нас...

— Или дети, — хрипло добавила она, — такие прекрасные и двое? Я ждала. Я ждала пятнадцать долгих лет, и всякий дом был благословенней нашего. Я нянчила дочерей служанок, мечтая о своих, я видела, как дети, которых я качала, становились невестами и женихами, прежде чем у меня родились сын и дочь. И если это благословение, Киран, то оно слишком не спешило дойти до нас, и прости меня, прости, если я люблю их слишком сильно...

— Разве они только твои? — спросил он.

Ей нечего было ответить. Его взгляд обжег ее, и она вздрогнула.

— Это были долгие годы, — промолвил Киран, — но мы не можем взвалить их на плечи Мев и Келли, сокрушая их дух. Но это были хорошие годы, Бранвин.

— Это были хорошие годы, — согласилась она, — но, о, Киран, если мы были столь благословенны, и удача сопутствовала нам, то почему не та, обычная, которой одарены все фермерские жены? Я была лишена ее, потому и боюсь, наверное, сейчас...

— Она — наш друг, Бранвин, она спасла их.

Она задумалась, и что-то потеплело в ее сердце, и память ее прояснилась, и она вспомнила свет, вошедший однажды в Кер Велл, и фигуру в ауре этого света, и голос. Она почти увидела ее, ее облик в оборванных и тусклых одеяниях, и лишь лицо не удавалось ей рассмотреть.

— Я бы хотел, чтоб ей здесь было хорошо, — сказал Киран, — за все, что мы ей должны. За ее дружбу. Бранвин, когда-то, давным-давно этот зал принадлежал им. И звали его тогда Кер Глас, не знаю, есть ли еще такое место на земле, где она может быть, одновременно оставаясь в Элде. Если бы не Арафель, я был бы мертв, да и все мы...

«Но есть же Донн, — неожиданно мелькнула у нее мысль, — где ты родился. Он тоже когда-то принадлежал им». Но она отогнала ее прочь, как поступала с любой неприятностью, охраняя свое гнездо для тех, кого любила.

— Мы накроем стол, — промолвила она, ища уверенности в привычных вещах и налагая на сверхъестественное узы приличий, как будто могла заговорить и обуздать его. «Если она окажется у меня в зале, — думала Бранвин, —

если она войдет в мою душу, если я смогу ей поверить и вспоминать ее потом, мне будет спокойнее; тогда я привыкну и научусь называть ее по имени».

Арафель — так ее звали, или Фокадан, то есть Чертополох, и многими другими именами. Но одного звука было недостаточно. Ей нужно было научиться произносить его душой, как это делал Киран, и у нее были все причины сделать это, ибо Кер Велл был ее домом, и она родилась здесь и в ней текла южная кровь — кровь королей и неприятеля, поверженного Арафелю. Эти камни принадлежали ей, и она знала их магию, и все, что являлось сюда, ступало по ее земле. Здесь она могла научиться и наконец запомнить столь важное ей и не дать ему померкнуть, как оно меркло для других.

Она все еще была сильна. Ее выбрал себе в жены ее муж, чтобы привычно стареть рядом с ней; и она выносила его детей — об этом думала она и ощущала себя в безопасности за стенами Кер Велла.

— Здесь, любовь моя, — промолвил ее муж и коснулся губами ее лба. — Ты увидишь, — он повернулся с очень серьезным и задумчивым видом. — На восходе луны.

Прошло много времени, прежде чем вернулся Барк, ибо он дальше всех углубился в леса, а также из-за того, что он видел, или ему показалось, что видел.

— Жив-здоров, — откликнулся он, когда его господин сам вышел к воротам навстречу ему. — Слава богам, — и тут же отвернулся к лошади, устыдившись, что так ослабел, что глаза щипет от пота, а может и от другой влаги. Он снял с седла лук и колчан и перекинул их через плечо, прежде чем отдать своего скакуна в руки дожидавшихся конюхов.

— Налейте ему чашу эля, — распорядился Киран. — Приходи в зал, как только разденешься. Я хочу поговорить с тобой.

— Да, — ответил Барк и снова отвернулся, кивнув своему удалявшемуся господину. Его окружили Донал, его двоюродный брат по материнской линии, Ризи, сын Дру, самый младший из шестерых братьев, а также и другие, кто принимал участие в поисках. Мальчик взял у Барка лук и колчан, другой — измазанный грязью плащ.

— Кто нашел детей? — спросил Барк. — И где их нашли?

И странное молчание повисло меж людьми.

— Сам господин, — промолвил кто-то, но чувствовалось, что он говорит не все.

— Пойдем, — сказал Донал, беря его за руку. — Пойдем наверх.

Барк поднялся в оружейную и повалился на скамью, расстегивая пряжки и освобождаясь от доспехов и пропитанных потом одежд. Донал и Ризи стояли рядом, и целый выводок пажей вбегал и выбегал с тазами и полотенцами.

— Как хорошо, — пробормотал Барк, — волосы и борода его слиплись от прохладной воды, а губы были мокры от густого эля. Он вздохнул спокойнее и оглядел стоявших рядом товарищей — Ризи поставил ногу на скамью и уперся в колено руками, Донал прислонился к стене, заправив ладони за ремень. Они совсем не были похожи друг на друга, эти двое — его юный брат был необычно светел — волосы желтее, чем свежая солома, глаза голубые и чистые, как у младенца; Ризи, наверное, уже в колыбели казался взрослым — темный худой юноша с задумчивым взглядом: его родные горы выращивали суровых воинов, как коршуны и ястреба, водившиеся там.

— С ними все в порядке? — снова спросил Барк, ибо смысл ответов был не совсем ясен как будто в них чего-то не доставало. — Где они были? Заснули под каким-нибудь плетнем?

— Никто не знает, — ответил Ризи.

— «С ней», — сказала госпожа, — добавил Донал. — И господин ответил: «нет, не с ней».

— Как далеко ты заехал? — спросил Ризи Барка. — Я доехал до Старого леса, потом вверх по дороге и обратно; и мне не понравилось то, что я ощутил.

— Я дальше, — ответил Барк и нахмурился, вспомнив о темных чащобах и зловещей тишине. — Я боялся не Ан Бега. Совсем не его.

— Я так и думал, — пробормотал Донал. — Я так и знал. Они просто заблудились.

— Они зачарованы. Да и как может быть иначе? — сказал Ризи. — И мне это не нравится.

— Не говори таких вещей, сын Дру, — промолвил Барк.
— Не смей говорить о них такое.

— Но это правда, подумай сам, сын Скаги, это правда, — заметил Ризи. — Они нашли дорогу к ней, к Ши, только будучи теми, кто они есть — о, воин, не сердись на меня, я — двоюродный брат их матери и дядя им, я и господину — друг не меньше, чем ты. Отец — эльф, эльфийский помет, но сегодня что-то меня напугало, когда я подъехал к лесу.

— Я боялся, что они пропали навсегда, — безучастно откликнулся Барк, держа чашу на коленях. — А когда зазвучали рога, я испугался еще того пуще. Только не это... так, стало быть, все это были детские шалости.

— Наш господин был встревожен не на шутку, — нахмурился Донал. — Не думаю, что он опасался Ан Бега. Он...

— Молчи! — Ризи внезапно выпрямился и, схватившись за нож, рванулся к лестнице. — Эй, наверху! Эй, вы!

Снизу, из-за поворота лестницы возникла голова, мелькнул собачий взгляд и наконец появилась согбенная фигура человека.

— Калли! — с отвращением промолвил Донал. — Кто там еще?

— Вон! — приказал Ризи, — шпион...

Калли протянул ему ведро.

— Всего лишь несу воду наверх, господин Ризи, всего лишь воду, мне приказали.

— Вон! — закричал на него Барк так, что лестница откликнулась ему эхом, и Калли полетел, подскальзываясь на ступенях.

— Проклятый болтун, — сказал Донал.

— Побудьте здесь, я припугну его, — предложил Ризи.

— Не надо, — сказал Барк, — останься, — ибо южанин был жесток и свиреп. — Не вынимай из ножен этот нож.

— Разве я сказал, что собираюсь пролить кровь? О нет.

— Не надо так шуметь из-за его подслушивания, иначе Калли и об этом расскажет всем. И так довольно сплетен.

— И это еще не все, — пробормотал Ризи. — Теперь их будет больше. Вы, жители долин, все выбалтываете и не умеете хранить секретов.

— Но ничто не заставит народ любить господина Кирана меньше, — сказал Донал. — Пусть он — колдун, но расскажи это на хуторах или заяви это в казармах, и тебе от-

ветят, что сплетня устарела, — он рассмеялся и устроился поудобнее, поставив одну ногу на выступ окна. — Я, признаюсь, время от времени хожу по лесу. Лично я много бы отдал, чтобы увидеть кого-нибудь из волшебного народа. А если это дурно, тогда зачем, Барк, твоя родная мать, да и моя выставляют плошки с молоком по вечерам. И ты, который воевал...

— Ты слишком наивен, — прервал его Барк.

— Ты не хочешь говорить об этом, — теперь уже нахмурившись, промолвил Донал. Он редко когда заводил об этом речь, но сейчас он не намерен был отступать. — Это в природе людей — рассказывать небылицы, не так ли? Как Калли, который болтает обо всем, что услышит, как воробей. По прошествии войн люди еще долго рассказывают о них и слагают песни, как в древности. Есть своя песнь об Эшфорде и о смерти короля, и о Кервалене... Но теперь песен никто не поет. Воины, сражавшиеся на этой войне, стареют, мы там не были и не можем сложить их, даже арфист молчит о ней, потому что никто не хочет ничего рассказывать.

— Арфист воевал, — вспомнил Барк.

— Но ты-то молчишь. Там была Ши. Это так? Ведь все должны были ее видеть, кто был на поле, но все молчат. Я был сегодня в лесу. За рекой. И не почувствовал ничего дурного.

— Тогда ты глух и слеп, и туп, брат, — ответил Барк.

— Возможно, — Донал взглянул на Ризи с тоской по невидимому. — Но вы-то видите.

— Мой дед обладал магическим зрением, — сухо заметил южанин, — но, увы, вы, жители долины, называли его безумным.

— А у вас рассказывают о войне? — спросил Донал. — Или все онемели, как Барк?

— Немногим больше, — ответил Ризи с серьезным видом, — а я охранял наши пределы, так что не видел ничего. Волшебство тает и принимает странные обличья, но этой земле сопутствует удача. Что говорить? Будь все мы Калли, у нас хватило бы тем для болтовни.

— Смысла в твоих речах еще меньше, чем обычно, — заметил Донал. — А может все это лишь лунный свет. А говорят, что Ши въезжала внутрь стен Кер Велла. Ах, как бы я хотел увидеть ее хоть разок.

— Ну что ж, я видел, — с трудом промолвил Барк слабым голосом.

— И на что она была похожа? — спросил Донал.

— Свет, — ответил Барк. — Как свет, — он передернул плечами, вспомнил о своем эле и прильнул губами к чаше. — Потому-то, мой юный брат, Кер Велл и высится так одиноко, что видел ее не только я. И никто не поет песен, ибо не знают, как слагать их; и может, об этом и не следует трубить, ибо это было ни на что не похоже, как солнце, как луна, только иное. Такое не забывается. Уж я-то не забуду. Сегодня все было иначе. Она была темнее. И это не к добру. С ними все в порядке? Они не испугались?

— Выглядели они довольно бойко, — ответил Ризи. — Если судить по их лицам, они не испугались.

— По-моему, все вы относитесь к этому слишком серьезно, — сказал Донал. — Прошлись по лесу и всего-то; может, они и видели что, но это никак на них не повлияло. По-моему, вы слишком преувеличиваете значение теней.

— Теперь ты понимаешь, почему никто из бывших на войне не говорит о ней? — сказал Барк. — В наше время мало кто во что верит. Да, вы выставляете плошки с молоком, не пропуская ни одного вечера. Я это знаю. Но то, что видел я, не примет таких подношений. Никогда.

— Так что ты видел? — прямо спросил Донал.

Но Барк в который раз покачал лишь головой, отказываясь говорить.

И вдруг началась суматоха, несмотря на поздний час, Мурна, невзирая на сумерки, выбежала за ворота и вернулась, неся связку сучьев. «Моя госпожа хочет свежих ветвей», — так объяснила она, ни словом не упомянув об ожидавшейся госте — а в замке гостей не было уже более года, с тех пор как заезжал сюда господин Дру со свитой. И в кухне дым шел коромыслом, вбегали и выбегали болтливые пажи, для которых молчать было то же, что выполнять поручения не бегая. «Для стола господина, — говорили они, — и для тех, кто знает толк в еде», что разжигало сердце в ожидании по всему Кер Веллу, от чего текли слюнки и бурчало в животах, ибо из кухни разносились ароматы пекущегося хлеба, запах меда и доброго масла, оттуда выносили пироги и лучшие ветчины и колбасы, и

олений бок на жаркое. И большие кувшины эля и сидра. И лица блаженно расплывались в предвкушении.

И среди всей этой суеты Барк поднялся наверх, а вместе с ним Донал и Ризи, ибо слово Кирана было обращено ко всем троем, чтобы они явились в трапезную поговорить с ним. И хотя ничто не занимало их сейчас, кроме ужина, они, с тоской взирая на огромный стол, думая о еще больших столах, расставленных во дворе замка, принимали строгий и серьезный вид и отмытые, причесанные и в лучших одеждах предстали перед своим господином и госпожой. Дети уже легли, как бы там ни было, в зале их не было видно.

Лишь лицо Кирана выражало тревогу.

— Друзья мои, — промолвил он, — мои дорогие друзья, сегодня у нас будет гость, и вы должны прислуживать в трапезной. Никому другому я не могу доверить это. Не сослужите ли вы мне эту службу?

— Да, — ответил Барк, но брови его недоуменно нахмурились. Впрочем, он, отогнав предчувствия, приготовился приступить к делу. Конечно, это было странно, но в этих стенах творилось и не такое. И не его дело было задавать вопросы, хотя мысль его бешено скакала — неужто гонец от короля и ради него все это изобилие огней и свежие сучья, и пир в трапезной и во дворе, да и будет ли вообще какой гость? А может быть, это всего лишь увертка, обман или что-то другое, задуманное Кираном специально; может, он хочет собрать домочадцев, чтобы отпраздновать благополучное возвращение детей, и просит верных людей прислужить ему — что тоже странно, но лучшего Барк придумать не мог.

— Она придет. Ши, — промолвил тогда Киран. — Вы прислужите?

— Да, — снова ответил Барк после мгновенного замешательства. — Мой господин знает меня.

— А остальные?

— Да, — сказал Ризи, — без всяких сомнений.

— Мы увидим ее? — воскликнул Донал от всего сердца, и его синие глаза широко раскрылись. — Здесь? Сегодня? В трапезной?

— Возможно, — ответил Киран и добавил: — Если она пожелает, вы увидите ее. Если же нет, то нет. Но если увидите, вы не должны никому говорить об этом.

— Нет, господин, — воскликнул Донал, но глаза его распахнутые так же, как сердце, горели от восхищения.

— Снимите железо, — сказал Киран, — моя гостья не переносит его.

— Да, — ответил Барк, — мы понимаем.

— Ее не надо бояться. — добавила госпожа Бранвин слабым и нежным голосом. — Оно вам не потребуется, и все мы будем невредимы.

— Да, — подтвердил Киран, — можете не сомневаться.

Он не мог поручиться за Барка, и взгляд Ризи, как всегда, был непроницаем, но лицо Донала светилось, и глаза горели надеждой, словно во всем мире не существовало зла, и это при том, что с шестнадцати лет он охранял пределы владений.

Возможно, Киран заметил это, ибо он дольше всех смотрел на Донала, и слабая улыбка тронула его губы.

— Не ждите многого. Она может еще и не останется. Но может и побыть.

III. Арафель

Она пришла — не без сомнений, ибо теперь этот путь стал труднее, чем когда-то. Туман между ее Элдом и миром людей стал плотнее. Она присела в последний раз под бледными серебристыми деревьями, среди эльфийских драгоценностей, мягко отблескивавших в лучах тусклого, странного солнца ее дня; она хотела взять кое-что с собой и переодеться в светлые эльфийские наряды, которые она носила по праздникам — о, давным-давно, когда среди эльфов звучали песни. Она вверялась нынче человеку, единственному, кому верила, и шла безоружной, если не считать легчайшего из кинжалов, и без плаща, что было полным безрассудством, ибо они были друзьями.

И так она явилась в верхней трапезной Кер Велла — оказалась там в мгновение ока, выйдя из тумана в столь хорошо знакомой ей зале, и сощурилась от яркого света, и отступила в тень в тревоге.

Огни горели перед ней рядами ядовитых цветов. Поблескивал металл. И все кричало в ней: «беги!» Но Киран протягивал ей руку, и рядом стояла Бранвин, менее любимая ею, но не коварная, глядя на нее огромными встрево-

женными глазами. Огни же были пламенем свечей и факелов, металл — серебром чаш и блюд и украшениями ее хозяев. Зал пах теснотой и людьми, и огнем, и пищей, и срезанными сучьями, и умирающими цветами. И она осталась, как ни неприятны ей были огни.

Ибо этим они хотели оказать ей честь, как поняла теперь она. И ее душу наполнили страх и усталость, и сожаление о том, что они так расстарались к ее приходу. На ней были одежды мира из уважения к приглашению; а люди, как им было свойственно, превратили этот серый мрачный зал в водопад жира убитых животных, огонь, пожирающий поверженные деревья и сучья; но из металла — лишь серебро, и никакого железа, которое могло причинить ей боль; море тепла и света — они считали это самым важным.

— Пожалуйста, — сказал Киран и указал ей место во главе накрытого стола. — Добро пожаловать.

И она полностью ступила в этот зал, гостьей в Кер Велл, в эту маленькую и душную трапезную. Она огляделась и посмотрела на предложенное место.

— Ты удивил меня, — чистосердечно промолвила она и взглянула на закрытые двери трапезной. Вдоль стены полыхали факелы, на столе трепетали свечи, в камине жарко горел огонь. Умиравшие на столе ветви благоухали безмолвной болью.

— Мы сами будем прислуживать тебе, — тихо сказал Киран, — или те, кому я доверяю, как братьям. Они знают о тебе. И готовы сделать все по первому моему слову, нет, не готовы, горят желанием. Сами не свои. Но я не знал, согласишься ли ты.

— Я никогда не гостила у людей, — с сомнением промолвила Арафель, глядя на него и Бранвин, и тогда от любви к этому человеку странные чувства охватили ее — отчаяние и воспоминания о том, как когда-то было — о светящихся роцах, о песнопениях и плясках.

— А музыка будет? — робко спросила она и добавила, томимая сердечной мукой: — А детей мне можно будет увидеть? А потом мы поговорим. Время бесед наступит потом.

Бранвин тревожно сжала руку Кирана, но глаза того лучились гордостью.

— Позови их, — сказал он Бранвин. — Пусть спустятся вниз, — и сам поспешил к двери. — Барк, — крикнул он, — иди сюда и позови Леннона, Роана и Шихана.

— Мурна! — вскричала Бранвин у другой лестницы. — Мурна, возьми Келли и Мев и спустись с ними вниз!

Арафель замерла, чувствуя страх от этих множившихся имен. Когда-то она была в этом зале в окружении многих людей. Но сейчас было сейчас, и как ни казалось ей это место странным и грубым от блеска огней и запаха смерти, она заставляла себя быть спокойной и ждала, стоя там, где они хотели, чудес от них таких же, каким сама была для них.

И загремели ступени от топота ног: сначала Мурна — такое имя носила худая костлявая женщина, лишенная цвета, а рядом — мальчик и девочка, как восход и закат, остановились на ступеньке и открыли рты от удивления, ибо Арафель явилась не в сером залатанном плаще, как они видели ее, но в серебре и эльфийских драгоценностях.

Затем вошли воины, и первый по почестям — арфист, держа арфу в руках, он склонился перед ней на колено: Леннон звали его — и она вспомнила другого арфиста Кер Велла, взглянув в его иссохшее лицо. Так и тот бы постарел — мысль ужалила ее и наполнила сердце печалью.

— Я видел тебя, госпожа, когда ты спасла Кер Велл, — промолвил арфист. — Я помню. Я был здесь. Жаль лишь, что я это плохо помню. Я пытался сложить песню об этом... но она никогда не получалась такой, как я хотел.

Голос его пресекся, и он лишь смотрел изумленно, пока Киран нежно не взял его за руку и не отвел в сторону. Она искала знакомые лица. Но Мередифь и Эвальд умерли, и их не было здесь. «Умерли, конечно же, умерли, — вдруг поняла она, — как умирают люди». Госпожа Смерть собирает не только деревья и так незаметно, что уход их почти неощутим. Арафель окружали совсем незнакомые лица. И большая их часть уже была отмечена временем.

— Барк, — назвал Киран высокого, с проседью рыжеволосого воина. — Сын Скаги. И Донал, его двоюродный брат. Мои правая и левая рука, столь я ценю их. Ризи — сын Дру. Роан. Шихан, — последний был старик, старейший из всех них.

— В тот день я ехал по полю вслед за моим господином

Кираном, — трясущимися от напряжения губами промолвил этот бывалый воин. — Когда ты пришла... — и голос его увяз в прерывистых слезах, распространявших нечто, напоминавшее эльфийское тепло, и она невольно была тронута ими.

— Да, — ласково откликнулась она, не помня этого человека и гадая, какое у него было тогда лицо. Эти перемены в людях вселяли в нее отчаяние. Она взглянула на детей, которых обнимала Бранвин, и прочла в них также перемены, происходящие с неумолимой скоростью.

— Ты сядешь? — спросил ее Киран, возвращая к действительности, и она опустилась в приготовленное для нее кресло перед серебряными блюдами и гибельным пламенем.

— Нам тоже можно сесть за стол? — взволнованно спросил Келли и, получив утвердительный кивок отца, зардевшись, обнял сестру и мать. И все пришло в движение: вносились лавы и новые блюда, и с облегчением и шумом все принялись рассаживаться по местам.

Зазвучали первые робкие звуки арфы, чисто и нежно, и воцарилась тишина, умолкли даже дети. И арфист заиграл, заиграл для нее, песни веселые и светлые. А затем была трапеза. Мурна все взяла на себя, проявляя особое внимание к госте — подносила Арафели вино и медовые лепешки и фрукты, когда та отказывалась от другой еды.

Арафель не знала, сколь человеческими были эти подношения, но на вкус они были сладки, а вино, хоть и горчило, было приятно пить. Все ели в такой гробовой тишине, что стук чаши казался громом, а мышинные шажки Мурны гремели тяжелой поступью. Даже дети были серьезны и молчаливы, но глаза их впитывали все.

— К чему такая тишина? — горестно воскликнул Киран.

— Значит нам можно говорить? — вскричал Келли высоким чистым голосом, от которого у Арафели перехватило дух. Она рассмеялась, и смех ее подхватили сначала Мев, а затем и Донал.

— Да, — промолвил Киран, — мы можем говорить.

— Может, арфист споет нам песни, чтобы на душе у нас стало светло, — предложила Арафель.

Это обрадовало арфиста, который снова взял арфу, и вскоре дети хлопали в ладоши, и домочадцы с трудом

могли усидеть на местах; последним из всех засмеялся даже суровый рыжеволосый Барк. Песня напомнила старому Шихану сказку, которую он рассказал искусно и складно, и снова принесли вина, и Арафель, странно робея от быстротечности всего, поведала эльфийское предание и приуныла, когда ответом ей стали лишь молчаливые взоры.

— Ах! — выдохнула Мурна, и все вздохнули, и Арафель увидела, что все довольны и даже более чем довольны, что глаза их искрятся, а арфист утирает слезы.

— Расскажи еще, — попросила Мев.

Бесценное настало время — время мира и покоя. Но юный голосок хотел его нарушить.

— Нет, — сказала Арафель, внезапно ощутив прошедшие часы, увидев, как осели свечи в подсвечниках, услышав, как раскололось сгоревшее полено в очаге, заметив, как погас один из факелов, обрушившись на плиты пола целым звездопадом искр. — Нет, теперь мы должны заняться вашими делами. Может, ты мне расскажешь, — повернулась она к Кирану, — как шли у вас дела с тех пор, как я была здесь в последний раз.

— О, хорошо, — откликнулся Киран. — Земля не подводила нас. И мои кони — моя конюшня процветает.

— А мир? Мир есть у вас?

И воины встрепнулись.

— Король постановил быть миру, — сказал Киран. — И, как могу, я храню его.

— Ах так, — промолвила она.

— Наверное, детям пора в постель, — сказал Киран.

— Нет, — ответила Арафель; и Мев и Келли, чьи глаза сразу потухли, снова расцвели и чуть не подскочили на своих местах. — Потерпи, — сказала Арафель Бранвин, чей взгляд блуждал от старого Шихана к замершей Мурне. Волосы той растрепались и прядями упали на худое лицо, покрасневшее от беготни туда и сюда. Она ни разу так и не присела. Сейчас она держала кувшин с вином и даже позабыла об этом, несмотря на его тяжесть. Все замерли: и Роан, поставленный на стражу к дверям, но позванный сю к столу за широкую улыбку, и Донал, светловолосый красавец, младше всех остальных, и темный Ризи с тихим и мудрым взглядом, и Барк, сын Скаги, столь похожий на своего отца.

— Годы Шихана простираются далеко назад, — промолвила Арафель, — и в них своя слава; годы Мев и Келли тянутся дальше всех вперед, и как разбросает время этих людей, никому не дано знать, кроме меня. А потому к детям я обращаюсь так же, как к остальным. И пусть они услышат мой совет, ибо я не знаю, когда вернусь сюда в следующий раз.

И тревога охватила всех, за исключением детей, и больше всех Кирана, но никто не проронил ни слова.

— За все годы Кер Велла, — продолжила она, — лишь люди приходили в Элд, и никогда еще Ши не гостили у них. Но сегодня вы пробудили старые воспоминания. Вы напомнили мне о почти забытых мною временах. С вами благословение Ши: ваш шаг будет легок по палым листьям, и путь не будет плутать в лесу, и глаза ваши будут видеть истину, там где взор других будет замутняться, и так на все времена. Элд не будет таять для вас. Все, что увидите, будете видеть в истинном свете. Это мой дар. И еще один я дам Мев и Келли... Пойдите сюда, — промолвила она, заметив, что дети мнутя в нерешительности, и они извинились и подошли к ней во главу стола, глядя на нее такими огромными, как у оленят, глазами.

— Вот, — сказала она и разжала ладонь, положив на стол что-то похожее на солнечных зайчиков, но свет поблек, и остались лежать два листа, скорее серебряных, чем зеленых. — На память, — сказала она, — на память об истинном Элде. Это с самых юных моих деревьев. Держите их при себе, и они никогда не завянут. Вы никогда еще не видали настоящих деревьев, и я не могу отвести вас туда. А как бы хотела. Но они станут вам надеждой в безнадежности и истинным видением, когда меркнет взор. А еще на них лежат чары обретения дома. И для недавних потешек это самый подходящий дар.

В смущении и изумлении дети взяли в руки по листу.

— Мама! — воскликнула Мев, показывая матери свой.

— Госпожа, — приглушенно промолвил Келли и, взглянув на свой, понес показать его отцу.

— Я видел эти деревья, — тихо промолвил Киран. Келли сел рядом с отцом, и Киран жарко обнял его, прижимая к себе это ценнейшее из сокровищ, подаренных ему временем, как и Бранвин прижимала к себе Мев. Друзья и

домочадцы, собравшиеся в зале стояли крепостью против ночи, против теней, против всех бед мира. И все же в глазах Кирана таилось знание, и все словно видели эти тени за стенами замка.

— Ты говоришь так, словно собираешься идти, — промолвил он. — И все же тебя привело сюда какое-то дело. Могу я спросить о нем?

— Не надо.

Она провела пальцем по краю чаши и взглянула на Мурну, которая бросилась наполнять ее. И ее движения странно тронули Арафель, как и искренность карих человеческих глаз, угадывавших чужую нужду. Она благословила и Мурну, одарив ту своей милостью, когда кувшин коснулся чаши, и тут же забыла о ней, как забывала о поверженном дереве в цвету... воистину ее мысли блуждали и кружили, и вновь возвращались к детям, а от детей к Барку, который смотрел на нее не мигая, на что был способен редкий человек. Он боялся, и она это видела. Верность и страх его простирались далеко в темное будущее. Дрожь охватила ее — совершенно не свойственная ей слабость. Она перевела взгляд на Донала, чья душа была прозрачнее всех, и на Ризи, в ком хоронился мрак, но такой же, как в эльфах, и наконец на Кирана, к чьему постаревшему виду она никак не могла привыкнуть.

— Я буду открыта, — сказала она. — Рядом с вами ходит беда. Я не могу сказать, какая, ибо я просто не знаю. Когда-то я говорила тебе о равновесии вещей, теперь оно нарушено. Мев и Келли повстречали лишь случайного путника в твоих землях и не стали причинять ему вреда. Он и не заслуживал этого. Но есть вещи и пострашнее. Ты их не знаешь. Но часть Элда погрузилась во тьму, и сам Элд стал шире и темнее, чем прежде. Проснулось то, что спало. Я стояла на страже и сдерживала их, ты понимаешь, о, господин людей? И так я стерегла все это и впредь буду стеречь. Вы — моя слабость и моя сила, вы, Кер Велл, этот круг света от очага, горящего во тьме. А тьма сгущается. И скоро грянет ночь. Молитесь, чтобы за нею наступил рассвет.

И полено рассыпалось угольями в очаге. И дети вздрогнули, и вскрикнула Бранвин. Огонь взметнулся, и тени заплясали и опали. И все неловко поежились на своих местах.

— Война? — спросил Барк хриплым грубым голосом. — Ты говоришь о войне? С Ан Бегом?

— Война, — она приложила руку к камню у своего сердца и почувствовала, как трудно ей оставаться здесь. Все вдруг показалось ей нереальным, словно серая паутина была брошена на лик истины. А потом снова все встало на свои места. — Я уже спрашивала вас. Имеете ли вы мир?

— С Ан Бегом и Кер Давом? — переспросил Киран. — Дурной мир, но такова воля короля.

Она неопределенно указала рукой на запад.

— Там нет света.

— Там правит король, — ответил Киран. — Он — господин Дан-на-Хейвина.

— А Кер Донн?

— Свободен.

— На западе нет света — я говорю. Следите за своими пределами.

— В Кер Донне правит мой брат.

— Я уже сказала то, что сказала. И война слишком простое слово.

— Король не обращает внимания на Кер Велл, — внешне промолвила Бранвин. — Мы не в чести. Мы верны ему, как немногие даже из тех, кто сражался за него у наших стен. Что до Кер Донна...

— Он — мой брат, — оборвал ее Киран.

На мгновение мелькнула тень, и Арафель вздрогнула, заморгав от света огней. И снова она прикоснулась к камню и пробудила напевы, звучавшие в этих стенах много лет тому назад. Они звучали вовсю даже сейчас. Арфа была разбита, но музыка продолжала звучать. Она встала, и в смущении все поднялись вслед за Кираном, и тот протянул руку, моля ее еще остаться. Она с трудом поборола объявший ее холод. Все более черная тоска наваливалась на нее, и она сопротивлялась ей, как всякому оружию мрака.

— Проводи меня, — сказала она Кирану, — недалеко, до наружного зала.

Он предложил ей руку, вероятно, смущенный, ибо места никогда ничего не значили для нее. Но иные пути были опасны, и она избрала дорогу людей, пройдя в деревянную дверь вместе с Кираном.

— Закрой дверь, — сказала она, когда они вышли в зал

перед лестницей. — То, что я скажу сейчас, предназначено лишь для твоих ушей. И что ты скажешь им потом, выберешь сам.

Он послушался ее, господин Кер Велла, и снова повернулся к ней лицом. Одиноким затухающим факел разбрасывал тени вокруг, обостряя черты лица Кирана. Он выглядел старым и изможденным, страшно изможденным.

— Что ты хочешь? — спросил он.

— Ты понятливее их. Ты знаешь, что вырвалось на свободу. И я скажу тебе, что нижние пределы Аргиада покрыла тень, заволокла она и холмы. Деревья выступают из нее, но вид их необычен и смутен, и неуютен. В них нет утешения. Скажи мне правду, открой свое сердце: не чувствуешь ли ты признаков беды? Спокойно ли ты едешь по этой земле?

— Ты знаешь, что нет.

— Я мало что знаю о людях. Скажи мне правду: а почему?

— Они помнят меня. Они помнят, кто я такой. И если удача сопутствует мне, говорят, что это волшебный дар, а если нет, то называют это проклятием. И больше всего они подозревают меня...

— В чем?

— В тщеславии. Я думаю. Или в стремлении к власти, — вздрогнув, он оглянулся, и пламя вновь заиграло на его бородастом лице. — Да и как они могут забыть? Как король может сидеть со мной на совете и не помнить? Или мой брат...

— Он тоже боится своего соседа?

— Он боится своей собственной крови. Мы не обмениваемся гонцами. Меж нами царит молчание. И страх, да. И недоверие. Мне слишком хорошо живется в Кер Велле, — он вздохнул и покачал головой, но всепожирающий страх остался на его лице. — Нет, он никогда не причинит нам вреда. Донкад — хороший человек.

— Зато не мудрый.

— Разве это так дурно?

— Для того, кто сидит в Кер Донне? Чей замок получил свое имя в Элде? Да, это очень дурно, очень дурно. И принесет это много зла. Я стерегу, но моих сил недостаточно. Потому-то я и пришла сюда. Просить твоей помощи.

— Нет, — он покачал головой. — Теперь я знаю, о чем ты хочешь просить, и мой ответ: «нет».

— Сохрани для меня Кер Велл. Всего лишь сохрани. А если случится худшее, и ты поймешь, что сил больше нет, тогда ты сам решишь, что тебе делать. Ты — единственный свет, понимаешь ли — единственный. Беды в Керберне — ничто по сравнению с другим. Возьми вот это. Я не прошу, чтоб ты его носил. Решай сам, но у тебя должен быть выбор. Ради тебя, ради сохранности этого места.

Он ничего не ответил, и она достала из сокровенного места у сердца тот камень, что он когда-то носил, точно такой же, как и у нее на шее. Он мерцал странным светом под факелом, не отбрасывая тени и не отражая огня. Он лежал у нее на ладони, и, наконец, он протянул руку и взял его, и сжал в кулаке, и, казалось, зал померк после этого.

— Не ходи в Элд, — сказала она. — Тебе нельзя приходить туда. Позови меня, если будет нужда, но не произноси заклятий, ради мира прошу тебя — не приказывай мне. Будь мудрым, будь осторожным.

— Арафель! Увижу ли я тебя снова — в своей жизни — еще раз увижу?

Она уже начала таять, отступая в Элд, но задержалась, прикоснувшись к его широкой, изуродованной шрамами руке.

— Не знаю, — ответила она, но сердце ей говорило, что это и вправду их последняя встреча. — Слишком рискованно. Но кто знает? Будь здоров, брат, полуэльф, друг. И во всем...

Прикосновение растаяло. И Элд сомкнулся вокруг нее. Мгновение она еще боролась с ним, раскинувшись по всему замку, словно обняв его, так что сила, озеленявшая деревья, разлилась широко.

И кустарник, пробивавшийся сквозь трещины стен, вдруг зацвел под сумрачным небом.

И больное дитя поправилось и, вздохнув, забылось целительным сном, улыбаясь так же, как и она.

И дремавший стражник сжал в руке копье, обманутый преждевременным рассветом, пригрезившимся ему.

И люд пробудился и залился слезами, уверенный, что им приснился дивный сон, который и не вспомнить, или

счастье снизошло на них, другие же заснули еще глубже, ощутив неземной покой.

И лишь один сопротивлялся, прячась на лестнице, куда он вполз, чтобы подслушать, и имя ему было Калли.

«Надо предупредить его», — подумала она, но была уже во власти рока, и мысль растаяла, как минутный рассвет над Кер Веллом. Элд принял ее назад, как сети, сплетенные из сучьев и корней, из предрассветной тьмы, в которой даже звезды были бессильны. Слеза скатилась ей на щеку, оставив за собой холодный и узкий след.

— Ты рискуешь, — прошептала тень.

Она гневно обернулась, смахнув слезу, и, выпрямившись, уставилась на тьму в тумане.

— Божок, тебе здесь нечего делать. Не трогай их. Я тебя предупреждала.

— А я говорю, ты рискуешь, — тень совсем сгустилась, став дырой в тумане. И послышался звук топнувшей ногой лошади. — Я обходила свои владения. Ты что-то сдвинула с мест. Ты пустила меня в погоню и ты призвала меня сюда, так что не шли мне угроз, не надо. Ты их всех подняла. И угрозами их не загонишь назад. Они наступают.

Арафель передернула плечами и отвернулась.

— Ты не сказала мне ничего нового. Попробуй еще раз.

И рядом во мгле послышались шаги, мягкие и бестелесные.

— Есть место по имени Кер Донн. Ты, верно, знаешь.

Она взволнованно обернулась, не заботясь о том, что подумает о ней Охотница и Хранительница ее пределов.

— Что с Кер Донном?

— Лишь то, что его господин близок с королем. Я слышала, как они совещались в Дан-на-Хейвине. Тебе бы пристало уважать меня. Я якшаюсь с королями. И говорю — берегись Кер Донна. Его история слепит твой взор. Ты заблуждаешься. Ты рискуешь, я говорю, и твои союзники нетерпеливы и ненадежны.

— Мои союзники, — она выпрямилась и прикоснулась к маленькой рукоятке кинжала на своем поясе. — Единственное, что я знаю — ни ты, ни твои братья не выиграют от моего поражения. К чему таиться? Что ты слышала в Дан-на-Хейвине?

— Весь королевский совет; я видела, как с королем говорили господин Ан Бега и владыка Кер Дава, с ними же были правители Кер Донна и Кер Лела... и в самом центре совета был сам господин Кер Донна. Ты разве не знала?

— Возможно и знала.

Тень помолчала. Темное подобие пса подкралось к ней сбоку и слилось с ней.

— Ты жестока.

— Так говорят о Ши.

— Этот человек, этот Киран... этот брат Донкада из Донна...

— Это мое дело.

— Ты связала меня обязательствами. Это твой человек вверг в сумятицу мир. Это его рук дело с самого начала, а ты все защищаешь его. Займись Донкадом, он не менее опасен.

— Донкад вне досягаемости для меня.

— Да. Вне досягаемости для тебя. Но не для других. Ты глупа, моя госпожа деревьев. Ты бесконечно глупа, но зато теперь не одинока. А в окружении врагов. И тех, кто соблазнен ими.

— Оставь меня.

— О, моя глупая госпожа, разве твоему народу не свойственна была ревность? Или тщеславие?

Арафель пошла прочь. Смерть последовала за ней темным трепетанием, скользящим сквозь туман.

— Король слаб и слабеет все больше, и они отравляют его уже не только словами. Но я не спешу забрать его. Его день еще впереди. И что будет тогда? Кто придет, как не Донкад? Убей его, госпожа; один удар эльфийского меча, и мир будет спасен.

— Нет. Не спасен. Оставь меня. Ты надоела мне.

— Ты устала от меня, своей посланницы. Девчонки, которую ты посылаешь охранять свои пределы — о, глупая госпожа, тебе бы раньше меня послушаться. Какой веселый гость пришел в Керберн! И я могу назвать тебе других, тающихся тут и там. Остановись, послушай! Этот твой человек — отдай мне его. Тебе не взять Донкада, у тебя руки коротки. Но я могу исправить все. Из страха перед этим Кираном король прислушивается к дурным советам, из страха перед тем, что он видел в тот день на поле, из-за по-

мощи, которую ты оказала этому человеку. А ты не знаешь? Никого во всем королевстве король не боится так, как Кирана из Кер Велла, вместо того, чтобы бояться тех, кого следует.

Неотступно госпожа Смерть стремилась к своей добыче. И снова Арафель остановилась и замерла в смертном Элде.

— Ты что-то знаешь и скрываешь. Скажи и покончим с этим!

— Да, я кое-что узнала, пока ты занималась другим: король не доверял старому господину Кер Велла из-за этого человека, и другие помогали разрастаться пропасти между ними, пока уже ничто не могло соединить ее края. Но больше всех Донкад из Донна, да, больше всех. Он что-то замышляет. Еще не знаю, что. Ты говоришь, что не можешь его тронуть. Но что-то из Элда поднялось к нему и теперь блуждает вокруг Кер Донна то появляясь, то исчезая, и я ничего не могу уловить. А хотела бы.

Арафель долго молчала, и камень горел холодным огнем у ее сердца.

— С этого надо было начать. Это печальные вести.

— Пойди туда. Если там Элд, то и ты там можешь быть. Разберись с этим. А мне отдай этого смутьяна из Кер Велла. Мы еще можем все повернуть вспять.

— Нет, — сказала Арафель, сжимая в руке камень. — Нет. Не сомневаюсь, что того хотят твои собратья. Но я не приму твой совет, Охотница. Никогда.

— Значит, боишься? — прошептала Смерть. — Или делаешь вид, что так мудра, что у тебя есть свои тайны. Скажи, что боишься, что не хочешь ничего менять. Но ради чего? Ради чего ты живешь? Ты говорила — чтобы хранить, чтобы препятствовать тому, чему сама виной, а теперь ты отступаешь, чтобы спасти лишь себя и свои деревья, и своего единственного любимца — но на сколько? И ради чего?

— Не трать на меня свой яд. Передай своим братьям следующее: Элд изменился, и теперь ты сказала мне, почему. И поверь, леса мои шире, чем были прежде, во всех направлениях. И я проводила время не в снах, нет. Хотела бы, но не могла, иначе и мне было бы все известно. И помни: держись подальше от Кер Велла!

— Эльфийское коварство! — взвыла Смерть и попыталась ухватить Арафель за рукав, но та уже ушла, растаяв. — Послушай! — закричала Смерть ей вслед. — Арафель!

Но она была бессильна использовать это имя. Она ничего не могла поделаться с Ши и, в гневе затрубив в свой рог, она собрала гончих на охоту.

В Кер Велле говорили, что волки снова начали рыскать в холмах; и с лесистых вершин обрушилась буря, пустив грозовые тучи совсем не в том направлении — к востоку.

Но кое-кто в Кер Велле знал, в чем тут дело.

Арафель сжала камень обеими руками и закрыла глаза, и углубилась в себя, чтобы отыскать путь — так это стало не просто. Вернувшись в рощу серебристых деревьев, она вздохнула свободнее; но эльфийское солнце было закрыто тучами, и ей пришлось их разгонять, пока они не отошли к дальним пределам Аргиада в постоянно меняющуюся тень.

— Финела! — хлопнула она в ладоши, и примчалась к ней кобылица, стряхивая молнии с гривы. Арафель вскочила на нее и промолвила, куда ехать, и Финела вздрогнула под ней.

И хоть и неохотно, эльфийская лошадь пошла. И покинутый Аодан заржал ей вслед — печальный и одинокий звук в надвигавшемся мраке.

IV. Сердце Кирана Калана

Бранвин вышла за Кираном, осторожно скрипнув дверью и пропустив яркий луч света из зала на лестницу, где он сидел на ступенях, повесив голову и сжав руками колени, как сидел бы ребенок.

— Мой господин, — робко сказала она. — Киран, любовь моя.

Ее голос звучал так мягко и непривычно, что он вздрогнул, услышав его издалека, куда забрел и потерялся во мгле. Голос Бранвин тоже имел свою власть, совсем другую, и он должен был откликнуться и вернуться назад, когда она стояла так на коленях и с такой тревогой призывала его имя. Он растревожил ее, он не должен был ее волновать. Он ощущал тепло ее рук, прижимавших его ладони к нежным губам. Ее глаза пытливо всматривались в него, лицо наполовину было в тени, его тени, которую он отбра-

сывал из-за горевшего сзади факела. Это был его зал, его лестница, его трепещущий свет, и это слепящее марево шло из его трапезной, сиявшей огнями и пропитанной ароматами пищи. Оттуда доносились просящие голоса его детей: «Папа куда-то ушел? С ним все в порядке? Отпусти меня, Барк!» и чей-то ответ: «Тихо! Успокойся, юный господин».

— Киран, — промолвила Бранвин и, угадав, взглянула туда, где у него саднило — на горло. Она протянула руку и коснулась его, взяла камень своими пальцами, и Киран метнулся, охваченный одновременно ужасом, любовью и страхом. Он вскрикнул, или то была она, и рухнул в ее объятия, цепляясь за нее, как утопающий. Послышались звуки шагов и крик из трапезной, и свет затопил их обоих, хлынув через настежь распахнутые двери.

— Господин, — зазвучал низкий голос Барка, — моя госпожа... — и маленькая тень метнулась вперед с высоким пронзительным криком. — Пойдите, — промолвил Барк, но дети уже бросились к ним, и Киран ухватился одной рукой за Келли, другой — за Мев и ощутил их любовь как глоток свежей воды, в то время как любовь Бранвин была вином: ее благоухала, их была чиста; он ощутил их души — они были как осенняя паутина, как ветер, несущий аромат цветущих лилий.

— Киран, — прошептала Бранвин. И грянул гром; но он звучал за стенами. Он лишился чувств, ощущая только, как она пытается удержать его руками. Переплетя свои пальцы с ее, он добрался до камня в ее руке и запрятал его за воротник. И комната вновь прояснилась перед ним, так что он смог сделать вид, что с ним все в порядке, и взглянуть в ее глаза, а потом посмотреть на Мев и Келли. Они словно светились — но то был свет, падавший на них сзади, из трапезной. Он глубоко вздохнул и поднялся на ноги, лишь на мгновение опередившись на Бранвин.

— Со мной все в порядке, — промолвил он и оглядел собравшихся. — Я заснул на мгновение. Так Бранвин меня и нашла, — он взглянул на детей, обнял их и вернулся в трапезную — к яркому свету, сладкому запаху веток и остаткам пира. Здесь его дожидались другие — Леннон арфист, Шихан, Мурна, Роан, встревоженные и верные ему люди. Он оглядел их. Он понял, что прошло немало вре-

мени, и он сильно напугал их, и больше всех своих детей, которые притихли и непривычно лынули к родителям. И Бранвин, Бранвин — он ощущал ее присутствие за своей спиной, как ощущают кровоточащую рану.

— Наша гостья ушла, — произнес он. — Она пожелала нам всем добра и побеседовала со мной немного о таких вещах... о таких... которые свидетельствуют о ее расположении. И не ждите от нее никогда ничего дурного. Потом я присел, задумавшись над услышанным. А теперь ступайте по постелям. И храните молчание о происшедшем в этом зале, даже самые младшие из нас, — он взглянул на своих детей — сначала на одного, потом — на другого. — Храните молчание.

— Да, господин, — еле слышно промолвил Келли.

— Да, — шепотом сказала Мев.

— Ступайте с Мурной.

И больше дети не промолвили ни слова. Они обняли его — сначала один, потом другая, и он нагнулся к ним поближе и почувствовал хрупкость их рук по сравнению с собственными, и тепло их тел, словно живые обнимали мертвого, но ни один из них не отшатнулся. Мурна взяла их и повела в молчании наверх.

— Ступайте, — сказал он остальным. И Леннон склонился, чтобы взять свою арфу, а Донал и Ризи нагнулись за плащами, повинаясь ему, и лишь Барк стоял неподвижно и смотрел на него.

— Ступайте, — повторил Киран.

— Моя госпожа? — переспросил Барк, готовый ослушаться, если Бранвин скажет иначе. В этом непослушании были любовь и преданность. Ризи, а за ним Донал подошли и замерли с Барком, предчувствуя дальнейшее, остановились и другие.

— Ступайте, — тихо промолвила Бранвин. — Только... Барк, не ляжешь ли спать у двери сегодня?

— Да, — откликнулся Барк.

— В этом нет нужды, — заметил Киран, но почувствовал, что Барк не намерен прислушиваться к его мнению в этом вопросе. Они сами назначили себя его телохранителями, его жена и самый верный друг. И ему показалось, что это как детское объятие — беспомощное, но теплое. Барк ушел последним; и возможно, он не один останется

на страже. Донал и Ризи, они, наверно, будут сменять его. У Бранвин было много союзников.

Дверь закрылась. И шаги их замерли в глубине лестницы. Киран с Бранвин остались одни.

— Ты всех их подкупила? — спросил он с легким смешком и поцеловал ее в лоб. — Ступай ложись и ты, ступай и отдохни.

— Пойдем со мной.

— Мне не по себе, — и дрожь пробежала по его спине, как от сквозняка из двери. На улице рокотал гром, и дождь лупцевал по крыше. — Сегодня я — негодный муж. Может, посидишь со мной у очага?

Она была готова. Он отодвинул большую скамью от стола с остатками пиршества, установил ее перед гаснущим огнем и усадил Бранвин, обняв ее за плечи. Долго она ни о чем не спрашивала его, но ему были известны все ее вопросы и упреки, ибо никто в Кер Велле не был так знаком с этим камнем, как она. Сны накатывали на него, и он сопротивлялся им, должен был сопротивляться, пока рядом была Бранвин. Мгла угрожающе подступала все ближе, и он испытывал свои силы, оттоняя ее, и пока их хватало.

— То, что она сказала, не слишком утешительно, Бранвин, — начал он наконец, прервав долгое молчание. — Но этот... этот дар — будь он у меня сегодня, беда бы близко не подошла к Мев и Келли; и никакая опасность без моего ведома не будет грозить Кер Веллу — я должен иметь его. Пока мне придется носить его при себе, — он не мог заставить себя рассказать ей о всех своих подозрениях и сомнениях, о том, что пришел конец его удаче и счастью Кер Велла, и многому другому. — Не думаю, что он понадобится мне, я буду всего лишь хранить его — так будет мудрее. Но она может больше не вернуться. А если она захочет оказать нам помощь, то это единственный способ нам уцелеть.

— Какая невредимость с этой вещью! — воскликнула Бранвин и, схватив его за руки, заглянула ему в глаза, словно только того и ждала. — О, позволь я стану носить его вместо тебя.

И на мгновение он струсил, подумав лишь о том, что он будет свободен, и только потом осознал, что это предла-

гает ему Бранвин, хрупкая Бранвин, которая слышала пение леса в ураган и которой снились кошмары, что она потерялась в лесу.

— Нет, любовь моя, — ответил он.

— Ты жалеешь для меня камень, защиту, даваемую им? — спросила она, непоколебимая в своих доводах и гораздо более хитрая, чем он, особенно сейчас, когда мысли его путались. — Не хочешь поделиться его дарами?

Он беспомощно смотрел на нее, лишенный всех аргументов.

— Значит, в нем нет защиты, — промолвила она.

— Если меня призовет мой король и велит мне взять меч, неужто ты стала бы удерживать меня? Нет.

— Если тебя призовет король, — ответила Бранвин, — я бы знала, что это сладкая западня.

Ее коварство потрясло его. Он подарил ей детей и спал с ней бок о бок двадцать два года. И никогда он не слышал от Бранвин подобных слов. И теперь они смутили его, разрушив все его доводы.

— Я имел в виду не короля, — промолвил он.

— Значит, ее.

— И если она призовет меня, у меня тоже не будет выбора, — упорно продолжал он, чувствуя, как холодным пламенем горит у его сердца камень. — Бранвин, идет война, и я могу помочь лишь одним — храня этот камень. Идет война, — и он увидел знамена и драконов в язычках пламени, падающие стены, как рассыпающиеся угли, и серебряный дождь стрел под эльфийским солнцем...

Лиэслиа!

Пробежавшая дрожь изумила его. Он ощутил на своей шее ее пальцы, почувствовал, как она расстегнула цепь и сняла ее, и, снова вздрогнув, он ухватился за продолговатый камень, который был уже в ее руках. И вместе с камнем он сжал ее пальцы, запутавшиеся в цепочке.

— Она — невежливая гостя, — слабо прошелестела Бранвин. — Она дала подарки нашим детям, дала тебе, а мне — ничего, для меня у нее не нашлось ничего.

Но он смотрел дальше слов, в самую суть и видел страх в глазах Бранвин. Возможно, из-за камня, который они оба сжимали в руках. Но он видел больше, и это видение жгло ему душу, ибо он ощущал различие между ее кровью

и своей; и то, что Мев и Келли были его детьми, ибо Арафель принесла им дары, ничего не подарив Бранвин. Арафели было нечего дать Бранвин. И Бранвин это знала не хуже, чем он.

Упало последнее полено, рассыпавшись искрами, и вместе с ним что-то оборвалось в его сердце, как сокрушительное падение на грани сна, как приснившаяся стремнина, только сном тем была их жизнь, их мир и покой, их вера в то, что и за гранью смерти они будут вместе.

Теперь же, пока он носит камень, ни смерть, ни время не властны над ним. И Бранвин знала это. Он сможет лишь растаять, но не умереть. Вот что вернула ему Арафель — власть, которой он когда-то обладал и которую вернул Элду, ибо знал, к чему она его приведет. Он мог навсегда вернуться в Элд, а Бранвин не могла.

Он уже ощущал холодок, исходящий от камня, который нес с собой лишь сухую и равнодушную эльфийскую любовь, превращая человеческий мир в грубый и вульгарный слепок. Он обещал ему такие ужасы и неземные красоты, которые разделят их навеки.

— Бранвин, — произнес он ее имя как заклинание. — Бранвин, Бранвин, — имена, произнесенные трижды, имели свою власть. Он молил, чтобы ее тепло и любовь удержали его. Он не хотел грез и снов. — Будь со мной, Бранвин.

И она обняла его. Он уронил голову ей на плечо, безвольно опустив руку со спасенным камнем к себе на колени — большой, высокий человек, ибо все сыновья и дочери Кер Донна были высоки в отличие от родни Бранвин. И человеческая дочь держала в объятиях кровного брата эльфов, воина, которого страшился сам король, с чьим мечом печально были знакомы и Брахит, и Боглач, и она баюкала его как дитя.

Так он поспал немного и проснулся, и обнял теперь ее, прижав ее светлую головку к своему сердцу.

Огонь погас, и свечи трепетали, лишь угли подмигивали в темном очаге, — камни которого ненадолго были ослеплены остывать.

Он окинул внутренним взором свои пределы — пространство, словно свиток, развернулось перед ним — и с одной стороны были туман и мгла; а с другой занимался

обычный рассвет, и дождь перешел в морось, свисавшую каплями с листьев деревьев. И такую власть давал ему камень. И, казалось, опасностей было меньше, чем несколько часов тому назад. И присутствие Арафели он ощущал лишь смутно. Ее время текло иначе, и этот длинный вечер был для нее лишь мгновением, неразличимым по своим целям и порывам.

«Лиэслиа», — изумленно повторял он, пытаясь вновь пересечь пролив, перебраться через который ему однажды удалось, но камень молчал. И он подумал, что того хотела Арафель, что, даря его, она с ним заключала мир. Он не мог поверить в ее коварство. Зачем ей было обманывать его: он слишком многим был ей обязан. И в это он верил безоговорочно.

«Лиэслиа». Но между ним и образом, когда-то хранимым камнем, как будто опустилась завеса, словно весь Элд был обжат мглой, отделявшей от него море.

Он снова заснул, держа в руках спутавшуюся цепь, и сившиеся ему сны были серы и мрачны.

Но в этой мгле на мертвом пне у медленной реки восседала истинная тьма, как сгусток ночи, ибо то Смерть отдыхала после своей охоты. Ее лошадь и псы бродили поблизости, шурша листвою.

— Тебе нечего бояться, — промолвила Смерть. — У тебя же есть камень.

Но все равно он испугался. Это была их не первая встреча, не впервые он видел этот бесформенный мрак под капюшоном и внутренне содрогался от страха, что ему удастся разглядеть, что там внутри.

— Она попросила меня надеть его, — сказал Киран. — Ты не знаешь, почему?

— Она не делится со мной своими тайнами. Похоже, она доверяет их лишь людям. Но тогда... — тень шевельнулась, словно взмахнув рукой, — тогда ты мог бы пригласить меня к себе.

— Когда-нибудь, — ответил он, ощутив холодный ветер, который веял из третьего, жуткого Элда. — Но не сейчас. Я хотел спросить тебя — что мне делать. Уверен, ты дашь мне какой-нибудь совет, моя госпожа.

— О нет, я не твоя госпожа. Я госпожа лишь тех, кого ты любишь.

— Сжался. Разве мы не были соратниками и разве не союзники мы до сих пор? Ты ненавидела меня за то, что я тебя однажды обманул. Но прошу тебя. Я знаю, к кому еще обратиться, и я не горд. Мой люд — мои друзья, моя семья — они нужны мне. Я сделаю все, что ты попросишь. Но только не подходи к Кер Веллу.

Она долго молчала.

— Ты, кажется, считаешь, что я добра.

— Возможно. Иногда.

— Дай мне свою руку. Осмелишься ли?

И из тьмы к нему протянулось подобие руки. Все в нем восстало против этого, но он, не думая и не обращая внимания на холод, прикоснулся к пальцам столь черным, словно они были отрезаны от мира, и от этого прикосновения рука его занемела, хоть и не совсем. Пальцы ее скользнули до его локтя, словно рука его была обнаженной, и боль метнулась по его телу туда, где была старая незалеченная рана. Псы ее своры нанесли ее давным-давно. Он почувствовал, как они оторвали от него кусок плоти, и, верно, пожрали его. И эта его часть уже навсегда принадлежала Смерти.

Рука Смерти поползла дальше, и плащ объял его. Очень нежно госпожа Смерть обняла его, и он ответил ей объятием, словно она была ему сестрой, и руки его обхватили жгучее как лед тело. Может, она хотела посмеяться над ним, но на него снизошел покой, покинувший его, лишь когда Смерть отстранилась и отдала его снова в жертву ветру.

— Ты отважен, — промолвила Смерть, и голос ее был мягок и задумчив. — Редко кто отваживается на такое, даже из смельчаков. А все из гордыни, не так ли? А если я попрошу отдать твою гордость, чтобы спасти Кер Велл?

Киран неловко опустил на колени — сначала подогнув одно, потом другое — он забыл, как это делается, уже десять лет лишенный права лицезреть короля. Он почувствовал, как краска стыда залила его, и поднял голову.

— И ее тоже, — промолвил он.

Но Смерть уже ушла, оставив лишь круговерт в тумане.

— Госпожа, — позвал он, поднимаясь на ноги. Он был готов к ее насмешкам, к тому, что его надежды будут жестоко обмануты. — Госпожа Смерть!

В третий раз он не осмелился ее окликнуть и проснулся в объятиях Бранвин во тьме собственной комнаты.

Дети поздно спустились утром, но вид у них был невыспавшийся и изможденный. Они бесшумно вбежали в зал, и за ними поспешила Мурна. Светлые волосы Мев развевались, и лица обоих покраснелись от усердного мытья, но все равно проступала бледность, и глаза их были огромными и тревожными, совсем не похожими на те, что были у его детей.

И Бранвин, оставив завтрак, поднялась, чтобы приласкать их, и хотела сама заплести волосы Мев, но она увернулась от ее рук, дети подбежали к Кирану, нежно касаясь его руками, словно опасаясь причинить ему боль. «Рассмейтесь, — мысленно просил он их. — Или хотя бы улыбнитесь мне, и больше не смотрите так». Но они не вняли. За один лишь день они научились страху и сомнениям и узнали, что их родители не всесильны и не смогут их спасти, более того, они поняли, что те беспомощны. И все это отражалось в их взглядах, в прикосновениях их рук.

Но он взял маленькие ручки Мев в свои огромные ладони и поцеловал их, и улыбнулся ей, пытаясь вернуть ей уверенность, если не невинность. Он опустил руки на плечи Келли и почувствовал, как нежны его кости, как хрупки они для любого груза.

— Вы что, решили, что я исчезну вместе с луной? — промолвил он, целясь в самую середину их страхов. — В том, что случилось, нет ничего реального, и в то же время именно это и реально... Понятно ли вам? Есть люди и существует Элд — и они реальны, когда не смешиваются вместе; но когда сны приходят в трапезную и садятся за стол и оставляют дары в ваших руках, это запутывает вас. Ваша мать понимает это. Возможно, Барк понимает, а может, и нет. А ты, Мурна? Нет. Не до конца. Надо проснуться от снов. Разве что этот прошел не бесследно. Ваши подарки при вас?

— Наверху, — ответил Келли. Но Мев, у которой были карманы, достала свой, осторожно разгибая пальцы, словно в ладони у нее был мотылек. На ее дрожащей ладони лист сиял серебром, не померкнув ни в чем.

— И так всегда вы должны поступать, как она велела, держа их постоянно при себе, — промолвил он.

— Они странные.

— Как и мой, — он достал камень и прикрыл его ладонью, не давая Мев прикоснуться — неторопливое, отчаянное движение, от которого забилося его сердце, но он нежно улыбнулся своей дочери. — К таким вещам нельзя прикасаться другим. Их надо хранить в тайне и неприкосновенности. Вам что-нибудь снилось этой ночью?

— Лес, — помолчав, ответил Келли.

— В нем было хорошо?

— В моем, по-моему, да, — сказала Мев.

— Вот и хорошо, — он поцеловал ее в лоб и прикрыл ей ладонь, на которой покоился лист. Неприятная мысль пришла ему в голову, и он заглянул девочке в глаза. — И когда вы блуждаете в своих снах, держите его при себе. Никогда не оставляйте его. И имя, произнесенное трижды, вызовет вам любое существо. Но будьте осторожны с тем, кого призываете, подумайте — сумеете ли вы отослать его обратно. Слышите меня? Понимаете? Вы должны суметь отослать его прочь.

И к его огорчению они посмотрели на него вполне понимающими глазами. Его слова каким-то образом согласовывались с тем, что они уже знали, и они соглашались с молчаливым пониманием.

— Мое имя вы всегда можете призывать, — промолвил он. — И я приду. Я тут же явлюсь. Обещаю. Идите завтракать. Сегодня вы можете сесть с нами за стол, хотите?

Они, конечно, хотели. И глаза их слегка заискрились. И, кинувшись к своим местам, они снова напомнили ему прежних детей. Киран посмотрел мимо них на Бранвин, моля о прощении за все то, что отныне их разделяло; но та с материнской заботой занялась волосами Мев и поправила воротник Келли, и отдавала распоряжения Мурне — куда детям можно ходить, и как за ними нужно следить.

— Мама, — пристыженно и недовольно заметил Келли.

— А что вы хотите? — спросил Киран. — По-моему, за вчерашний день для двух юнцов вы ушли достаточно далеко и немало повидали. Давайте немного отдохнем сегодня, ваша мать заслужила отдых, разве нет? А в следующий раз, когда я поеду по западной дороге, вы сможете проделать со мной часть пути. И Ризи будет сопровождать вас.

— Когда? — вертась на месте, спросила Мев, и глаза у нее снова стали восторженно детскими.

— Через день или вскоре. Только если ничем не огорчите свою мать.

— Мев — моя дочь, — пробормотала Бранвин, — а не твой сын, чтобы выезжать с вооруженными всадниками.

Это было больно. Лицо у Мев стало тусклым и обиженным. Это была такая рана, которую могли нанести лишь близкие или друзья, так сильно ощутил ее Киран по камню. Но Бранвин ничего не замечала, а если и замечала, то облеклась, как в плащ, в свой здравый смысл и принялась разливать сидр — золотистая жидкость, благоухающая яблоками, брызгаясь, лилась в серебряные чаши. И Бранвин всецело была поглощена лишь этим. В таких изысканных мелочах сказывалась ее обида.

— Я обещал, — непререкаемо сказал Киран.

Бранвин пожала плечами, нанося и ему обиду, но это он еще мог допустить. Он и его дети — они заслужили эти обиды, будучи тем, кем они были. Он ничем не ответил ей, но не погрешил против себя. Как и Мев, будучи послушной дочерью. И тут он понял, что должен защищать их как отец, ибо они произошли от него и всего лишь при посредстве Бранвин. Он вспомнил Кер Донн и своих родных, и брата Донкада, разлученного с ним, и своего отца, умершего в его отсутствие. Только такое место как Кер Велл могло принять его как своего, ибо само было близко к Элду и привыкло к нему за долгие века; только в Кер Велле могли улыбками встречать двух подобных детей, предоставляя им стены для укрытия и валуны для лазанья и игр. Он не мог выдать дочь свою замуж, отправив в чужой замок, чтобы завяло и засохло все что в ней было... если даже найдется жених ей — дочери Кирана Калана. И ни король, ни другой господин никогда не выберет его сына в союзники. Обычные, свойственные всем, надежды трещали и рушились перед ним. Он протянул руку через стол и положил ее рядом с ладошкой Мев.

Бранвин сделала вид, что не замечает этого — ей было не до того. Но он любил ее и знал, что любим. Когда ей было больно, она била наотмашь и считала себя правой. Когда мир угрожал одному из них, в Бранвин просыпалось железо. Он знал и это, хотя об этом не догадывалась сама

Бранвин; но сейчас все было иначе. Сейчас все зависело от нее, или его унесет приливом. Ведь в темноте с ним оставалась она, когда никто не знал, как к нему подступиться.

— Ешь свой завтрак, — промолвила Бранвин.

Когда он вышел на стену на дневной свет, Барк искоса посмотрел на него. Но Киран намерен был пройти, ощутить солнечное тепло, услышать звуки голосов во дворе и смех детей, игравших в салки вокруг опор. Он вдыхал запахи сена и конюшни, масла и дыма, аромат пекущегося хлеба — все, чем благоухал Кер Велл. Все это радовало его нынче утром и было вдвойне дорогим после прошедшей ночи. Зеленые, коричневые краски широко раскинувшихся земель, небо — все было ослепительно ярким. Стяг над воротами хлопал, полощась на ветру. Серый камень был покрыт зелеными и белыми пятнами лишайника. Холмы устилала золотистая россыпь цветов. От этого зрелища кружилась голова. Все это было рядом с ним всегда. Он попытался вернуться в памяти к самым мрачным смертным вещам, но каждая из них окрашивалась яркими цветами в его воспоминаниях: как Дан-на-Хейвин утром, когда туман лежал вокруг деревьев в жемчужинах росы и из него щетинился лес копий, а молния выхватывала груды трупов, лежащих словно чучела, как вывалившиеся из повозки мешки на измочаленной земле, — и сколько видел глаз, вся долина была покрыта ими, а под ногами жизнь сияла рубиновым вином во впадинах среди тумана. А в сумерки к кострам слетелись тысячи мотыльков — в безумном трепетании они бросались в пламя, и крылья их искрами рассыпались во мгле. И сердцем ужаса был сам Дан-на-Хейвин, а эти мелкие подробности лишь добавлялись к тому, что было в нем, как тишина, непоколебимая и нерушимая тишина после грома сечи, как сам запах воздуха. И даже с обожженными крыльями мотыльки продолжали лететь вожделея к золотому свету. Даже смерть обладала своими красками. То было страшное место, где не было успокоения и нигде было укрыться ни взору, ни уму. А мотыльки, пророчествуя, летели и летели, ослепленные своею страстью.

— Мой господин? — Барк подошел к нему сзади, а может, уже стоял какое-то время за его спиной. Он повернулся к этому великану, чьи волосы полыхали как пламя, а

сам он казался воплощением спокойной силы — широкие плечи, сильные руки, способные на все... и ни на что сегодня утром: они свисали безвольно, без оружия, и открытое лицо выражало недоумение. Массивная голова таила недюжинный ум; но сейчас любовь и нежность струились из его глаз. Киран смежил глаза и вздрогнул при виде этого, или лишь Барк увидел это так.

— Господин?

— Со мною все в порядке сегодня утром, — Киран глубоко вздохнул и снова повернулся к свету, к полям, к холмам. — Солнце светит ярко. Хороший день.

— Да, — Барк встал рядом и, облокотившись на амбразуру стены, тоже посмотрел вперед. Солнце блеснуло на его золотом браслете, выбелило шрамы на сильных руках, заиграло в золотисто-рыжих волосах, покрывавших их. Но бородатое его лицо все еще хмурилось в ворохе развевавшихся волос.

— Ты спал, господин?

— Кое-как. Но все же, верно, больше, чем ты. Не надо больше сторожить мою дверь. Сегодня ложись в собственную постель.

Барк, скосив глаза, посмотрел на него.

— В собственную постель, — повторил Киран.

Барк кивнул, ничем другим не проявив своего согласия.

— Странная компания собралась у нас вчера вечером, — промолвил Киран. — Тебя это не смущало?

Барк долго молчал, глядя вперед через стену.

— Зато я увидел эльфа, — промолвил Барк. — А это уже кое-что.

— И не впервые, — заметил Киран.

— Так говорят, — и Барк еще больше нахмурился. — Но то, что я видел вчера... я не уверен. Это как война. Юноши спрашивают тех, кто был тогда на поле сражения, но старые воины не могут сказать точно, что они видели. А когда пытаются рассказать, то каждый раз получается новое. Это как люди, увидевшие приведение и пытающиеся рассказать о нем, никогда не могут прийти к общему мнению и сомневаются даже в собственных воспоминаниях, — Барк посмотрел на Кирана. — Вчера вечером было так же, господин. Совсем так же.

— Но ты все равно запомнишь. И время от времени бу-

дешь вспоминать — чаще всего по ночам, когда все возвращается вновь.

— Но то, что было на войне, померкло.

— Когда Элд освещен солнцем, все остальное кажется неправдой. Иное — в лесах, в тени.

— Всякий раз, как я оказываюсь там, я готов ко всему, — промолвил Барк.

— Однажды ты следовал за ней.

И снова в ответ ему было молчание.

— Ты так распорядился. Господин, как умер мой отец?

— И ты сейчас спрашиваешь об этом? После стольких лет?

Барк неловко пожал плечами.

— Я никогда не сомневался в нем, не сомневаюсь и сейчас. Но ты был с ним. Я не был.

— Он был у меня за спиной — я не видел, как это произошло. Но время от времени я видел его в бою. И он был лучшим в тот день из всех, кто выехал на защиту Кер Велла.

— И все же он был за тобой.

— Было непросто идти теми путями, которыми следовал я. Да ты и сам знаешь. Ты же следовал за ней.

— Так говорят, — промолвил Барк, и голос его затих. — Мы сражались у речных стремнин — король нас вел, и Кер Велл был в двадцати милях от нас. Мы никогда бы не смогли преодолеть этот путь, будучи настолько измождены. Но какая-то тьма опустилась на нас, словно утро и не наступало. И в этой тьме был свет, или знамя — я принял его за знамя. Огни, которые мерцают в лесу и указывают путь потерявшимся, те принимают их за кого-то в темноте, идут за ними и находят путь. Это было очень похоже — сияние во мгле. Я принял его за короля или за его знамя, а может, то был всадник. Да, то был свет, и он горел так ясно в этой тьме, что кто бы ни увидел его, тотчас шел за ним — и человек, и все другие твари. Но цокота копыт не было слышно, или он доносился очень приглушенно. И словно кто-то звал издали... Потом все осветилось и снова вокруг нас кипела битва, ничем не отличавшаяся от той, что мы вели у стремнины... Но мы были уже в другом месте, или и вправду сражение уже растянулось на двадцать миль.

— Она вас провела иными путями. Железо не может войти в ее владения. Одним богам известны тропы, которыми она ходит, — однако и ему они были известны, и он похолодел, подумав об этом вторжении во владения Смерти, чуждые Ши, и всякому живому человеку.

— Перед нами был свет. Вот и все, что я видел.

— Ну и хорошо, — Киран почувствовал, как похолодел камень на его шее, словно лед, словно невыносимый груз. Все вокруг вновь подернулось дымкой. Он услышал храп лошади и топот ног, потом мигнул и снова оказался на стене среди многоцветия людского мира, и камни были теплыми и шершавыми под его ладонями. — О чем бишь я? А как ты видел меня в тот день?

— Как свет. Но рядом была и тень, или мне померещилось, но на твоём лице лежала тень. Но, господин, это чувство не сравнить ни с чем. Стояла такая тишина, такое страшное безмолвие, как если замереть в лесу или в каком-нибудь глухом и древнем месте, где ничего не движется... — руки Барка покрылись гусиной кожей. Он не привык беседовать об этом. Его передернуло, и чтобы скрыть свою дрожь, он рассмеялся, облокотившись на стену. Но смех его быстро замер. — Господин, вчера вечером все было точно так же. Даже несмотря на вино.

— Барк, что люди говорят обо мне? Сейчас. Повсюду. Скажи мне правду, даже если она горька. Что они думают обо мне — крестьяне, ткачи, стража? Что я за господин?

Барк замер, словно его пригвоздили к камню, словно то безмолвие, о котором он говорил, окутало их обоих.

— Господин, я — твой человек. И все это знают. Что станут они говорить мне? Но у меня есть родня в деревне — близкие матери. Они приходятся родней и Доналу. А в оружейной тебя ругают иногда, как люди ругают тяжелую работу, но, господин, они верны тебе. И говорят, что ты обладаешь Видением. А крестьяне говорят, что земля никогда еще так хорошо не плодоносила, и что после войны ее словно зачаровали. И они выставляют плошки с молоком, чего раньше никогда не делали, как говорят старухи, но это надо для того, чтобы удержать волшебные народцы на своей стороне. Чтобы они сражались за нас.

— Плошки с молоком, — Киран изумленно рассмеялся,

отступил на шаг и вновь повернулся к Барку. — Да, я видел тех, кто любит молоко.

— Это — мелкие твари, — заметил Барк с непререкаемым видом.

— К ним я не испытываю доверия, — рассмеялся Киран, ибо он напугал Барка. — Да. Кое-кому из них я не верю.

— А может, и напрасно, господин. Отец мой знал таких.

— Значит, ему грозила опасность. Я не верю никому из мелкой нечисти. У нас тут всякие водятся. Русалки. Фиатас. Они ловят в свои сети не только мух. Они опасны.

— И все же, господин, поля процветают благодаря им. Земля выжигается ровно и каждый год приносит урожай, и нет зерна, чтоб не давало всходов, и яблони растут как сорняки. Все эти годы деревья плодоносят раньше срока, и дождь не льет на сенокос, а проливается лишь в посевленную. Там, где были черные пожарища, уж через год скот и лошади ходят по колено в траве. Сказать ли, что говорят крестьяне, господин? Что ты скор на суд, но справедлив, что от тебя ничего не скрыть, что стоит тебе взглянуть на человека, и он вспоминает обо всем сделанном им зле, даже если оно было лишь в его помыслах. Так два соседа, поспорившие в Банберне, предпочли уладить все между собой и не идти в суд: соседи говорят, что им стало стыдно за все совершенные за жизнь проступки. Так говорят. Говорят, что лошадь не охромеет, пересекая твои владения, а корова принесет двойню; что молния разворачивается в небе и поражает Ан Бег, минуя твои владения... так говорят. Короче — да, ты любим, господин. Неужто ты никогда не замечал этого?

Свет померк в глазах Кирана, потемнели краски. И легче ему почему-то стало смотреть вдаль, ибо камень пронзил его грудь жалом первозданной волшебной зелени.

— Господин? — спросил Барк.

Киран заплакал. Он не мог объяснить, почему, и лишь ощущал холод и одиночество, такое же страшное одиночество, как тогда на поле перед воротами. Ему стало трудно дышать, словно он прощался навеки с кем-то любимым, такой пронзительной была эта боль.

— Это все сказки. Трава всегда растет.

— И все же, — ответил Барк. — Это правда.
Киран задрожал от безысходности.
— Во мне течет кровь Ши. Об этом говорят?
— О да. И об этом тоже.
Киран скрестил на груди руки.
— Они догадливы. Ты — моя правая рука, Барк. И не страшит тебя быть правой рукой Ши?
— То же было с моим отцом, — ответил Барк.
Киран удивленно взглянул на него.
— Он многое рассказывал мне, — продолжал Барк. — Разве ты не знал? Он служил Кервалену, а тому тоже сопутствовала удача, и он обладал Видением. Спроси у Ризи. В его горах о нем рассказывают много разного.
— Присматривай за Мев и Келли, — хрипло промолвил Киран. — Передай Ризи и Доналу — пускай следят за каждым их шагом. Постоянно.
— И это предупреждение Ши... господин, в жизни всегда полно опасностей. Или сейчас их стало больше, чем обычно?
Киран выдавил из себя смешок.
— Возможно, нам и сопутствовала удача. Но в дальнейшем она будет зависеть только от нас самих. Не забудь поговорить с Ризи и Доналом. Скажи... скажи, что я полагаюсь в этом деле на них, — смех оборвался. Он оглядел со стены свои владения, и краски их поблекли. Мгла опустилась на землю, и странный лес окружил его. Повсюду — к северу и западу лежала тень, а к югу и востоку он ничего не видел.
«Лиэслиа!» — воскликнул он в душе. Но лишь эхо откликнулось ему, да поступь лошади и приглушенный звук копыт. Но тени сгустились, мешая ему что-либо различить, и, завихряясь, окутывали холмы.
— Ризи и Донал не подведут тебя, — ответил Барк, не видевший того, что омрачало Кирана. — И я тоже буду за ними присматривать.
— Да, сделай милость, — он взглянул на Барка, отвлекаясь от того, что предстало перед его взором. Нащупав крепкое плечо Барка, он оперся на него.
— Господин, — пробормотал Барк и поклонился. Киран пошел прочь. Ему не нужно было преклонение, он нуждался в дружбе, в братстве, в чем-то давным-давно поте-

рянном. Но больше у него не было друзей, ни одного, кроме Бранвин, но даже между ними пролегла глубочайшая пропасть. Он служил своему королю, у него был здравствующий брат — но никто не хотел его видеть. Он как сава-ном был окружен туманом.

Так вот как уходили эльфы, рослый волшебный народ, Вина Ши. Грусть охватывала их, ибо они не подходили миру, и они начинали таять, с каждым поступком исчезая все больше. Смерть не могла прикоснуться к ним. Как к Лиэслиа, сердце которого он носил.

Такова была его участь. Он был один, и лишь несколько ярких звездочек освещало его жизнь — Бранвин, Мев и Келли, да то, что он в уповании своем называл дружбой, страшась предательства; но слишком большие надежды он возлагал на все это. Он чувствовал, как горит камень на его груди: он был обречен видеть, пока носит его, а все, что он видел, было безрадостным и безнадежным.

Черные голые деревья, выглядывавшие из мглы, уступили место еще более странному пейзажу — абрисам холмов, залитых светом эльфийской луны. Воды реки здесь были чисты, и Финела с легкостью перескочила их и ровной поступью пошла дальше. Здесь были изгороди из камня и жердей и аккуратные поля и пастбища, никогда не знавшие войны. У дальнего холма виднелся приземистый дом под раскидистым и сильным деревом; а рядом стоял амбар, сарай и прочие постройки, за которыми растянулся сад.

Это было жилище людей и в то же время нет. Это была обитель беглецов, и Арафель поехала чуть тише, как дуновение ветерка по камышу, и Финела неслась лишь со слабым рокотанием грома, который все замирал и замирал, пока и вовсе не прекратился, ибо Арафель нашептывала ей свои слова.

Эльфийская кобылица остановилась и, ступив в чистую воду, склонила голову и попила, ибо эти воды чистого Аргиада она могла пить. Камыши шептались под ветром. Цапля с величавым спокойствием взирала на них со стороны, казалось, ничему не удивляясь. И вдалеке прокричала сова.

— Пойдем, — прошептала Арафель, Финела изящно и бесшумно тронулась дальше. И если кто проснулся в до-

ме, решив, что приближается гроза, то снова улегся на подушку, подумав, что то ему пригрезилось. Финела бесшумными шагами меряла расстояние — она скользила как лунный свет вдоль берегов и вдоль изгородей, слегка потряхивая головой, ибо странным ей казались и изгороди, и строения, и срубленный лес у самой кромки Элда.

Когда они подъехали к амбару, оттуда выглянули две лошади с дрожащими ноздрями и глазами темными, как ночь, — пегая кобыла и толстый пони, смертнорожденные. Они смотрели, не осмеливаясь выйти. На сеновале кто-то захлопал крыльями, и снова все замерло.

— Граги, — тихо позвала Арафель.

Внутри послышалось слабое движение.

— Граги.

И снова тишина.

— Ты хочешь рассердить меня, Граги?

Имя было произнесено в третий раз. Он должен был прийти. Между ног пони и лошади метнулась косматая тень, ходячий стожок сена — коричневый человечек с глазами темнее тьмы.

— Слышу, — промолвил он. — Я слышу.

— Так я и думала. Неужто волнения в округе ускользнули от твоего внимания? Тебе так спокойно спится ночью?

Он сел на корточки, обхватив себя руками и вжав голову в плечи, словно хотел, чтобы ее вовсе не стало видно. Он дрожал.

— Я все видел, Дина Ши. Я стерегу, о, я стерегу, чтобы охранять своих людей. Я пробегаю по холмам. И я там видел зло. Я припугнул его, и оно бежало.

— Так, — это обрадовало ее, ибо каким бы маленьким и уродливым он ни был, его темные глаза свстались пониманием. Она легко спустилась на землю, и замерла, возвышаясь над ним, а потом, щадя его самолюбие, присела, как и он, так, чтобы ему было удобно смотреть ей в глаза. — Я должна попросить тебя о тайной вещи, Граги.

— Попросить, — повторил он, отшатнувшись. — Она говорит «попросить». Дина Ши обитает в глубоком мраке, в далеских местах. О, оставь в покое моих людей, эльф. Пусть они спокойно живут.

— Ты мне не веришь, маленький Ши?

Он вздрогнул еще сильнее.

— Я люблю их. Я буду сражаться, я буду.

— И вправду ты будешь, — ответила она, положив руки на колени и прямо глядя в его темные глаза. — Теплое местечко ты устроил здесь. Огородились изгородями. А знаешь, я была в гостях у людей.

Глаза Граги расширились от изумления, и он покачал головой.

— В их зале, — сказала Арафель.

Это уже превышало все. Граги замигал — сомнение все больше охватывало его.

— Эльфу нравятся мои изгороди.

— Я не говорила, что они мне нравятся, Граги! Я сказала, что прощаю их.

— Ах! Вот она, Дина Ши.

Она поднялась. И Граги снова отшатнулся и нахмурился.

— Ты смел, — заметила она. — И смелости в тебе не по росту. Я так и думала. А потому пришла к тебе. Послушаешь?

— Дина Ши говорит, что хочет, а Граги обязан выслушать.

— Было время... — начала она и невольно умолкла, потом попробовала продолжить. — Граги, я умоляю.

Волосы поползли вверх у Граги вместе с невидимыми бровями, открыв изумленные глаза. Граги выпрямился и сжал колени руками.

— Пожалуйста, эльф, только не против моих людей.

— За холмами есть двое детей — очень умные дети, на редкость умны и добры. К тому же вежливые. Они понравятся тебе. И их земля — она не так хороша, как твоя, но для людей очень ухожена. Я видела, как по вечерам они выставляют молоко и лепешки. Учтивый народ, даже если никто не принимает их даров. А дети — ты их узнаешь при первом же взгляде. Ты ни с кем их не перепутаешь.

— Но у меня есть своя земля, Дина Ши, свой хутор и свои люди, о которых я забочусь...

— От тебя потребуется очень мало внимания, лишь время от времени. Я не говорю, что ты должен выполнять их работу на полях; но тени подступили к ним совсем близко. Если время от времени ты будешь обращать на них свой взор или уделять им внимание... Это очень учтивый народ. Они будут признательны тебе за работу — так я

думаю, маленький Ши. А у меня есть свои дела. Но я знаю, что тени не станут шутить с тобой.

Граги наклонился вперед.

— Кто они тебе?

— Они мне дороги. Люди такие, какие есть, дороги мне. Я прошу, Граги. Вина Ши просит и надеется. Я знаю, что это не пустяк.

— Ты раскачала холмы, — укоризненно промолвило существо. — Ты выпустила их на волю. А теперь ты приходишь просить о помощи.

— Да.

Граги снова вздрогнул, глаза его закатились, и он застыл.

— Граги видит. О, я вижу, я вижу, я вижу тьму.

— Она близко, Граги?

Все его члены содрогнулись в конвульсии. Он забормотал, и постепенно это бормотание облеклось в слова.

*Черной-черной тьмой оно возлежит,
И горе тому, кто встретит его на пути;
Холодом жжет и живет в бессердечье своем,
И сердце ничье не сможет это вместить.*

Арафель вздрогнула и положила руку на шею Финеле.

— Я разгадала твою загадку. Лучше бы я этого не делала.

На мгновение, казалось, Граги лишился рассудка. Затем он начал приходить в чувство и, обхватив себя руками, снова принялся раскачиваться взад и вперед.

— Холодно, — жалобно проскулил он.

— Да, холодно. И в этом есть доля и моей вины. Я отвечаю за это. И все же — уважишь ли ты мою просьбу, Граги?

Он поднялся, еле доставая ей до пояса, и посмотрел на нее снизу вверх, а когда она, ухватившись за гриву Финелы, взлетела ей на спину, ему и вовсе пришлось задрать голову.

— Граги сделает, что сможет, — ответил он. — Я постараюсь. Я очень сильный.

— Маленький братишка, я не сомневаюсь в этом.

Глаза его блеснули.

— Я братишка?

— Братишка, — повторила она.

Он рассмеялся и побежал вприпрыжку вслед за лошадей, когда та тронулась с места. Но кобылица все уве-

личивала шаг, и загрохотал гром, и Граги отстал, не обладая такой скоростью. Вспыхнула молния, и под ветром вздохнули деревья. Граги остался позади, где вскоре должна была разразиться гроза, где уже лепетал дождь и ворочался гром.

Арафель неслась земными путями, не осмеливаясь вступить в иной мир. Впереди, на севере, действительно сгущалась тьма, в которой не было видно ни звезд, ни облаков, лишь мрак и все возрастающий холод.

Древними были эти холмы возле Донна, гораздо древнее людей. Там были узилища, но основания их поколебались, и то, что вырвалось на свободу, лишь временно вернулось туда в поисках приюта.

Более сильные духи просыпались медленнее, ибо их сковывали более крепкие узы, но кроме этого светлого места тьма повсюду сгущалась, предвещая зло. И Арафель не собиралась слепо бросаться на нее; сначала все надо было разузнать — как далеко она распространилась, и что объяла, и чем вооружена. Она могла бы скрыться ненадолго в Элде, но тьма могла прорваться и туда.

«Бессердечной» назвал ее Граги в своем полубезумном бормотании, но это было очень верным именем, как она ощущала, таким же верным, как любое другое.

V. Послание

Он спал, хоть и урывками, и Бранвин была рядом, но большую часть ночи он лежал без сна, сжимая камень, помня о нем постоянно, хоть и не пользуясь им.

Драконы шевелились в его видениях, и сверкали копья и эльфийские доспехи — древние войны.

Лицо, по-эльфийски прекрасное, мелькало рядом: «князь эльфов», — шептали тени, пугаясь его лучезарности. «Лиэслиа», — промолвил Киран, но это был только сон. С тех пор прошли многие годы — их было столько, сколько листьев в лесу и дождевых капель в грозу. Земля миновала пору своей юности с тех пор, как он впервые ступил на нее — брат безвозрастной Арафели.

Но когда взглянул, действительно взглянул сквозь камень на то, что окружало их, видение его было серым и странным, и ему показалось, что он заблудился среди де-

ревьев, совсем не похожих на те, что он знал. Он вспомнил тьму, сгустившуюся среди холмов и заслонившую от него море, и все же тревога пронизывала его и мысль о силе, способной заглушить камень.

Сила Арафели? — гадал он. Но она была темной в отличие от ее созданий, и страх не походил на тот восторженный ужас, который он испытывал перед ней. Есть ли у нее темный лик? А может он был у Лиэслиа? И от чего может померкнуть камень? Арафель, что мне с ним делать?

«Для защиты, — сказала она. — Я не прошу, чтобы ты пользовался им. Только чтоб у тебя оставался выбор».

Неужто час его пришел? Или я всего лишь увидел, что тайлось за нашим покоем и миром все эти годы?

«Не ходи в Элд», — сказала она, и он верил ей и не позволял себе думать о нем эти серые неверные часы, когда разделявшая их пелена истончалась. «Я не иду к тебе». И снова: «Вправду ли я отсутствую здесь, когда уйду туда? Или лишь грежу?» И мысль об испуге Бранвин, если она проснется и застанет его растаявшим, заставляла его сопротивляться не меньше, чем приказ Арафели.

А когда рассвело, он сделал вид, что проснулся, и улыбнулся своей жене, и поцеловал ее, а за прорезью окна пели птицы, и на них струился нежный влажный свет, ибо была весна, и они укрылись одеялами, но свежий воздух бодрил, и они уже не пользовались ставнями, которые закрывали на зиму.

— Им все нипочем, — сказал он о птицах. — Послушай, как они поют сегодня утром.

— Ты отдохнул? — спросила она, изучающе глядя ему в лицо.

— О да, — он не хотел ей лгать, и все же сделал это.

Он улыбался на протяжении всего завтрака...

— Мы сегодня поедем? — спросил Келли.

— Замолчи, — резко оборвала его Бранвин. — Нет, вы не поедете. Оставь в покое своего отца.

И Келли тут же умолк, что было так на него непохоже; и Мев дернула брата за рукав и ничем не показала, что слышала его вопрос.

И отчаяние охватило его, но он взъерошил Келли волосы и сделал вид, что ничего не произошло.

— Посмотрим, — ответил он. — Ведь все в порядке, не так ли?

— О да, — поспешно ответила Мев, широко раскрыв глаза, уж слишком поспешно.

— Да, — согласился Келли.

Так они все выучились лгать. «Это не так» — рвалось у него с языка, но он сдержался, только чтобы не нарушить мир и желая лишь одного, чтобы дети чем-нибудь провинились или начали вертеться на своих местах, или спотыкаться из-за масла, как это бывало в другие дни.

И все же он продолжал улыбаться, несмотря на свою усталость, усталость слишком большую, чтобы у него достало сил ссориться с дорогими его сердцу людьми. Его лишь встревожил его готовый вспыхнуть гнев, но он загнал его вглубь и продолжал есть свой завтрак, хоть чрево и не желало принимать пищу, и поглядывал на нахмурившуюся Бранвин, которая беседовала с детьми о том о сём и отдавала им распоряжения, а они лишь послушно соглашались опять-таки с несвойственной им покорностью. «О, лиши меня этого», — взмолился он, не думая ни об их, ни о своих грядущих днях. Он малодушно поддался мгновению, как раненый навывлет отдается своей ране. Киран поставил свою чашу.

— У меня дела, — промолвил он и поднялся, и все тут же уставились на него, даже Мурна, присутствовавшая в этом семейном кругу за столом. Она смотрела детскими глазами такими огромными, что, казалось, бледное лицо ее исчезло, и вид ее показался странным ему. Неужто даже Мурна так хорошо все понимала про него? И Бранвин, и дети...

— У меня дела, — повторил он.

Молчание проводило его. Он с шумом спустился по лестнице и миновал оружейную, в которой, как пустые чешуйки жуков, висели доспехи, где пахло маслом и войной, и близость железа наполняла его члены зудящей истомой.

Он вышел на чистый воздух, на стену, на солнце и поднял к нему лицо, закрыв глаза, пока недомогание от соприкосновения с железом не покинуло его.

«Лисслиа!» — позвал он, не осмеливаясь обратиться к Арафели. Но ответа все не было. Камень бесчувственно давил ему на сердце, и он ощущал лишь тепло солнца и свежесть ветра.

Он вздохнул и открыл глаза, и снова вздохнул, и начал спускаться по каменным ступеням во двор.

На улице ему стало легче. Он улыбался пажам и кузнецу, готовившемуся к своему ежедневному труду у кузни рядом с внутренней стеной среди переплетений и обрубков железа. Кузню он обошел, слегка отклонившись от своего ежедневного маршрута.

Юноши расступались с молчаливой почтительностью, когда он проходил мимо них. Это были крестьянские сыновья, явившиеся по его зову: Роан учил их обращению с оружием — с мечом, щитом и луком. Лук был против диких зверей; щит и меч — против разбойников, приходивших из Браххита в лес на востоке... ибо там по-прежнему встречались разбойники. Так заставлял хранить свою землю Кервален; так охранял ее Эвальд; так поступал и Киран, не держа в замке крупные силы: воинов у него было меньше сотни, и число их не намного превышало количество ремесленников. И все это были сыновья и братья свободных землевладельцев, ибо он с готовностью раздавал земли Кер Велла, за исключением полей и пастбищ, прилегавших к самым стенам замка. Но даже с самых дальних хуторов юноши с готовностью съезжались учиться военному делу. Так было всегда в Кер Велле. Король с подозрением относился к этому. Но земля была усеяна мечами со времен войны; не было фермера, который не похвалялся бы, что поля его блестят от железа; а луки хранились против волков, хотя давно их уже никто не видел. Люди Кер Велла явились на борьбу за Дан-на-Хейвин не так, как некоторые — с копьями в неумелых руках; но стройными рядами со щитами и заточенными мечами — тысяча клинков вспыхнула по первому призыву Эвальда там, где вчера еще были мир и покой. Таков был Кер Велл. Ан Бег восседает на своих холмах как разбойничий притон, питаясь трудом многочисленных рабов, которыми правят мелкие хозяева, один жестокосерднее другого. И в Кер Даве обычай такой же — все вызывает там недоверие, а более всего — собственный люд. Ничего доброго не могло возрасти на таких землях — ни добрых господ, ни добрых фермеров, которые порой бросали своих овец и бежали прочь. Некоторых из них принимал Кер Велл — отчаявшихся и не помышляющих о спасении, выросших среди лжи и

плутовства и не знающих ничего другого. Обычно из них ничего не получалось. Для некоторых судьба складывалась еще хуже. Как с Калли, который прислуживал на кухне. Были подозрения, что Калли воровал. Так думала кухарка. Калли был несведущ в военном деле; и это, может, было и к лучшему. Он всегда был утрюм.

Барк советовал отослать его прочь. Но Киран не мог найти для этого подходящей причины, кроме той, что Калли не любили. Калли делал свое дело. Он попросил было землю, но, когда Киран дал ему пустоши на северо-востоке, на границе с Новым лесом, которые предлагали другим, тот отказался, сославшись на опасность. И так он остался прислуживать в замке: слоняясь там и сям, жестокий со скотом и любой живой тварью, так что ему поручали убивать кур: по крайней мере это, по словам кухарки, он делал хорошо. И не было в замке ни одного, кто не испытывал бы к нему отвращения.

— Доброе утро, господин, — промолвил Калли с типичной для него улыбкой, ибо он умел открывать рот там, где крестьянские парни всего лишь кивали, проходя мимо. Калли доставал воду из колодца под навесом кухни и, подняв ведро, утер пот со лба, чувствуя, что за его работой наблюдают. Киран остановился и рассеянно взглянул на него, стоявшего среди служанок, мывших посуду; и вода, брызжа, лилась на камни, откуда стекалась в канаву, убежавшую под стены. Тут же был амбар и загон для скота, хотя большую часть животных они держали за стенами замка; дальше располагались конюшни и сараи с упряжью, и Старый замок — древнейшая часть Кер Велла, стена которого теперь ограждала кухню и колодец; теперь его использовали как склад старой сбруи, того и сего; а в старом амбаре теперь жили воины; а старая казарма под башней Кервалена, что высилась у самых ворот, теперь служила жилищем для прислуги. А сама башня Кервалена, укреплявшая ворота, содержала в своих глубинах оружейную, находившуюся в распоряжении Барка, где он мог позволить себе ту толику роскоши, о которой мечтал. У него не было жены и не было ребенка, лишь молоденькая вдовушка в Лоуберне, которую он посещал время от времени, осыпая богатыми дарами. Обычно же он ухаживал за кухаркой — дородной, круглолицей женщиной, которая спу-

скалась вниз точно так же, как Барк влезал на круп лошади — раздавая четкие распоряжения.

— Калли! — теперь кричала кухарка. — Калли!

И чужак, ссутулившись, понес свое всдро.

— Господин, — подходя, обратился к нему Роан — жизнерадостный человек с лицом простака, что нередко вводило врагов в заблуждение на их горе. — Юноши хотели поохотиться, если ты согласишься отпустить их.

Киран моргнул и, внутренне содрогнувшись, заправил руки за ремень. Роан стоял перед ним, а за его спиной виднелись казармы и двор, с которого доносились ритмичные удары боя.

— А есть необходимость? — спросил Киран.

— Остались только кости. А если мой господин захочет поехать сам...

— Нет. Я не поеду. Может, Ризи. Он стосковался по учениям. Донал. Спроси Донала.

— Да, мой господин, — и Роан слегка нахмурился. — Что-нибудь случилось, господин?

— Ничего, — ответил Киран. — Нет, ничего, — и он двинулся прочь, по лестнице, шедшей вдоль кухни, в кладовые, где он мог остаться один, и, отыскав скамью, лишь частично заваленную горшками, он опустился на нее в крохотном закутке у окна. Сложив горшки на пол, он вытянулся во всю длину, наконец отыскав покойное место.

Так он поступал в детстве, отыскивая в Кер Донне себе какой-нибудь закоулок. Он сжал в руке камень, а потом поднес его к губам и попытался забыться сном, в котором ему отказывала ночь, в этом тихом полумраке, вдали от железа и дворового шума. Здесь, как ему казалось, бояться было нечего. Здесь, что бы ни случилось во время его сна, произойдет без свидетелей, и если ему будут сниться сны, он может не бояться за Бранвин.

И так он отдался на волю волн.

— Человек, — промолвила госпожа Смерть, устраиваясь поближе на груде горшков, которые с легкостью выдерживали ее вес, — неужто то господин Кер Велла спит здесь, как кухонный мальчик?

— Оставь меня, — ответил он, — дай мне покой.

— Ах, этого я не могу. Я не властна над тобой.

— Друг мой, — тихо промолвил Киран, не шевелясь, — го-

лова его покоилась на закинутых назад руках, одна нога стояла на полу, ибо скамья была узкой. — Зачем ты пришла сюда?

Она не ответила. Стены расплылись туманом, и тревога охватила его. Это было то, чего он страшился, — владения сна, в котором эльфийские деревья вздымались как белые колонны какого-то зала, а пейзаж был холодным и серым. Он отшатнулся прочь, снова очнувшись в своем закутке в одиночестве на неудобной скамье.

Камень и прежде доставлял ему беспокойство, когда он носил его в юности. Но железо раньше не причиняло ему такой боли. Тогда он облачался в доспехи, держа его на груди, а боль и вполтину не была такой сильной. «Это — годы», — подумал он. И старые раны его заныли. Зачастую зимой он прихрамывал по утрам. «Когда-то я мог спать на голых камнях, не испытывая никаких неудобств».

Нервы его были напряжены. Он заметил, что кулаки сжаты, и он усилием воли разжал их. Если бы он мог снять камень с шеи, возможно, ему бы удалось немного отдохнуть. Он не мог устоять перед искушением, как с ним было когда-то в одном из первых сражений, когда на рассвете он лежал в примороженной осенней чащобе, ожидая нападения, и ему пришло в голову, что он может остаться здесь насовсем, пока другие будут прорываться вперед, ибо его охватил такой пронзительный внезапный страх, что он был почти уверен, что умрет в этот день. Но когда прогудел рог, его тело само вскочило, и он рванулся вперед, усыпляя себя ложью, что у него остается выбор. Тогда-то он и понял, что людям кажется, что у них есть выбор, когда на самом деле его нет, и что часто они утешают себя ложью в тяжелые предутренние часы. Поэтому он мог думать о том, чтобы снять камень, но знал, что рука его откажется ему повиноваться, ибо он обещал носить его и не мог поступить иначе.

«Лиэслиа!» — воскликнул он в душе, и вдруг камень откликнулся ему почти позабытым звуком: море и волны, набегающие на берег, и чайки, кричащие, как потерявшие детей.

«Неужто камень помнит? Или то лишь мои фантазии? И обладал ли он когда живым голосом? По крайней мере, она считала, что да».

И вновь наступила тишина. Все потемнело, и он, вздрогнув, проснулся, поняв хотя бы, что спал и что ему недостаточно этого ненадежного отдыха. Он снова смежил веки, ибо какой-то звук донесся до него, но то была лишь возня внизу, какой-то шум на кухне.

Он вздохнул, снова оказавшись дома. Он спал на сеновале в Кер Донне рядом с Донкадом, и вот-вот их должна была позвать мать к завтраку, к их большому столу, за который усаживались все. И сестра его была снова живой. Он слышал ее голос — ему казалось, что он слышит его так, как никогда не удавалось наяву; и если бы он мог проснуться и спуститься, он встретил бы их всех живыми в этом драгоценном сне — сестру и мать, и отца, хоть все они были давно мертвы.

«Отец, — сказал бы он, — ты не давал мне объяснить...» — и отец бы опустился в высокое резное кресло у очага, и огромный старый волкодав положил бы морду к нему на колени, и отец стал бы слушать с отсутствующим видом, как он слушал всегда, когда голова его была занята своими мыслями. «Выслушай мальчика, — сказала бы мать, становясь на его сторону, как всегда. — Он ведь твой сын».

Отец поднял голову и нахмурился, нарушая течение сна. И Киран отступил, выбирая другой эпизод.

«Как ты оказался здесь?» — спросила его мать, ведь она не могла видеть коня, стоявшего на улице, как никто не мог его видеть, кто не умел: Аодан было ему имя, и он принес его домой точно так же, как носил на войну.

«Я не могу остаться надолго», — промолвил он, ощущая камень на своей шее; но он стоял в верхнем зале Кер Донна, где каждая мелочь казалась бесценной ему — деревянные стены, тогда как в Кер Велле они были сделаны из серого камня, и тонкая резьба скамей, ибо люд Донна всегда был умел и искусен. «О, мама, там была битва. И король победил. А я ненадолго вернулся домой».

А отца и брата он встретил лишь потом, и они ушли прочь, увидев, каким он стал, во что он превратился. Но холмы вокруг Донна хранили древние камни, ибо эльфы называли его Кер Ри, и во всех них текла эльфийская кровь, и все они были странными и непохожими на других людей.

«А твой отец? — спрашивала мать, — и брат твой, и дядя?»

«С отцом и Донкадом все в порядке, — отвечал он. — Но Одрин погиб при Дан-на-Хейвине, а Риган — при Кер Бане; а также Ронан и Хаген...»

«Все мертвы?»

«Да. Мертвы», — он опустилсЯ в кресло, которое так хорошо помнил. «У нас есть эль?»

И она принесла ему эля: в реальности на то потребовалось бы много суеты, но в его сне все произошло мгновенно, и она села рядом и спросила, когда вернутся его отец и Донкад.

«Скоро, — ответил он, — очень скоро», наслаждаясь тем малым временем, что ему оставалось. Он останется на ужин. Он сделает это. Он пробудет здесь до тех пор, пока не вернутся его отец и брат сообщить ей, что он погиб, и растает лишь тогда, когда увидит, как они въезжают в ворота.

Но он не пробыл и часа. Вопросы становились невыносимыми, и реальность дома слишком гнетущей, когда мать настаивала на ответах, сердилась и печалилась.

И он выбежал вон, лишь тогда поняв, как он ошибся и что ему не следовало и вовсе приезжать.

Он скакал на коне и снова был мальчишкой, и рядом ехал Донкад: они мчались по вереску и вскарабкивались на древние камни, оставив внизу пастись своих пони.

«Это — проклятое место, — говорил Донкад. Он станет высоким, худым и темноволосым, ибо родился от первой жены отца; в детстве же он был долговязым, и волосы всегда падали ему на глаза. — Не побоишься?»

И, конечно же, он не побоялся. В те дни он не знал страха. Они стояли над миром, как короли, он и его брат, плечом к плечу, и смотрели с вершины на близлежащие горы.

И потом, в Дан-на-Хейвине они стояли, глядя друг другу в глаза, среди груды убитых.

«Берегись», — сказал ему брат. И мотыльки сторали в факелах, освещавших палатку короля, и погибшие воины громоздились друг на друге.

«Киран, берегись».

И туман опустился на знакомые холмы; но Кер Донн стоял как всегда на вершине холма, окруженный холмами, ибо его достоянием были овцы, и отары продолжали

настись вокруг; но теперь земля засохла и потемнела, как зимой, и из голых холмов проступили обнаженные кости древних резных камней.

Раньше так не было. И со страхом он вошел в замок и с ослепительной стремительностью сна оказался в верхнем зале, где стояли знакомые кресла и брат спал перед очагом точно так же, как он спал перед сотней костров — откинув голову, так что огонь светил ему в лицо.

«Проснись», — сказал он Донкаду.

И он ощутил угрозу, какую встречал лишь в самых темных углах Элда, а порой среди скал.

И они снова мальчиками стояли на холме, и что-то зашевелилось под их ногами, возмущенное их смехом и юностью.

Оно вползло и свернулось в темных закоулках замка, и никого не стало. Слуги забыли о преданности. И лишь брат его в одиночестве спал, а опасность все нарастала — он видел, как тень подбирается ближе.

«Донкад, проснись».

Но проснулся он сам, чуть не упав со скамьи, он едва удержался за нее руками.

Кто-то поднимался по внешней лестнице. На мгновение ему показалось, что он и вправду в Донне, и сердце его болезненно забилося. Он замер, и звук шагов начал удаляться, растворившись в шуме кухни.

Он сел и закрыл лицо руками, а потом завел их себе за голову.

Снова послышались шаги, и дверь распахнулась. И на пороге появился человек, блестя железом.

— Господин? Господин Киран, это ты?

— Ризи. Слава богам, — в первое мгновение он испугался нападения, и только потом понял, что он в своем замке, а это всего лишь Ризи, чья сухонарая фигура и темные волосы странно соединились с братом из его сна. Киран встал.

— Неужто человек не может побыть один?

— Господин Киран, весь замок сбился с ног в поисках тебя. Можно я... скажу Барку, что ты здесь?

Киран горько рассмеялся, выслушав Ризи.

— И Бранвин тоже ищет меня?

— Она и приказала: одни думали, что ты там, другие —

здесь, а потом посланные на поиски вернулись, так и не найдя тебя... господин Киран, все ли с тобой хорошо?

— Не говори ей, где я спал, — попросил Киран. — Я глаз не сомкнул прошлую ночь, — он подошел к двери, закрыл ее, и они очутились в непроглядной тьме, если не считать узкого луча света, лившегося сверху через щель окна. — Она не очень тревожилась?

— Нет, она считала, что ты уехал на охоту, и жалела, что ты так поступил.

— Значит ты был на охоте?

— Нет. Только Роан.

— И удачно?

— До тех пор, пока они не вернулись и их не засыпали вопросами. Господин, ты мог лечь в мою постель.

Киран ничего не ответил, но вышел из каморки, отдавшись на милость солнечного света. Он протер глаза и двинулся через двор, стараясь не глядеть на людей, которые с суровым видом глазели на него и Ризи, понимая, что он нашелся.

Посредине двора их встретил Барк.

— Не было причин для тревоги, — промолвил Киран и добавил, заметив Бранвин, стоявшую на стене: — Вы все мои телохранители?

Это прозвучало незаслуженно резко. Он поднялся на стену и протянул руку Бранвин, уже устыдившись своих слов и не зная, как их исправить.

— Я был в кладовой и заснул, — сказал он ей, решив, что лучше всего говорить правду, и пожалев о своей откровенности с Ризи.

— Ах, — выдохнула она так спокойно, словно это не имело для нее никакого значения, и перехватила его руку, положив свою поверх его.

Но кто-то все же проболтался, или Бранвин умела читать в его сердце лучше, чем он думал, ибо вечером у его кровати стояла чапа с поссетом.

— Ты должен выпить это, — сказала она. — Это поможет тебе уснуть.

Он не хотел. Это было поражением; он больше доверял собственному сердцу. Шальная мысль пришла ему в голову.

— Если ты снимешь с меня камень, если ты решишься на это, ты причинишь мне вред, — промолвил он.

— Я не верю этому.

И тогда на него навалилась такая усталость, что слезы выступили у него на глазах.

— Не делай этого, Бранвин. Дай мне чашу.

Она протянула ее, и он начал пить: она подсластила напиток медом. Затем он лег, и она задула свет и устроилась рядом с ним, долго прислушиваясь к его дыханию.

— Ты спишь? — чуть слышно прошептала она.

Похоже он спал, и камень оказался бессильным противостать чаше, поднесенной ею.

Но долго она еще лежала без сна, как и в предыдущую ночь, делая вид, что спит, и обида грызла ее, что он обманул ее, догадавшись о ее намерении.

Так с ним было всегда: как ни прост он был, он знал ее сердце.

Эльфийское солнце должно было вот-вот взойти, но сумрак еще держался, ибо здесь не было звезд, и пейзаж, в котором то виднелись, то исчезали неверные силуэты деревьев, было все труднее и труднее вспомнить, словно сама земля не могла отличить истинное от ложного, и сейчас от тогда. Ветер, волновавший траву, приносил шипящий сухой шелест, а склоны холмов были покрыты пылью с редкими заплатами камней.

Здесь было зло, оно пряталось где-то в холмах. Арафель устало искала его, и поиски эти были слишком тщательны несмотря на то, что эта земля принадлежала ей.

Там были люди. Она видела дома, но они ни в какое сравнение не шли с Кер Веллом — грубо отесанные лачуги на каменистых высотах, неухоженные, а многие и необитаемые, словно и люди испытывали к ним отвращение. Время от времени она встречала овец и собак, но они мало интересовали ее.

У самой кромки тьмы ей встретился ручей, но Финела, фыркнув, отвернулась от него и топнула ногой, что прогремело как гром в ночи, отозвавшись эхом среди холмов. Что-то всплеснуло и поплыло прочь.

— Фиатас, — промолвила Арафель и услышала, что звуки замерли. — Я не в ссоре с тобой, фиатас, — прошептала она в пустоту. — Где твои братья?

— Дина Ши, — донеслось бульканье из черной воды, — они уплыли туда, сквозь паутину вод. Отпусти нас. Мы не приносим вреда.

— Твое имя — Ненависть.

Послышался легкий смех.

— Так и вас называют народом мира люди, но это имя не имеет власти над вами. Ненависть мы и Зло для людей, но этим именем не свяжешь нас.

— Выходи. Я знаю твое имя. Сказать его ветру и воде, и всем, кто услышит?

В зеленых ветвях над водой послышалось шуршание и тяжелое, громкое дыхание. Черная лошадь возникла перед ними, и Финела прижала уши и оскалилась, осев на задние ноги.

— Нет, — приказала Арафель. — Я хочу видеть тебя в человеческом обличье, пука.

Лошадь растаяла, и на ее месте возник темноволосый юноша, облаченный в тень. Лицо его было угрюмо, и он обнимал себя руками, словно замерз.

— Дина Ши явилась называть имена, — промолвил он. — Но верни мне назад мою реку, Дина Ши, — тяжелая нижняя челюсть придавала ему еще более хмурый вид; густые черные волосы ниспадали ему на плечи, закрывая почти все лицо, кроме глаз, горевших, словно уголья, из тьмы. — Ветер холодный.

— Вода еще холоднее, пука. Я честно спрашиваю: что бродит здесь в округе и как ему имя?

— Знай, я бы сам связал его именем, — промолвил пука и передернулся от переполнявшей его гордости. — А оно знает мое, Дина Ши. О, отпусти меня. Входит солнце, а я не люблю дневного света.

— Из какого оно рода, пука?

— Из твоего, — ответил пука и снова вздрогнул. — А теперь отпусти меня.

— Нет, пука, — промолвила она, добившись от него ответа, которого больше всего боялась. — Где оно обитает?

Он указал на север, за холмы, и рука его затряслась как в лихорадке. Он начал таять.

— Шиэ, — назвала она его по имени.

И лицо, горестное и искаженное, снова прояснилось.

— Я дал тебе то, о чем ты просила, Дина Ши. Но ты всегда была жестока.

— Нет. Я лишь прошу: отведи меня туда. Я не приказываю.

Юноша откинул голову и с безумным взором уставился на нее сквозь пряди упавших на лицо волос. Бледные ноздри его трепетали в странном предутреннем свете.

— Я привязан к этому месту. Такая мудрая Ши должна была бы знать это.

— А где твоя душа, Шиэ? — чуть слышно промолвила Арафель.

Теперь его глаза загорелись страхом, и он еще крепче обнял себя едва видимыми руками.

— Покажи мне, — продолжала она, — Шиэ, Шиэ, Шиэ.

Он исчез. Забурлили воды и зашептались камыши в предрассветном ветре. Он вынырнул обратно, держа на ладони маленький гладкий камушек. Глаза все так же горели безумным блеском.

Она соскользнула со спины Финелы, подошла к нему и взяла эту маленькую и простую вещицу, столь непохожую на ту, что висела на ее шее, как летняя луна, но столь дорогую для него. Если б глаза его не горели, они источили бы слезы или мольбы, но они не были способны на это.

Камень согрелся в ее руке. Он впитал в себя пламя, буждавшее в ней, и тогда она вновь отдала его.

— Будь свободен, Шиэ, — промолвила Арафель. — Заговор снят.

Тень взметнулась, как крик, как мрак, всполох гривы и глаз, горящих огнем. И воздух запах безумием, и одним скачком тень перелетела через поток.

Финела оскалилась и прижалась к Арафели.

— Пойдем, — сказала Арафель, беря Финелу за гриву. — Это — Шиэ, князь среди своего народа, и он укажет нам путь.

Эльфийская кобылица вскинула голову и затрясла ею, сея раскаты грома, но Арафель легко вспрыгнула ей на спину, и та двинулась вслед за тенью, мелькавшей перед ними в запоздалом рассвете.

Свет забрезжил среди клубящегося тумана, неверный отблеск, терявшийся среди стволов деревьев, которых не было в людском мире: она могла бы двигаться быстрее, но с меньшей уверенностью, а ей не хотелось рисковать перед лицом опасности.

Пука то шел шагом, то останавливался, то вновь пускался дальше, встряхивая гривой: он был обречен на мол-

чание, чтобы не потерять свою душу, которую держал во рту, принимая свой истинный облик. Но когда свет разогнал мглу и в окружающем мире проступили краски, когда солнце обрушилось на них и они подошли к границе деревьев, Шиэ остановился и, приняв иной облик, выплюнул душу в ладонь.

— Там, — неуверенно произнес он, указывая левой рукой за лес, где на склонах вздымались странные изрезанные скалы, похожие на челюсть с недостающими зубами.

— Дун Гол, — промолвила она, невольно содрогнувшись, ибо его уже не должно было быть на земле. Она бросила на Шиэ скупой взгляд. — Это ты нашел это место?

— Не я, — ответил пука. — Я бы не смог. — Он вздрогнул не то из-за недостатка солнечного тепла, не то из-за его избытка. — Но воды, текущие отсюда горьки и имеют привкус ненависти. А теперь уходи, уходи отсюда. Возвращайся в свои леса. Здесь нет добра, а скалы еще опаснее.

— Это — дроу, — промолвила она. — Вот кто проснулся.

— Не говори здесь этого, — зашипел Шиэ, и глаза его, хоть и тускло на дневном свете, снова вспыхнули. Он дрожа обхватил себя руками. — Довольно, довольно, пойдем отсюда.

Она погладила Финелу по шее и почувствовала, как та дрожит.

— Она останется со мной, пука. Иди. Я освободила тебя. Иди, куда хочешь, ты мне больше не нужен.

Тот был горд, но страх пересиливал гордость. Он повернулся и снова положил свою душу в рот — и черная лошадь возникла перед нею, смотрящая на вершину Дун Гола, с дрожащими от неприязни ноздрями.

А потом она побежала, метнувшись тенью в полумрак.

Финела двинулась вперед, теперь очень медленно, едва ступая по загрязненной почве.

Эльфы гибли здесь и до, и после войны. Но это место покинуло мир, ушло в небытие вместе со своими камнями и воспоминаниями, хоть и располагалось так близко к тому, что люди называли Кер Донном. Что-то вернуло его к жизни, и более того, отсюда расползлась странность. Поэтому сюда и вернулись деревья, погибшие в Элде, ибо это место помнило их.

И оно помнило поражение. Таков был Дун Гол, Гора Слез — она высилась над сошедшимися войсками, которые погибли здесь до скончания мира.

VI. Об изгородах и беглецах

Киран проспал завтрак и проснулся, когда солнце уже било в окно, и Бранвин рядом не было. Нащупав молчаливый камень на своем месте, он остался лежать с закрытыми глазами, ибо тишина была столь приятна ему. Но наконец он собрался с духом и оделся, и спустился, отдохнувший за ночь и с более просветленным взглядом на будущее.

В зале никого не было: замок кипел своими дневными заботами. Но служанка, заметив его, заспешила прочь, и вскоре вошла Бранвин, благоухающая солнечным светом и с надеждой в глазах. Руки у нее были в пыли, и она отерла их о платье.

— Ты крепко спал? — спросила она, словно это утро ничем не отличалось от других, и поцеловала его в губы; он обнял ее, уткнувшись в ее пропахшие солнцем волосы, и подумал, что ничего прекраснее он еще не вдыхал.

— О да.

Она отстранилась, чтобы взглянуть на него.

— Клянусь. Я прекрасно спал, — и он слегка улыбнулся, устало, но искренне, хотя мог и сфальшивить. — Видишь, в камне мир и покой. Я знал, что они придут, — и он снова прижал ее к сердцу. — Видение обрушилось на меня слишком стремительно, и сразу я не смог его перенести; возможно, из-за того, что камень так долго висел без пользы и только узнал меня — но теперь все успокоилось. Все успокоилось. Он больше не причиняет мне страданий.

Она могла привести и другие доводы. Он ждал их, но она сочла, наверное, что мир и так слишком хрупок, и начала отряхивать с него пыль, которой запачкала его, и поправлять воротник, словно он был ребенком, за которым надо было присматривать.

— Мев и Келли полют огород; я решила, что им надо побыть на солнце. С ними Мурна. Я сейчас прикажу кухарке прислать тебе завтрак. Был Шон: безухая овца сегодня утром принесла ягненка, и дети бегали смотреть.

Барк где-то здесь: лошади сломали северную изгородь сегодня ночью и забрели на поле с репой; но сейчас почти всех уже отловили.

Он нахмурился.

— Пожалуй, я пойду.

— Сначала позавтракай.

Он улыбнулся и поцеловал ее в лоб на ходу: его тревожили поля, но он и рад был тому, что можно заняться привычным делом, не требовавшим ни оружия, ни смелости; разве что надо выяснить, где прорвались разбуянившиеся кобылы, и не передрались ли они с жеребцом в его стойле, а если так, то там все разнесено в щепы и придется звать плотника.

Ему вывели оседланного мерина, и он выехал за ворота, двинувшись к северу вдоль высокой изгороди, которой было обнесено пастбище. В самом конце ее он заметил всадника на горизонте и поскакал за ним.

— Все на месте кроме Белоноски, — сказал Барк. — Я отправил мальчиков прочесывать берег реки.

— Эта кобыла никогда не была гуленой, — заметил Киран. Скорее такого он мог ожидать от Непоседы, которая вечно была заводилой во всех неприятностях.

— Наверное, ей стало стыдно, — предположил Барк, — совести-то у нее побольше, чем у остальных, вот она и убежала.

— А где был пролом?

Барк нахмурился и указал на север.

— Там, у деревьев.

Киран нахмурился тоже. Значит, не у новых полей, а там, где выход на пустошь. Это не было похоже на лошадей.

— Непоседу, верно, вновь обуяла жажда свободы теперь по весне, — рассудил он, — и она повела остальных. Поедем туда и посмотрим.

И они поехали, и смотреть там особенно было не на что, разве что несколько мальчиков укрепляли изгородь, снова устанавливая камни и прибивая жерди. Земля была истоптана лошадиными копытами во всех направлениях.

Киран покачал головой. Здесь нельзя было различить следов никакой отдельной лошади. И они двинулись в обратный путь по дороге, шедшей вдоль берега.

— Я думаю, стража должна была видеть их с ворот, если они вышли отсюда, — промолвил Киран.

— Я думаю, в конце концов она обнаружится на хуторе Гера, — ответил Барк, — если она ушла на север. Или стража не разглядела ее во тьме, или она ушла дальше остальных. Можно послать туда мальчика. Но по сухой земле ее трудно будет выследить.

Киран закрыл глаза. «Если я одарен Видением, — подумал он, — неужто я не могу найти одну отбившуюся кобылу?» Но вокруг по-прежнему был лишь один туман; и вдруг мороз пробежал по его коже, да так, что он резко натянул поводья.

— Господин? — спросил Барк.

Мерин развернулся, влекомый поводьями, продолжая пятиться назад — так сильно потянул Киран. «Донкад», — промолвил Киран, ибо снова его охватила та мгла, которую он ощутил накануне, когда ему снился брат.

— Что-нибудь случилось, мой господин?

Голос Барка долетел до него сквозь туман и деревья, которым не должно было тут стоять, и он вернулся на землю, которую знал, вновь ощутив тепло солнца.

— Что-то плохое?

— Плохое, — откликнулся он во власти предчувствий, так что пропажа кобылы вдруг стала неважной, и он вспомнил сон, снившийся ему ночью, о холме рядом с Кер Донном.

— Я позову людей, — сказал Барк.

— Нет, — резко ответил Киран, приходя в себя и глядя на покрасневшее лицо Барка. — Тут ничем не поможешь. Это не связано с кобылой.

И он снова развернул лошадь. И они вновь тронулись в путь вдоль реки, временами даже съезжая с дороги, чтобы приблизиться к самому краю Керберна; и владения Элда слабо шелестели на ветру, и вода булькала среди камышей, насмешливо отвечая им молчанием. Он больше не стал обращаться к камню. Нельзя было пользоваться им для такой ерунды; он был дан ему не для поисков пропавших кобыл, но доверен, как бесценнейший дар Ши, а он хотел, чтобы тот служил ему как взятый взаймы молоток или шило. «Будет лучше, — решил он, — если он и вовсе забудет о нем, зажмет свое сердце, чтобы оно не откликалось на шепот листьев,

чтобы воды не казались ему живыми и он не чувствовал сотни крохотных глаз, наблюдающих за ними из чащи».

Здесь веяло тревогой. И его мерин, и лошадь Барка волновались, и он подумал, что ни одной живой твари не может понравиться это место, и они напрасно тратят время и силы, ибо Белоноска никогда бы не пошла сюда.

— Поедем назад, — промолвил он наконец. — Пошли на хутор Гера — может, она объявится там, может, о ней расскажет пони хозяина.

— Так я и думал, — ответил Барк.

И так они вернулись обратно, нигде не встретив следов Белоноски, что несколько ухудшило радостное настроение Кирана. Это была добрая кобыла, одна из лучших, возвращенная в течение двух поколений из лучших пород лошадей Кер Велла.

— Может, — сказал Донал, который тоже выезжал на поиски, а теперь стоял у конюшен, разгоряченный и расстроенный, как и они, как и Ризи, который выглядел не лучше, — может, господин, она ушла на запад.

К западу лежали земли Ан Бега, и эта мысль тоже мучила его, ибо он готов был, как и любой другой, взвалить вину на своего соседа.

— Не могу представить, чтоб она была так глупа, — пробормотал Киран. — Она была слишком хорошо воспитана, чтобы додуматься до такого. Скорее, она ушла к Геру или куда-нибудь в ту сторону.

— Там леса, — заметил Ризи, лицо у которого было исцарапано, ибо он искал ее среди деревьев, — и так она может попасть в беду... но с чего бы лошади добровольно отправляться туда?

«Добровольно», — услышал Киран и взглянул на вечно сурового Ризи, уловив его подозрения.

— Если не добровольно, и она попала в лапы какому-нибудь мелкому Ши... ну что ж, остается надеяться, что она сможет выйти потом к какой-либо ферме.

От этого предположения ему еще больше стало не по себе, и он двинулся вверх по лестнице.

— Мне пришло в голову, — заметил он, когда остальные последовали за ним, — что мы можем перенести оружейную в башню, а ее помещение в замке использовать для другого. Не займетесь ли этим?

— Использовать для другого, — чуть не задохнувшись, повторил Барк.

— Стол, пара кресел — и будет библиотека; можно перенести туда расчетные книги. — Яд проникал в него все больше, пока они приближались к этой комнате, полной ужасного железа; но он терпел и лишь вздрогнул, когда они достигли второго пролета.

— Да, господин, — откликнулся Барк, — но расчетных книг мало...

— И все же займись этим, Барк, нынче днем. Пусть мальчишки все перенесут в башню. А то, что в башне, пусть будет здесь, — с облегчением он вошел в собственный зал, где их ждал накрытый стол с элем и свежим хлебом, и вкусным кухаркиным сыром.

— Ах, — промолвил он, чувствуя, как вновь к нему возвращается радость и он испытывает приятный голод. — Моя госпожа добра. Садитесь со мной, вы все трое.

— Это папа? — послышался с лестницы звонкий голос, и в зал вбежали Мев и Келли, за ними спустилась Бранвин. Киран подхватил бросившуюся к нему Мев и закрыл, так что юбки ее взлетели ворохом.

— Ты нашел Белоноску? — спросил Келли.

— Нет, — признался он, ставя дочь на пол. — Похоже, она ушла на какой-нибудь хутор, но мы отыщем ее.

— Если ее не поймают эльфы, — заметила Мев.

— Не надо так говорить, — строго посмотрев на нее, ответил Киран. — Она осталась одна из всего своего народа, и неужто ты заподозришь ее в краже нашей кобылы?

— Только одна? — переспросила Мев, тоже став очень серьезной. — Всего лишь одна?

— Во всем мире. Остальные Вина Ши давно ушли, так давно, что нет человека, который помнил бы это. Осталась лишь она одна, и вы не должны дурно отзываться о ней.

— Да. Но почему они ушли? — спросила Мев.

— Т-с-с, — оборвала ее Бранвин. — Т-с-с, и не смей задавать таких вопросов. Оставь в покое своего отца. Неужто ты не видишь, что он устал и хочет отдохнуть? Не будь такой бессердечной.

Мев поникла, и взгляд ее стал печален. «Прости меня», — молил ее взор и больше никаких вопросов ей не хотелось задавать.

— Идите сюда, — пригласил он детей, отодвигая в сторону скамью, — посидите с нами и разделите с нами хлеб.

И детские лица просияли — быть приглашенными в такую взрослую компанию, где были Барк и Ризи, и Донал, и сам отец. Они залезли на скамейки, сияющие чистотой и свежестью, а от мужчин все еще пахло лошадьми, хоть они и вымылись в корыте. И Бранвин, благоухая травами и лилиями, тоже заняла свое место за столом, сложив свои прекрасные руки перед собой.

— Все нашлись кроме одной? — спросила она.

— Да, госпожа, — ответил Барк. Вошла Мурна и занялась нарезанием хлеба: взяв нож у Ризи, она порезала хлеб и сыр, а Донал разлил эль.

— И немного для Мев и Келли, — сказал Киран. — Но помни — лишь немного. Я думаю, мы сделали все, что могли, а репу все равно надо было проредить. И все же, скорее всего, виновница этого — Непоседа.

— Но она никогда прежде не направлялась в ту сторону, — заметил Донал.

— Придется поставить в конюшню эту кобылу, — продолжил Киран. — Я не намерен кормить ее репой — и вдруг он неожиданно заметил, что все были удивительно покорны ему, и Бранвин ни слова не сказала об эле, и глаза ее лучились, и она была счастлива, как и дети. И, набив рот хлебом и сыром, он довольно вздохнул — мир снова вошел в свои берега, даже если выяснится, что кобылу украли волшебные твари.

Но потом он снова вспомнил о своем сне, как они сидели за столом в Донне, и ощутил печаль, исходящую из камня.

— У нас появился ягненок, — сказал Келли. — Овца принесла ягненка.

— Овца, — повторил он. — Ну что ж, хорошо.

— И мы пропололи сорняки, — сказала Мев, показывая свои покрасневшие руки.

— Тихо, — снова прервала ее Бранвин, — воинам твоего отца такие мелочи ни к чему.

— Но как бы то ни было, дело ведь сделано хорошо, — улыбнулся Киран, и дочь ответила ему слабой улыбкой. — Вам сопутствовала большая удача, чем нам — он жевал свой хлеб, и мужчины, проработавшие все утро, тоже с

волчьим аппетитом набросились на еду. — Может, нам объехать все изгороди?

— Да, — откликнулся Барк. — Я скажу Шону, чтобы он отрядил на это мальчиков.

— Я сам это сделаю. Твое дело — оружейная. Я решил... — повернулся он к Бранвин с заговорщицким видом, — перенести туда счетные книги.

Сегодня Бранвин ни с чем не станет спорить, хотя в этом зале всю ее жизнь хранились оружие и доспехи.

— Хорошо, — тихо ответила она и больше не промолвила ни слова.

— Нам можно помочь? — спросил Келли.

— Только не в этой нарядной одежде.

— Мы снова переоденемся, — сказал Келли.

— По-моему, вы можете найти чем заняться, не мешаясь у взрослых под ногами, — промолвила Бранвин. — Я уверена, что смогу найти вам дело.

— Да, — горестно согласилась Мев, сложив руки.

— Вы можете попросить на кухне, чтобы прислали мальчиков, — заметил Киран. — Там надо будет снять паутину.

— Да, — откликнулся Келли.

Так шел их разговор, и в оружейной началась уборка и беготня с водой. И Кер Велл пропитал запах мокрого камня и уксуса, и соснового дыма, так что, казалось, весь замок стронулся с места.

И Бранвин ходила, распоряжаясь, туда и сюда с озабоченным видом, и выбившиеся пряди из кос вились у нее на висках от обилия влаги.

И Киран гулял вдоль стены, обретая покой в этой неразберихе, словно ему только того и надо было, чтобы все встало с ног на голову. Он ничего не менял со времен Кервалена, но ради своего спокойствия должен был изменить.

«Они должны потерпеть, смириться со мной», — подумал он и тут же вспомнил, что его странная просьба ни у кого и не вызвала вопросов — нет, даже у Барка.

А все они знали, что значило железо для волшебного мира. Они знали. И все же безмолвно пошли на эту перемену ради него.

Но в это время от Гера вернулся мальчик и сообщил, что Белоноски там не было и что фермер будет посматри-

вать, не появится ли она. Вид у юноши был подавленный и несчастный.

— Ну, может, она испугалась и не сразу выйдет на хутора, — предположил Киран, — зато теперь всякий будет знать, откуда она. — Он чувствовал, что ему надо утешить юношу, который был сам не свой от горя, ибо именно он работал с лошадьми.

— Она никогда не убегала, — ответил тот, словно Киран усомнился в праве лошади.

— Она еще может вернуться домой, — обнадежил его Киран и отослал прочь, больше переживая за мальчика, чем из-за кобылы: у него было довольно лошадей, и ничто не могло омрачить его в этот день, когда он умирил зло, охватившее его, и вновь восстановил мир в доме.

Он проводил взглядом мальчика, который повел свою лошадь в конюшню, поднялся наверх — в тепло и свет свежевывитой комнаты, в которой отныне не будет железа, а лишь расчетные книги. В ней витал еще запах влаги и сожженной сосны.

Он направился дальше, в зал, где его ожидала Бранвин, и мирно сел за ужин вместе с детьми, Барком и Ризи, Доналом, Шиханом и Роаном, с Мурной и женой Роана Шамарой, и Леннон играл им песни, так что, несмотря на все неприятности, им было весело.

Но Мурна, спустившаяся на кухню за кувшином, вернувшись, так и не разлила эль по чашам, а стремительно кинулась к Бранвин, забыв обо всех приличиях. Она нагнулась и зашептала что-то Бранвин на ухо, и Киран увидел, как та отшатнулась в сторону, и глаза ее уставились в пустоту.

— В чем дело? — нахмурившись, спросил Киран у Мурны, а арфа замерла, и звуки слабо затихли.

— Калли, — прошептала Бранвин. — Калли никто не видел.

— Что значит «не видел»? — он отогнал дурные мысли, чтобы выяснить все до конца. — И как давно его не видели?

— Пожалуйста, господин, — промолвила Мурна, чей голос и так всегда был тих, а теперь его нельзя было различить и в тишине. — Кухарка думала, что он опять лентяйничает, и будет после говорить, что был на починке изго-

роди или днем переносил оружие — так думали все; но его не было ни там, ни там; и во дворе его никто не видел.

— Калли, — пророкотал Барк.

— Да, Калли, — повторил Киран. И его охватил такой гнев, что прервалось дыхание. Он сжал подлокотники кресла и почувствовал, как краска заливает его лицо. — Вот чем он отплатил за мое милосердие — кражей доброй лошади и только богам известно чем еще. А я еще верил этому висельнику, я принял его в замок. И он сбегает обратно к своим хозяевам в Ан Бег рассказывать небывлицы... О, это выше моего терпения.

— Господин, — с мрачной свирепостью промолвил Ризи, — пошли нас за ним.

— Да, подхватил Барк, — мы заберем скот Ан Бега за это. И привезем голову Калли, если разыщем его.

— Нет, — резко оборвала его Бранвин, — нет, в этом нет добра.

— Бранвин, — промолвил Киран, — я не спущу этого.

— Хорошо, не спускай, но не нарушай мира. Ты знаешь короля и знаешь, где твои враги — не оказывай им этой услуги. Богам известно — они не нуждаются в ней.

— Я знаю, где мои враги. Висят на ушах короля. И я приютил их сам, в своем собственном замке. Напоминай мне об этом, напоминай, когда я становлюсь слишком добросердечным. Сегодня они хорошо посмеются в Ан Бега.

— Они будут рады, если ты нарушишь мир, — промолвил Шихан.

— Но мы не можем снести такое, — и он стукнул рукой по столу. — У нас на границах — хутора, на которые обрушится худшее, если мы промолчим. Если мы позволим спокойно уйти этому вору, этому негодяю из Ан Бега, кто может поручиться тогда за безопасность где бы то ни было?

— Никто, — ответила Бранвин. — А кто поручится за безопасность, если силы короля обрушатся на нас как на нарушителей мира?

— Король Лаоклан не осмелится, — промолвил Ризи, и его откровенность погрузила всех в еще более глубокое молчание.

— Дети, — внезапно сказала Бранвин, — в постель. Сейчас же.

— Мама, — прошептала Мев.

— Тихо, — прервал их Киран, не поднимая глаз, и лишь потом обвел взглядом тревожные лица людей, которым он доверял — мужчин и женщин, всех. — Сын друга, — обратился он к Ризи, — мой друг... я бы не рискнул утверждать, как поступит король — так или этак. Но у него дурные советники. Ан Бен и Кер Дав для него важнее, чем мы. Я не знаю, что сделает король, но вот что он позволит сделать другим. Что ж, Бранвин права: мы поступаем не мудро. Долине принадлежит восток — и он знает это — о, он хитер в своих замыслах, Лаоклан. И то, что я скажу, я скажу лишь друзьям, которым я доверяю. У нас есть один лишь верный союзник — твой отец, Ризи, а как я им дорожу все эти годы — не рассказать словами. Но он несет тяжкое бремя нашей защиты гораздо чаще, чем нам удается оказать ему помощь.

— Это не так, — ответил Ризи, — ибо он слишком хорошо знает, как правил бы король, если бы не страх перед долиной.

— Возможно, мы оба поддерживаем друг друга, — промолвил Киран. — Но мы были предупреждены о бедах, — камень жег холодом его грудь, как второе, больное сердце, и он с трудом победил желание прикоснуться к нему. — Мне кажется, что не Ан Бег заслал к нам своего человека. Возможно, сам король хочет узнать, что происходит здесь, и бедной Белоноске предстоит куда как более длинный путь, чем мы считаем.

Наступила мертвая тишина.

— Тогда Калли сможет много чего рассказать, — промолвил Барк.

— Да, он может, — подхватил Киран, — может рассказать, как обезумел господин Кер Велла, что он куда как более колдун, чем они думали, что чудеса происходят здесь, о чем шепчутся по всему замку — разве нет?

— Да, — прошептала Шамара. — И слишком свободно во всех владениях Кер Велла.

— Этот человек может принести нам много зла. Он присутствовал... богам только известно, что он видел и как он это сможет перетолковать.

— Ши говорила о войне, — заметил Барк.

— В каком-то смысле, — ответил Киран. — И я не могу

сидеть спокойно сложа руки и позволить втянуть нас в нее.

— Ты не можешь выступить против Ан Бега, — сказала Бранвин. — В этом не будет пользы.

— Нет. Пользы не будет. Особенно если этот Калли вовсе не из Ан Бега. Один сплошной вред. Но нам нужны союзники.

— Кто, скажи! Кер Дав? Брадхит? Хозяева земель за холмами? Мы им не друзья и никогда не станем ими.

— Но есть Донн.

Все шевельнулись, словно ветер пробежал по залу, а Бранвин вскрикнула.

— Донн! Донн — сердце всех наших бед. Кто больше всех клеветает на тебя королю?

— Кому может быть горше всех, как ни брату? И все же он мой брат. И я подумал, — промолвил он очень тихо и взглянул на Мев и Келли, пристроившихся у Леннона на коленях, — и я подумал, что в этом молчании больше моей вины, чем его. Я разбил надежды своего отца — я знаю, почему. И когда Донкад занял его место, возможно, он наслушался рассказов, что наш отец на свое место прочил меня, и это причинило ему боль.

— Три раза ты посылал гонцов к своему отцу, и трижды их отсылали обратно.

— Последний застал его при смерти. Тогда я еще надеялся. Но после того, к Донкаду я никого не посылал, а может, он и ответил бы мне. Ему грозит опасность. Я это знаю. Ши сказала мне об этом, и я сам это чувствую... — и, наконец, неумолимо его рука сжала камень. — Здесь. Я чувствую, как нас затягивает силками. Опасность грозит нам всем. И если мы дошли до того, что должны бояться лазутчиков и воров, и предательства... «Мрак, — сказала Ши, — распространяется вокруг нас», и я тоже кое-что видел. Вы удивляетесь, что я не могу спать. Королю грозит опасность. Опасность окружает нас. И если что и может предотвратить ее, так это если мне удастся склонить к себе слух своего брата, а через него добраться до короля и положить конец этому безумию...

— Донкад — твой ярый враг, — сказала Бранвин.

— Он такой же эльф, как и я. Он обладает Видением. Это в нашей крови, только, как и отец, он не может сми-

риться с этим... Он — мой старший брат, — с неохотой добавил он для Мев и Келли, ибо он никогда не говорил о Донкаде, но сейчас чувствовал, что они должны это понять. — В последний раз мы виделись в этом зале, когда он пришел в Кер Велл; но он увидел меня в обличье Ши и не стерпел этого. Боюсь, он не мог спать после этого. Он ушел прочь, он и мой отец, и я думал, они лишатся милости короля после этого, но они принялись наговаривать на меня и стали к нему еще ближе, отстранив меня. Возможно, король счел, что им сопутствует удача больше, чем мне. Возможно, он до сих пор думает так. Но если бы я смог поговорить с Донкадом...

— Это опасно, — сказала Бранвин, — и принесет больше зла, чем добра.

— Ах, Бранвин, в этом нет опасности, разве что моя гордость будет уязвлена. Но мне был сон о гордости. Меня спросили, отдам ли я ее за Кер Велл. И я думаю, что этот сон был вещим.

— Не собираешься же ты сам ехать к нему.

— Об этом я и думал.

— Нет, господин, — воскликнул Барк. — Только не ты.

— Что могут сделать гонцы там, где другие гонцы потерпели поражение? Но если я приеду сам, возможно, это залечит рану.

— Нет, — с сердцем воскликнула Бранвин. — Нет, нет и нет.

— Я поеду, — сказал Донал. — Господин, раз ты считаешь, что это надо, пошли меня.

Киран молча взглянул на Бранвин и встретил ее непреклонный взор.

— Я поеду сам, — сказал Барк. — Твой брат знает меня, хотя бы зрительно.

— Это напечалит его годы войны, — промолвил Киран, — и королевские советы, а лучше бы эти дни не вспоминать.

— Я поеду, — повторил Донал.

— Я бы поехал, промолвил Ризи, — но я боюсь твоего брата, и у нас с ним нет общей родни.

— Вы обезумели, — сказала Бранвин, — кого бы ты ни послал, ему будет грозить опасность. Брат, не предлагай себя. Не надо его поддерживать в этой затее.

— Господин, я предлагаю себя, — еще раз повторил Донал. Его юное лицо раскраснелось. — Если я скажу, что я двоюродный брат Барка и твой человек, Донкад поймет, что твой гонец — не мелкая сошка; что же до войны, то я не видел ее, так что и в этом нет причин для твоего отказа.

— Мы обсудим это, — сказала Бранвин. — Мой господин, если соизволишь, мы поговорим об этом позже.

Киран замер на мгновение. Бранвин не спускала с него глаз.

— Мы поговорим, — промолвил он и посмотрел на Донала. — Донал, я подумаю об этом.

Но в глубине души он уже все решил и уже составлял в уме послание — что скажет он после стольких лет.

VII. Банберн

Впереди ехал отец с Барком и Доналом и другими воинами свиты на высоких огромных лошадях; они ехали в самом конце, перед всадниками, ведущими пять запасных лошадей. Мев и Келли тряслись на своих двух пони рядом с Ризи, которого это, вполне понятно, огорчало, в войске замковой стражи, с каждым воином которой они были прекрасно знакомы. Они чувствовали себя очень важными в этой поездке по владениям. Мев ощущала свободу и одновременно страх, страх, поселившийся в ней в эти последние дни, когда никто не говорил о тайнах, бродивших по Кер Веллу, как, например, тех, что обсуждали мать и отец между собой; ее тревожили предостережения матери, которые она слышала в зале; но отец, зачастую слушавшийся маму (она мудрее нас всех, сказал он как-то о ней своим воинам, а Мев была рядом и слышала это, — мою госпожу ничто не обманет), отец ушел из зала в тот вечер с таким видом, что он не станет слушать никого, и их мать на следующее утро за завтраком ко всему придиралась и бранила Мурну. Мев принимала ее резкость с терпеливым молчанием, и Келли бросил на нее взгляд, говорящий, что он думает то же самое — что мать волнуется из-за отца, что даже отправка Донкада грозит ему опасностью, и ей проще изливать свою тревогу, браня всех и вся.

И снова то был страх, о котором все молчали, не то перед королем, не то перед их дядей, господином Донна, не

то перед волшебными силами, не то перед теми, кого никто не осмеливался назвать по имени; теперь страх ощущался постоянно, как присутствие большой рыбы, думала Мев, мелькающей то тут, то там под черными водами, отражающими лишь отблески света и ветви, так что нельзя понять — уплыла она вверх по течению или, всплыв, таращится на тебя. Никто не хотел обсуждать это, особенно с ними, и даже думать об этом, если удавалось.

Но пока были солнце и верховая езда, и ей нравилось ехать под равномерный скрип седла Флойна, ей нравилось движение и запах лошадей и кожи, земля и даже резкий привкус масла и металла, вонь пота и дыма, которой несло от мужчин: все это напоминало ей — и будет вечно напоминать — отца зимними вечерами, когда он возвращался со всем своим снаряжением в зал, и оружие было таким холодным; и его запахи состязались с материнскими, которая пахла травами и лекарствами, которые она готовила для люда, болевшего зимой, листьями и горшками; его же кресло было увешано конской упряжью и кожами, и пропахшими маслом лоскутами. И медленный скрежет оселка, когда он точил свой огромный меч, и аромат нагретого масла, когда речной песчаник ровно скользил вниз по лезвию, по которому бежали выгравированные полосы, превращавшиеся в конце в бегущую лошадь. Он был дорогим и очень древним, этот меч, который носил еще Кервален, а потом Эвальд — их дед, а теперь и отец. И однажды вечером заметив, что дети наблюдают за ним, он дал сначала Келли, а потом и ей поточить его, терпеливо поправляя их движения, когда они ошибались, и наконец заканчивал все сам — исправляя то, что они сделали, как подозревала Мев. И ее руки после этого тоже пахли маслом, как и его, что приводило ее в восторг. «О Мев», — восклицала ее мать, пахнувшая всегда травами и розами, и бранила ее за черные пятна на платье. Но Мев всегда нравился этот запах, ибо он принадлежал ему; ей нравилось все, чему он учил ее — твердости руки и умению ездить верхом, знанию лисьих нор и тому, где прячутся зайцы, названиям деревьев и холмов, и тех земель, что уже не видны за горизонтом.

Но теперь их отец ехал безоружным среди с ног до головы вооруженных воинов, везших щиты за плечами и

державших длинные копья, которыми никогда не пользовались во время охоты. Он оставил дома свой меч, перенес его вместе с остальным оружием из оружейной, словно это была безделица. И никто не спросил — почему. Но все обратили внимание, что он снял даже свой кинжал со стены в зале. Он носил при себе лишь камень, носил, не спящая. Она и Келли не говорили об этом даже между собой. Она не знала, был ли камень причиной их бед, или беды пришли сами по себе, а камень охранял от них; единственное, что она знала — он был совсем иным, чем их маленькие подарки.

И в душе ее зарождалось подозрение, что во всем были виноваты они с Келли, что если бы они послушались и не убежали к реке, ничего бы не произошло, и Ши не пришла бы, и не изменился бы их дом — и этот груз вины был слишком тяжел даже для того, чтобы думать о нем, не то чтобы говорить. Никакое наказание не могло исправить этого. Никто не мог в полной мере укорить их за это. Это напомнило ей, как Ши заглянула в ее душу и спросила, как она поступит с другим живым существом.

Поэтому изо всех сил она старалась не причинить другим еще раз такой боли и даже не позволяла себе больше быть ребенком. Она чувствовала себя обкраденной, она хотела расти по-своему; и вдруг все ее желания показались ей страшно мелкими, и сражения, которые она вела за себя, и непослушание, когда она хотела чего-то добиться — все стало казаться низким и себялюбивым, ибо ни один человек в мире не мог получить желаемого, даже их отец, который был господином Кер Велла. Они видели, как он беспомощно опускал голову, словно не мог вынести всего того, что было ему суждено, и это напоминало им страшную картину на темной лестнице, когда он упал, потеряв сознание, на руки матери, что являлось им снова и снова в ночных кошмарах. Они не хотели, чтоб такое повторилось еще; они хотели, чтоб все было по-старому, но это было уже невозможно. Даже их отец мог упасть, и они видели это, и каждый сам по себе понял, что взросление было совсем не тем, за что они его принимали, пытаясь во всем настоять на своем. И Мев вдруг подумала, что оно похоже на то, о чем спросила их Ши, что оно означает отказ, или по меньшей мере способность не обманываться, считая,

что что-то тебе принадлежит, даже если это то, что ты любишь больше всего на свете, как дом и родители.

«С ним теперь постоянно кто-то должен быть», — сказала бы Мев своей матери, если бы у нее достало смелости, потому что мать оказалась бы рядом с отцом в мгновение ока, если бы тому потребовалась помощь. И, может, мать и не одержала полной победы в том сражении, но все же в конечном итоге в Донн отправлялся Донал, а не отец, потому что Барк уверенно поддержал мать и пустился в такой ожесточенный спор с отцом, как никогда до этого.

— Мы проводим его, — тогда сказал отец о Донале; и так оно и стало.

А Мев напомнила ему за завтраком:

— Ты обещал, мы поедем с тобой, когда ты отправишься по западной дороге, — что было коварным, но поступала она так из любви к нему.

— Нет, — тут же решительно воспротивилась мать.

— До скрещения дорог, — сказал их отец. — Да, я обещал. Небольшую прогулку. Там они повернут назад, и с ними будет Ризи.

— Мев не годятся такие прогулки, — снова попыталась возразить мать. Но отец лишь посмотрел на нее особым взглядом — решительно и печально. И мать оставила их, не сказав более ни слова ни тому, ни другому, и пони были оседланы вместе с лошадьми.

Мать не спустилась к воротам, как она порою это делала, но послала Доналу особый дар — завтрак, завернутый в салфетку, который принесла ему Мурна — мясо и хлеб, а не обычный паек, который брали с собой воины. Донал был страшно этим смущен, ибо никого более не удостоили такой чести, даже их отца, который брал с собой общие припасы. И Донал попытался поделиться с другими, но отец лишь рассмеялся и ничего не взял, отказались от его предложения и другие.

И так они отправились в путь, и тогда Мев позволила себе обрадоваться под звон оружия и топот лошадей, шедших ровной и бойкой поступью. После всех страхов и споров они выехали в свежесть утра с острыми клинками и бодрым духом, и воины шутили и смеялись над тем, что грызло их все эти дни. Это были лучшие люди Кер Велла, лучшие на всей земле, и не было врага, который не боялся

бы их. Но самыми сильными из них были Барк и Ризи — свирепейший и во многом умнейший, и Донал, взявший все опасности на себя, и те, кто поедут с ним, Бок и Кайт и другие.

Она прикоснулась к маленькому мешочку, висевшему у нее на шее, точно такому же, как у Келли, — Мурна показала им, как сшить ладанки для листьев эльфийских деревьев, которые они всегда носили теперь при себе. Они не умирали, эти листья, не вяли и не теряли своего аромата. И они всегда держали их при себе, бодрствуя, и во сне, с того самого утра, как им сказал отец. Заклучали ли они в себе удачу или нет, они не знали точно, но они неизменно носили их при себе, как отец свой камень, не понимая зачем и уповая на их помощь, как например в благополучных возвращениях домой и в том, чтобы не пропадали любимые вещи.

Если бы только она могла быть такой, как Барк, Ризи или Донал и отважно и непоколебимо защищать отца. Быть как отец она и не мечтала, это было слишком сложно, но вот как Барк...

Мев взглянула на него — высокого и рыжеволосого, он ехал ссутулившись и, казалось, во многом уступал отцу и Доналу, но люди вскакивали, когда Барк раздавал им приказы. Она и сама попробовала ссутулиться ненадолго, но решила, что для этого требуются более широкие плечи. Она ненавидела себя за свой вид, за свою слабость и запах лилий и трав, такой же, как у матери, за то, что тоже станет говорить своей дочери «цыц», когда кто-нибудь упомянет о волшебстве, потому что дочь будет делать глупости и бесплодно мечтать о Ши, и будет теряться в лесах, навлекая такие же беды, какую сама она уже навлекла. О, если бы она могла все исправить, если бы она могла улизнуть и поехать с Доналом в Кер Донн. «Я — Мев, — сказала бы она дяде, в его собственном зале, и Донал в доспехах стоял бы рядом с ней, — мой отец прислал меня говорить с тобой». Как было бы правильно, если бы послали ее, думала она, она молодая, и у нее не было распрей с дядей, но, конечно же, это никому не пришло в голову, и даже отец посмеялся бы над таким предложением. Она представляла себе, как на них из-за деревьев нападают разбойники из Ан Бега, и они с Келли показывают себя — но у них нет

оружия, даже кинжалов. И пришлось расстаться с этой мечтой. Фланн и пухлый Флойн трусили мелкими шажками, когда высокие лошади без всяких усилий меряли расстояние широкими шагами. Они были детьми, и этим было сказано все, и упитанные гнедые пони — были всем, на что они могли рассчитывать. Скоро они достигнут безопасных пределов их владений, и отец отошлет их назад.

А Донал поедет дальше, и все поедут, лишь они и Ризи останутся у северной дороги, а отец вернется много позже, лишь проводив Донала в путь. И возможно, подумала она, отец испытывает те же чувства, мечтая о том, чтобы ехать дальше, но никто ему этого не позволит. «Потому что, — сказал Барк, когда они спорили, — ты носишь это на своей шее, и если твой брат не любит Ши, что скажет он, когда ты явишься к нему с этим? Неужто ты думаешь, это завоеует его любовь? А если ты начнешь таять, как это было со мной?» — «Я не стану, — отвечал отец. — Тебе я доверяю, а потому не боюсь». — «И все же, — с печальным видом продолжал Барк, и его розовощекое лицо еще больше покраснелось, — и все же это — безумие. И ты знаешь это сам. И если ты не расстанешься с этой вещью, а ты говоришь, что не расстанешься, то значит не езжай к Донкаду». — «В том, что ты говоришь, есть свой смысл», — тогда ответил отец; так что кто бы ни одержал победу — мать или Барк, он не поехал; а может, он и сам что-то понял, а Барк лишь выразил это словами.

«Мы тоже не понравимся нашему дяде, — подумала Мев. — Как человек с кровью Ши в своих жилах может их ненавидеть? Если бы Ши могла прийти к Донкаду, она бы завоевала его любовь».

«Я могу вызвать ее по имени», — пришла ей в голову новая мысль. «Я не мелкая тварь, — сказала Ши, сравнивая себя с фиатас, — совсем не похожая на эту». Их отец уж точно мог вызвать Ши, но не делал этого по каким-то своим причинам.

Наконец они достигли вершины холма, у подножия которого дорога разветвлялась в разные стороны — и один путь вел к темному, поросшему лесом берегу Керберна, он был заросшим и неезженным, ибо вел к Ан Бегу. Другая же дорога, хорошо утрамбованная, вела на север, пролегая че-

рез их собственные владения — по ней ездили крестьяне и караулы.

Здесь отец велел всем остановиться, и стало ясно, что тут они простятся. Он подозвал их, и они подъехали ближе, не трясаясь, а выпрямившись, как ездили взрослые всадники на больших лошадях.

— Дальше вы не поедете, — сказал он им.

— Да, господин, — очень тихо ответил Келли.

— Да, — сказала Мев так же серьезно и посмотрела на отца.

— Ступайте сюда, — и он подъехал к Келли и, склонившись с седла, обнял его, потом приблизился к Мев и поцеловал ее в лоб. Он помедлил, нахмурившись, и добавил: — Будьте хорошими.

— Да, господин, — сказал Келли. Мев ответила ему лишь взглядом. Они всегда расставались здесь, когда их отец отправлялся в объезды, и всегда сетовали, что им нужно ехать обратно, и выговаривали друг другу. И это краткость прощания показалась им дурным предзнаменованием. И она сжала бока Флойна, заставляя его подъехать к отцу, и крепко обняла того обеими руками. Склонившись, он ответил на ее объятие и сказал:

— Вернись завтра к вечеру, — и собрав остальных, двинулся прочь, оставив Ризи охранять их.

В горле у нее словно застрял комок. Ее пони попытался следовать за лошадьми, но она натянула поводья.

— Поехали, — сказал Ризи, повременив, — давайте, поехали.

Она взглянула на Келли, у которого тоже был испуганный вид, и повернула Флойна домой.

Коричневым с зеленью раскинулись знакомые поля. Не раз еженная дорога была пыльной и безопасной, но Ризи не переставал хмуриться. Он был темен, их двоюродный брат, с задумчивыми глазами, и хмурость шла ему точно так же, как оружие, которое было при нем. Он был ниже всех в окружении их отца и совсем не походил на сына господина, но он-таки им был. И он терпеливо сносил их, что они остро чувствовали по его долгому молчанию и хмурому виду, и взгляду, который блуждал повсюду — по берегам реки и полям, и лишь не останавливался на детях, которые стали ему нежеланной обузой.

И от этого Мев чувствовала себя еще несчастнее. Слезы были готовы хлынуть из ее глаз, и она уже ощущала в носу неприятное пощипывание. Но она раскрыла глаза и подставила их ветру и не проронила ни звука. Разве могла она сравниться с Ризи по уму, особенно такая уставшая, да и Келли, похоже, не готов был к этому.

— Как странно тихо, — пробормотал Ризи наконец.

— Да, господин, — вполголоса ответила Мев, и они в молчании миновали еще несколько холмов.

— О боги, хватит хандрить, — внезапно воскликнул Ризи. — Опасность грозит лишь Доналу и никому другому. Ваш отец повернет назад задолго до границы. Он так сказал.

— Да, господин, — откликнулся Келли.

И снова повисла тишина. Ризи еще посмеялся над ними и затих с встревоженным видом.

— Да, да, я знаю, — повторил он.

— Ты можешь оставить нас здесь, — бодро заметил Келли, — и мы сами вернемся домой. Правда, вернемся. Тогда ты сможешь догнать отца и поехать вместе с ним.

— Ваш отец приказал, — ответил Ризи.

— Да, господин.

Спустя немного времени они подъехали к речушке у Банберна, мелкому потоку, впадавшему в Керберн, — с обеих сторон его грязь была хорошо утоптана, ибо они лишь недавно проехали тут. Ризи отпустил поводья и дал своей лошади напиться, выбрав место почище, и пони утолили свою жажду тоже, а потом за гордым и своенравным мерином Ризи вошли в поток, погрузившись в него по брюхо, и вышли на берег уже покрытые илом и с грустным видом.

— Жарко, — посетовал Ризи, глядя на солнце. Он остановился на ровном берегу, поросшем травой, и спешился. — Отдохнем немного, — промолвил он, посмотрев на пони.

Они не взяли с собой пищи, а Ризи был не из тех, кто стал бы делать привал, чтобы поесть, как это мог бы сделать их отец. Но он проверил свои и их подпруги, молча подошел к травянистому берегу протоки и, склонившись, напился выше по течению, обмыв заодно лицо и шею, ибо, верно, ему было жарко во всех этих кожах и металле.

И так как Ризи не спешил, Мев и Келли тоже соскользнули со своих пони и отпустили их щипать траву, как и Ризи своего мерина. Ризи сидел на корточках, обхватив колени руками, и смотрел вдаль, полностью погрузившись в свои мысли и не обращая ни на кого внимания. И Мев поднялась тогда еще немного выше по течению, где над потоком нависло огромное дерево, отбрасывавшее прохладную тень, и Келли последовал за ней. Это место они знали с тех пор, как отец впервые взял их с собой на прогулку; они играли здесь в войну, как герои, которых воспевал Леннон, и дрались палками среди камышей, заставляя смеяться отца и всю его свиту; а потом все устраивали завтрак на берегу. А однажды, когда их застал ливень, они прятались под этим древним деревом — они и отец и Барк — все столпились под навесом из плащей и слушали, как Барк рассказывал о походной жизни в годы королевской войны. И камыши, росшие на песчаных отмелях напротив, казались вражескими пиками.

— По-моему, Ризи хочет отдохнуть, — промолвил Келли, садясь на берег и показывая взглядом туда, где Ризи растянулся на солнцепеке, в то время как его лошадь спокойно паслась рядом.

Такая легкомысленность не была присуща Ризи: он всегда был хмур и насмешлив, и хотя они любили его и таким, терпение и добродушие не были ему свойственны, он вечно был занят каким-нибудь делом. Если Ризи смеялся, то это был язвительный смех над тем, что люди скрывали и позволяли себе хихикать лишь исподтишка. Но, может, он устал из-за того, что лег слишком поздно накануне, а может, по-своему он хотел проявить к ним доброту, не догадываясь об их мечтах и не желая подталкивать их на обратном пути. Мев вздохнула и тоже опустилась на берег — ей нравились тень и вода, и кивающие камыши, и жужжание пчел. Келли брал листья и пускал их один за другим — волшебные ладьи на гладкой поверхности потока — они и прежде играли так здесь, когда отец брал их с собой, а пони еще казались им огромными, как горы. Но Келли не забавлялся сейчас, а думал. Как и она. Мев тоже сорвала себе лист и пустила его рядом с тем, что отправил Келли, она смотрела, как оба несутся мимо темных водоворотов и высающихся камышей. Они оба слиш-

ком повзрослели. И эта игра осталась у них лишь в воспоминаниях. Она следила за листиком, но думала об отце, о Донале, надеясь, что ее дядя в Донне окажется лучше, чем они опасались.

— Ризи лежит на солнце, — наконец сказал Келли, бросив на того еще один взгляд. — Похоже, он заснул.

Ее это тоже встревожило, ведь было так жарко, а он во всех доспехах улегся на солнце — она не ожидала такого от Ризи, сына Дру. Она наморщила нос, прикидывая, а не засиделся ли и вправду Ризи вчера за элем, но это было так непохоже на него, к тому же он не выглядел усталым, лишь раздраженным — ему тоже хотелось быть с остальными, а не сопровождать своих малолетних брата и сестру.

И вся эта странность встревожила ее. Она встала и очень тихо направилась к нему, так что солнце било ей в спину.

— Мев, — шепотом позвал ее Келли и встал за ней, оставив свои лады, но она не обратила на него никакого внимания. Когда спал Барк, он просыпался от малейшего звука: «никогда не шутите со спящими», — однажды строго сказал ей отец. Спящие люди, как Барк, были опасны при пробуждении, как и все, кто участвовал в войне. Она помнила, как Барк и другие дремали на солнце, едва прикрыв глаза, просыпаясь время от времени и по-лисьи поглядывая по сторонам, так по-настоящему и не погружаясь в сон. Их отец спал так же. Но Ризи спал, раскинув руки, лицом к солнцу, глаза его были плотно закрыты, а рот приоткрылся, как у ребенка.

— Ризи? — позвала она его громко, остановившись на безопасном расстоянии. — Ризи! — она подошла ближе и села на корточки, готовая отскочить в любую сторону, если он, проснувшись, схватится за меч. — Ризи! — сердце ее стучало все громче. Она прикоснулась к нему и потрясла. — Ризи, проснись.

Келли подошел с другой стороны. Он встал на колени и еще крепче потряс Ризи. Тело Ризи было безвольным, словно что-то в нем сломалось.

— Он умирает? — спросил Келли. — Мев, разве можно так умереть?

Мев не знала. Но Ризи дышал. И кроме дыхания ни еди-

ного признака жизни. Он был крепким воином — Ризи, сын Дру. И вот он лежал в доспехах и с оружием еще более беззащитный, чем они. И вдруг она почувствовала, как ее охватывает слабость, подползает к горлу, где покоился лист. И в тот же момент Келли поднял руку и прикоснулся к тому же месту на своей шее. Глаза его расширились от страха.

— Кили, — выдохнул он.

Но у воды, в тени дерева, там, где они только что сидели, стояло совсем иное существо, казавшееся им мрачной тенью, ибо сами они были на ярком солнечном свете. Поэтому его было трудно рассмотреть, как будто оно не имело определенной формы, и лишь движения его вызывали шорох травы. Оно выскользнуло на свет и уселось перед ними, маленькое, коричневое, волосатое.

— Ризи! — воскликнула Мев и замахнулась, а Келли выхватил кинжал у лежавшего Ризи.

— Отважно, — промолвило существо. — Но железо жалит, жалит вас.

— Уйди, — промолвил Келли.

Существо не приближалось. Оно сидело, обхватив колени, и рассматривало их своими старыми волоокими глазами из-под нависших волос.

— Жалит.

Рука Келли дрожала. Он обхватил ее за кисть другой рукой, и пот выступил у него на лбу. Кинжал упал. Мев подхватила его, и он холодом обжег ей пальцы. Она тоже не могла удержать его. Боль пробежала по всем ее костям. «Бежать», — мелькнуло у нее в голове, — но как же Ризи? — нельзя было оставить его на милость этого создания, к тому же она вспомнила об эльфе, который без всякого труда догнал их тогда в лесу.

— Чертополох, — выкрикнула она в пространство. — Чертополох...

— Нет-нет, — поднимая руки, промолвил коричневый человечек. — Она не будет довольна. Она послала меня. Не надо звать ее. Я пришел взглянуть на детей, на детей, которые мне понравятся.

Мев замерла, поддавшись обаянию его писклявого голоса. Все так же жужжали пчелы и вздыхали камыши, и она изо всех сил старалась не поверить ему.

— Ризи, — промолвил Келли. — Что ты сделал с Ризи?

— Он спит, — ответил коричневый человечек. — Никакого вреда от Граги. Видите, я сказал вам свое имя.

— А мы свои не скажем, — заявила Мев.

— Ах. Но мне известны ваши имена — вы дети Кервалена. Я чувствую это по вашим сердцам, — человечек подскочил и каким-то образом, незаметно для глаза, оказался на спине у Флойна, который оставил траву и приподнял свою голову.

— Это мой пони, — промолвила Мев со всей свирепостью, на которую была способна. — Оставь его.

— Хороший пони, — Граги поерзал в седле, скорчившись, как какая-нибудь нескладная птица, и зашептал что-то Флойну на ухо. Мев кинулась вперед и схватила камень с берега. Келли последовал ее примеру, и они угрожающе подняли руки.

— Оставь моего пони. И разбуди Ризи.

— Ризи. Ризи, — он обхватил себя руками, смакуя имя, которое они ему назвали. — Будьте осторожнее, когда произносите имена. Вы можете выдать его душу, но Граги она ни к чему.

Стыд залил ей щеки краской за то, что они допустили такую промашку.

— Тогда отпусти нас всех, — промолвила Мев. — И пусть он снова проснется.

— Я посмотрел на вас, — сказала существо и снова спрыгнуло вниз. — Хорошие разумные пони, храбрые и добрые. Они похожи на вас, но больше всего любят удобства, как все пони. К тому же они умны. Как многие пони. Но ваш путь темнее, чем их, о, насколько темнее. Теперь я знаю, зачем она послала меня.

— Чертополох?

— У вас светлые глазки. Они видят, о, как они видят. Граги знает вас. Он знает, почему. Будьте мудры, о, будьте мудры, добрые дети. И не верьте железу. Будьте добры, но не безрассудны. Граги видит, о да, зеленую тень на вас. Вы стары, стары как камни, и ваши корни глубоки — свежие побеги на спиленном дереве.

— Тебя не поймешь, — промолвил Келли. — Разбуди его. Пусть будет Ризи. Он не причинил тебе зла.

Граги обнял себя и закружился на одной ноге.

— Пусть идет домой, пусть идет домой; юг придет к нему на помощь. Ступай домой, ступай домой и мудро ступай сквозь тень. Четвероногие друзья послужат тебе сколько могут. О, ветер дует, и на нем несется кто-то... о, я вижу, Граги видит. Уходи! Уходи! Эти дети под защитой Граги, как и человек, над которым ты не имеешь власти!

И он исчез так стремительно, что только солнечный свет остался на его месте, а пони и высокий мерин Ризи даже не вздрогнули. И пчелы миролюбиво продолжали жужжать, и ветер нежно перебирал камыши.

Ризи зашевелился и открыл глаза, обнаружив, что Келли и Мев сидят рядом. Сначала взор его был безмятежен, но потом в нем появились стыд и тревога.

С отчаянным видом Ризи провел рукой по волосам.

— Мы волновались, — пояснила Мев, когда Ризи сел. — Ты никак не просыпался.

Ризи в ужасном смущении посмотрел на них, на небо, на воду и обвел взглядом холмы.

— Со мной такого не было никогда, — промолвил он. Вскочив на ноги, он ощупал себя и, заметив, что не достает кинжала, огляделся и нашел его на земле. И снова он огляделся и внимательно посмотрел на детей.

— Вы тоже спали?

— Нет, — ответила Мев, уверенная, что то был не сон и что о нем нельзя говорить как бы ей ни хотелось. Ей было жаль Ризи, который был почти господином и к тому же гордым, и никогда не относился безответственно к поручениям. Она была уверена, что он во всем признается отцу. А их отец увидит за его рассказом больше и станет беспокоиться о них.

— Ты напугал нас, — сказал Келли.

Ризи ничего не ответил на это и молча двинулся туда, где паслись лошади, а они последовали за ним, обменявшись взглядами тревожными, а не веселыми. Идя за Ризи, они взялись за руки. Мев ничего не поняла из того, что сказал коричневый человечек, вряд ли и Келли увидел в его словах какой-нибудь смысл. Она понимала только, что приходил он к ним и говорил для них, и послан он был Чертополохом, или как там ее звали по-настоящему.

Тьма лежала на их пути — это он обещал. И что-то о ветре. Но небо было чистым и синим и ничего не предвещало.

щало. Но вид его не успокоил Мев — чистые небеса быстро заносятся тучами, а нынче солнце сияло каким-то тусклым светом даже в полдень. Он что-то говорил о корнях и побегах, но из этого она тоже ничего не поняла. Еще он говорил о каких-то переменах и о железе, и ни она, ни Келли не могли удержать кинжал. Ее рука до сих пор болела от этого.

Элд и железо были чужды друг другу. Вот почему их отец ехал без доспехов и оружия. Даже теперь она вся трепетала от боли, и если камень, который носил отец, обладал такой же силой, она понимает, почему он упал тогда на лестнице.

И она испытала похожее. Она это знала. Но он продолжал носить свой камень, который был гораздо сильнее, чем какой-то тоненький листик. А мать готовила ему посет, чтобы он мог отдохнуть. И все же временами его охватывала боль. И теперь она знала, откуда исходило страдание.

Она обняла Флойна за мохнатую шею, взяла поводья и вспрыгнула в седло вслед за Ризи, влезшим на своего черного мерина. Келли вскарабкался на Фланна. И пони без понуканий побежали домой, и черный мерин пошел вместе с ними, словно все это происходило во сне.

VIII. Путь в Донн

Теплый ветер дул Кирану в лицо, и лошади двигались ровным шагом по усыпляющей дороге, пролежавшей по владениям Кер Велла; а слева, за набегаящими волнами плетней высились холмы Ан Бега. Здесь раскинулись хутора свободных земледельцев — упрямые жители долины обосновались на границе и удерживали ее. Кер Велл помогал им как своему форпосту; и стоило свернуть налево или направо, они повсюду нашли бы приют и кружку эля, а появившись они на закате, их ждал бы и добрый ужин. Они процветали, эти хутора, и дорога свидетельствовала об этом, хорошо утрамбованная и не заросшая травой, добрая, ровная дорога, как те, по которым уходили в поход.

Они не сворачивали с нсе и вскоре вновь выехали к Банберну, заросшему камышами, который петлял то тут, то там, перерезанный овечьими бродами — вдали видне-

лось несколько отар; а иногда берега его были истоптаны свиньями с хутора Аларда, прижавшегося задами к самой воде — кучка старых строений под плакучими ивами, ого-роженных ивовыми ветвями и камнями, что намыл Бан-берн. И здесь во всем был достаток. Когда они проезжали мимо, свинопас вскочил на плетень и замахал им руками, а вслед за ним появились мужчины и женщины, собаки и дети, которые, разбрызгивая воду, перебирались через поток и бежали за лошадьми.

— Это сам господин, — кричали дети, подпрыгивая рядом с процессией и радуясь, что еще долго можно будет говорить об этом, передавая новость с хутора на хутор. И Киран улыбался им, и лошади терпеливо взирали на собак и мечущиеся тела людей.

— Господин, — выкрикнул юноша, чей шаг был уже равен мужскому и который намного обогнал остальных. — Не хочешь ли заехать к нам? Тебя ждут эль и сидр.

— Передай благодарность своему отцу, — ответил Киран, — и пожелай всему дому добра от меня. На этот раз я не могу заехать. О боги, Эд, твои ноги стали еще длиннее?

— Да, господин, — переводя дыхание мальчик бежал рядом, и вся его родня уже давно осталась позади, с ним могла тягаться лишь одна собака. — Они растут. И я уже могу стрелять из лука.

— Неужто? Ну конечно, тебя ведь должен был научить отец.

— Мне минуло пятнадцать лет, господин.

Мальчик начал отставать и прокричал уже вслед:

— Доброй дороги.

Киран повернулся в седле.

— Когда тебе будет шестнадцать, приходи на зиму в Кер Велл.

Мальчик, улыбаясь, остановился в окружении собак и замахал рукой. И все ответили ему, приветственно подняв руки, и вскоре ивы вновь скрыли хутор за собой.

Лошади, почуяв запах сена и жилья, начали артачиться, и потребовались шпоры и узда, чтобы вновь вернуть их помыслы к дороге.

Но дело гнало людей вперед, и никто ни звука не про-ронил, сожалея об эле.

— Звезды и небо сегодня за нас, — промолвил Киран. Он оглянулся назад, где за Барком ехал Донал, молчаливый Донал, на месте которого он так бы хотел быть. «Он еще мальчик, — подумал Киран, и вправду Донал выглядел сейчас почти ребенком, — и честь его зелена и нежна. Я напрасно согласился на это». И он вспомнил Эда, который бежал за лошадьми, и его глаза, которые сияли жаждой боя, ибо самое мрачное, что они видели в своей жизни, был осенний забой скота.

«Мотыльки, летящие на костры. Их ослепляет слава. О, Донал, не надо было мне слушать тебя».

— Тебе предстоит длинный путь. И есть такие места... Донал, чем больше я думаю об этом... послушай, — тихо промолвил Киран, замечая, с какой радостью юноша готов принять и похвалу, и порицание, — путь вдоль Лиэслина — я ездил им, когда был мальчиком, и с тех пор ни разу. Но помни, он лежит на границе с Давом и Брахитом.

— Я буду помнить.

— Как только поднимешься от озера, дорога будет петлять между холмами. И скалы будут выситься над тобой, — и он попытался описать все, что помнил — каждый камень и каждый поворот, где когда-то он охотился вдали от Донна вместе с братом. Донал слушал, честно пытаясь все запомнить, и Киран вновь ощутил, как к нему подступает отчаяние. — Я бы все вспомнил, если бы увидел собственными глазами, — горестно промолвил он.

— Я справлюсь, — легко ответил Донал, словно все это доставляло ему удовольствие. — Господин, солнце будет вести меня, и я буду искать родник. Что же до остального — мы быстро поскачем и никого не встревожим, а если встревожим, пообедем.

Но все это не успокаивало Кирана, и тревога нарастала в нем все сильнее по мере того, как дорога уходила к западу и они въезжали в холмы. Он ехал молча, и воины тоже по большей части молчали — раз умолкнув, когда он заговорил, они уже не могли вернуться к прежней веселости.

От яркого солнечного настроения, когда они покинули замок, и Мев и Келли скакали вслед за ними, не осталось и следа — тяжелые думы наваливались на него. Он сказал Бранвин: «Это безопасно; почему бы им не ездить в самом

центре наших владений, да еще в сопровождении Ризи, который отвечает за Кер Велл в мое отсутствие. Не дальше скрещения дорог. Неужто из-за этого надо поднимать столько шума?»

Теперь ему казалось это безумием, и он весь покрылся потом, несмотря на то, что солнце уже садилось. «Сейчас они должны быть уже дома, — успокаивал он себя. — И Ризи сидит в зале со всеми у очага вместе с Бранвин, Мурной и Ленноном, и он, конечно же, пьет эль с Роаном». Он воссоздавал обычную картину — хрупкую конструкцию в уме, складывая ее по камушку, а небо тускнело и зловец нависало над ними, чем ближе они подъезжали к месту прощания.

«Я так хотел этого, — думал он, вспоминая утренний покой. — Я хотел верить, что Донала не будут подстергать опасности...»

«И вправду не будут, — убеждал он себя. — Они доедут беспрепятственно». Собрав все свое мужество, он пытался взбодриться. Улыбкой он отвечал на всеобщее молчание и взял поводья в руки.

— Господин? — спросил Донал.

— Я думал, мой юный друг, что я — заложник, и что стоит мне миновать Лиэслин, как мы с твоим великим двоюродным братом окажемся на ножах. И все же...

— Нет, господин, — вмешался Барк.

— Что, мой сторож, не искушать тебя?

— Господин, — ответил Барк, — я умоляю.

— Тревожись, мой старый волк, — вздохнул Киран. — Стоит мне сделать это, и в дороге моем уже никогда не будет мира.

— Пора, — сказал Донал, глядя на дальние холмы, за которые садилось солнце. — Что до меня, господин, то я скажу: если ты вернешься раньше, чем обещал, ты только доставишь радость госпоже твоей жене.

И долго после этих слов Киран еще ехал в тишине.

— Господин, — опять сказал Донал.

— Да, — ответил тот, — ты прав, — и он направил свою лошадь в сторону от дороги, как они неоднократно делали сегодня за день, чтобы не утомить лошадей. Но на этот раз Донал и четверо, кто отправились вместе с ним, расседлали своих лошадей и перенесли все свое снаряжение на запасных, которые с неудовольствием подчинились.

— Будьте осторожны, — сказал Киран, когда те уже сели на свежих лошадей.

— Да, господин, я буду.

— И носи отличительный знак, что я дал тебе.

— Господин, я помню об этом, — хитрая улыбка играла на губах Донала, и глаза его искрились насмешкой, и Киран в ответ улыбнулся, вспомнив, что этот мальчик уже был взрослым мужчиной и имел голову на плечах.

— Да, — промолвил Киран. — Счастливого пути, Донал.

И так он простился с ним без лишних церемоний и не обращая внимания на предчувствия, тревожившие его; и Барк простился со своим двоюродным братом и другими друзьями.

За Кер Давом, у берегов Лиэслина Донал свернет на запад, и до первого привала им будет предстоять еще долгий путь; и Киран смотрел вслед удалявшимся фигурам, придерживая за узду свою лошадь.

Туман опустился на землю. Другие не видели его, и все же то был туман, и деревья вздымались, стройные, как колонны, когда он взглянул вокруг своим другим зрением. Деревья повсюду росли на равнине, и он потерял из виду Донала и дорогу, по которой тот ехал, ибо тут ее вовсе не существовало. Вокруг раскинулись лишь чащобы и холодный туман, и тревожный лес. Он стоял, всматриваясь в него и успокаивая лошадь, которая тут же стояла рядом с ним; но свита словно растаяла и казалась совсем бесплотной, будто тени.

— Господин, — окликнул его Барк и опустил что-то тяжелое в его руки — мех с вином. — Возьми.

Он начал пить. И вкус вина показался грубым и странным.

— Мы можем отдохнуть на хуторе Аларда, — заметил Барк. — Помнишь, нам предлагали там эль.

— Нет, — ответил Киран, не объясняя причин. А Барк и не спрашивал, не желая досаждать ему — с него было довольно и того, что они не последовали за Доналом.

Киран отогнал свое видение, и небо снова стало золотым. Он ничего не мог увидеть в этом месте. И камень ничем не мог ему помочь. Внезапно он усомнился во всем, что делал, хоть до сих пор полагал мудрым... защищать Кер Велл.

Он вспомнил брата Донкада и Лиэслин, залитый солн-

цем, когда они поднимались на соседний с ним холм, а потом — у Дан-на-Хейвина в сумерках — и тогда он понял, вдруг осознав все прошлое, что посылал он гонцов не к этому человеку. Что то будет не мальчик и не темнобородый юноша, как и сам он уже не тот, что был прежде. «Он поседел», — вздрогнув, подумал Киран, ставя ногу в стремя и вспрыгивая в седло. Он никогда не подсчитывал годы. «Он старше меня и темнее, значит, годы сказались на нем больше. Он верно совсем стал худым — он и прежде был сухопарым». Он попытался представить его себе, отгоняя тот старый образ, брата и товарища. И такое желание охватило его — быть там, куда ехал Донал. Светловолосый мальчик, которым он когда-то был, вскочил бы в седло и помчался, пренебрегая всеми опасностями. Когда-то он так мчался с посланием короля, когда расстался с братом и забрел в тот дремучий лес.

«И так я мог бы вернуться к нему, — подумал он, вспоминая светлые времена. Он соскочил бы с коня у ворот. — Смотри, я вернулся домой!»

Но теперь они были господами Кер Велла и Кер Донна, и их поступки должны были соответствовать их титулам и нести на себе весь груз усталости, лет и вражды.

«Я волнуюсь за тебя» — вот что должен был сказать Донал от его имени Донкаду, но даже такое простое послание он не мог отправить. «Я прошу мира, — вместо этого униженно передал он, не заботясь о собственной гордости, — в нынешние времена молчание не принесет добра нам обоим».

И все это, если Донкад соизволит выслушать.

Лиэслин чернел под звездами, и ничего не отражалось в его глади, даже мерцания. Он лежал мелкий и широкий, и тишину нарушали лишь лягушки, да шелест ветра в камышах.

— Я думал он красивее, — сказал Бок, который был старше всех.

— Болото, а не озеро, — заметил Донал, — так от него смердит, — он заметил его еще издали, а теперь, двигаясь вдоль полночного берега и вдыхая запах разложения, распростился с последними иллюзиями, что встретится с зеркалом холмов. Оно зияло как яма, темнее, чем камыши, и

больше всего Донал боялся, что как бы оступившись, его лошадь не провалилась в него. Ночь была безлунной, и казалось, темное небо было к ним расположено до сих пор, скрывая их от Кер Дава, пока они ехали по дороге.

Они дали отдых лошадям и молча двинулись дальше, предоставляя беседовать лягушкам и ночным птицам. Голоса далеко разносились вокруг, и, казалось, ночь прислушивается к ним.

Донал знал, что господин Киран послал с ним добрых воинов: и впрямь они обескураживали его своим опытом, делая правильно то, о чем он лишь собирался сказать, и угадывая все заранее, прежде чем он успевал догадаться, ибо они были много старше его, а особенно Бок. «Послан, чтобы наблюдать за мной», — думал Донал, все больше ощущая, что они не нуждаются в нем, но никто и словом не обмолвился об этом. Поэтому он делал лишь краткие замечания и примечал каждое их движение, каждый поворот головы, которые будто говорили ему: «да, мальчик, да, а мы все ждали, когда ты скажешь это» или «нет, мальчик, мы бы не советовали».

Он взирал на это путешествие с большей уверенностью утром при свете солнца, прощаясь с Кер Веллом и будучи еще далеко от болотистых смрадных берегов Лиэслина. Теперь он думал, что взял на себя слишком много. Он заметил это при прощании и во взгляде Барка — холодную оценку как на учениях.

«Что ж, мальчик, попробуй, — не раз говорил ему Барк, — выиграй или проиграй, а если ты и впрямь величайший глупец в мире, пусть мир узнает об этом».

Лягушки затихли от чавканья копыт. Что-то нырнуло со всплеском, и лошадям это не понравилось. Каким-то образом, не то из-за упрямства его лошади, не то из-за чего-то другого, все остановились, ибо он ехал впереди, хоть Бок и знал эту местность лучше, должен был знать, ибо Бок здесь уже бывал в отличие от него. И все же он возглавлял их и поэтому ехал впереди, напрягая зрение и все другие чувства и, вероятно, догадываясь, что им вовсе не следовало здесь ехать верхом, но идти, ведя лошадей за собой.

Оно было древним, это место. О том говорили легенды, но и сам он ощущал своим нутром, что озеро это было не без-

опасным местом. Он вспомнил о водяных лошадях, о русалках и прочем: где же резвится фиатас, как не в Лиэслине среди камышей и мха. Здесь могут быть и водяные, и привидения, всплывающие с шорохом из болот с протянутыми руками.

Что-то прошелестело мимо и нырнуло с громким всплеском. Его лошадь шарахнулась в сторону и приготовилась к прыжку; с остановившимся сердцем он прищипил ее и попытался вздохнуть.

— Только богам известно, что это было, — промолвил Бок.

— Поедем, — ответил Донал. И холод пробежал у него по спине, нижняя челюсть тряслась. — Держитесь вместе. Здесь слишком топко, для того чтобы отбиваться в сторону.

— Я слежу, — откликнулся сзади полушепотом Бром.

— И подумать только, — сказал Бок, — что это называлось когда-то дорогой.

— Озеро поднялось, — заметил Донал, — или я сбился с дороги, — он пристально всматривался во тьму, где громоздились холмы в еще большем мраке, чем тот, что окружал их. — Наверное, нам туда.

— Дай бог, — пробормотал Бок.

Близость холмов заставляла Донала подгонять лошадей, и он с трудом удерживал себя, чтобы не нарушать их медленный и терпеливый шаг. То и дело до них долетали всплески и фыркание кого-то, плававшего в воде.

Все молчали. Копыта скользили и чавкали по грязи. Лошади храпели, все ближе подходя к раздвоенной скале, видневшейся перед ними. Почва становилась все более плотной, а шаги увереннее, и вот смутно во тьме возник межевой знак из наваленных камней.

— Мы выбрались, — промолвил Бок.

— Да, не хотел бы я здесь становиться лагерем, — сказал Донал, чувствуя, что его лошадь идет из последних сил. — По-моему, лучше сменить лошадей и поскорее выбраться отсюда.

— Да, — серьезно откликнулся Бок.

И они так и сделали, и Донал пустил по кругу вино, которое ему прислала Бранвин.

— Это прежде всего, — промолвил Донал и почувство-

вал, как все приободрились, когда снова сели на лошадей и въехали в ущелье.

— Господин, — сказал Барк, и Киран взглянул на него из тьмы, в которой они сидели возле источника. Остальные спали или делали вид, что спят, даже юноша на карауле.

— Я позволил мальчику лечь, — ответил Киран. — Ложись и ты; я разбужу Боду, если будет нужда.

— Я обещаю...

— ...Бранвин. Да. Быть рядом со мной, — Киран нахмурился, ибо Барк сидел перед ним непоколебимый, как скала. — Мне не нужна сиделка, старый волк.

— Тогда ложись, мой господин.

— Ты надоел мне, Барк. Если... — дрожь охватила его, которую он безуспешно попытался сдержать. Земля оделась предутренней дымкой, и серые пятна зла были вотканы в нее. — Встало солнце.

— Господин? — Барк сидел, сжав руки, готовый к любому безумию.

— Солнце в Элде, Барк. Это время, когда все имеет максимальную власть. Но как холодно. Холодно. Она сказала, что земля вернулась назад. Она была потеряна для Элда и каким-то образом снова вернулась к нему.

— Как вернулась?

— Если бы я знал, — он снова ощутил холод и прикоснулся к камню, скрытому под воротником. Он закрыл глаза, пытаясь разглядеть что-нибудь в дымке своим иным зрением. Камень был холодным, как лед, в его руке. — Я отрезан со всех сторон. Это пугает меня, Барк. Даже ей было страшно. «Деревья», — сказала она, словно Ши могут испугать деревья. Но это призраки. И я не вижу сквозь них. Наверное, и она не видит.

— Забудь об этом, господин.

— И спать?

— Позволь мне поднять людей. Мы отправимся в путь и доставим тебя домой.

— Я послал туда Донала. Не надо было этого делать. Чем дольше я здесь нахожусь, тем больше ощущаю враждебность этого места.

— Он умный мальчик, и с ним Бок, и к тому же еще

Кайт. И Кер Дав оставил свое стремление к вражде: видишь, ни одной вылазки за всю зиму.

— Да, они не тревожили нас, — согласился Киран. — Но, Барк, леса окружают Ан Бег, как они окружают нас. А в Даве я так не уверен. И к тому же я больше не вижу моря.

— Какие леса? — терпеливо спросил Барк, словно разговаривая с сумасшедшим. — Какое море?

— Дай мне свою руку, Барк.

Барк опустил руку на колени и протянул руку, Киран взял ее и поднес к своему камню.

«О боги», — сказал Барк или лишь попытался сказать и слился с Кираном так крепко, что деревья обступили их обоих. Земля начала тонуть под ними.

«Нет», — промолвил Киран и забрал камень в собственные руки. И снова вокруг них раскинулись открытые поля. Ночной ветер обвевал его покрытое потом лицо, и Барк, склонившись, на коленях стоял перед ним. Как близко он подступил, этот третий Элд — владения Смерти, так близко, что он до сих пор ощущал его дыхание.

— О боги, — промолвил Барк, — как ты слушаешь это?

— Ты видел деревья, старый волк, как они высятся здесь?

— Я что-то видел. Как тени. Я не разобрал, какой они формы.

— При тебе слишком много железа, — ответил Киран. — Не надо мне было делать этого, Барк, я не должен был посылать его. Кое-что изменилось, о чем я не подумал. Элд уже не таков, каким я его знал. Он ослепляет меня. Наверное, он слепит и ее. И я верю ему все меньше и меньше, особенно сейчас, когда я здесь, рядом с ним, — он взглянул Барку в лицо и увидел страх там, где его никогда не бывало, и сомнения, хотя лицо это не привыкло к ним. И Киран подумал, что он может потерять этого человека, если уже не потерял, его верность, его любовь — как бы ни называлось то, чем дарил его Барк. Господин, которому служил Барк, никогда не сомневался, никогда не ошибался, по крайней мере, в том, что касалось жизней людей, любимых им. Неудивительно, что Барк прислушивался теперь к Бранвин, рожденный здесь, как и она, такой же наследник Кервалена. Как Ризи. Как все, что он получил в наследство. Он пришел как чужак и всех их завел в тупик.

— Я не знаю, что делать, Барк. Я не знаю.

— Господин, а кто знает в таких делах? Ты сделал все лучше всех. А если ты ошибся, то Донал постарается выкрутиться, если это будет возможно: ты послал тех, кто сделает все возможное.

— Он слеп.

— С благословением Ши? Ты разве не помнишь? Она всех нас благословила, кто служит тебе.

— Значит, ты помнишь? Ты помнишь?

— Может, не так отчетливо, но я помню. Я помню, что видел Ши. Я помню... кого-то за столом в серебре, и она была одета в белое с серым...

— Серого не было. Она была без плаща.

— Значит, что-то такое. Но она говорила со мной. Я помню. «Моя сила и моя слабость», — сказала она. И еще о тьме и утре. Я помню это.

— Было время, — промолвил Киран, — когда камень позволял мне видеть. Я видел драконов, Барк. Когда-то. Я видел, как Ши отправлялись на войну. В этом камне заключена память или что-то вроде, но теперь я не могу ее в нем найти. Лишь мгла и призраки, и я веду вас все глубже, в эту тьму, а теперь послал Донала с Боком еще дальше. Но король... король, если бы он был на нашей стороне, если бы мне удалось воззвать к разуму брата... — он покачал головой. — О боги, эта мгла опутала его. Может, мне ничего не надо было предпринимать. Но они забывчивы, Ши, и у них могут быть свои заботы, и людские тревоги — лишь мелочь по сравнению с ними. Может, если кто и поможет людям, так это я.

— Господин, позволь нам отвезти тебя обратно в замок. Сейчас же.

— Нет, — коротко ответил Киран. Просто «нет». — Оставь меня.

Барк медленно кивнул, поднялся и вернулся к своему одеялу, расстеленному на земле под дубом. Все остальные спали. Лошади не шевелились. И лишь ветер шумел в этом мире. Все остальное застыло в гробовом покое.

Киран сидел, прикрыв глаза рукой, ибо они болели от усталости, хоть в них и не было сна. И когда он открыл очи сердца, мгла вновь обступила его.

И вдруг какая-то мешковатая тварь выпрыгнула из мглы

и уселась перед ним в свете эльфийского дня. Сердце его замерло от страха, но в этом существе не таилось зла.

— Человек, — промолвило оно, обнимая себя за колени, — человек, о, человек, это гиблое место. Она сказала — «добрая, добрая земля», но Элд здесь какой-то странный.

— Кто ты, существо?

Оно принялохалось и наморщило нос.

— «Существо, существо» — он называет меня. О, зачем ты сидишь здесь, человек? Здесь дурно, о, как здесь дурно. Я встретил детей и проводил их до дому к стенам Кервалена, и темный человек был с ними.

— Что ты с ними сделал? — сердце его страшно забилося. — Зачем тебе надо было с ними встречаться?

Сухая костлявая рука прикоснулась к морщинистому горлу.

— Элд окружил их. Она послала меня. О, как здесь дурно, человек.

— Проводить их?

— Им грозит опасность гораздо меньше, чем тебе. О, человек, человек, человек, мрак на твоём пути. Граги видит его. Мрак и свет одновременно.

— Она послала тебя.

— Чтоб защитить детей. Она сказала — меня тут ждут плошки с молоком. И Граги видел их. Он видел твой народ, прилежный и учтивый, но человек, к ним подступает беда.

— Откуда?

Он протянул костлявую руку и пошевелил пальцами.

— Граги — это ты?

Он подскочил, не распрямляясь, и глаза его блеснули в темноте. Он словно задрожал, и глаза его закатились, обнажив белки, голос стал тонким и пронзительным:

— Тьма, тьма, тьма лежит... О, человек, там зло, зло, зло.

И все исчезло. Он пропал. Киран сидел на холодной земле, чувствуя, как мороз пробирает его до костей.

— Барк! — вскочив на ноги, закричал он. — Проснись!

Сонные и испуганные люди начали вскакивать на ноги, хватаясь за оружие.

— Едем назад, — промолвил Киран. — Таали, садись на лошадь, скачи на хутор Аларда — пусть пошлют мальчика

в Кер Велл: у них есть пони, скажи ему, чтоб ехал и передал моей госпоже, что нам нужна еще половина тех людей, что мы имеем здесь. Остальные пусть останутся с ней. Мы же едем на север.

— Господин, — воскликнул Барк, — ты не должен.

— Пойдем со мной, — промолвил Киран, и Барк, колебавшись мгновение, тронулся за ним следом. Киран не сомневался в этом, как он не сомневался теперь в том, куда ему идти, и больше он не нуждался в советах.

И все остальные тронулись следом, шепотом делясь друг с другом вопросами и сомнениями, лишь Таали поспешно оседлал свою лошадь, остальные же тронулись на север.

«Зло», — думал он, и, верно, мрак отражался на его лице, ибо Барк ехал рядом, ни о чем не спрашивая, пока они снова не выбрались на дорогу.

— Господин, — наконец произнес он, — нас девять человек, и Донал слишком далеко, чтобы мы могли догнать его.

Киран ничего не ответил на это. Ему нечего было сказать, но, видно, Барк рассчитывал на ответ.

— Ты без оружия, — продолжал Барк. — А талисманы Ши в некоторых делах бессильны.

Вокруг было железо — и кости его заныли, несмотря на то, что на нем не было ничего. Он ничего не ответил Барку, лишь продолжил свой путь, и тот умолк.

Так они добрались до Кер Дава в смутный предутренний час, когда солнце еще не взошло; и с обеих сторон, сколько хватало глаз, тянулась пустая и безжизненная земля. Лиэслин раскинулся перед ними, мерцая в сумраке и намекая на то, что он был не твердой сушей; но солнечный свет превратит его в зеркало, поменяв небо и землю местами. Дальше виднелось ущелье, зажатое меж холмами. Лошади под ними дрожали от усталости.

Киран ослабил поводья, пытаясь разглядеть путь при помощи камня, но туман так сгустился, что он не видел ничего.

Потом он почувствовал шевеление и яд железа. Это была засада.

— Там люди, — промолвил он.

— Какие люди? — ни на мгновение не усомнившись, спросил Барк. — Это ты можешь сказать?

— Нет. Но около озера: то люди Кер Дава или Брахита, — он вздрогнул и вновь взял себя в руки, вновь обретя холодный и ясный взор с рассветом, забрезжившим на воде. — Здесь мы остановимся, Барк.

— Девять человек.

— Таали найдет нас, — ответил Киран.

Барк без энтузиазма взглянул на него и, скупое отреагировав, вновь повернулся к ущелью.

— Одним богам известно, проехал ли Донал.

— Воистину, — сказал Киран и, став на стремя, спустился с лошади, которая была вся в мыле. Киран похлопал ее по шее и стреножил.

— Ну, если что случилось, мы скоро об этом узнаем. Я думаю, он миновал ущелье — так мне подсказывает сердце. Но когда он будет возвращаться, нам следует быть здесь.

— Я буду здесь, — ответил Барк, тяжело спускаясь с лошади — сплав человека с металлом. — А ты...

— Я вижу кое-что и ощущаю его приближение. Кто из вас еще способен на это?

— Одна стрела Брахита — вот, все что надо, господин. И как тогда я вернусь к твоей госпоже?

— Ах, — чуть слышно вздохнул Киран. — Но ты спасешь меня. Ты делал так и прежде, старый волк. Я верю тебе.

— Да помогут нам боги, — пробормотал Барк.

IX. Осуществление миссии

Солнце уже садилось, а Бранвин ждала в зале у очага; и Ризи мерил зал шагами, что не было его привычкой, и вид его был мрачен с предыдущего дня.

— Мне не нравится это, — сказал Ризи, привезя Мев и Келли домой. — А теперь мне нравится это еще меньше.

И так он остался в смятении, ее двоюродный брат, и разделил с ними обед.

— Мой господин вернется, когда он вернется, — промолвила Бранвин, решив не мучиться ожиданиями, ибо то был не короткий путь, что предстоял Кирану. Она знала это, ибо ездила с ним в их первые годы так далеко, как никогда в своей жизни, — до места, откуда был виден Брах-

хит. Она уже знала, что нет проку в стоянии на стене и даже в том, чтобы держать ужин горячим. И когда пробил час, она села за ужин с Мев и Келли, и Мурной, и Ризи; и Леннон тихо наигрывал теперь, пока она пряла, крутя в пальцах тонкую шерстяную нить; и Мев сидела за прялкой вместе с Мурной; лишь Келли ничем не был занят.

— Ты что-то мастерил, — заметила ему Бранвин, ибо Келли часто вырезал ножом, но сейчас взгляд его казался печальным, а руки непривычно пусты. — Куда ты дел это?

— Я забыл, — тихо ответил Келли с тем же отчаянным взглядом, и подозрения закрались в сердце Бранвин, что что-то с ее сыном не в порядке, и послушание Мев было слишком непривычным, как и ее усердие к пряже, которую она ненавидела. Бранвин поджала губы и струила нить — туда и сюда, вращая веретено. Она хотела спросить и не могла... «Железо, — с отчаянием думала она, — железо, железо, железо в его маленьком ноже. Киран не терпит его, а теперь мои сын и дочь».

Ризи резко повернулся и снова пошел к стене, но пальцы ее ни разу не остановились. Что-то было не так, и Ризи знал это, но она не могла его спросить при Мев и Келли, а они сегодня не пойдут в постель, пока не увидят отца.

— Хороша ли была ваша поездка вчера? — легко спросила она, словно никогда и не возражала против нее. Две головки кивнули, блеснув отсветом пламени, но ни тот, ни другая не подняли глаз.

— Ну, у вашего отца свои заботы, — поджав губы промолвила Бранвин, не выпуская веретена. — Я помню, когда мы были моложе, мы ездили вдвоем, когда ваша бабушка была еще жива, вы помните ее? И вы оставались с ней и Мурной. А мы скакали и скакали, ваш отец и я, один раз добрались до самой границы. И, знаете, он останавливался поболтать с каждым встречным крестьянином. «Поедем дальше», — говорила я — порой у нас были дела и надо было спешить. Но они всегда удерживали его — то элем, то разговорами, то жалобами на что-нибудь... И сколько раз он отправлялся в какой-нибудь грязный огород, пачкая сапоги, смотреть, как поднялась репа, или на свежевспаханное поле у границы.

— Сегодня он не стал бы мешкать, — подняла голову Мев, и глаза ее свирепо блеснули. — Он думает о Донале.

Такая страсть таилась в ее дочери. Ее испугало, что такие простые слова могут причинить боль. Бранвин умолкла, вся погрузившись в свое веретено. Ее дети не нуждались в ее ласках. Ее сын сидел безутешно, а дочь... «О, Мев, Мев, Мев! Если б я могла подхватить тебя на руки...» Но они были уже слишком большими. Никогда она не могла найти верных слов для своей дочери. И Киран не помогал ей.

«Его дочь. У него же есть сын. Неужто я не могу иметь свою дочь? Неужто всегда я ей буду чужой?» Врацается и врацается веретено. Белокурая девочка верхом мчится по лугу — огнем летят ее волосы, и черен, как мрак, конь.

Нить оборвалась в ее руках. Бранвин тряхнула головой и, закусив губу, связала нить узелком, отгоняя видение — веселый упитанный пони, которого так любит Мев. «Нет», — все воспротивилось в ней этой страшной картине: Мев и не Мев и совсем уж не пони в белых чулочках. Она увидела листья и воду, и зелень, и ребенка в лесу. «Его дети, — подумала она, — оба — его». Она хотела поговорить с ними, небрежно поболтать, заполнить чем-нибудь тишину, но Леннон запел сложенную им песню, которая напомнила ей о том вечере в замке, после которого все песни Леннона изменились, и, исполняя их, он смотрел теперь далеко в пустоту.

«Песня Ши», — подумала она, и снова вокруг нее зашумел лес, а мелодия арфы текла, как вода. И воспоминания поднялись в ней о том вечере перед очагом, когда она принесла ветви и зажгла свечи; но несмотря на все ее дары, Ши не обратила на нее внимания и благословила всех, кроме нее. «Фокадан. Чертополох. Так я называла ее. А теперь так ее называют дети. Но она — Арафель — я ведь знаю ее имя. Я могу призвать ее. Где мой муж? — спрошу я. — Почему мой сын смотрит такими глазами, а дочь презирает меня?»

Она взглянула на Мев и попыталась улыбнуться, увидев, что та приподняла голову. Мев ответила ей улыбкой, но она была лишь учливой.

— Очень тонкая нить, — промолвила Бранвин. Сколько раз она бранила ее? Может быть слишком часто?

Дочь нахмурилась и снова склонилась к ненавистой работе.

— Я слышу лошадь, — вдруг промолвила она.

Звук арфы замер.

— Мев, — сказала Бранвин, но Келли уже летел к лестнице, и Мев, путая пряжу с нитью, неслась следом за ним.

— Госпожа, — сказала Мурна, но слов уже не требовалось: слышался цокот копыт, но одной лошади, въезжавшей в малые ворота. Один всадник.

Бранвин ничего не сказала, продолжая прясть. Мурна спасла нить, растоптанную Мев и, сев на ее место, снова пустила веретено.

— Я пойду посмотрю, — сказал Леннон.

Бранвин кивнула, не останавливая бег своих пальцев, словно они плели заговор против беды. «Я не могу бежать, нет, не могу, я — госпожа Кер Велла. Там какая-нибудь ерунда — какой-нибудь отставший и задержавшийся на охоте мальчик. Но боги, лишь один всадник, лишь один... Это — гонец, что-нибудь случилось; он не приедет; он не приехал бы один, нет, только не Киран; если была стычка, он отступит последним, мой муж».

Повсюду слышались голоса и крики. Руки Мурны безвольно упали на колени. Но Бранвин так и не прекратила прясть, хотя на лестнице уже слышались легкие шаги — Леннона, он возвращался.

— Моя госпожа, — промолвил арфист, — это мальчик приехал с посланием. Он поднимается сюда.

— Хорошо, — промолвила она и опустила работу в корзину, — хорошо...

Но теперь на лестнице слышался топот уже многих ног: Ризи, Роан и запыхавшийся крестьянский мальчик с взъерошенными темными волосами, а за ними спешили Мев и Келли.

— Вот госпожа, — промолвил Ризи. — Твое послание, мальчик.

— Госпожа, — переводя дыхание и сам не свой от ожидания промолвил тот. — Госпожа, господин, он прошлой ночью поехал к Лиэслину — так его человек велел мне передать тебе. Туда же поехал прошлой ночью и он сам — его зовут Таали. Он сказал, что господин послал его, и с его посланием я должен ехать сюда, но наш старый пони, госпожа, его не заставить бежать — я старался, госпожа, но быстрее не мог...

— Велел ли он передать что-нибудь еще?

— Да, этот Таали сказал, что господин велел прислать к Лиэслину половину людей как можно скорее. Он сказал, он сказал, госпожа, чтоб остальные оставались с тобой.

— Вверительный знак? — спросил Ризи. — Дал ли Таали тебе такой знак?

— Нет, господин, он сказал, что у него ничего нет, что господин отправлял его слишком поспешно — а я — Эд, сын Аларда с верховьев Банберна; они проезжали днем, и я видел этого Таали с господином, а потом в разгар ночи он приехал — господин, мой отец, и дед, и мой брат — все ушли с ним, а сестра побежала собирать людей из Харлея — там будут люди — лучшие стрелки на границе.

— Славно сделано, — сказала Бранвин. — Славно сделано... Роан...

— Половину людей, — напомнил Роан, — и как можно быстрее с твоего соизволения, госпожа.

— Ступай, — откликнулась Бранвин, — ступай. Мурна, принеси что-нибудь, чем накормить мальчика.

— Госпожа, — промолвил Эд, — я поеду назад, где моя родня...

— Как захочешь, — ответила Бранвин. Она взглянула на Мев и Келли, на их бледные лица. — Несомненно, это связано с Кер Давом, — сказала она для них, сама желая верить в это. — И он хочет удержать путь открытым для Донала, когда тот будет возвращаться.

Роан ушел, забрав с собой Эда; Ризи тоже было пора идти, но он остался, глядя на нее своими смоляными глазами.

— Бранвин, сестра, я уезжаю на юг. Нынче же.

— Это — мелкая стычка с Давом, и они справятся, — ответила она.

— Это мелкая стычка, — согласился Ризи, — но я должен ехать на юг сегодня, сейчас же. Я давно уже должен был бы отправиться; но теперь у меня нет сомнения, — он подошел и протянул к ней руки, и она взяла их в свои и посмотрела ему в глаза.

— Я могу дать тебе дюжину людей из своих, не из тех, что поедут с Роаном.

— Я быстрее доберусь один, — его руки выскользнули из ее ладоней. Мев и Келли расступились, когда он напра-

вился к двери. Он исчез на лестнице в темноте, а Мев и Келли смотрели ему вслед, взявшись за руки, такие серьезные, необычно серьезные...

— Мев, — позвала Бранвин. — Келли. Мужчины займутся этим.

Они обернулись и посмотрели на нее с таким спокойствием, которое она не могла понять. На лицах их не было изумления и испуга, лишь тревожная готовность.

Она протянула к ним руки, желая прикоснуться к ним. Они подошли, и она обняла их, и дети замерли, уткнувшись в ее юбки. Она не стала им лгать. Их невозможно было обмануть. То было иное зрение — она догадалась. Она могла бы спросить их о многом, но боялась ответов.

— Ризи едет домой, к Дру, — прошептала она. — К вашему двоюродному деду Дру, в горах, на юге — там вся наша родня, а если что случится, отец сразу вернется сюда; и если что, мы все укроемся за нашими стенами, но до этого дело не дойдет. Стоит нашей родне прийти с юга, и силы сравняются, в чем бы там ни было дело. А может, Доналу удастся убедить вашего другого дядю из Донна, может, он выслушает его: по крайней мере, ваш отец надеется. Но как бы там ни было, здесь мы в безопасности.

«Он безоружен, — думала она. — О боги, у Лиэслина, в ущельях рядом с Давом — и он беззащитен».

— Дорога идет через лес, — заметил Келли о пути Ризи. — И через Керберн.

— Тихо, — ответила Бранвин, — молчи, Ризи знает дорогу, и он благополучно проедет по ней. Ши не причинит ему вреда.

Они ничего не ответили на это, совсем ничего, но это никого не успокоило.

Вскоре послышался звук открываемых больших ворот и топот лошадей, выходящих со двора. Бранвин поцеловала сына и дочь и взглянула на Мурну.

— Пойди найди Шихана. И Хаги. Скажи им, что я ввезу Шихану замок и прошу Хаги взять с собой девять человек и, рассеявшись, поднять хутора — от Гера к северу, западу и востоку — но тихо, тихо, никаких костров, чтобы ничем не потревожить Ан Бег. Скажи им — нет, попроси их обоих прийти ко мне, и я скажу им сама. Торопись, Мурна.

Мурна бросилась прочь.

— А нам что делать? — спросил Келли.

— Спускайтесь, — сказала она. — Келли, скажи Шону, Ковану и мальчишкам, чтоб привели лошадей с дальних пастбищ; Мев... да, ступай вместе с ним. Но чтоб ни шагу без меня за ворота, слышите?

— Да, — откликнулась Мев и поцеловала ее в щеку; Келли сжал руки матери и побежал, и Мев поспешила за ним.

«Он скажет, что все это ни к чему, — подумала она. — Что я взбудоражила всю долину. А если Ан Бег прослышит про это — о боги, они сообщат об этом королю, и он причинит нам зло. Кер Велл — они скажут — начал войну. А Ризи, о боги, Ризи поднимет Дру, и они двинут свои силы на север. Король узнает об этом, вне всяких сомнений. И что тогда с нами будет?»

Замок бесформенно высился на темном холме — груда строений, и лишь с одной стороны на фоне звездного неба вздымалась башня. Остальное скрывали окружавшие его холмы. Но он был огромен, как скорчившийся великан, застывший над долиной.

«Может, — подумал Донал, — им стоило бы отдохнуть и не спешить», но к рассвету они уже подъехали к домам, стоявшим по склонам холмов. Поля были небольшими, не то что в Кер Велле, но все холмы были покрыты пастбищами. И собаки, и подозрительный люд недоверчиво смотрели на незнакомцев. Поэтому он решил ехать дальше, не спеша и не рискуя.

— Без огней, — промолвил Бок. — Как темна эта груда строений.

— Я думаю, то лишь стены, а не сам замок, — ответил Донал. — Суровым назвал господин Киран свой родной замок, и жили здесь в основном пастухи — в каждой складке холмов бродили отары. Замок вырос словно по воле случая — там стена, здесь — сарай из необтесанных камней и бревен — им никогда не приходилось выдерживать осады, рассказывал Киран, разве что дождя и ветра.

Они подъехали ближе, и цокот копыт их лошадей отдавался одиноким эхом от скал.

— Неужто о нас не сообщили? — удивился Бром; ехав-

ший в самом конце с запасными лошадьми. — Уверен, что пастухи видели, как мы приближаемся.

— Одним богам известно, — откликнулся Донал и отстегнул свой щит, который был у него за спиной. Его примеру последовали и другие с деревянным и металлическим стуком. Прodeв сквозь щит левую руку, он почувствовал себя более защищенным, ибо они ехали вдоль кустов, которыми поросли берега ручья. Удобное место для засады. Его усталая лошадь пугливо вскинула голову при звоне щита и фыркнула. Он пришпорил ее слегка, и она тронулась быстрее по темной тропе, мимо деревьев, все выше и выше, к стенам и воротам, вздымавшимся над ними.

— Кер Донн, — выкрикнул Донал, — хэй! Стража Кер Донна!

— Кто там? — донеслось со стены. — Что надо?

Донал почувствовал облегчение и остановил лошадь.

— Я — Донал Гелвен, сын Гелвена, двоюродный брат Барка, сына Скаги, гонец моего господина из Кер Велла, и четверо воинов со мной. Откройте нам ворота.

За этим последовала долгая заминка. Донал, не слезая с лошади и не опуская щита, следил за кромкой стены. Сердце его билось так сильно, как ни разу за всю дорогу: теперь он боялся слов, а не стрел — «убирайтесь, уходите невыслушанными, наш господин не примет вас». Все молчали — и Бок, и Кайт, и Дули; а Бром держал лошадей. Лошади тревожно перебирали ногами — им не стоялось на месте — они видели ворота и думали о сене, соломе и крыше, не ведая ни о какой политике.

— Вы въедете через малые ворота, — окликнули их со стены, — щиты за спину, Донал, сын Гелвена.

То были лишь здравый смысл — в такой час, когда тьма хоронилась за их спинами.

— Делайте, что они просят, — сказал Донал и переместил щит за спину, потом пнул коленями лошадь и направился к малым воротам, которые уже отворялись, обнаруживая за собой свет факелов.

Он миновал арку и въехал в гуцу мальчиков, спешивших забрать у него лошадь — совсем так же, как в Кер Велле. Он спешил и огляделся, не упустив из вида людей, стоявших у ворот, — то были лучники на случай нужды. Во двор въехал Кайт, за ним Бок и Дули, и по-

следним — Бром с лошадьми. Ворота закрылись. Двор привычно кипел от беготни мальчиков и переминающихся лошадей.

— Мой господин примет тебя, — подошел к Доналу седой мужчина с золотой цепью на шее, сверкавшей в свете факелов, — она выглядела слишком дорогой для столь захудалого замка.

Повсюду было дерево. «Этот замок не создан для войны», — говорил Киран: слишком много дерева, приваленного грудой камней, словно пастушья хижина, превращенная в крепость, словно какой-то великан свалил сотню таких хижин вместе: отдельно стена, отдельно башня, второй этаж из дерева и случайных камней, и на крыше бревна топорщились во все стороны. Ступени вели к дверям; скрипели они и гремели под их тяжелой поступью — и так они вошли в продымленный деревянный зал с длинным столом посередине, в очаге полыхало пламя, горели факелы, и тени плясали по стенам. В огромном резном кресле восседал человек, окруженный челядью.

«Донкад», — подумал Донал, ощутив неприязнь к этому месту, к тому, что хозяин его восседал как какой-то мелкий король, когда его собственный господин спустился бы во двор, чтобы встретить гостя, или, по крайней мере, поднялся бы ему навстречу.

— Донал сын Гелвена, — промолвил Донкад, — он ничем не был похож на своего брата. Он был худ и сед, как волк, Киран же был светел, как золото. Сводными братьями были они. — Мой брат имеет что сказать мне?

— Господин, он прислал тебе кольцо, — Донал снял кольцо с руки — и легко оно соскользнуло, Киран же носил его на мизинце. Он протянул его, и Донкад подставил свою ладонь.

— Да, — сказал Донкад, — я подарил его ему.

— Мой господин послал его как вверительный знак, — он взглянул Донкаду в глаза, и вдруг потерял нить своих мыслей — все спуталось у него в голове. «Я не могу, — подумал он, — мне не справиться с этим».

— И с каким пожеланием?

— Мира, — ответил Донал. — Мира и прочих вещей... Он сказал... — в голове все поплыло; в отчаянии он собрался с силами. — Господин, слово его в том, что он же-

дает тебе мира. И это главное. Он говорит, что молчание не приносит добра никому. Он говорил со мной... — «о боги, как это трудно. Он ненавидит нашего господина». — Я близок к нему. Я знаю его сердце. Он часто вспоминает Донна, он думал о нем все эти годы, и он хочет видеть тебя. «Ступай к нему, — сказал он мне, — и ответь ему на все, что он захочет узнать, и привези мне вести от него, а может...»

— А может?

Стыд жаром залил лицо Донала. Слово запуталось у него на языке в этом враждебном зале:

— И прощение.

Последовало долгое молчание. Донкад посмотрел на него, потом перевел взгляд на кольцо и снова поднял голову, и взгляд его смягчился.

— Непривычно слышать такое от моего брата.

— Это его слова, господин.

— Я ждал много лет, — промолвил Донкад и поджал губы. Он вновь опустил голову и надел кольцо на свою руку. — Ну что ж, Донал из Кер Велла, я знавал твоего двоюродного брата.

— Да, господин, — откликнулся Донал, — такая краткость казалась ему безопасной.

— Вести. Так брат мой хочет вестей? Ну что ж. Ты проделал долгий и опасный путь, и я склонен выслушать. Я давно ждал от него гонца, и завтра ты расскажешь мне, что у него на уме. А пока — а пока тебя ждут отдых и пища и остальное, в чем есть у тебя нужда, — он подозвал человека, стоявшего рядом. — Геннон, проследи за этим.

— Господин, благодарю тебя, — промолвил Донал.

— Завтра мы поговорим подольше, — сказал Донкад, — а пока и я подумаю, и ты. Ступай с Генноном.

Донал раскланялся, и сопровождающие сделали то же, и все последовали за худым мужчиной в богатой одежде, который вывел их из зала.

«Мой господин, — подумал Донал, — пригласил бы к столу прямо в зале, он был бы открыт и радушен». Но он отогнал злые мысли. То был другой замок, другие обычаи, другой и более суровый господин. Он ощущал себя юнцом рядом с этим человеком, неопытным и доверчивым юнцом. Он чувствовал на спине взгляды Бока и остальных,

ждущих, чтобы он защитил честь Кер Велла в глазах этого волколикого господина, занимавшего почетное место на королевских советах в Дан-на-Хейвине.

Пажи окружили их за дверями зала.

— Я провожу тебя в твою комнату, — сказал Геннон, — а мальчики накормят и устроят твоих людей.

— Я хочу быть вместе с ними, — возразил Донал, но Геннон непререкаемо подхватил его под руку и увлек за собой.

— Мы не хотим, чтобы ты жаловался в Кер Велле, что мы плохо принимали тебя, господин Донал; я не хочу, чтобы ты так отзывался о моем господине. Идем, идем, и люди твои будут прекрасно устроены: вдоволь эля, а может и остатки барашка, который был у нас на обед. Что же до тебя, то будет вино и барашек и пара кусков славного окорока. Я сам поговорю с кухаркой. Принесут и горячей воды, а пуховая перина, думаю, будет лучше седла. Значит, ты ехал без остановок?

— Въехав в ваши земли, мы сочли за лучшее самим доложить о себе.

— Разумно, да; пастухи выпускают собак по ночам на холмы, так, на всякий случай. Эй, паж, ты куда? Ступай-ка впереди со светом — откроешь нам западный покой.

Он стал «господином» Доналом. Посланный Донкадом человек говорил с ним учтиво и, проводив в комнату с бревенчатыми стенами, украшенными резным орнаментом, послал пажа с распоряжениями растопить очаг, принести воду и предоставить слуг. И Донкад в его глазах превратился в самую щедрость сверх всяких ожиданий. Донал был ошеломлен этим и напуган.

«В какой части этого великого замка я нахожусь? — думал он. — И где Бок и другие среди этих лабиринтов?» Он вздрогнул, тревожно глядя вслед Геннону, когда тот вышел, пообещав ему еду и вино, — стайка слуг разжигала огонь, взбивала мягкую перину и грела воду ему для мытья. Доналу было страшно. Он не знал, в чем дело, но страх витал в воздухе, струился из стен, рождался из гнетущей тишины, в которой прислуга занималась своими делами, и каждый звук казался слишком громким. Он вспомнил берег Лизслина, тишину ущельев, жуткую неподвижность скал.

«Я сделал глупость», — подумал он, жалея, что расстался со своими людьми, но, поразмыслив, отогнал это чувство, приняв его за излишнюю предосторожность. «Я шарахаюсь от теней», — решил он, предположив, что господин Донна преследует какие-то непонятные цели, принимая его как господина с такой преувеличенной пышностью. «Надо держать с ним ухо остро», — подумал он, жалея, что ему недостает возраста и опыта в государственных делах, что он не знает обычаев других владельцев замков, кроме своего, и не умеет достойно отвечать на их учти-вость.

У реки, вдоль которой вела дорога, тени сгустились, и вода шепталась громче листьев. Ризи ехал настороженно в этом месте, замечая, как здесь все одичало и было заброшено — королевская дорога, связывавшая весь Кердейл с равниной, не использовалась ни честным человеком, ни Кер Веллом все эти годы. Он ехал в полном вооружении, к седлу была приторочена сумка, полная даров кухарки, и щит он держал теперь перед собой, ибо он достиг того места, где дорога шла между рекой и владениями Ан Бега.

«Ну же, ну же», — подгонял он свою лошадь, чувствуя, что тишина эта не к добру. Он сомневался, чтобы Ан Бег наблюдал за дорогой, что эти разбойники так преданы долгу, что будут сидеть в засаде на берегу в надежде убить случайного путника из Кер Велла, но все было возможно, когда беды окружили страну.

Кусты теснились и подступали с обеих сторон. Дорога поросла травой, тут и там на ней виднелись свежие побег, и колючки норовили вцепиться в лошадь. Черному мерину Ризи не нравилась эта ночная дорога, эти ненадежные места: и Ризи приходилось прищипоривать коня, в чем тот обычно редко нуждался, и гнать его вперед, не обращая внимания на опасности.

Приблизившись к холмам, конь начал уставать, с трудом выдерживая вес седока в доспехах. Ризи дал ему замедлить шаг, направляя к броду, который тревожил его больше всего.

Ивовые ветлы заключили его в свои объятия, задержнув черным занавесом звездные небеса. Шаги приглушали шорох листьев и плеск воды. Лошадь, встревожившись,

заплясала на месте, тихо заржав. Ризи коснулся ее боков шпорами, отстраняя щитом ивовые ветви.

Вот он Элд. Он ощущал его, глядя на замороженный берег реки.

«А теперь даруй мне удачу», — подумал он, вспоминая о той, что и его благословила. Он держал ее образ перед своим мысленным взором — «О, Ши, ты обещаала».

Он нашел брод, сам по себе опасный в темноте, к тому же давно не использовавшийся никем: река могла изменить свое русло, вымыть ямы, в которые могли рухнуть и лошадь и седок, могла намыть топкие пески на место прочного дна. Он спешился и для надежности повел лошадь за собой, по грудь погружившись в медленные воды Керберна.

Лошадь пошла за ним. И мимо самых его бедер скользнула тварь, большая, живая и жуткая. Он не выпустил поводьев и, споткнувшись, устоял в воде, и плеск реки изменился, превратившись в легкий смех. Берег расплылся перед его глазами. И снова что-то коснулось его ног, талии, и мягкие руки потянулись вверх, обнимая его доспехи.

Он кинулся к отмели, упал на колени, потянув лошадь за собой, потом, поднявшись на ноги, поспешил сквозь камыши по вязкой засасывающей тине, ломая опавшие мертвые сучья.

Лошадь шарахалась туда и сюда, но он поставил ногу в стремя, и невзирая на тяжесть металла, она тут же пустилась вскачь. Закинув голову, она в ужасе неслась вперед, и он с трудом удерживал ее поводьями, ибо его хлестали ветви по лицу: они скакали вслепую и наугад.

Он придержал лошадь, и она, вздрагивая, перешла на шаг. Он тоже дрожал, промокший насквозь, вспоминая ту тварь, что прикасалась к нему.

«Эквиски» — называл ее Киран. Речная лошадь. Водяной. То, чем пугают детей. Его охватил такой страх, какого он никогда не испытывал в битве — то и дело до него доносился цокот копыт, словно скакала лошадь там, где ни одна лошадь не могла проскакать, и грохот этой скачки то нарастал, то затихал, то с одной стороны тропы, то с другой на дороге, которая шла вдоль Элда в его собственные земли.

— Смилуйся, — шептал он в пустоту. — Мы — мирные соседи.

Так он держал себя в руках, даже когда из чащобы на него уставились два глаза, красные, как раскаленные угли. Это было опасно — он знал это, но тварь миновала его, и лишь лошадь вздрогнула и захрапела, почуяв неведомое присутствие.

— Пука, — промолвил он, — я не боюсь тебя. Мне дозволено ехать здесь, и тебе не остановить меня.

Глаза потухли, и лишь цокот копыт преследовал его.

Х. Кер Донн

Утро тихо настало в Кер Донне — стояла глубокая тишина. Донал медленно просыпался, сначала не понимая, где он, оглядывая деревянные стены и не находя ни камней Кер Велла, ни покачивающегося седла под собой — лишь неподвижная постель, гораздо более мягкая, чем у него дома, и яркий солнечный свет, льющийся сквозь прорезь окна.

«День», — подумал он, устыдившись и вспомнив, что окончательно заснул перед самым рассветом. Он уже просыпался с первыми лучами солнца, но тело его было так тяжело, а вокруг стояла такая тишина, что он решил, что даже слуги еще не поднимались. «Еще немного», — подумал он и закрыл глаза, устраиваясь в теплом гнездышке пуховика под одеялами. И он снова заснул после всех своих тревог, после прислушивания к звукам, которых не было в помине, после кошмаров в бесконечном пути по ущелью, так что ему казалось, что постель мерно покачивается под ним, после фантазий об опасностях, подстерегающих его здесь, в лабиринтах замка, захлопнувшего свои ворота, чтобы поглотить его.

«Стоит им захотеть, — думал он в одиночестве ночью, — и я исчезну с лица земли, и я, и все, кто приехал со мной. «Ты разве кого-нибудь посылал? — спросит Донкад у его господина. — Никто не добрался до меня».

Или он может и вовсе промолчать, как молчал он все эти годы. Тишина поглотит их, и лишь стены запечатлят в своей памяти их образ.

«Все это глупости», — наконец заключил он, когда свет уже забрезжил в окне. «Теперь они заметят по моим глазам, что я не спал, и что я им отвечу?» И глаза его закры-

лись. Веки так отяжелели, словно на них навалилась вся усталость предыдущих дней.

И все же в нем росло неведомое беспокойство. В замке все еще царила тишина, а пора было уже начаться какой-то жизни. Может, он неправильно определил время в момент своего первого пробуждения.

«Видишь, господин, — скажут потом слуги, — он все еще в постели в такой час». А может, Донкад и сам уже возмущен неучтивостью гостя.

В голове у него прояснилось — пора было приниматься за дело. Он откинул одеяла и подставил тело прохладному горному воздуху, терпеливо снося холод и все больше просыпаясь. Он выглянул в узкое окно и окинул взглядом простирившиеся Бурые холмы, суровые, каменистые, так и оставшиеся невозделанными.

Как этот пейзаж отличался от Кер Велла, окруженного полями и лесами, пастбищами, покрытыми цветами. Бурым холмам очень подходило их название — пустынная местность, пригодная лишь для овец. Даже воздух здесь был иным, и ветер не приносил запах растительности. У подножия скал тек ручей, но до Донала не долетало его журчание; ни плеска воды, ни порывов ветра, всегда наполнявших Кер Велл, здесь не было слышно. Холмы были покрыты камнями и колючим кустарником, и, похоже, в это время года никаких цветов здесь не цвело.

Он вздрогнул и, отвернувшись от окна, принялся искать свою одежду — из более тонкой шерсти, которую он захватил в надежде на более радужный прием.

Одевшись же и оставив все оружие, за исключением кинжала, пригодного за трапезой для резки мяса, он подошел к двери и открыл ее.

На скамье по соседству спал узолицый хрупкий паж, который встрепенулся на шум и вскочил.

— Господин, — промолвил он.

— Я слишком долго спал, — откликнулся Донал. — И нет, я не господин. Но где твой господин нынче утром и примет ли он меня?

— О, он на охоте. В округе волк задрал несколько овец, и мой господин с людьми отправились на его поиски.

— А-а, — промолвил Донал уязвленно. — Так я пройду в зал и подожду его там?

— Ждать придется долго.
— А завтрак?
— Ах да, завтрак, конечно, завтрак.
— А люди, приехавшие со мной — где они нынче ут-
ром?

— О, мой господин — он пригласил их к завтраку в зал и взял с собой на охоту. Они решили не будить тебя. «Оставайся здесь, — сказал мне мой господин, — и проследи, чтоб он был всем доволен».

Донал нахмурился, и снова в него закрался страх — не может такого быть, чтобы Бок без разрешения оставил его. Может, они надеялись таким образом завоевать расположение Донна и загладить его позорно поздний сон, или Донкад упрямо настоял на своем, и тысячи других причин могли заставить их сделать это, но даже на мгновение он не мог себе представить, чтобы такие люди, как Бок и Кайт и Дули, могли самовольно покинуть его.

— Ну что ж, я позавтракаю в зале, — промолвил Донал.

— Следуй за мной, господин.

Мальчик двинулся вперед, и он пошел следом — по гулким залам с деревянными полами, по деревянным лестницам, вдоль деревянных стен, мимо развешанных тут и там оленьих рогов, изысканно украшенных свечами, сейчас потушенными, ибо в окна проникал солнечный свет.

Они шли иным путем в отличие от предыдущего вечера. Он не помнил этих лестниц и украшений, и наконец его ввели в уютный теплый зал, где в очаге весело потрескивал огонь.

— Это не тот зал, — промолвил Донал.

— Да, этот меньше, — ответил паж, — сюда и придет мой господин, когда вернется. Здесь тебе будет удобнее, чем в большом с его отголосками и сквозняками. Садись здесь, господин, а я займусь завтраком.

— Я не господин, — повторил Донал, рассеянно оглядываясь. Его ждал стол, окруженный скамьями, во главе которого стояло единственное кресло. «Госпожи здесь нет. Донкад никогда не был женат. И странно, — подумалось ему, — что он всю жизнь слышал о Донкаде, но никто никогда не говорил, чтобы он имел жену или детей». Он был богат и почитаем при дворе короля. Временами Донкад спускался с холмов в долину и на несколько месяцев яв-

лялся к королю в Дан-на-Хейвин со свитой, знаменами и прочим, в то время как господин Киран сидел в Кер Велле, побывав там всего лишь дважды с печальными последствиями, да и то много лет тому назад.

Донал ждал большего богатства и меньше признаков крестьянской жизни тут. «Очень напоминает хутор, — подумал он, садясь за стол. — Или пастушью хижину, только гигантски большую». Здесь могло бы быть уютно и радостно. Но здесь не было детей — ни топота бегущих ног, ни игр, ни детских голосов — ни детей господина, ни челяди. Возможно, их не подпускали к ненадежным гостям, возможно, в замке были не только надоедливые пажи.

И женщины — конечно же, они здесь жили. Но такой госпожи, как Бранвин, здесь не было, потому-то замок и выглядел так мрачно — и дети своими играми не нарушали покой господина и царившую повсюду тишину. Человек, лишь в окружении мужчин, становится мрачным, как Донкад. «Я женюсь, — рассеянно подумал Донал, — заведу детей — с полдюжины по меньшей мере, на радость себе и жене» — а ведь до вчерашнего дня он мечтал лишь о славе и о похвале. Он видел в своей жизни лишь Кер Велл, мечтал увидеть Дан-на-Хейвин и короля, отправиться на какую-нибудь войну; но теперь, приехав в столь отличающийся от его родного дома замок, он всей душой стремился лишь назад, вспоминая, как красивы дома поля, как зелен лес, как прекрасно все то, на что он прежде не обращал внимания. И как богат был его господин — он никогда не думал об этом — не золотом, не тем, что было в Донне, а совсем иным.

«Может, нынче вечером, — подумал он, — станут играть на арфе, и люди начнут смеяться, признав в нас своих друзей. Что он спросит? И что я ему скажу? Боги, Бок, зачем ты это сделал? Напрасно ты оставил меня спать».

Наконец принесли и завтрак — не служанка подала его, но трое мрачных мужчин по очереди внесли хлеб, сыр и мясо в таких количествах, которые он никогда не видел в Кер Велле.

«Возможно, — подумал он, — все гости их обжоры или привыкли привередничать и любят, чтоб их вкусам угождали».

— Я поеду и посмотрю, не удастся ли мне нагнать ваше-

го господина, — промолвил Донал. — Велите оседлать мне лошадь.

На мгновение наступило гробовое молчание.

— Господин, мы скажем сенешалю, чтоб он зашел к тебе, — откликнулся, наконец, один из них.

Донал принялся ждать, и сенешаль пришел к нему — тот самый человек, что встречал их у ворот с золотой цепью, седой бородой и темными прищуренными глазами.

— Я не спросил вчера, как тебя зовут, — промолвил Донал. — Прости меня.

— Меня зовут Брендан.

— Я хочу отправиться нагнать охоту, — сказал Донал.

— Так мне сказали слуги.

— Мне будет нужен проводник.

— Наш господин не отдавал таких приказов.

— И что же, — сказал Донал, и сердце у него бешено забилось, а мысли помчались одна быстрее другой.

— Ради твоей безопасности.

Донал открыто и весело рассмеялся.

— Но я проделал этот путь ночью, во тьме.

— Я не могу позволить этого.

Смех оборвался, и Донал изумленно уставился на Брендана.

— Тогда я сам займусь этим. Где у вас конюшня?

— Я не могу позволить этого.

«Может, бежать под этим предлогом? Узнать, где Бок, Кайт и другие». Он отошел на два шага, неловко себя ощущая под ровным немигающим взглядом серых глаз. «Боги».

— А когда твой господин вернется домой? Сколько я должен здесь его ждать? Я не намерен долго оставаться. Это не входило в полученные мной приказы.

— Не очень долго, — откликнулся Брендан.

— Тогда я вернусь в свою комнату.

— На этот счет я не имел распоряжений. Молю, останься здесь.

— Вот как? — Донал приблизился к очагу и, обернувшись, взглянул на Брендана. «Возможно, моего оружия уже там нет. Но я должен вначале в этом убедиться».

— А где мои люди?

— Я справлюсь, — сказал Брендан, направляясь к двери.

— Я слышал... — Донал повысил голос, — что они отравились на охоту с твоим господином.

— Отчего же, вполне возможно. Я справлюсь, господин Донал.

Где-то внизу гулко хлопнула дверь, и эхо прокатилось, отдаваясь от деревянных стен.

— Может быть, это мой господин вернулся.

— Я не слышал, чтобы открывали ворота.

— Замок большой, в нем много залов. И то и дело доносятся какие-то звуки, обманывая слух. Постой. Теперь я уверен, что это он. Наберись терпения.

— А мои люди? — он стоял совершенно спокойно, не смотря на бешеный стук сердца. — Ты думаешь, они с ним?

На соседней лестнице слышались шаги большой группы мужчин, судя по звуку; и Брендан расплылся в фальшивой улыбке.

И вот вошел Донкад — без плаща, в легких сапогах — костюм, неподходящий для охоты; за ним вошли воины при оружии, в доспехах и заполнили всю заднюю часть зала.

— Где мои люди? — спросил Донал, следя глазами за этим братом своего господина, за этим худым и неулыбчивым человеком, который, войдя, взял кресло во главе стола, отодвинул его в сторону и уселся посередине зала, как господин, вершащий суд.

— Что? — спросил Донкад. — Что за болтовня о людях? Я полагал, мы будем говорить о верности. О мире. О прощении.

— Как прошла охота, господин? Взял ли ты волка?

— А-а. Волк. Не слишком удачно, господин Донал.

— Где мои люди, господин?

— Похоже, у тебя припев один и тот же.

— Пока я не получу ответа.

— Глупый юнец. Ты будешь давать мне ответы и без всякой помощи, один.

— Один. Вот твой ответ?

— Ты колдун. Я это почувствовал сразу, как только ты вошел. Говорят, как-то ночью, Донал, сын Гелвена, при за-

крытых дверях в Кер Велле творились необычные вещи — все исподтишка, игра на арфе — и говорят, в этот день была заключена сделка.

— Кто говорит? И почему ты позволяешь утверждать такое — чтоб найти подтверждение собственным домыслам?

— Сделка такая же, как брат мой заключал и прежде. Как в битве при Кер Велле. Мы знаем, что это предвещает, и, заметь, он был младшим в нашем доме, теперь же у него есть замок и земли, и имя, известное повсюду и унижающее короля. Эвальд из Кер Велла принял его в семью, и то была его ошибка.

— Все это немыслимо.

— И все же правда, господин Донал. Эвальд был в расцвете лет, когда вдруг умер, не прожив ему отпущенного срока.

— Мой господин любил его. Эвальд ему был ближе, чем вся его кровная родня.

— Но Эвальда постигла безвременная смерть, не так ли?

— Все люди смертны, господин. И никто из нас не знает собственного срока.

— И все же за закрытыми дверями была та встреча: и заключались сделки и строились планы, какая участь суждена остальным. Ни у кого нет земель его богаче и более здорового скота и лошадей — и это он-то, двоюродный брат короля по жене. О да, все люди смертны. И удача может обходить их стороной. Но он заключил сделку с Ши, чтобы получить все, что он имеет. Я знаю это. Все противно законам естества в его владениях. А теперь он метит выше — о, я не сомневаюсь, теперь он хочет победить меня. Король слабеет... боюсь, не протянет и до лета. И теперь в Кер Велле свершается новый стовор. Ты был там. Ты знаешь, что там говорилось и к чему они пришли.

— Ши предупреждала его об опасности.

— Не сомневаюсь, что она говорила обо мне. И теперь он говорит: «Приди ко мне и будь мне братом и помоги мне сбросить короля...»

— Он служил королю лучше, чем король служил ему. И первая забота господина была всегда о короле, о Лаоклане. Ши говорила об опасности, о тени, нависшей над нами, и потому мой господин послал к тебе...

— Чтоб я ему поверил.

— Он любит тебя. Дважды он отправлял гонцов к вашему отцу. Теперь — к тебе.

— Когда-то в этом зале было больше радости, он был полон моей родни. Их кости лежат у стен Кер Велла.

— Они сами предпочли быть там, отправившись вслед за королем. Как тил. Как Эвальд. Как мой господин. А без него...

— И его союзников Ши.

— Он выиграл битву для вас; и если погибли его двоюродные братья, неужто ты думаешь, он не оплакивает их? Что ж, там погибли многие. Мой дядя и мои двоюродные братья. Нет никого в Кер Велле, кто не потерял бы в том сражении родню. Ты не один такой, господин Донна.

— А он все богатеет. Он и его союзники. А теперь он шлет ко мне гонца, надеясь получить еще больше, чем имеет. Мне надо знать, что было сказано той ночью.

— Ничего, имеющего отношение к тебе. Много дельных слов. И нежных чувств.

— К Ши.

— Господин, если говорят правду, то кровь Ши в нем со стороны твоего отца, господин. Я не понимаю, за что ты ненавидишь его.

Вена вздулась на виске Донкада, а ноздри побелели.

— Мы знакомы друг с другом. И я владею зрением. Какую сделку он заключил?

— Речь не шла о сделке.

— И что он носит при себе? О, я и сам знаю. Я много чего знаю.

— Кроме правды. Ты все это узнал от своих соглядатаев? Он послал нас сюда с открытым сердцем. Он желает тебе лишь одного — добра.

— Эта встреча... этот приход...

— Эта встреча. Ты слишком пуглив, господин. На ней не было заключено никаких сделок. — «Снова он об этом, — подумал Донал. — И слова исчерпаны». Он повернулся, чтобы прикинуть расстояние между собой и дверью — из пятерых, охранявших ее, одно лицо ему показалось знакомым — коротышка ухмыльнулся при виде его и расплылся в безобразной улыбке.

— Вот оно что, — сказал Донал, чувствуя, как почва ухо-

дит у него из-под ног. — Калли. А мы-то волновались, куда ты делся, — и добавил громче, не отрывая глаз от Калли: — Господин, а знаешь ли ты, что держишь у себя воров? Или ты их вскармливаешь?

Руки метнулись к мечам, и клинки блеснули в лучах солнца.

— Живым, — раздалось сзади. — Взять его живым.

— Калли! — воскликнул Донал и, легко выхватив кинжал, метнулся вперед — Ризи научил его — вонзив по рукоять его в брюхо Калли. Не останавливаясь, он нырнул, подхватил упавший меч Калли и бросился бежать, чувствуя, как в спину вонзилось острие оружия и чужие руки хватают его за одежду. Он развернулся в коридоре и сделал выпад против наступавших из-за двери, и побежал. Он ощущал раны в спине, в боку, там, где его достал чей-то клинок. С яростными воплями весь замок грохоча бросился за ним следом: преследователи были повсюду — наступали сзади, бежали снизу по лестнице, которая ему была нужна.

Он бросился к свету — к окну, через которое струилось солнце в темный коридор: он знал, что находится на вершине замка, но такая смерть была быстрее и легче. И он кинулся ей навстречу, когда на него набросились. Чьи-то руки пытались ухватить его за одежду. Залитые светом холмы ослепили его на мгновение. Он оттолкнулся от подоконника и полетел, чувствуя, как чистый ветер подхватил его.

Ветви вонзились в него, как клинки.

Он ухватился за них, пытаясь удержаться, и снова полетел вниз со скалы, поросшей кустарником — один удар, другой, и в глазах его померкло.

До него донесся лай собак с залиvistыми всхлипами и звуки голосов. Он был на скале, а до дна ущелья не долетел.

— Обойдите, — закричал кто-то, — обойдите со стороны холма. Если его нет внизу, значит, он свалился на тот заросший кустами уступ.

— Туда долго лезть.

— Пустите собак, болваны, и побыстрой.

Он протягивал руки, как младенец, неустанно продолжая ползти, и это движение облегчало одну боль и прино-

сило другую — глубокие ссадины на теле — сначала под ним был кустарник, потом — гладкий горячий камень, и вкус крови на губах, и приступ нестерпимой боли, пронзившей его до корней зубов, до самой сердцевины чрева. «Кости сломаны», — подумал он, расслышав собак, и продолжал ползти. Сознание к нему вернулось, и он различил топорщившуюся листву и свет на камнях и резную тень листьев. Боли он уже не ощущал. Все превратилось в одну сплошную рану, он встал на распухшее колено и, спотыкаясь, поднялся на ноги. Он стоял, держась за искореженную ногу, и смертельная глубина ущелья, покачиваясь, плыла перед его взором; освещенные солнцем камни манили и не пугали, но он отшатнулся назад, сделал шаг, другой, ибо он еще видел холмы и небо, и направился к ним.

«Там собаки», — подумал он. Он не мог вспомнить, где он находится и как он здесь оказался; потом до него донесся разговор двоих, охотившихся на него, и он понял, что пришел сюда умирать. Он вспомнил деревянные коридоры, вдруг оборвавшиеся этим кошмаром, потом он ударился головой и упал. И тут были колючие ветви — он все еще ощущал боль уколов, когда они впивались в его тело; он утер залитое кровью лицо и, поднеся руку к глазам, устоялся на нее.

«Донн», — подумал он затем, и память к нему вернулась: эти странные холмы, которые он узнавал, были холмами Донна. Он ощутил всю тяжесть нависшего над ним замка и увидел себя, карабкающегося по краю у всех на виду. Впереди уступ кончался — еще одно падение — и мужество оставило его. Там были деревья, там была надежда, пусть на мгновение, но это мгновение включало всю оставшуюся жизнь. С той стороны холма, из-за спины, к нему уж поднимался человек; и то был лишь один из слуг Донкада, которые, рассеявшись, ищут его по всем холмам.

Он добрался до склона, до травы и кустов, где древние камни воздевали вверх свои черные пясти, обреченно глядя на полевые цветы — первые мазки краски на этой бурой мертвой земле. Он был как на ладони на этом холме, лишенный прикрытия деревьев — он двигался то и дело хромя от приступов боли в боку и искалеченной ноге. Собаки лаяли и выли. Враг наступал, и он почувствовал, как у него снова меркнет взор. Небо поблекло, и стало темно

как ночью, повеяло жутью, и мелкие твари замелькали меж камнями, уродливые кривые тени.

«Сюда, — послышался чей-то голос. — О, человек, иди, протягивай мне руку».

Теперь во мраке он различил какой-то свет, становившийся все ярче и теплее, и с надеждой он потянулся к нему. Раны его сковало холодом. Словно через океан протянул он руку, и кто-то прикоснулся к ней, взял ее в свои и подхватил его, когда он начал падать. Дымка окутала его серым плащом и заключила в объятия. Он стоял на коленях, прильнув головой к чьему-то плечу, и чувствовал нежную руку на своей голове, словно он был ребенком, вернувшимся домой.

— Ну же, не бойся, я держу тебя.

Он почувствовал запах листьев, зелени, роз и лилий, который напомнил ему Бранвин. Он ни о чем не тревожился, но вот загрохотал гром, и ветер взвился голосами. Он поднял голову и встретился с ней глазами. Ветер развевал ее волосы, а глаза ее были жуткими очами Ши.

— О, человек, что делаешь ты здесь среди этих камней? Тебе здесь не место.

— Мой господин послал меня к Донкаду, господину Донна, Дина Ши, чтоб заключить с ним мир, а Донкад замыслил против нас убийство. Я потерпел поражение, я обесчестил себя, о, Ши! — он слышал звуки рыданий в порывах ветра и поднялся на ноги, ослепнув на мгновение от блеска молний, выхватывавших из тьмы вздымавшиеся как колонны скалы. — Ши, они не должны поймать меня.

— Не бойся, они не поймают, — Арафель встала рядом с ним.

— Там кто-то есть! — вскричал Донал, ибо меж скал что-то кружилось и подскакивало, пока не исчезло во мгле.

— Он не причинит тебе зла. О, человек, не стоило тебе сюда являться. Разве я не говорила, что на запад нет надежды? Разве я не предупреждала вас? Возвращайся, скажи своему господину, чтобы не ждал ни надежды, ни помощи от других. А отсюда — меньше всего. Донкад заслуживает его сожаления.

— Сожаления? Человек, покушающийся на жизнь гостей?

Она ему казалась белым облаком, словно какой-то внутренний свет исходил из нее; потом белизна померкла, покрывшись черными пятнами на груди и руках, а потом она уже вся была в его крови.

— Пусть пожалеет Донкада. И Кер Дав, Ан Бег и Брадхит. Да, пожалеет. Они всего лишь люди и погрязли в зле, которое пытались приручить. Оно же окружило их и лежит затаившись. Я сделаю тебе подарок, чтобы ты видел опасности, но его не спрячешь, ибо это место могущественно, и оно приманило тебя сюда... — грянул гром, и ветер вихрем окружил их, так что и плащ, и волосы ее взметнулись вверх, и она рассыпалась светом, словно истекая кровью; и жало холода впилося в него, словно проверяя глубину его ран.

— Это из самого древнего Элда, — выкрикнула она, пересиливая вихрь. — Он дует с Дун Гола от старости, от злобы и ненависти... Ты таешь, человек, остановись! Держи меня за руку!

Наощупь он ухватился за нее. Ее плащ обвил его, и, нащупав его руку, она повела его вперед. С усилием он опирался на свою больную ногу, даже несмотря на ее помощь, чувствуя, как их сотрясает ураганный ветер.

— Арафель! — раздался тоненький голосок. — Арафель! Подними его вверх!

— Подступает. О, прижмись ко мне, человек. На тебе нет железа, и ты сможешь удержаться. Не дай ему стряхнуть тебя.

Они вступили в пространство, заросшее деревьями, странными серыми деревьями, которые скрипели и хрипели под напором ветра. И снова перед ними вспыхнул свет, почти у самой земли, как пригоршня молний, и маленькая тварь, подпрыгивая на четвереньках, метнулась рядом с ними.

— О-о, — взывала она слабым тонким голосом, — о, Дина Ши, садись верхом, верхом, верхом. Здесь слишком страшно, слишком страшно. Тебе не осилить его.

— Добудь ему лошадь, — промолвила Арафель. — Граги, прошу тебя.

И ее не стало. Он споткнулся и его подхватили на руки — теплые сильные руки подняли его как ребенка, словно он был легче перышка, руки, пахшие сеном, солнцем, землей, и он снова лишился сознания, ощущая жгучую боль.

Потом его швырнули на спину вздрогнувшего пони, и он постарался удержаться за гриву и перекинуть ноги по бокам: странное создание, подпрыгивавшее перед ним, тянуло его за ногу и поддерживало, стараясь помочь.

— Скорей, скорей, скорей, — неустанно повторяло оно, — мрак наступает, одинокий мрак; о, человек, о, человек, Граги должен помочь ей, Дина Ши. О, торопись, человек! Этот пони не потеряет тебя.

— Помоги ей, — ответил Донал, но рядом уже никого не было. Пони тронулся вперед, и мимо замелькали деревья: он пустился вскачь, но Донал не ощущал бега, словно он летел по воздуху, этот маленький косматый пони.

Оно пришло. Завыли ветры. Арафель, крепко держась на ногах, вынула свой узкий серебряный меч, звездным светом пронзивший ночь.

— Финела! — позвала она, и за спиной послышались раскаты грома.

Потом ветры стихли, и ночь стала беззвучной — там, меж древних камней, в которых виднелся проход в темное сердце горы.

И мрак высился там, превратившийся в высокого стройного эльфа.

— Арафель, — промолвил он.

— Дайет.

Он улыбнулся. Все было черным на нем, и свет, падавший на его одежду, тут же умирал. Она держала меч перед собой, но даже его серебро поблекло — то было его место и его владения.

— Я свободен и я властелин этого места, — промолвил он. — Властелин всей этой земли. Я вернул назад...

— Духов. Всего лишь духов, Дайет. И печаль. Живи. Но уйди обратно. Вернись в свой сон.

Облик его померк и снова уплотнился. И меч, такой же, как у нее, блеснул в его руке, но с голубой прожилкой вдоль клинка, пропитанного тусклым ядом.

— О, Арафель, — промолвил он и опустился на камень, положив руки на колени и нежно улыбнувшись ей. — Чары мои разрушены, и ты считаешь, что я послушно погружусь обратно в сон? О нет, — клинок взвился, целясь ей в сердце, и ветер, дыша холодом, зашелестел травой. — Слишком давно мы друг друга ненавидим.

— Дроу, — промолвила она. — В моем сердце есть место жалости к тебе.

— Жалость. Я не знаю, что это такое. Я потерял ее.

— Ты хочешь сердце? У меня их много — я их храню. Скажи — которое, и я отдам.

— Даже свое?

Она прикоснулась к камню на своей груди и ощутила закравшийся в него холод.

— Его-то ты и просишь? Да, я отдам его.

— Как мудро, — он улыбался, но взгляд был серьезен. — Но стоит мне его взять, и ты меня свяжешь им — на это ты и надеешься. Как ты связала этого человека — о, я все знаю — ты дала ему камень, но он не поможет твоему любимцу. Мои чары пересилили его. А скоро они победят и его самого. Ты слишком щедра на такие подарки.

— Я считала, что ты отважнее. Что, хочешь померяться силой?

— Я не глупец, чтобы давать тебе такое преимущество, — он встал, держа перед собой меч. — Эта земля моя, Арафель. Ее король принадлежит мне со всеми господами, включая того, Донкада. Он ненавидит нас. Но жаждет от меня власти, чтобы сравняться с братом — это ли не полудски? Он в моих руках. Как Кер Велл — в твоих, но не навечно. Ах, сестричка, как плохо ты хранила Элд — от него осталось несколько деревьев, а Ши и не шелохнулась. Где остальные, Аовель? Наш брат Лизэслиа тоже ушел? Вы отринули мир. А могли бы им править. Глупцы!

— Ты уже создал один Дун Гол. Тебе еще нужны мертвецы? Снова захотелось эльфийских костей? Далиет, я помню, каким ты был, и скорблю о том, что ты откололся.

— Это человеческая кровь на тебе? — он поднял меч. — Смертность. Она прожгла прорехи на твоих доспехах. Но я отпущу тебя. Ступай, Арафель, — острие меча накренилось к ней ближе. — Или сдавайся. Я снизойду до милости к тебе. Хорошая цена за мое долгое ожидание. Нас много, о, как нас много — тысячи тысяч. И мудрее всего сдаться мне на милость.

— Нет, — ответила она, поднимая меч, ибо Далиет приблизился. — Неужто я послушаюсь твоего совета? В них никогда еще не было прока. Так неужели я поверю тебе сейчас?

Рванул пронзительным холодом ветер. Он прыгнул и бросился на нее, и она едва отвела его удар. Его мертвенно бледное лицо мелькало перед ней в перекрещении клинков, метавшихся, как вспышки света, с эльфийской быстротой. Ветры сражались на его стороне. И она почувствовала, что тело ее немеет. Молнии освещали холм и вспыхивали меж камней, превращая его лицо в черноглазую маску, а мелькание его клинка в синеватые вспышки. Его доспехи отразили ее удар; ее же, запачканные человеческой кровью, грозили подвести ее — и она все отступала и отступала, чувствуя, как немеют пальцы, как отражает ветер ее удары. Синее лезвие скрестилось с ее мечом и мимоходом ранило ее руку своим отравленным острием.

Но она отразила этот удар и рассекла ему щеку. Он вскрикнул и исчез среди камней. И чрево древнего холма разверзлось перед ней — то, куда он ушел. Оттуда вылетал ветер, и доносилось бормотание многих голосов, сулящих ей зло и гибель.

— Иди, спускайся к нам, — говорили они.

— Дина Ши, — раздался сзади тоненький голосок. — О, Дина Ши, не слушай. Граги не сможет последовать за тобой во тьму. Не ходи туда.

Гром загредел вокруг, и вспышкой света явилась Финела, а на спине эльфийской кобылицы восседало маленькое темное существо, прильнув к ее гриве. Оно протянуло руку.

Арафель ухватила за нее, чувствуя, как ее покидают силы, и Финела понесла их обоих прочь, и грохот ее копыт громом отдавался по долине; но и этот звук становился все глуше.

— Не падай, Дина Ши, — с мольбой прозвучал голосок, и сильные руки обхватили ее. — О, не падай, иначе все они набросятся на нас.

— Увези меня, — прошептала она сквозь раскаты грома. — О, братец, я отравлена. Отвези меня домой, в Элд, в тот Элд, что за рекой. Оно пробудилось, пробудилось, и мне теперь не остановить его.

Тени сгущались в зале, и слуги ходили на цыпочках. «Исчез, — сообщали охотники. — Господин, мы не можем его найти».

— Снова ищите, — велел Донкад, и опять в кустах замелькали огни, как светлячки, и залаяли собаки, носясь туда и сюда, пока не пошел дождь.

Теперь он сидел в зале и пил красное вино, пытаясь усмирить те страхи, что грызли ему душу. «Исчез, исчез, исчез». В нем что-то было, в этом юноше, от Ши, и люди его клянутся, что видели, как он упал и как разбился о скалы. Но он исчез.

«Человек», — раздался шепот в сумерках под стук дождя по карнизу и деревянной крыше, и темный человек возник во мраке угла, и Донкад принял его за сон или же за какое-то явление древнего Кер Донна из глухих камней. У его брата была Ши; зато у него были духи, темные порхающие существа, ничего не знающие о гибельной зеленой дымке — они шептались с ним по ночам и приносили с собой холод как истинные привидения.

«Человек, он улизнул от тебя насовсем».

Существо придвинулось. Казалось, лицо его сочится кровью, и кровь дымилась — тонкие струйки по бледной щеке, как теплая вода по льду и снегу.

— Что же мне делать? — спросил он своего советчика. — Какой ты мне можешь дать совет? И кто ранил тебя?

Темный человек склонился ближе, оперевшись на подлокотники его кресла, и ледяное дыхание ударило ему в лицо, и вино разлилось из опрокинувшейся чаши.

— Арафель ее имя, имя той силы, что помогает твоему брату. Она унесла любимца твоего брата с собой, и, как ты думаешь, какие вести теперь она принесет ему? Глупец, Донкад, глупец, что все нарушил. Ты не послушался меня.

Донкад вспыхнул, заерзав на месте. Темные и жестокие глаза смотрели прямо на него, и он попытался не отводить своих.

— Мой брат. Я знаю, кто союзники у моего брата. Эта сила, которую ты обещал мне — где она? Где этот мальчик с душой Ши?

— Человек, — видение склонилось ниже и улыбнулось, прекрасное и жуткое в одно и то же время. — Человек, за кого ты меня принимаешь?

Донкад уже думал об этом, но думать об этом было тяжело, как тяжело было удержать в памяти это лицо, даже тогда, когда оно склонялось над ним, как сейчас. «Киран»,

— подумал он, вспоминая радость прошедших дней, и холмы, освещенные солнцем — и мысли его заскакали, как скакало лицо перед ним — когда еще не было Ши, и он не знал, кто его брат и что значит править. В те дни они умели смеяться.

— Я — Ши, — промолвил дух, но так тихо и неразборчиво, что голос был будто и не слышен, но он был ясен и мелькал, как свет на темной воде. — Тебя пугает это, Донкад?

— Киран! — вскричал Донкад, взывая к безмятежному прошлому, к такому далекому времени. — О, Киран, неужто так же было с тобой?

— Тебя страшит это, Донкад?

И бледное прекрасное лицо затопило его. Повеяло запахом сырых старых камней, древним лесом и ночным ветром. И в сердце его что-то шевельнулось, словно кто-то нежно прикоснулся к нему, и то был страх и жажда власти.

— Исчезни, — прошептал Донкад. Мгла окружила его, и он мог лишь шептать. — Оставь меня, дух.

— Ты хочешь приказывать мне? Но тебе потребуется мое имя. Дух — это ты. А я — Далиет. Можешь гнать меня, если хочешь. Но неужто ты думаешь, твой брат поступит так же с Ши, которую взял себе в союзники? О, ты всегда знал, кто я такой. Я нашептывал тебе это в твоих снах. Я повторял это снова и снова, и наконец сегодня ты услышал меня. Прогони меня, Донкад, и останься один. Ты убил людей твоего брата. Ну же, произнеси мое имя; прогони меня, если хочешь, но ты совершил убийство. Я ведь могу встать и на его сторону или предложить свою помощь другому господину земли людей, чтобы помочь ему стать королем. Лаоклан отходит. Твой брат честолюбив. Как и другие господа этой земли. Так что ж, прогонишь меня, человек, и будешь дожидаться, когда войска осадят твои деревянные стены?

Холодный пот выступил на лице Донкада, его обдало страшным ветром. Ему стало не по себе, сомнения, к которым он так привык, терзали его душу. Ему было страшно. Страх сочился из самих камней, лежащих под ногами. Он чувствовал, как все вокруг шевелится. Кер Донн принадлежал Ши — он всегда это знал. И Ши, как и людям, было знакомо зло и потворство и козни друг против друга. Этот, живя здесь, защищал Донн.

— Так ты просишь меня уйти? — спросило существо. Прекрасные его глаза светились окнами во мгле, лаская его сердце уверенно и ловко. Он не мог сопротивляться им.

— Нет, — ответил он, смирившись. Ему трудно было признаваться в этом, но у него не было другого советчика, кроме его духа, чьи советы всегда были верны. Ему был известен мир, он участвовал в жестокой войне и в еще одной, после, когда дом его был обесчещен, здоровье родителей подорвано, а родня погибла в бою или ополчилась друг на друга. Благодаря советам своего духа он обратил на свою сторону короля. Обрел власть, когда другие злоумышляли и вели интриги вместе с королем, который знал лишь заговоры и убийства.

— Тогда послушай, — промолвил Ши, его темный человек, голосом, нашептывающим ему мысли уже много лет — а он-то думал, что этот голос принадлежал ему. — Ты должен быстро собрать свои силы, пока брат твой не помещал тебе. Не надо ждать осады здесь. Кер Донн никогда не был приспособлен для нее; и если ты запрешься в этих холмах, он достигнет Дан-на-Хейвина и отрежет тебя от короля. Выступай нынче же ночью, пока еще можно.

— И что дальше?

Убийство пришло ему на ум — украдкой — даже не шепот, а видение — король, безжизненно лежащий в гробу, и войска с пиками, сверкающими на солнце, вступающие в долину.

«Помешай ему, — донесся голос, — помешай».

XI. Отступление

Они были все еще там, скрываясь в зарослях, откуда время от времени вылетали стрелы: люди Дава, а может, и дикари Брахита прятались на берегах озера в камышах и ивах. И повсюду в холмах рассеялись жители Кер Велла — крестьяне, умеющие обращаться с луком и копьем и знакомые с мечом, даже старики и дети, готовые ко всему в случае необходимости; и лучники явились стройными колоннами, а не как-нибудь, и немало дочерей, искусных в стрельбе, были готовы к вражескому наступлению на границу.

— Ступайте на юг, — сказал Киран людям с хутора Аларда, которые прибыли первыми и подстрелили немало засевших на берегах Лиэслина. — Вместе с соседями разойдитесь вверх и вниз по течению Банберна и следите, не зашевелится ли Ан Бег.

И сыновья Аларда отправились в путь, и Киран не без сожаления проводил их.

— Ан Бег распустит слухи, — мрачно промолвил Киран, — и король узнает, что я заварил войну, взбудоражив всю страну. И стоит напасть Ан Бегу, скажут, что это я пошел на них.

— Возвращайся в Кер Велл, — заметил Барк. — В твоём присутствии здесь нет нужды. Меньше будет разговоров, если ты вернешься домой, а все, что происходит здесь — так в этом я повинен.

Киран ничего не ответил на это. Он устал от просьб Барка и, отойдя в сторону, укрылся за холмом. На нем теперь были кое-какие доспехи, сделанные для него крестьянами, — переплетенные кожи; и об этом тоже ходили толки. А как же могло быть иначе: их господин был связан с волшебством и не мог носить меч из железа, он держал эльфийский камень у сердца и вздрагивал от стрел Дава с железными наконечниками. Он встречал их взгляды, когда обходил ряды, и чувствовал молчание, с которым они его встречали, словно видели нечто жуткое, а не усталого седого человека в разноцветных лоскутах кожи. Днем он останавливался и шутил с ними, как часто это делал у изгородей, объезжая свои владения, но в его отсутствие о нем шептались — он это знал. Теперь он молча шел вдоль гребня, лишь время от времени приветствуя знакомых ему людей, как Канн из замковой стражи или Грэг с хутора Грэга. Но слухи продолжали расползаться. «Благодаря болтовне люда Кер Велла, — думал он, — они рассказывают сказки своим братьям на хуторах; и теперь это не оставишь».

Он устал от всего этого, устал сверх меры и чувствовал, как плечи его сгибаются от одиночества — даже Барк не понимал его, Барк, который все реже и реже заговаривал о Донале и строил все более дикие догадки, бросаясь всякий раз заслонять своего господина, когда ему казалось, что что-то может угрожать ему. Гнев разгорался в Барке — он

во всем винил камень — темную вещицу, скрутившую и омрачившую их долгую дружбу — винил и злился, и ярость разгоралась, как не до конца затушенный огонь.

«Напрасно ты послал его, господин. Он пошел в замок, из которого ты родом. И ты был слеп», — но Барк не проносил это вслух никогда.

Он двигался к посту, занятому им накануне вечером — каменистому гребню, с которого были видны холмы и озеро. Здесь они стояли, когда к ним подошли воины из Кер Велла — подошли в разгар сражения и научили нападавших уму-разуму. Это был славный момент в их стоянии здесь, хотя он не принес добра Боду, который не вернется домой к своей жене, как и другие, потерявшие тут жизнь. Небо угрожающе нависло; с утра что-то недоброе витало в воздухе, а теперь тьма, объявившая северо-запад, стала черней и страшней, лишь молнии прорезали ее — хотя смертному глазу она казалась всего лишь тучей, разыгравшейся непогодой...

— Укройте хворост, — донеслась до него команда военачальников. — К ночи туча дойдет до нас.

Заката так никто и не увидел: запад был объят слишком плотной мглой, чтобы через нее могли пробиться лучи солнца; гладь Лиэслина стала свинцовой и еще менее спокойной, чем прежде — источник миражей и жути, оправленный в тенистые камыши. «Зло», — провозглашало озеро всем своим видом — эльфийские пейзажи были светлыми, в серебре и зелени деревьев — здесь же этого не было и следа. Озеро было отравлено. И холмы вздымались рядом с ним как железные стены, и деревья лежали поверженными и сожженными.

— Мне это не нравится, — сказал Барк накануне, когда они ожидали атаки. — Это место давит на меня, как ни одно другое, где мне доводилось бывать.

И это Барк, которому не свойственно было шарахаться от теней. И войско, прибывшее из замка, ходило с затравленным видом, то и дело посматривая на озеро, на запад, и это ничем не отличалось от того, как вели себя до них крестьяне.

— Господин, — промолвил Барк у него за спиной, — он все время слышал сзади его поступь, зная, что Барк следует за ним как неотступная тень. И подойдя, Барк опустил-

ся на соседний камень — его страж, его телохранитель и неотвязный спутник.

— Нынче стало еще хуже, — наконец произнес Киран, не видя теперь разницы на западе между днем и ночью.

— Я бы хотел, чтобы тебя здесь не было, — ответил Барк.

Кирану нечего было ответить на это, и Барк погрузился в долгое молчание.

— Я ощущаю бурю, — затем заметил Барк. — Другие тоже. Я уверен в этом.

— Разве то не ее дар — видеть такие вещи? — пробормотал Киран. Он думал о Донале, как и Барк, о чем было не трудно догадаться, о верном мальчике, отправившемся туда вопреки предчувствиям.

Потом ему почудился грохот копыт во тьме, и камень начал жечь ему грудь.

Барк поднялся и хотел что-то сказать.

— Помолчи, — попросил его Киран. — О, друг мой, отойди от меня подальше...

«Звук доносится из ущелья», — подумалось ему. Мир был распят и скомкан, как железо на наковальне. Он увидел во мгле огни, искривленные стволы деревьев, и страшный мрак, свернувшийся над озером, зашевелился споронок.

Грохот копыт становился все громче, послышался лай псов, и вой ветра смешался с голосами.

— Госпожа Смерть, — прошептал он, стараясь различить человека, стоявшего рядом с ним. — Барк, Барк, беги, спасайся.

Воздух всколыхнулся от железа, от вырвавшегося из ножен клинка, отравившего ветер.

— Никогда, — откликнулся смутно различимый силуэт Барка. — Что это, господин?

— Ты слышишь гончих? — лай затопил небо и землю, а кусты и трава зашептались вокруг них, как хор неявных голосов. Скользили тучи и между ними мелькали темные тени. Когда-то порванная рука Кирана похолодела и налилась болью, как и камень на его груди. Ветер приносил обрывки детских криков, вой раненых животных, предсмертные вопли и звон битвы.

Вдали, на фоне ночи, появились два силуэта, постепен-

но превратившиеся во всадников, — один скакал к северу, другой — прямо к ним, второй был чуть меньше и не столь ужасный — да это же всего лишь пони, несущийся меж молниями и ветром, и его лохматая шерсть и грива вспыхивают, словно болотные огоньки, освещаая светловолосую склоненную голову седока.

— Донал, — пробормотал Киран и повторил громче: — Донал, Донал! — и, сжав камень, он бросился ему навстречу. Ибо гончие госпожи Смерти окружили пони, нахлынув волной черноты: пони вскинул голову и заржал, и круговерть теней, принесенных ветром, скрыла их из вида.

— Мой господин! — бросился за ним Барк, и ветер уже хлестал дождем. Мир потемнел, и тучи закрыли все зеленоватой мглой, прорезаемой лишь молниями, да грохот грома сотрясал землю. — Господин, остановись, там люди Дава...

Киран стряхнул со своего плеча руку Барка и побежал дальше, утирая дождь с лица, всматриваясь в заросли, пока не увидел лежащее тело. Светлые волосы потемнели от дождя и сумерек, а вымокшая насквозь одежда больше подходила для какого-нибудь зала, но она была изорвана и вымазана кровью, которую смывала дождевая вода.

— Донал! — вскричал Киран, опускаясь на колени. — О, Донал!

Барк тоже опустился на колени и перевернул Донала, подставив его бледное лицо под хлещущие струи дождя: и грудь его приподнялась от дыхания, и шевельнулась одна рука, словно он пытался заслониться от слепящих всполохов.

— Донал, — промолвил Барк, перебарывая ливень. И небо снова прорезала молния. Бледное тело возникло в прорехах одежды, и Барк приложил руку к боку Донала, где виднелись свежие раны.

— Такое не залечить и за месяц — о боги, кто мог это сделать?

— Ши, — пробормотал Киран, вздрагивая под дождем. — Он был с Ши, — он поднял помертвевшее лицо Донала и обратился с мольбой к камню. — Донал, Донал, Донал, услышь меня.

И глаза Донала открылись, он замигал от дождевых капель.

— Господин, — пробормотал он, и взгляд его болезненно блуждал, — брат, я упал... собаки, много псов...

— Тише, молчи, ты упал с пони. И псов уже здесь нет.

— Господин, — попросил Барк, — позволь, мы отнесем его в наш лагерь.

— Они мертвы, — пробормотал Донал, — все остальные... — но Киран не стал слушать и, подхватив вместе с Барком его под окоченевшие руки, понес его за сторожевые линии. Донал, прихрамывая, старался сам идти и не умолкая твердил о предательстве, о тьме, о тени, об убийстве и господине Донна, но об этом Киран и сам уже догадывался, давно уже — что все его надежды рухнули, и он послал добрых людей на верную смерть.

— Хотя ты вернулся, — промолвил он Доналу, когда они уложили его меж теплых одеял в каком-никаком укрытии. — Теперь ты должен отдыхать, — но в свете молний он видел его раны — ужасные следы коварства.

— Уезжай домой, — сжал Барк руку Кирана, заставляя его выслушать себя. — Ты сказал, что лишь дождешься их возвращения. Ты всех дождался, больше никого не будет. Что тебе здесь делать? На что еще надеяться?

— Не на что. Здесь — не на что. Я отправлюсь в Кер Велл, — Киран смотрел во тьму, и дождь плясал на его спине. — Я уведу с собой все силы, кроме тех, что будут сдерживать Брахит. И Дав. Нам следует не столько сражаться, сколько наблюдать. Мой брат ответил мне, и его ответ мне ясен, — у него перехватило дыхание. Он вздохнул, и воздух обжег ему грудь, как пылавший камень, и глаза его горели невзирая на дождь.

— Я уйду домой.

Барк помолчал и оставил его.

Киран вздрагивал при каждом ударе грома. В выбоинах, протоптанных лошадьми, отражались молнии, ибо дождь их наполнил водой, стараясь стереть щербин, оставленные людьми. «Арафель, мудро ли я поступил? Боюсь, что нет. О боги, ответь мне, Арафель?»

Донал то и дело засыпал, прижимаясь к гриве пони, которого достали специально для него — старую фермерскую лошадку с ровным и мерным шагом. Временами ему снилось, что он скачет по ветрам и туманам, совершая

волшебный полет, но когда он просыпался, то видел обычного пони с налипшей на копыта грязью, и уже не знал, не приснилось ли ему и то, другое, и был ли наяву весь тот ужас, что приключился с ним.

Но снова и снова он видел рядом с собой Кирана и принимался бессвязно вспоминать о Кер Донне, Донкаде, о Боке и других, чувствуя, что все перепуталось, и пытаясь рассказать все по порядку.

— Это Донкад сделал с тобой? — спрашивал Киран, и в голосе его звучал с трудом сдерживаемый гнев. И наконец: — Донал, дай мне руку, дай мне ее.

Донал протянул свою руку, соединяя пространство, разделяющее их — и силы полились в него от этого прикосновения, и боль затихла. Они ехали вдвоем — он и его господин — и все вокруг было в сером тумане. Потом он сидел где-то — казалось, на траве, и господин его сидел чуть выше, взирая на него, но облик его стал иным — морщины на лбу разгладились, и ореол волос сиял как солнце в этой мгле, глаза же принуждали к правде, когда он спрашивал его о том, о сем, и Донал отвечал ему как должно.

«Он как король, — с удивлением подумал Донал. — И если бы страна имела королем его, а не Лаоклана, ни одно из этих несчастий не случилось бы».

Он вспомнил и остальное — Ши и тьму — и рассказал ему об этом.

— Останься здесь, — сказал ему господин и, встав с места, направился в туман. Казалось, он что-то ищет, но туман был повсюду, скрывая все из виду.

— Господин, — воскликнул Донал, тоже вскакивая из страха, что его оставят одного. Он попытался идти следом, но силы оставили его, и мелкие кривые твари вынырнули из мглы, стараясь утащить его с собой.

Но тут он вновь ощутил щекой жесткую шерстку пони, и раны его тупо ныли, а когда он попытался выпрямиться, то увидел, что господин его едет рядом с ним.

— Ты упадешь, — тихо промолвил Киран. — Не старайся сесть.

Но Донал не послушался и некоторое время ехал сидя, держась обеими руками за холку. И Барк подъехал к нему с другой стороны.

— Он вернулся, — промолвил Барк.

— Да, — откликнулся Киран, — Донал, не утомляйся. Мы едем к дому и мы глубоко в своих владениях. Отдыхай.

Вокруг скакали воины — войско куда как большее, чем провожало его в путь, но он не стал задумываться над этим. Он ощупал свои раны и нашел на их месте затянувшиеся шрамы, и раздробленные кости срослись, хоть и болели. Кровь остановилась еще тогда, когда Ши заключила его в объятия. И он вернулся живой и невредимый. Он многое узнал — усталость и жестокость. Он покидал этот мир и вернулся из Элда обратно настолько пропитанный им, что принес его отголоски с собой на дневной свет и теперь сам пугался их при пробуждении. Стоило ему закрыть глаза, и он вспоминал, как падал, разбиваясь о скалы и сучья, этот долгий-долгий полет и боль приземления, не телесную боль, а разрывающее на части скольжение между явью и сном.

«Арафель», — кто-то назвал ее имя. Он вспомнил кроветочащий свет и силу, горевшие, как свеча в урагане, которой суждено было погаснуть. «Арафель. Граги и всадник».

Ветер охлаждал его лицо там, где на щеках остались следы слез. Кто-то похлопал его по колену и закутал плащом, прикоснувшись к его плечу. И лицо возникло перед его глазами — волосы и борода, как полыхающее пламя.

— Барк, со мною все в порядке.

— Да, брат мой. Но позволь я тебя подсажу — старушка Звездочка снесет двоих.

— Бок мертв, — сказал Донал, — и Кайт, и Дули, и Бром — все мертвы; надеюсь, что они мертвы. Ибо в том замке — зло... — и снова ужас нахлынул на него. Он отогнал воспоминания, стараясь успокоиться и неотрывно глядя на уши пони и всадников, скакавших перед ним. — Я позволил им разлучить нас. Зачем я это сделал?!

— Не вспоминай об этом, — ответил Киран, ехавший рядом с другой стороны. — Бок и сам был хитрым старым волком, как Кайт и Дули, а Бром и вовсе охранял границы; не мучайся из-за них. Они были не дети, чтоб ты должен был заботиться о них; и остаться жить после сражения, в котором пали твои друзья, не есть бесчестье, хоть, да помогут нам боги, чтобы такого не было. Они и сами

пережили не одно сражение и многих друзей оставили на поле битвы при Дан-на-Хейвине, Кер Леле, Эшберне и Кер Велле.

— Чума на тех, кто бросил своих друзей.

— О да, но друг мой, это — жизнь и смерть, — и с этими словами на лице Кирана отразилась такая мука, что горе Донала показалось мелким и ничтожным. Они ехали втроем бок о бок — он, Барк и Киран; и временами мгла вновь застилала ему взор, и чужие руки поддерживали его тогда, укладывая на шею пони, и где бы он ни витал, он знал, что едет к дому.

Финела замедлила свой шаг, войдя под сень серебряных деревьев, и Граги соскользнул с ее спины, оставив Арафель, и пошел вперед перед кобылицей.

Здесь был дом и покой, но эльфийская кобылица ступала по листьям, по опавшим на траву листьям, где ни один лист никогда не падал под эльфийской луной. Хотя и едва заметно, разорение коснулось и этих мест.

Вот и река. Люди звали ее Керберном, так называлась она во владениях Смерти. Но здесь ее имя было Аргиад — Серебро, и воды ее были чисты и целебны. Финела перескочила через нее, а Граги переплыл ее как выдра и отряхнулся, выйдя на берег, глядя, как эльфийская кобылица продолжает свой путь с молчаливым клонящимся седоком. И Граги, задержавшись, набрал воды в свои огромные ладони и с неподдельной тревогой поспешил следом.

— Постой, Дина Ши, постой, о, выпей, доброй чистой воды, не выпьешь ли, Дина Ши?

Финела мягко остановилась. Арафель склонилась с ее спины к коричневым поднятым ладоням и попила, обняв белую шею кобылицы, и заглянула в земляную глубину глаз Граги.

— Ступай, — промолвила она. — Разве у тебя нет своего хутора, Граги? Разве у тебя нет твоих людей? Ты слишком давно оставил их. Кто будет пропалывать сады, маленький братец, крохотный отважный Ши? Они зарастут сорняками и колючками. Будь свободен и занимайся ими.

— Ты не должна умереть, — захныкал Граги. — Ты не можешь оставить нас.

— Ты видишь листья? Ступай. Ты больше ничем не

сможешь помочь мне. И ты нужен своей земле. Я не знаю всего, но в одном я уверена: это сердце Элда, и если здесь мне грозит опасность, она будет преследовать меня повсюду. Ступай. Ступай домой — в третий раз я приказываю тебе.

— Дина Ши! — воскликнул Граги, но Финела неторопливо двинулась дальше, оставляя его позади.

И Арафель углубилась в лес, где деревья вздымались как серебряные колонны, а листья сверкали светом. Легкий перезвон звучал здесь, и ветер благоухал нежностью, принося мелодичные голоса. Она въезжала в сердце роции, вздымавшейся травянистым холмом, усеянным цветами, а над ним высилось величайшее из деревьев, и имя ему было Кеннент. На нем висели тысячи камней, как тот лунно-зеленый, что был на ее шее; эльфийские доспехи и мечи, которыми когда-то сражался ее народ, висели тут и там на братьях Кеннента, и роца вся светилась и пела воспоминаниями, когда ветры перебирали камни.

Здесь, собравшись с силами, она спустилась с Финелы, легла и утонула в траве, и земляная прохлада пригасила ее лихорадку. Так лежа отдыхала она, время от времени ощущая дыхание Финелы на своем лице.

— Ступай, — сказала она эльфийской кобылице. — Возвращайся к Аодану.

Ударил гром, и дохнул ветер. И она осталась одна под луной на холме, и долго боль не оставляла ее.

А затем она увидела, как лист перед ее глазами упал на землю. Она приподняла голову и увидела вихрь опадающих листьев, и деревья вокруг нее поблекли.

Ужас охватил ее — дрожь бессилия. Она встала и прикоснулась к суку Кеннента — его сияние стало ярче и зеленее, но это исцеление дорого ей стоило. И древнее неповторимое древо исчезло из ее владений, растаяв в тумане и навсегда став собственностью Далйета.

Она двинулась к другим деревьям — тем, что были юными и самыми дорогими ей. Митиль звали одно — единственное, что родилось в Элде за много-много лет, и оно было стройным и свежим, будучи одного роста с Арафелью. Но и вокруг него лежали опавшие листья, серебряные и сверкающие в лунных лучах. Ему больше всех она отдала своей силы; а потом прикоснулась к листьям и

камням Кеннента, призывая их память, но они откликались лишь воспоминаниями о войне, о страшном времени былых раздоров и отчаянии, последовавшем за этим.

— Микар, Лиадран, — призывала она своих погибших товарищей. Но камни беспомощно откликались лишь печалью. В отчаянии она называла другие имена. — Вы все покинули меня! — вскричала она наконец. — И куда вы ушли за море? Неужто там вас ждет надежда?

Но тишина была ей ответом, лишь тишина, и только гулкий стук камней, когда ветер ударял их друг о друга.

— Лиэслиа, — прошептала она, — но эти воспоминания, самые дорогие из всех, были потеряны для нее, ибо этот камень носил господин Кер Велла. Все связанное с этим именем, потонуло во мгле, оставив лишь печаль да крики чаек, которых она больше не могла уже слышать.

Страх обуял ее. Яд пожирал ее силы. Когда-то в глубочайшее отчаяние повергал ее шорох волн, порой доносившийся из камней, обещания, нашептываемые морем: «Гибельно все, чего коснулся человек, — твердили они. — Море велико: кто знает, что ждет там?»

Но теперь между ними лежал мрак, и надежд на отступление не было. Деревья одно за другим уходили в Элд Далйета, и духи вставали, чтобы преследовать ее.

«Далйет», — дрожа шептали листья. «Весна миновала, и наше лето проходит: впереди осень и зима. Лиэслиа погиб, погиб, погиб».

Война окружила их. Брадхит забурлил, и Ан Бег оцетинился железом, зло царило в Дан-на-Хейвине, обещая еще худшее впереди.

Она опустилась на землю, закрыв глаза и обхватив себя руками. Ничего другого ей не оставалось. А где-то Граги скакал и хоронился, ибо зло подобралось к берегам Керберна и рыскало в его водах — не речные лошади плескались в них, а куда как более жуткие твари.

Страх охватил ее — то был яд в ее жилах. И когда поднялось эльфийское солнце, она вскрикнула, ибо серебряная зелень деревьев была тронута золотом осени.

«Безумной» назвала ее госпожа Смерть. Люди оплели ее своими сетями — изгой в лесу, арфист, лишенный трона король, которого она никогда не видела, Ан Бег, Кер Дав, и последним знамением явился Киран Калан, сын

Элда и человека, трижды призвавший ее по имени себе на помощь.

И невиннейший из всех причинил ей страшнейшую боль. Так всегда было между эльфами и людьми — встречи их становились роковыми. И теперь подернутые золотом опадали листья, и ветер из Дун Гола шуршал ими по земле.

Решение пришло к ней, и она подняла голову.

— Аодан, — позвала она. — Аодан, — и не дожидаясь третьего зова, Аодан примчался с ветрами, и Финела рядом с ним. Он прядал ушами, и огнедышащие ноздри вдыхали ветер, а шкура соперничала в яркости с эльфийским солнцем; и вся его поступь сквозила радостью, которая вскоре сменилась глубокой печалью.

— Нет, — тихо промолвила Арафель, тронутая до глубины сердца, ибо всякий раз, как она призывала его, одна лишь мысль владела Аоданом, одна надежда. Из всех великих коней, служивших Ши, осталось лишь двое, остальные унеслись с ветром: Финела, ибо она служила, и Аодан, ибо он ждал, надеясь на один-единственный голос, на памятное прикосновение руки Лиэслиа — последнего из эльфов, кроме нее. — Его здесь нет, Аодан. Ступай. Найди его, если сможешь, у моря. Будь мудр, будь осторожен: позови его там, и может, он услышит.

Она слабо надеялась на то, что Аодан сможет связать ее с морем после того, как все камни замолчали. Но Аодан вскинул голову и исчез — оба умчались в раскатах грома. Но вскоре гром покатился обратно, ибо Финела вернулась — она била копытом, перебирала ногами и стряхивала молнии с гривы. С печалью взидала кобылица на Арафель, подходя все ближе, и когда та опустилась на траву, она, нежно фыркнув, ткнулась мордой в подставленную руку.

— Нет, — тихо промолвила Арафель, — море не для меня, дорогая подруга, еще не сейчас. Ты неверно поняла меня. Следуй за Аоданом. Это почти безнадежно, но пусть попытается; и если вас настигнет тьма, беги свободно, беги как можно дальше, будь мудрее, чем Аодан.

Финела ткнулась ей мягко в щеку,дохнула в ухо и пошла, опустив голову и не обращая внимания на нежную траву. Опадающие листья скользили по ее белоснежной

спине, и она растаяла среди серебряного леса как дух лошади.

И тогда Арафель вынула свой меч и дрожащими руками попыталась отчистить его от пятен крови; а рана на ее руке все горела, заживленная, но не заживающая, болезненная, как присутствие железа. А она должна была делиться своей силой с Элдом, чтобы уберечь его от увядания. Даже солнце словно потускнело, каким бы блеклым ни было эльфийское солнце, но сегодня оно было мутным и необычным, и хоть оно стояло в зените, его лик то и дело заслоняли щупальца облаков. Она не удосуживалась разгонять их — теперь ей надо было беречь свои силы. И когда солнце стало клониться к закату, его объяла преждевременная тьма, и эльфийская ночь наступила рано.

Тогда она, вздрогнув, завернулась в свой серый плащ, ибо ветер с севера был холодным, а тучи все больше и больше закрывали небо, скрывая звезды.

Что-то захрапело, и стук копыт послышался по земле. Она вскочила, испуганная тьмой, которая была чернее ночи, и двумя красными огнями, горящими в ней; но существо приняло двуногий облик, обнаруживая себя.

— Пука! Кто позволил тебе явиться сюда? Ты слишком отважен.

— Дина Ши никогда не была гостеприимной, — Ши вскинул голову и издал почти что лошадиный храп. — Люди вошли в Элд. Ты разве не чувствуешь их?

Она крепче обхватила себя руками. Все вокруг застыло и съежилось.

— Уходи, — сказала она.

— У тебя затмение, — промолвил пука. — Что-то объяло тебя, Дина Ши, — ноздри его пылали, волосы раздувались ветром, глаза горели диким огнем. — Ты не послушала меня и пошла дальше, а теперь тьма вырвалась на свободу и обрушилась на нас. И Дина Ши нас снова предает, как это было уже однажды — неверная, неверная.

— Вовсе нет, — голос ее дрогнул. — Я тоже говорила тебе. Ищи более спокойную реку, пука, не столь опасную, как Керберн. И не груби мне. Ты не у себя. И это небезопасно.

— А где безопасно? Куда можно скрыться? Может, ты знаешь? Они проснулись, Дина Ши, они проснулись. А ты таешь. Посмотри... — он протянул ей простой коричневый

камешек, который был его душой. — Я не забыл. Бежим со мной. Я достаточно силен, чтобы нести тебя. Я никогда не устаю. Никому еще я не служил, но я помню о сделанном добре.

Гнев покинул ее, и она улыбнулась, несмотря на боль и ужас, так он был простодушен в своем предложении.

— О, пука, если б это было так легко. Нет. Я не могу. Я была опрометчива и горько поплачусь за это. И все же я попытаюсь исправить все.

Плечи его опустились и руки упали. И в третий раз он захрапел, пытаясь рассмеяться.

— О, Дина Ши заблуждается.

— О, братец, каждый из нас ошибается время от времени, возможно, с Вина Ши случается это чаще, чем с другими.

— Там был человек, — помолчав, промолвил пука и тряхнул головой, указывая, где, — темный, как я, и отмеченный благословением Ши. Он вошел в Элд, не испытывая страха передо мной.

— А, да, его я знаю, — ответила она.

— Другим я мог причинить зло, — он вскинул голову, и красные его глаза загорелись, как угли в темноте. Вложив камень в рот, он обернулся черной лошадью и помчался дико и безумно, как это было свойственно его народу.

Она взглянула ему вслед, увидев лишь мрак, сопутствовавший приходу Далиета. «Пука переживет грядущий ураган», — подумала она. Безудержная радость и бесшабашность были в его крови, и память у него была коротка. И дроу не сможет укротить его.

Ночь все больше сгущалась вокруг Элда. Мелкие создания — феи, олени, зайцы, робкие ежи, лисицы и луноглазая сова — все жались к роще. Но и здесь, в сиянии деревьев уже было небезопасно.

И листья продолжали опадать, умирая на ветру, и камни, погасшие и тусклые, звенели вразнобой.

«Послушай меня, — принес ветер голос, гулкий и хриплый, как медь, — ты проиграла и с самого начала была обречена. Иди ко мне, иди ко мне, и я отдам тебе Кер Ри, отдам деревья и их благоухание. Приди, Аовель».

Она вздрогнула.

— Исчезни! — воскликнула она. — Вернись в свой сон,

обольстителю! Ты победил мою родню, но не меня. И никогда не победишь, ты старый червь, обманщик, — уходи! Вернись в свою нору!

И глубины Лиэслина содрогнулись от хохота.

Она, собрав все силы, окутала сердце Элда тишиной, паутиной света и покоя. И камни засияли снова. Она изгнала из памяти этот голос, но сердце ее дрогнуло. И замерев на холме среди струящихся золотистых листьев, она заснула в мечтах об исчезнувших Ши.

И в них был дракон — он шепнул, и Ши отбросил то, что делало его Ши: «Далйет, — вспомнив, простонала она. — Мой брат».

«Приди, — говорил он. — Довольно с тебя людей. Неужто Ши уйдет без сопротивления? Ты имеешь власть. Используй ее для спасения мира, чтоб сохранить землю такой, какой она была. Что за жалость охватила тебя? Вспомни о гордости и гневе».

«Ты хочешь жить, как старый червь», — ответила она шепотом все еще во сне.

«А разве ты не хочешь?»

Тело от яда наливалось болью, жгучей, как лед. Яд пропитал ее сны. «Мечь», — шептал он.

Но даже во сне она продолжала прясть свой кокон, и ветер замер в тишине.

ХII. О доме и надежде

Все стало не так, как прежде — Мев и Келли чувствовали это. Вооруженные люди входили и выходили из замка, и отец серьезно беседовал с фермерами, приходившими и приезжавшими на загнанных лошадях с самых далеких хуторов. Они узнавали, откуда могли, новости о стычках, подслушивали разговоры, от которых холодело у них в животах, о Лиэслине и Брахките, о нападении на Вороновом холме, где крестьяне Кер Велла забросали камнями всадников из Ан Бега. Ризи не вернулся назад; может, он никогда уже не вернется, хотя все молчали об этом.

Зато вернулся Донал, но он совсем изменился — он был бледен и изможден, и, казалось, мир стал слишком тяжел для него. Сначала они боялись, что он умрет; но с хутора Гера приехала его мать, чтобы ухаживать за ним.

Он лежал дни напролет в лихорадке, и она сидела рядом с ним, как и Мурна, хлопотавшая не меньше. Теперь, по крайней мере, он вставал и ходил, но выглядел он сильно постаревшим. Конечно, он был героем, и все в Кер Велле знали это и шепотом рассказывали, как все кости у него были переломаны, но Ши вылечила его.

— Отчего же он тогда не поправится? — спросил как-то Келли у отца, когда Донала не было поблизости и они стояли у стены близ ворот. — Неужто Ши не могла вылечить его до конца?

— Нет, — резко ответил отец и добавил чуть мягче, глядя на них: — Если бы у нее было время, она сделала бы это. Так что я думаю, она не успела, — и он потрепал волосы Келли, чем занимался и ветер, дувший на них так сильно, что Мев приходилось сжимать в кулаке разлетавшиеся юбки. И снова у их отца был тот скрытный вид, который не давал им ничего узнать. — Он поправляется, Донал. Да и сможет ли он стать прежним после того, что узнал в Кер Донне, а, Мев и Келли?

— Да, — откликнулась Мев, и Келли серьезно кивнул.

— Велите-ка ему снова сесть верхом, — вдруг произнес их отец, глядя на них с необычной пристальностью.

— Мы?

— Не ездите в лес или далеко по дороге, но лишь вдоль стен. Скажите, что я позволил вам прогулку верхом, а ему велел наблюдать за вами.

Мев взглянула на замок, вспомнив о матери, но ей не хотелось спрашивать, знает ли мать об этой прогулке. Келли сжал ее руку, и они побежали искать Донала и вывести своих пони и лошадей.

Это был лучший день после возвращения их отца домой, даже езда тихим шагом вдоль гребней холмов на виду Кер Велла, ибо глаза Донала вновь загорелись, и он болтал об урожае, о новых жеребятках и телятах и смеялся, глядя на резвящихся ягнят. И им тоже тогда захотелось смеяться, ибо они поняли, что сделали что-то доброе, и мир, наконец, вернулся в свою колею, и что они были не правы, усомнившись в нем.

Но когда они добрались до границы своего путешествия — до конца изгороди, Донал остановил свою лошадь и замер, уставившись на северо-запад. Там лежали пределы

их владений. Там был Кер Донн. Он сидел и сидел, и лошадь его стала спокойно щипать траву, и молчание затягивалось, становясь мучительным.

Келли заставил Фланна подойти ближе и взглянул на Донала.

— Когда мы потерялись, мы встретили речную лошадь, — осторожно промолвил Келли, — но Чертополох прогнала ее прочь.

— Чертополох.

— Мы слишком молоды, — сказала она, — чтоб нам знать ее настоящее имя. Когда тебе известно имя, ты можешь совершать с ним волшебство. Но думаю — с ней это не пройдет. А речная лошадь — она сказала нам ее имя.

Теперь Донал смотрел на них обоих. Он был мужчиной и взрослым воином, и морщины лежали на его челе, и шрам пересекал его, но он смотрел им в глаза, словно желая говорить с ними, словно что-то кипело внутри него.

— Я видел ее, — сказал Донал, хотя хотел сказать гораздо большее, чем это.

Мев взяла мешочек, висевший у нее на шее, и протянула его Доналу, хотя это было то же, что отдать кому-нибудь своего пони или дать порыться в своих сокровищах.

— Это ее подарок мне, — промолвила она. — Ты можешь взять поносить его. «На память», — сказала Чертополох. Ради надежды, когда ее не остается.

— Надежды на что? — спросил он.

Ей стало страшно — таким хриплым был его голос. Но она упрямо решила действовать до конца и скрыла свое смущение тем, что достала из мешочка листик и осторожно сжала его в руке, чтобы его не унесло ветром. Она понюхала его и снова протянула Доналу.

— Посмотри. Понюхай. Он все еще свежий спустя столько времени. Он напоминает мне запах леса после дождя.

Он взял листик и медленно двинулся прочь от них, туда, куда они не могли уже за ним последовать, потом остановился и сел спиной к ним посредине пастбища.

Она догадалась, что это было, и увидела, что Келли тоже понял, потому что он не сказал ни слова, а просто замер на своем пони в ожидании.

— Я думаю, нам пора домой, — наконец, промолвила Мев, — а потом, может, и Донал вернется.

И тогда она подумала о Донне, как Донал возвращался из него один. И все равно она развернула своего Флойна домой, а Келли не пришлось своего даже понукать.

— У него мой подарок, — промолвила она, хотя расставание с ним тревожило ее, — а он волшебный, не так ли? Он обладает способностью отыскивать путь. Значит, он вернется назад, не так ли?

Келли лишь покачал головой с тревожным видом, волнуясь не то за Донала, не то за дар, а может, — за обоих.

Но вскоре они услышали за собой бег его лошади и обернулись, когда он нагнал их.

— Как же так, — ухмыльнулся он, — вы не должны уезжать одни, разве не так велел ваш отец? Поехали.

Их пони сравнялись с его длинноногой лошадей, и некоторое время они молча скакали. «Он бы пошутил, если бы мы были мужчинами, или побранил нас, если бы мы были его друзьями, — подумала Мев, — ему надо было найти какую-нибудь нашу оплошность, ему больше ничего не оставалось делать».

— Смотри, — воскликнула она, цепляясь за удобный повод, — жеребенок лежит.

— Устал, — помолчав, ответил Донал, — и солнце припекает, — он протянул ей обратно ее подарок. — Вкусно пахнет.

Ей были приятны его последние слова, словно он счел ее взрослой, чтобы обращаться учтиво, словно она неожиданно выросла. Но вся ее радость была испорчена краской, залившей ей щеки. Она почувствовала, как они пынут жаром, и сделала вид, что полностью поглощена тем, чтобы спрятать свой листок обратно.

И все равно она знала, что ей удалось исправить его настроение. Он чувствовал себя свободно и даже улыбался — может, в этом помог и дар Ши: она смотрела на Донала, как никогда не смотрела на своих ровесников, и сердце ее наполнялось отчаянием и безнадежностью. Он был уже мужчиной. По нему вздыхали девушки — от дочери кузнеца до кухонных служанок; даже Мурна, привязанная только к ним, даже Мурна взяла в привычку ухаживать за ним, став счастливее и моложе после этого — она изменилась,

хоть и была старше его. Так Мев считала себя дважды обойденной; и впервые в жизни ей стало страшно, что Келли может все узнать и посмеяться над ней.

Потом, вздохнув, она привела в порядок свои мысли, решив быть его верным другом, каким он был отцу, каким был Барк и Ризи — о Ризи! — и ездить с ним кататься на лошадях летними днями, пока лето не кончилось.

«Кер Велла не будет здесь», — внезапно мелькнула у нее мысль, как видение, возникающее ночью в мгновение ока; и лист наполнил болью ее горло. Она увидела сгоревшую и изменившуюся землю и дым, поднимающийся с почерневших полей.

— Келли...

Он видел его тоже — этот страшный сон. Она узнала это по внезапно побледневшему его лицу и взгляду, устремленному на нее.

— В чем дело? — спросил Донал не так, как спрашивают детей, но озабоченно и тревожно.

— Я видела видение, — ответила она. — Как будто Кер Велл исчез.

— Там высился холм, — добавил Келли, а лошади неутомимо неслись к стенам. — Под ним лежали кости.

— Я этого не видела, — сказала Мев.

— Кер Донн, — хрипло произнес Донал. — Вы видели Кер Донн, — и он взял в руки поводья. — Скорее, — и лошади пошли быстрее, словно так Донал хотел уберечь детей, доставить их поскорее за стены и ворота.

— Незачем им было ездить, — сказала их мать, подойдя к очагу. Мев рассеянно смотрела на нее, словно та казалась ей безумной. После того как они мчались в замок сообщить о своем видении, и Донал весь вспотел и был бледен от их бега по лестнице, при отце, все еще погруженном в свои мысли, она говорит такое. — Брахит распустился, и Кер Дав бурлит, и они совершают набеги, словно ничего не боятся.

— Я видела сожженный Кер Велл, — вскричала Мев.

— Тихо! — оборвал ее отец. — Подойдите сюда. Как он был сожжен?

Мев тряхнула головой и опустилась на колени рядом с креслом отца, и Келли подошел к нему с другой стороны.

— Может, — предположил Донал, — когда она отдала

мне свой подарок, все смешалось у нее. Может, то было другое место.

— А Кер Донн? — спросил Келли. — Я видел Донн, не так ли?

— Может быть, — сказал Донал, — ты это воспринял от меня — то, что видел или представлял себе я.

— Несомненно, так, — объявила их мать, проходя мимо Мурны, сжавшейся у очага, смотревшей на них огромными испуганными глазами. — Я держала камень. Это было точно так. Приходят воспоминания.

Их мать хотела, чтоб все было так. Мев взглянула на нее и поняла и тоже захотела того же, что и мать: чтобы ее видение оказалось чем-то прошлым или воспоминаниями Донала, которым никогда не суждено осуществиться.

— Мев, — сказал ее отец, — дай мне руку, и ты, Келли.

Она протянула руку, подумав, что он хочет сказать им что-то; но он закрыл глаза, и мир наполнился серым туманом.

— Киран! — вскричала их мать.

Замок был сожжен, и земля опустошена, дым вился над холмами, уходящими к лесу; и высилась гора костей, и на дне мелкого озера лежала свернувшаяся мгла, и впадины разверзлись, словно разбитая скорлупа, и зияли пустотой во мраке.

«Нет!» — послышался голос отца. Он оттолкнул их руки, и на мгновение Мев потерялась во мгле. Но она сразу же ощутила руки матери и ее юбки на своем лице, благоухающие лилиями и травами, и мать что-то кричала их отцу.

— Все так и будет, — сказала Мев, — все так и свершится.

— Они же дети, — закричала мать.

— Да, — ответил их отец. Мев различала его яснее, и на щеках его были слезы. Это заставило ее молчать. Она пыталась отвести от него взор, но взгляд словно приковался к его лицу. Отец спокойно протянул руку и потрепал ей волосы, как он это делал, когда она была совсем ребенком, потом взъерошил волосы Келли. — Донал.

— Да, господин, — еле слышно ответил Донал.

— Зрение может обманывать. Иногда все не совсем так, как кажется. И все же — Брахит поднялся, и все наши

враги объединились, и Ризи нет — у меня нет родных, Донал; и всюду за мной следует Барк. Родня моей госпожи — что ж, что-то задержало их, иначе Ризи был бы здесь. Был бы родственной защитой для нее и Мев, и Келли, и при необходимости постоял бы за них. Замени его.

— Клянусь жизнью, господин, — прошептал Донал. И Мев почувствовала, как сжали ее руки матери, когда она поднялась — она разгладила ей волосы, взъерошенные отцом. «Отпусти меня», — хотелось крикнуть Мев, но вместо этого она повернулась и обняла свою мать, решив, что кто-то должен это сделать.

— Кер Велл никогда не падет, — промолвила Бранвин без тени сомнения в голосе. — Вся эта чепуха от якшания с дарами Ши — вот и все. И от подслушивания под дверями, когда их не пускают.

Никто не проронил ни звука. Отец сидел и смотрел на них всех тем взглядом, который появлялся у него, когда он был далеко, потом он поднялся из кресла.

— Донал, ступай отдохни. Мурна, проследи, чтоб ему принесли холодного эля — рискну сказать, он пойдет ему во благо. А можно немного и Мев с Келли, если они захотят.

— Совсем немного, — промолвила их мать, показывая сложенными пальцами — сколько, и нахмурившись, взглянула на Мурну. Потом она руками расчесала волосы Мев и, подняв к себе ее лицо, взглянула ей в глаза. — Ты уже выросла, чтобы кататься по округе, слышишь? Чтоб больше этого не повторялось.

Это уязвило бы Мев, даже если бы она сочла эти слова обычной пустой угрозой, но сейчас в них звучал окончательный приговор, гораздо более страшный, чем сами слова. «Никогда, никогда, никогда». Она сделала вид, что не расслышала — стоит что-нибудь ответить, и все будет запечатано, как магия произнесения истинных имен.

— Можно идти? — спросила она вместо этого.

— Ступай. И расчеши свои волосы, — мать была рассеяна. Она сказала о волосах, не думая. Мев направилась прочь с Мурной рядом с Келли, и Донал шел за ними следом, но перед тем как выйти, Мев оглянулась на отца и мать: мать стояла, обхватив себя руками, отец смотрел в никуда, но вокруг его рта лежала такая суровая складка, что можно было догадаться о его грядущих словах.

«Никогда не делай этого впредь», — вспомнила Мев, и руки ее похолодели. Все изменится теперь для нее: не будет солнца и зеленых полей, не будет играющих жеребят и смеха с Доналом за стенами Кер Велла. Она ждала свой подарок, пытаясь увидеть, что будет дальше, следуя за Мурной, но даже Флойн был не виден ей, одна мгла, серая мгла и туман, и лишь камни стен истинного Кер Велла напоминали, где она и какое нынче время.

«Келли, — подумала она, — о Келли».

— Я скоро уеду, — тихо сказал Киран, обращаясь к Бранвин.

— Киран.

— Тихо. Я знаю, — он поцеловал ее в лоб и сжал на мгновение в своих объятиях. — Прости меня.

— Что они видели?

— Разорение. Успокой их. Они будут нуждаться в этом.

Она ухватила за него руками и прижала к себе.

— Киран, Киран, если бы вернулся Ризи... Он вернется. Он слишком умен, чтобы ему смог кто-нибудь помешать.

— Всякое может случиться: если за дорогой следят, он мог отпустить свою лошадь и пойти пешком — а это займет гораздо больше времени.

— Если б что-нибудь случилось, если б они заметили... Киран, мы были бы уже уничтожены и сожжены, а мы все еще здесь. Владей мы Видением до прихода короля в Кер Велл, мы бы отчаялись и потеряли всякую надежду. То были темные дни. Но они не стали концом для нас.

— Так и скажи им. Им нужна надежда.

— Мне нужна надежда. Киран, не оставляй меня! Не смей никуда отправляться, пока не снимешь эту вещь и не возьмешь с собой меч, слышишь? Что думают люди, когда ты ходишь с пустыми руками и отсутствующим взглядом... прости меня, но послушай. Какое от него было добро? Никакого. Любовь, любовь моя, тебе надо было всех собрать у Лиэслина, о боги, пойти и научить своего брата, как надо обращаться с гостями.

— Неужто твой отец так поступил бы?

— Так поступила бы я, умей я обращаться с мечом.

Он проглотил неожиданный попрек, глядя на нее в недоумении, потом его руки бессильно упали и он повернул

ся к двери, терпеливо, ибо больше ничего не оставалось делать.

— Киран, — надрыв звучал в голосе Бранвин. Он остановился и с надеждой посмотрел на нее.

— Так поступил бы и я, — тихо промолвил он, — умей я обращаться с мечом.

— Сними камень. Неужто ты хочешь всех нас погубить вместе с детьми?

Он прикоснулся к камню и почувствовал, что тот холоден, как был холоден все эти дни. Ему было нечего сказать Бранвин, что не напугало бы ее больше, чем она уже боялась: лучше гнев, чем боль.

— Ответь мне.

— Нет, Бранвин.

— О боги!

Он снял свой плащ с гвоздя.

— Я не далеко.

— Возьми меня с собой.

Он покачал головой.

— Нет.

— В Элд. Значит, в Элд?

Он надел плащ, делая вид, что не слышит.

— Может стать холодно.

— О боги, Киран, не уезжай.

Он с трудом раздвинул губы в улыбке.

— Вернусь к ужину, — промолвил он, словно собираясь прокатиться вдоль изгороди.

И он начал таять — не слегка, а целиком, сжав камень в руке, пока сырой серый туман не обступил его.

— Арафель! — вскричал он, — Арафель! — но в третий раз не осмелился позвать. Он долго прислушивался в надежде на малейший звук, сердцем отыскивая какой-нибудь след ее. — Я здесь, — закричал он в серую мглу, в зеленень деревьев. — Ты сказала, чтоб я не звал тебя, что ты сама будешь знать, чем я занят. Ты сказала, чтоб я не приходил сюда, но опасности затопили мир еще больше, чем прежде. И ты мне нужна.

Тишина была ему ответом, глубокая тишина — ни ветер не пролетал, ни лист не шевелился.

— Что же мне делать? — вскричал он еще громче, пытаюсь разорвать тишину. — Можешь ли ты помочь мне... хо-

тя бы советом? Я знаю, что я ошибся, послав Донала туда. Боюсь, я сделал слишком много ошибок. Я могу отправиться к королю в Дан-на-Хейвин, но тогда в Кер Велле останется слишком мало сил для защиты, или мне придется брать с собой слишком малую свиту в путь. Что мне делать — оставаться здесь и ждать? Ты этого хотела? Что мне суждено?

И снова тишина. Он двинулся осторожно вперед, вспоминая дорогу и не сбиваясь с нее, несмотря на туман и черные призрачные деревья; но потом он задумался над тем, что делает, и сомнения начали наваливаться на него — стали сгущаться тени с обеих сторон, и что-то забормотало и зашуршало в них. Он потерял уверенность в силе Ши, поддерживающей его, усомнился в ее существовании, во всей мудрости, полученной от нее, даже в правильности пути, который он знал.

— Помоги мне! — вскричал он в густеющей мгле. — Помоги, если можешь! Ты мне нужна! Помоги!

И с западного края мира послышался цокот копыт, и что-то знакомое коснулось его сердца. Ветер обвеял его, разгоняя мглу, ветер с моря. Он услышал крики чаек и вздрогнул в тоске, пожиравшей и жизнь, и любовь, и смысл.

Грохот копыт все приближался, и камень припомнил белизну и скорость и ярость.

«Аодан!» — ворвалась в него мысль, как ответ на давно забытый вопрос, — имя, скрытое в буре и громе.

— Аодан! — вскричал он, — о, Аодан!

Ветер подул сильнее с моря, и в камне блеснуло воспоминание.

— Человек... — прошептал голос, полный боли. — Человек, это ты? Что они сделали?

— Лиэслиа, помоги мне...

— Я не могу прийти. Мгла... Человек, мгла...

И ветер сник, словно кто-то закрыл распахнутую дверь. И дохнул новый ветер, тяжелый и душный, пахнущий сыростью и грязью, и дул он в другом направлении.

— Лиэслиа, я все еще здесь! Лиэслиа!

Но его окружала лишь мгла, и голос исчез, как волшебство, оставив его обделенным, недоумевающим — слышал ли он его наяву, или представил себе и соленый ветер, и грохот копыт.

И кусты зашевелились рядом, и кто-то рассмеялся, глядя на его отчаяние. Он где-то ошибся. Это место было ему незнакомо. Мгла переплела все своими нитями — и то он отчетливо видел и деревья и лежащую под ними мглу, то терял все ориентиры и всякую уверенность. Он искал Аргиад, но найденная им речушка была грязной и мутной, и в стоячей воде плавали листья. Вонь поднималась от нее, затоплявшая душу.

И мужество оставило его, когда он увидел, что из-под мутной воды на него смотрят два бледных глаза, исчезающих лишь когда их заслоняли проплывавшие листья, как почерненное серебро. Глаза приблизились к поверхности, сияя, как двойное отражение луны.

Киран попятился и наткнулся на остов дерева, чьи ветви впились в него, как пальцы. Он обошел его, отступая шаг за шагом.

— Человек, — послышался голос.

Он остановился и взглянул во тьму, что была чернее неба.

— Госпожа Смерть, — промолвил он, и сердце у него забилося, словно он долго бежал. Рука заныла от старой раны. — Где она, не знаешь ли ты? Или куда я попал?

— Она бежала, — резким и напряженным голосом промолвила Смерть. — Человек, я хочу проводить тебя.

— К ней? — догадался он. — К ней — ты это хочешь сказать?

— Она отправила меня, человек, узнать имя, но ей не осилить его, — мрак приблизился, закрыв собой тот слабый свет, что сочился меж ветвей, и воздух стал пронзительно холодным. — Если сможешь добраться до нее, доберись. У меня же другие дела.

— Она встретила что-то в Кер Донне. Ты должна это знать. Ты была там.

— Встретила, да. Воспользуйся своим камнем и позови ее.

— Я пытался. Камень приносит лишь море. Деревья стоят там, где их не было... а Аргиад... если то болото — Аргиад...

— Море, — прошептала Смерть. — Элд покинут. Человек, человек, если она сделает это, мы все погибли. Позови ее. Позови по имени. Ты имеешь эту власть. И уже доказал это однажды.

— Я не могу.

— Ты не хочешь, — мрак подполз ближе. И с твердой жестокостью в него вцепилась костлявая рука. — Человек, послушай меня. Дроу поднялись. Знакомо ли тебе это имя? Это — Ши без камней. Они потеряли их, выбросили прочь — Ши превращается в дроу, когда оставляет камень с его содержимым.

Холод поселился в его душе, и камень жег сердце, как кусок льда. Он вспомнил дерево, сияющее, как луна, как тысячи лун, светящееся самоцветами и плодами эльфийских рук.

— Нет, не всегда, — ответил он. И снова нахлынуло тепло, а с ним и уверенность, и он стряхнул руку Смерти, как паутину. Камень потеплел. — Я уверен в этом. Это то, что Ши по собственной воле делает со своим камнем — в этом вся разница. Я помню, госпожа Смерть.

В камне нарастала сила горькая, как слезы, как крик, рвущийся сквозь лес, и снова все отхлынуло, оставляя его холодным. Он обернулся в поисках исчезнувшего прикосновения, долетевшего до него, словно снова открыли дверь и впустили тепло, добро и все остальное, о чем давно позабыло это место. Но Смерть вновь опустила ему на плечо свою руку и застлала собою все.

— Безумный и слуга безумной! Используй власть, которую имеешь. Если есть оружие, доставай его. Тебе потребуется все, что есть. Нет, не отворачивайся от меня. Это все твоих рук дело, это ты освободил эту чуму. А купил ты за нее тысячу с лишним человеческих жизней и среди них свою. Кер Велл мог пасть, да, мог пасть в тот день; но представь — нет, ты выслушаешь меня, не поворачивайся ко мне спиной — представь, что ты не поднял весь Элд на помощь, и Кер Велл пал. Король уже шел к вам и рано или поздно добрался бы, если б вы достаточно обменяли своих жизней на воинов Ан Бега. Он бы напал на врага разрозненного, при дележе добычи, за сломанными воротами. Тогда бы король Лаоклан был бы королем по праву, он добился бы этого собственными руками и не правил бы в страхе перед тобой, полукровкой, женатым на его родне. Но нет, ты не захотел умирать там, ты спас свою жизнь и тыщонку других душ, разбудив все это зло — вот цена спасенных тобою жизней. Ты обрек мир на гибель, человек,

и все, что могло в нем родиться, ради спасения собственной жизни!

Киран рванулся в сторону, но колючки вцепились в его плащ, одежду, руки, и Смерть так и осталась стоять перед ним.

— Ты разбудил силы, человек, и не хочешь использовать их, ты погубил мир, короля, мать и отца, скончавшихся от горя, и брата, боящегося тебя. Стоит протянуть руку, и ты стал бы господином Донна. Ты мог бы убедить своего отца и брата, сняв с себя овечью шкуру, но ты предпочел ждать от них гонцов. Ты мог бы поехать в Дан-на-Хейвин и предстать перед Лаокланом: кто мог помешать тебе, если у тебя тогда был камень и ты пользовался им? Твой король боялся тебя. Сплетники рядом с ним рассеялись бы как олени. Ты держал бы его в своих руках на благо и на зло — у тебя было время для жалости. Ты мог сделать его великим, таким, каким захотел бы, мог вписать его имя в века, завоевать ему королевство, больше, чем у всех предшествовавших королей. Но страх перед тобой уничтожил в нем даже то малое, что было, сделало его воском в чужих руках, но не твоих. Ты отmel его прочь, как и все остальное. Ты остался дома выращивать лошадей и капусту. Этот твой мирок, разве ты не сделал его славным? Но какой ценой?

— В королевстве царил мир благодаря мне.

— Ах ты так добродетелен? Лучше бы ты убил отца, брата, короля и гостя и после всего этого принес бы миру куда больше добра, чем своим миром. Лучше бы ты громозил горы трупов, сжигал замки, мучил и грабил, чем твой мир.

— Так где же тогда была ты? Почему ты не протягивала ко мне свою руку? — во рту у него был вкус пепла и слез. Тернии не давали ему вырваться. — Было время, когда я не имел ничего. Я был такой незначительной персоной. Я поджидал тебя в лесу и в схватках с Ан Бегом, где-нибудь на лестнице... Где же ты была, что ж не могла сделать такую мелочь, если судьба мира зависела от этого?

Смерть молчала, она отпрянула назад и начала таять.

— Вы не одни здесь безумцы и глупцы. Я связала себя обещанием, старый приятель. Она попросила. И я обещала.

— А мой брат? Он тоже был вне твоей власти? Или король? Любого из нас было бы достаточно, не так ли?

— Но на них я не претендовала. Я просила ее — я! — «убей этого Донкада». Один удар и мир спасен. Но она не хотела. Ши безумны и непредсказуемы. Твое отречение — это, верно, в крови, — Смерть придвинулась. — Послушай. Ночь назад твой брат вышел из Кер Донна, направляясь в Дан-на-Хейвин, где умирает король — давно умирает, поверь мне. Всех удивляет, что один человек может снести столько смертельных ядов. Но эти методы не по ним — они нетерпеливы. Ты понимаешь меня, человек? Лаоклан был дурным королем. Они отделили его от тебя, который мог спасти его, и убили господина Бана, который был лучшим из них. И не просто они. А Донкад. С самого начала — твой отец и Донкад.

Он упрямо потряс головой.

— Мой отец — никогда. Можно ждать такого от брата, но не от отца, нет, не было человека вернее его королю.

— Твой отец был полукровкой, как и ты, и проклятие было разбужено в Донне. Ты пробудил его. И оно поджидало, когда он вернется домой, хоронясь в камнях, земле, в самом фундаменте Кер Донна. Я скажу тебе его имя, я прошепчу его: Далйет. И, несомненно, дроу нашептывал ему: «Полу-Ши, полу-Ши, родня, где твой младший сын? Более могущественный, чем король, чем его собственный отец? Что мешает ему прийти сюда? Сила должна бороться с силой, а это место обладает силой. Копай, ищи, укрощай». Но он сам правил Донном. Конечно, он это мог. Он нашептывал и разрастался без колебаний. Король уже боялся тебя; и когда подданные начали нашептывать ему друг против друга, родня против родни — отчего же, тайнам король Лаоклан легко поверил, ибо никогда не верил в добродетель. «Сила против силы, — говорили они. — Волшебство для победы над Ши, сидящим в Кер Велле. Как нам иначе спастись?» Ты женился на двоюродной сестре короля и родил наследника, когда король твой потерпел неудачу. Эвальд умер к твоему счастью. «Как он получил Кер Велл? — нашептывали они. — И отчего столь безвременной была кончина Эвальда?»

— О боги.

— Но что тебе до богов, полукровка. Я не могу слышать

твои молитвы. У тебя есть камень. Твой брат в пути. Ты можешь мгновенно оказаться рядом с ним. Против Ши я не имею власти, а я знаю, что жизнь его теперь охраняется. Дроу завладел им. Через две недели дроу посадит Донкада на трон, и все войска будут ему подчиняться. Ты владеешь силой — используй ее! Призови ее имя, а не мое!

Сомнения обуревали его, они сминали его под собой. Он покачал головой.

— Нет. Звать ее сюда — никогда. Я попробую иное — сам отправлюсь к ней, — он не выпускал камень из руки, но тот оставался холодным и безжизненным. — И если я найду ее, я передам ей твое послание.

— Ну, делай так, — сказала Смерть, и тьма отодвинулась в сторону. — Если это все, чего я могу добиться, — пусть будет так. И веди себя мудро. Опасность грозит не на границе. Я послала сон Барку, сыну Скаги, о его отце. «Возвращайся домой, — просила я его. — Ты нужен своему господину». И помни мои слова — он вернется.

— Держи свои руки подальше от моего люда! Они тебе не посыльные, чтоб посылать их туда и сюда.

— Они принадлежат мне, когда я их призываю, когда приходит их час. Одного я нашла заплутавшим и доставила тебе в руки. А где благодарность за это? — и голос ее замер в порывах ветра, который стучал сухими ветвями и разносил вонь стоячей воды. — Нет. Но ты даже не подозреваешь, как схожи мы в своих желаниях. Прощай и веди дела лучше, человек, чем ты вел их до сих пор.

Он вздрогнул. Как-то он вышел снова в свои леса, менее жуткие, чем покинутое им место, и солнце здесь сияло сквозь переплетение ветвей и летние листья. Ничто его не держало: колючки здесь не росли, и у ног его тек Керберн.

И вдруг с замиранием сердца он понял, где находится, — он тут уже однажды встречался с госпожой Смертью — это был брод рядом с Вороновым холмом. Он находился от дома на расстоянии полдневного пути. По крайней мере, он знал дорогу отсюда, этим путем шел, наверно, и Ризи, а когда-то он бежал здесь, преследуемый псами Охотницы. Отсюда отходила дорога в самое сердце Элда, в ту рощу, где он впервые встретил Ши под деревом, котороеросло корнями и в его землю и в ее.

«Там должна она быть», — сказал он себе; только там

оставалась надежда, если она еще оставалась, если он осмелится пойти туда, несмотря на нежелание Арафели. Как все переменялось: когда-то она заботилась о том, чтобы он был невредим. Теперь он был озабочен ею и всем, что зависело от нее. Он поспешно спустился к берегу, хотя спина его и покрылась мурашками при воспоминании о стрелах и о том, что рядом с этим бродом был Ан Бег.

Опасность. Он вдруг ощутил ее рядом, бредя по темной воде, — какая-то дрожь в воздухе и яд ветров. Он удвоил скорость и, задыхаясь, рванулся к дальнему берегу, вышел на него весь вымокший и уставший от карабканья вверх, но мыслями он уже был в ином мире.

«Ан Бег, — подумал он. — Стережет брод». И он нырнул в Элд, как в сон, вспоминая иной день, когда он встретил в этом месте зло. «Роща», — подумал он, но не мог отыскать путь. Мгла сгустилась. Ветви цеплялись за него. Близость железа пронизывала его как яд, так что он спотыкался, чуть не теряя Элд.

Мрак кружил перед ним холодным и влажным ветром. Он трещал и шушукал, и грязь прилипала к его ногам, засасывая, как ночной кошмар. И твари скакали и цеплялись за его сапоги, стараясь подобраться к рукам, и холод стоял немыслимый. Он метнулся в сторону, отступая, попробовал идти другим путем, но мертвый валежник трещал под его весом, и на этом пути лежал еще более страшный мрак. Воздух был пропитан злом и угрозой — от этого сжимало грудь, и сердце начинало биться быстрее. И все новые и новые твари выходили ему навстречу, раздувшиеся от новой силы: один сидел на мертвом суку и со смехом бросился вниз, всем телом прикинувшись к рукам и ногам Кирана.

От отшвырнул тварь в сторону вместе с суком, но теперь перед ним что-то плыло — черное и безобразное с длинными белыми волосами, и как он ни старался, ему было не миновать его.

Оно внезапно обернулось, и он увидел бледное эльфийское лицо. «Арафель», — подумал он с облегчением, ибо они так похожи; но этот лик был холодным и с каждым мгновением менялся. Оно протянуло руку еще более жуткую в своей красоте, чем все предшествовавшие уродства.

«Далйет», — догадался Киран.

Оно рассмеялось.

— Ты ошибаешься, человек, и ты бессилён назвать меня по имени, — оно ещё больше приблизилось. — Бросай камень. Иначе у тебя нет надежды.

— Нет.

— Значит, ты пропал, — и вынырнули новые твари, и воздух задрожал от железа. «Киран, Киран, Киран, вернись к своим началам!»

И все закружилось вокруг. Завертелись черные конечности, и земля обрушилась на него, коричневая влажная земля, и липкие листья льнули к его рукам.

Он услышал псов. Он вскочил и увидел солнечный свет, игравший сквозь листья на глади Кербернского брода; он услышал храп лошадей и движения, рассекающие воздух, и дрожащий полет железа, выпускаемого лучниками из-за деревьев.

Стрелы впивались в него одна за другой. И сердце его разрывалось от боли. После первой же раны все тело его занемело, после второй он упал, ломая впившиеся стрелы, и снова поднялся, ибо ноги его все еще шевелились: он увидел разбойников Ан Бега, их натянутые луки, готовые послать новые стрелы к тем, что уже пронзили его тело.

Он бежал. Он повернулся и нырнул в туман, где боль разыгралась не на шутку, не давая ему вздохнуть.

«Киран, — раздался издали отчаянный крик Лиэслиа, — держись за камень и беги, беги, беги!»

И подул ветер, разрывая мглу, и он услышал гром и завывание бури, несущие с собой запах моря и кораблекрушения. И чем больше нарастал гром, тем отчетливее впереди маячил свет, словно звезда во мгле.

«Аодан!» — вспомнив, воскликнул он. И позвал его трижды. И с конца земли явился эльфийский скакун — пришел Аодан.

Гром оглушил его, и ветер чуть не сбил с ног, когда приблизился Аодан — бледное сияние во мгле — и подставил ему свою шею. Он ухватился за гриву, в которой играли молнии, безопасные для него; сила полилась из камня, наполняя его руки, и он вскочил на Аодана — сам не зная, как оказался на его спине. И эльфийский скакун побежал над землей ровными шагами, не удаляясь в поля, но все глубже и глубже в Элд.

— О, Аодан, — прошептал Киран, — отнеси меня к ней, отнеси меня к ней скорей.

Эльфийский скакун захрипел, изменил свой шаг, чуть не сбросив Кирана со спины, и заржал, поворачиваясь то туда, то сюда. Они поскакали, и стена тумана расступилась перед ними, обтекая их с обеих сторон. Киран закричал — так жестока была боль от железа, пронзавшего его сердце, и во второй раз он издал крик отчаяния, увидев, что они отступают назад.

— Еще раз, Аодан, — вскричал он, — перенеси меня через мглу!

Конь повернулся и снова попытался вступить в ледяную мглу.

Ледяная боль пронзила Кирана, но он прильнул к гриве и удержался, чувствуя, как борется лошадь под ним. Попытку за попыткой предпринимал эльфийский конь, снова бросаясь вперед, и твари бросались на них из нараставшей тьмы. Киран закричал, заржал Аодан и метнулся в сторону.

Затем все погрузилось во мрак, и Аодан скакал на лай гончих, прочь от преграды, ибо боль начала затихать. Рокотал гром. Слышался стук других копыт, и мелькали мчущиеся тени собак и летучих призраков.

Наездник сравнялся с ними, и конь его был черен, как ночь, и при вспышках молний, бледно мерцал его череп, ибо тем наездником была госпожа Смерть.

— Нет, — прошептал Киран. — Дай мне еще попытаться. Дай попытаться, госпожа Смерть.

— Тогда поворачивай, — донесся до него ответ, и он воззвал к Аодану, но напрасно. Эльфийский скакун несея вперед, не сбавляя шага. Он прижался в отчаянии к его шее, зная, что на большее не способен, и вдруг под ними расстелилась залитая солнцем дорога.

Смерть не покинула его, оставшись тенью. Они выбрались из Элда и теперь скакали прибрежной дорогой, что вела к дому. Эльфийский скакун, как и он, потерпел поражение, и теперь, набирая скорость, летел вперед, потряхивая гривой в мареве освещенной солнцем пыли.

XIII. Бан Ши

Донал спустился по лестнице, опираясь на палку, ибо все еще чувствовал себя неуверенно на ногах, и пошел

вдоль стены в поисках укрытия, небольшой передышки, где никто не будет одолевать его вопросами — спроси госпожу об этом, да спроси госпожу о том, и что делать с амбарами, и всадники вернулись ничего не найдя — без всякой надежды, помощи и удачи.

Он прислонил оружие к стене и склонил голову, ибо она болела; но потом он вспомнил, что надо осмотреться и глянул вокруг — и все показалось ему еще хуже, чем вчера.

Солнце сияло над землей Кер Велла, над зелеными пастбищами и полями и отбрасывало свой ласковый свет на север и запад и даже на деревья у реки. Но за этим кругом солнечного света небо темнело от грозозидившихся туч, висящих крепостей облаков.

Они двигались не так как в грозу, подгоняемые ветром и ударами грома. Они продвигались незаметно, выстраивая свои бастионы — сначала грязно-серая струйка, а потом вокруг нее набухало грозовое облако — и все не спеша, не скорее, чем бег облаков в летний день. Надо было специально всмотреться, чтобы заметить, как смыкается их стена вокруг Кер Велла. Сначала их почти не замечали — всего лишь кромка облаков на дальнем северо-западе, потом она переползла на запад, раскинулась над лесом к югу по мере наступления туч; а потом за одну ночь соединилась с северными форварками, залив мглой и восток, где начала грозоздиться новая стена.

Каждый день люд наблюдал за этим, бросая на небо тревожные взгляды с полей и бастионов стен. Днем и ночью нарастал мрак, пока кольцо вокруг них не замкнулось, и тучи со стороны леса подошли к ним так близко, что незамутненным солнечный свет был виден лишь в полдень, и тень отчетливо виднелась над макушками деревьев, нависавших над Керберном, и среди холмов; и над головой, над самыми стенами замка теперь грозоздился темный вал — все выше и выше уходил он в темное небо к яркому солнцу — поверхность его была изъедена и комковата, меняясь, но не двигаясь он висел над ними; словно натолкнулся на какое-то препятствие, сохраняющее этот кладезь солнечного света. Донал всего лишь бросил взгляд на небо, но не заметить это было невозможно — словно чья-то рука обхватила холмы и горизонт стал тусклым и темным.

И за ночь круг сузился еще больше. Никто не говорил об этом. Только люди ходили туда и сюда — к стенам и за ворота, каждый чтобы взглянуть — от госпожи Бранвин до кухарки в переднике, обсыпанном мукой после утренней выпечки хлеба — каждый сам по себе. Донал же смотрел лишь на солнце, невыносимо яркое солнце, защиту против мрака, который окружил его, уже намекая на свои будущие границы.

«Да спасут нас боги», — думал Донал, но на самом деле мысли его были не о богах, а об Арафели. Он все еще надеялся. Солнечный свет все еще дарил надеждой несмотря на то, что сужался с каждым днем и что их господин отсутствовал седьмой день.

— Он ушел, — сказала госпожа Бранвин и так на него посмотрела, что он не осмелился ни о чем спросить. «Ушел». Донал знал, куда ушел господин Киран, и день за днем наблюдал за облачной завесой над лесом.

Но тучи оставались на месте, и народ Кер Велла продолжал заниматься своими делами, ничуть не хуже его зная, как догадывался Донал, что их господин не верхом уехал туда, куда он отправился, ибо лошадь его стояла в конюшне и никто из воинов не уходил с ним. И могли бы поползти слухи, но все были как-то странно спокойны, относясь ко всему с доверием таким же, с которым мать его ежевечерне выставляла молоко для ночных посетителей. Это облако было знамением, очевидным знамением и недобрым; но из кузницы долетал равномерный перестук, и летели искры и дым, и всадники приезжали и уезжали по дороге, поддерживая связи с границей, и телеги скрипели с хуторов, день за днем пополняя амбары — замок готовился.

Вот и сейчас вдали появилась телега, и когда она подъехала ближе, Донал спустился и остановился у ворот, опираясь на палку.

— Откуда? — спросил он, надеясь на вести с границы.

— С хутора Ракли, — откликнулась крестьянка. — Все мужчины ушли на границу, а это облако — до чего уродливо, не так ли?

Донал невольно посмотрел вверх, пожал плечами и улыбнулся.

— Зато солнце прекрасно, добрая женщина.

Тревога была написана на ее круглом лице, седые волосы слиплись от пота, губы были поджаты. Но вот в темных глазах мелькнула искра, и улыбка обнажила недостающие зубы. Она похлопала по плечу сидящую рядом девочку, разгладила свои спутавшиеся волосы и кивнула.

— О, это да.

— Если хочешь, оставайся в замке, — сказал Донал.

— Я привезла запасы, все что есть. Оставила знак на двери, чтобы мои не беспокоились. Это моя внучка — видишь, — она взглянула на детское личико и вновь повернулась к Доналу. — Вокруг хутора не спокойно. Я бы убила их из лука моего старика, но они пришли ночью и увели корову, забрали овец и бедняжку агненка.

— Здесь тебе ничто не грозит, — промолвил Донал. — Шон, — окликнул он подошедшего человека, — проводи их внутрь.

Так он впустил их и отвернулся, задумавшись о своей собственной родне и радуясь, что его мать уже приехала в замок. Барк был все еще на границе. Не считая Бранвин и Шихана он был теперь старшим в замке — об этом он и не мечтал. Его называли господин Донал и выказывали ему уважение; но это означало и то, что он должен оставаться на месте и не делать того, что хотел бы — то есть ездить со всеми на поиски господина и искать его самому, не полагаясь на сообщения многодневной давности.

Зарокотал гром. Он взглянул на небо и не увидел темной грозовой тучи. Но, кажется, кроме него в замке никто этого не слышал. Все занимались своими делами. И эта странная глухота обеспокоила его — гром нарастал, а никто не обращал внимания. Он поспешил на стену, и хромота его усилилась, ибо палку он бесцельно держал в руках. Во дворе скрипели колеса телег. Играли дети. Громко и протяжно закричал петух, словно оповещая о наступлении утра.

Затем раздался оглушительный раскат, заржали лошади, и завыл скот. И внезапно все голоса затихли.

Молния вспыхнула на пути Донала, и загрохотал гром, и он увидел силуэт лошади и всадника, вспыхнувшие как солнце и померкнувшие.

— Господин, — прошептал Донал. Это был он.

— Донал. Помоги, — донесся слабый голос, и силуэт

протянул к нему руки. Донал отбросил палку и кинулся навстречу, и Киран соскользнул ему в объятия. Сначала он был бесплотным, но потом Донал ощутил, как тот налился тяжестью, когда отступил белый конь Ши. Он не вынес груза и опустился на колени, прикрывая собой голову и плечи господина. Лицо Кирана было пепельно-белым, и изнутри него словно струился свет, и выпирали сломанные кости. Он был пронзен стрелами — три торчали из груди между ребер, и сломанные их древки вздымались в такт дыханию, но крови не было видно нигде.

— Боги, — промолвил Донал, чувствуя, как у него в груди закипают слезы. — О боги, — его охватила дрожь. Он стер грязь со щеки Кирана, и прикрытые веки того дрогнули. Донал огляделся, чувствуя, что не может поднять Кирана, и увидел, что вокруг собралось уже кольцо людей, и он стоит на коленях у самых ворот.

— Ради богов, сделай что-нибудь. Помоги ему. Арафель!

— Нет, — прошептал Киран. Он открыл глаза, и народ забурлил. Он шевельнулся. Немыслимо, как можно было дышать с таким пронзенным телом! Он ощупал булыжник вокруг себя и постарался подняться. Камень сиял на его груди, как дневная луна. — Не зови, не призывай это имя.

— Господин, — промолвил Донал, и тут, задыхаясь, сквозь толпу пробежала Бранвин. Она замерла. Все ждали, что она закричит, завоет, но нет, она лишь бесшумно приблизилась и, став на колени, поднесла к губам руку своего господина.

— Мне снился сон, — промолвила она. — И дети видели, что ты возвращаешься домой — о, Киран, Киран!

— Он спит, — сказал Донал, выйдя к детям, дожидавшимся его в зале: он с большей готовностью встретился бы с врагами, чем с этими встревоженными лицами, нетерпеливо ждущими любого луча надежды и опасаящимися, что от них что-то скрывают. Они стояли как два восковых изваяния со страдальческими глазами, с бесконечно потерянным видом, не зная, в чем им могут солгать и какую долю правды скажут двум детям и какие ужасы происходили там за закрытой дверью. Они ждали, и он раскрыл для них свои объятия. Они подошли к нему, и он

крепко обнял их, как товарищей, не как детей, и почувствовал, как все перед ним закружилось в вихре потери и страха. Наверно, то были их талисманы. У него перехватило дыхание, и он почувствовал себя потерянным во мгле, словно они стояли где-то беззащитные, открытые добру и злу.

— О боги, — пробормотал Донал, — он поправится. Я ведь поправился. А его она любит больше.

Они посмотрели на него — две пары изумленных глаз; но вокруг них были лишь стены зала — твердый камень, и ярко горели факелы, ибо окон здесь не было.

— Железо, — прошептал Келли, — Донал, они ранили его железом.

— Его уже нет. Мы вытащили его, — и картина вновь ожила перед его глазами — восковая кожа, ножи Шихана, но крови было немного... Он взглянул на их детские лица, на их бледные-бледные лица, словно они лишились слез, как их отец — крови. Они еще ничего не знали, не подозревали о грозовой стене, громоздившейся над ними, о том, что отец их неестественно бледен.

— Можно нам на него посмотреть? — спросила Мев.

Это им не было разрешено. Их мать запретила им. Но Бранвин не видела их лиц, не слышала их голосов, таких спокойных и трезвых, что они надорвали бы ей сердце.

— Да, — ответил он, — но только из дверей. Вам же не хочется будить его. Послушайте меня. При таких сильных ранах лучшее лекарство — сон.

И он подвел их к двери, из которой выходила Мурна. Он распахнул ее шире, чтобы им стал виден лежащий Киран и Бранвин, стоящая рядом на коленях. Лицо его было спокойно.

И на лице Бранвин была теперь безмятежность. Она посмотрела на Кирана, потом — на детей и сделала им знак, чтобы они подошли, предварительно приложив палец к губам. И дети приблизились к постели отца.

«Прости меня», — говорил взгляд Донала, но Бранвин обняла своих детей — Мев, а потом Келли, утерла ладонями их слезы, которые беззвучно катились по их спокойным и бледным лицам, а затем безмолвно попросила их удалиться. И Донал снова протянул руку к двери, сначала взглянув на неподвижно лежащего господина.

Киран открыл глаза.

— Не волнуйся, — промолвила Бранвин, — спи спокойно.

Легчайшая из улыбок коснулась лица Кирана — улыбка человека, глядящего на своих любимых, но она растаяла, и глаза закрылись. Пот выступил на его челе, и лицо вновь озарилось восковым светом, а брови, ноздри и углы рта так обострились, что он стал казаться другим человеком: морщины разгладились от боли, создавая иллюзию молодости и силы.

«Как король, — вспомнил Донал свое видение. — Или Ши».

— Папа, — прошептала Мев. — Папа...

— Ступайте, — рассеянно сказала Бранвин, оперевшись на подушку, где покоилась голова Кирана. — Дайте ему поспать.

Мев направилась к двери. Келли поколебался мгновение с лицом искаженным от муки, но Донал взял его за руку и увел за собой.

А потом они плакали как дети. Пришла Мурна и принесла им сладких лепешек и немного эля, и это наконец успокоило их; и Доналу удалось заставить их улыбнуться не счастливыми, радостными улыбками, но отважными, теми, что улыбался их отец, когда смотрел на них. В зале пахло дождем, напоминая им об обложивших их тучах, и временами рокотал гром.

— Это белый конь там, — промолвила Мев, глядя огромными глазами и сжимая на горле свой талисман. Дрожь пробежала по коже Донала, но он ощутил и покой — что-то из мира Ши было поблизости с ними.

— Наверное, его хозяин недалеко, — заметил он.

— Он потерялся, — отсутствующим тоном произнес Келли, словно прислушивался к чему-то. — Он о ком-то горюет. О, Донал, что-то случилось в низовьях реки.

— Тихо, — ответил Донал, — тихо. Не волнуйся. Иди сюда и выпей свой эль. Налей ему еще, Мурна. Я думаю, им можно.

— Нет, — сказала Мев.

Станный звук нарастал в воздухе, так что Донал поежился, подумав о громе, об облаках, о создании, которое он видел — но то был иной, земной звук — удары копыт,

ничего не имеющие общего с громом, и они гулко отдавались от стен.

— Всадники скачут, — прошептала Мурна. — Ты слышишь, Донал?

— Да, — откликнулся он и поспешно вскочил на ноги, ибо кони приближались очень быстро и звуки доносились уже почти от самых ворот. — Где же стража, почему нам не сообщили? Да помогут нам боги, — и он кинулся вниз по лестнице. Мурна, Мев и Келли последовали за ним, но он не стал тратить время на то, чтобы останавливать их.

Так они выбежали на стены, где уже все собрались, и ворота со скрипом открылись, и всадники хлынули во двор на взмыленных лошадях, всадники, чьи цвета и металл доспехов посерели от пыли, а лица превратились в маски. То были воины Кер Велла, и никакая пыль не могла скрыть облик первого — ибо его рост и огненные волосы выдавали его.

— Барк, — выдохнул Донал и бросился навстречу двоюродному брату.

Но в комнату, склонившись, вошел еще один посетитель. Киран видел его, не открывая глаз, так даже облик его был яснее — сгусток тьмы, взиравшей на него. Но Бранвин не видела — ее золотая головка была опущена, и свет выхватывал серебряные пряди в ее косах, танцующих на плитах стены, но ни разу не прикасаясь к темному гостю. Его мучила боль, грызущая боль железа там, где распространился его яд. У него болело сердце от ран, от потери, от вида Бранвин, сидящей с таким несчастным и беспомощным лицом. Он не мог шевельнуться. Мир казался слишком хрупким и помертвевшим для любого движения. «Я растаю, — подумал он, — больше никогда не увижу ее и детей, полей и всего остального, накрытый стол, смеющуюся Мев и Бранвин в лучах солнца. Этот мир разорвется как паутина».

— Сними камень, — сказала Смерть. — На это у тебя хватит сил.

— Так ты для этого пришла?

Смерть шевельнулась и подо двинулась ближе, склонившись над ним, пока Бранвин задремала.

— За тобой — да, мой друг. Сними камень. Отложи его в сторону и дай мне руку — о, человек, надежды мало; по

крайней мере, тебя минует худшее, — и за ее спиной появились другие — мать, двоюродные братья, друзья; высокая задумчивая фигура нависала над остальными — и то был его отец, все еще хмурившийся.

— Киран, — сказал отец. — Я был не прав.

— Я видела твоих сына и дочь, — сказала мать. — Они очень красивы. Ты их не возьмешь с собой? А Бранвин?

— Мою дочь, — добавила другая фигура светловолосой женщины, стоявшей рядом.

И много еще было теней, увенчанных золотом. Одно лицо было ярче других. То был Лаоклан, и слезы струились по его иссохшему лицу.

— Киран, Киран из Донна, — сказал король. — Они убили меня.

— Господин, — говорили другие — люди из его замка. Кровь и пыль покрывала их. Стрелы пронзили их — то были крестьяне, оставленные им на границе. — Они наступали все время. Что нам оставалось делать?

— Нет удачи в Донне, — добавил отец. — И надежды не осталось для него.

— Убит, — повторил король.

— Нет! — Киран открыл глаза и мучительно сделал вдох. Бранвин жала его руку.

— Барк вернулся. Барк благополучно вернулся с границы.

Киран ничего не ответил на это. Это мелькание знакомых лиц не удивляло его ни сначала, ни позже, когда Барк с Доналом подошли к его постели.

— Он снова заснул, — сказала Бранвин. — Донал говорит, что он поправится. Он выздоровеет.

Киран улыбнулся, услышав это, желая верить ее словам, а не собственным снам.

— Возвращайся, — сказала госпожа Смерть, но в ушах его стоял шорох волн, и белый скакун неся к нему из тьмы.

«Человек, — зазвучал иной голос, — держись за камень. Нет иной надежды. Нет никакой во всем белом свете. Ты должен помочь мне».

— Больно, — ответил он.

«Киран, — вскричал тот же голос с самого края земли, — ради спасения мира, держись!»

Белый конь ждал. И гром грохотал под его копытами.

И черный конь тоже ждал. Смерть была здесь с другими всадниками.

— Грядет битва, — сказала Смерть, — в которой ты не сможешь участвовать. Сколько ты будешь еще здесь страдать? Любимые тобою тоже страдают. Освободи их. Нет больше надежды. Единственное, что ты можешь, — укрыться в моих объятиях. Я заберу их как можно больше. Твоих друзей, родню, семью. Освободись от этого мира. Придут иные герои. Очисти им путь. Дай им место. Призови того, кому веришь, и отдай ему камень. Донал сможет носить его.

Он нащупал камень и крепко сжал его в руке, не обращая внимания на голос. Боль накатывала волнами, как шелест моря, перемежаясь с более сильными приступами, которые налетали, как порывы ветра. Он держался, ощущая временами, как высыхает пот на лбу, когда мирской ветер врывается в окно. То и дело кто-то прикасался к нему, утирая лоб, то и дело кто-то приподнимал ему голову, давая напиток; а иногда он сам открывал глаза и видел Бранвин и прикасался к ней рукой.

Загрохотал гром.

— Дождь? — спросил он.

— Нет, — ответила она, — пока нет.

И снова он впадал в забытие, собирая разрозненные нити.

— Лиэслиа, — говорил он. — Лиэслиа, Лиэслиа, — туман стелился между деревьев. И белая лошадь скользила между ними, поворачивая голову к морю. — Послушай меня, Лиэслиа. Я потерял ее. Она ушла куда-то в леса, и в мире что-то стронулось с места. Я не осмеливаюсь позвать ее по имени, но, верно, ты знаешь это.

Ответ был неясен, но будто кто-то прикоснулся к камню, вливая в него силу.

— Пойдем, — потом промолвил голос — шепот глухой, как рокот моря. — Слышишь крики чаек?

— Берегись! — возразил другой голос. — Слушай только истинные голоса. Иначе ты обречен. Одна ошибка погубит мир... а некоторые из них кажутся прекрасными.

— Я слышу чье-то пение, — промолвил он, и оно действительно было прекрасным в завывании ветра.

Он снова спал, лицо его осунулось и исхудало; Бранвин не гасила свечей и редко когда покидала его; приходила Мурна и приносила питье, и другие приходили, как Барк, входящий на цыпочках, несмотря на свой рост — заглядывал и снова уходил.

Теперь Барк стоял на коленях, сжимая ее пальцы в своей большой ладони.

— Госпожа, — шептал он, — пойди ненадолго в зал, ляг отдохни и позволь мне посидеть с ним... Неужто ты думаешь, с ним может случиться что-то плохое, когда я рядом? Я никому не дам подойти к нему ни из этого мира, ни из иного. У тебя есть дети, госпожа. Ты нужна им. Им нужно, чтобы ты поспала и поела, умылась и улыбнулась.

Она поняла. Она взглянула на него с неизмеримым терпением, выплакав уже все, что накопилось за жизнь, но верность Барка тронула ее сердце.

— Они не мои дети, — сказала она, — но его. Неужто ты думаешь, я осмелюсь подпустить их к нему, таких, одаренных видением? Они видели, как его ранили, видели, как он повернул домой. Что еще они могут увидеть, Барк? Я слепа к таким вещам. Я могу лишь сидеть с ним, мне не дано иное страдание. И мои дети знают это. Они знают, где мое место.

— Они — дети, — повторил Барк, — и мучаются по-своему.

— Да? — она вспомнила утренние завтраки и детские слезы на ребячьих лицах, первые шаги и разбитые коленки, и лес, где они потерялись, и встречу у ворот, когда их нашли. Но она взглянула на спящего Кирана и почувствовала, что он важнее для нее всего остального. — Нет.

Снова послышалось пение — стон старого дерева на ветру, ибо ветер был сильным, и где-то рокотал гром. Лишь этот звук нарушил тишину. Ветер ворвался в комнату, и Бранвин подоткнула одеяла.

— Нет, — повторила она, Барк встал и хотел закрыть ставни. — Он не разрешает их закрывать.

С тревожным взглядом Барк остановился и сжал губы.

— Проклятие этим стонам.

— Какое-то старое дерево в низовьях реки — наверное, сломан сук, — она пригладила волосы Кирана и носовым платком обтерла ему лоб. — Тихо, тихо, спи спокойно.

— Дерево, — повторил Барк. — Госпожа, разве ты не слышишь?

Сердце ее внезапно сжалось, и она взглянула на него.

— Я слышу ветер, — промолвила она. — Не мучай меня своими фантазиями.

— Может быть, — плечи его опустились, и он устремил свой взор мимо нее на Кирана с невыразимой печалью. До нее доходили слухи. Она слышала их за дверью — граница разорена, хутора горят. В замок приходили последние беженцы. Об этом не говорили в этой комнате, чтобы не слышал Киран. Здесь все беседы были о мире, покое, о доме и не «съешь ли немножко бульона, любовь моя?», но он отказывался. А границы горели, и тучи сгущались над ними с каждым днем. Звучали скрипы и стоны, которые они не могли от него скрыть. «Что это?» — спрашивал он. «О, это везут продовольствие», — отвечала она: казалось, его легко обмануть — он забывал, что она уже это говорила. А тем временем двор заполнялся народом, устанавливались навесы, и Кер Велл готовился к осаде.

— Нет, не ветер, — прошептал Киран, широко раскрыв глаза. — Любовь моя, неужто ты не слышишь?

— Мало ли что там, — небрежно ответила Бранвин и улыбнулась ему. — Может, закрыем ставни?

— Это Барк? Боги, кто там командует? Роан?

— Господин, — обеспокоенно приблизился Барк и взял его руку. — Все хорошо.

— Хорошо, — глаза Кирана снова закрылись. — Хорошо ли лгать мне, старый волк? Я знаю. Я могу видеть лучше обоих вас. И слышать, — голос доносился слабо и с большим усилием. — Больше я не могу оставаться. Мне пора ехать. Аодан заждался. Бранвин, Бранвин...

— О боги, Киран, — она обхватила его за шею и прижалась к нему головой. — Я не отпущу тебя. Нет.

И видения нахлынули на нее — туман, где извивались темные твари среди призраков деревьев, и какая-то белая фигура полоскала кровавые тряпки в Керберне под собственные завывания. Она отогнала видение, заставив себя открыть глаза, устремив их на знакомые камни и Барка, Барка, стоявшего рядом. Вой раздавался все ближе и ближе — какая-то голодная тварь.

Так въехал в замок Ризи, когда его уже никто не ожи-

дал. И приветственные крики встречали его со стены, где собрался встревоженный люд посмотреть, что означает этот клуб пыли в лучах тающего солнца — тающего, а не садящегося, ибо каждый день солнце утало во мгле, теряясь в облачных бастионах, подступивших с запада. В зеленоватых сумерках подъезжали южане со своими черными с серебром знаменами, три отряда, оцетинившиеся копьями.

— Люди Дру! — раздался клич. — Ризи вернулся! — передавалось от стены к стене теми, кто занял лучшие наблюдательные позиции.

— Открывайте ворота, — вскричал Донал, ибо большие ворота были закрыты и требовался особый приказ; и он послал пажа с известиями в зал, к Барку и госпоже, которая могла сообщить это господину и приободрить его.

— Ризи! — промолвил он и обнял невысокого человека, который спешил и встретил его на лестнице, а народ все восторженно кричал. — Ризи, — Донал хромал. Лицо Ризи было покрыто шрамами. И страх таился в темных глазах Ризи, щеки его осунулись, и новые морщины пролегли вокруг рта. Обняв друг друга за плечи, они вглядывались в свои новые лица, пытаясь прочесть все, что с ними было, но Донал просто обнял южанина во второй раз, и слова застряли у него в горле, но взгляды были красноречивее слов. И еще двое приблизились к подножию лестницы, невысокие и похожие на Ризи в темных одеждах и потемневшем металле.

— Мои братья, — промолвил Ризи. — Оуэн и Маддок, сыновья Дру.

— Мой господин не может спуститься приветствовать вас, — ответил Донал, — иначе он был бы здесь. Но добро пожаловать в зал от его имени и имени его госпожи. Да вознаградят вас боги за ваш приход. Ваши люди получают эль и ужин — в этом нет у нас недостатка, — и, заметив дежурного на стене, он отдал ему распоряжения. — Идемте, — сказал он Ризи и его братьям. — Идемте наверх. А там как хотите — будете отдыхать или рассказывать, но главное сразу — господин Киран ранен... — слова застряли у него в горле. — Моя госпожа там. Пойдемте увидимся с ней.

— Тяжелые раны?

Донал кивнул, сжав губы, не давая вырваться горьким словам.

— Пройдешь сначала к нему? Госпожа не оставляет его.

— Да, — откликнулся Ризи. И на его усталом лице появилась решительность и готовность к худшему.

Бранвин тихо плакала, когда они вошли в комнату; она обняла их всех и каждого — Ризи, Оуэна и Маддока, говоря шепотом:

— Он поправится, — как она настаивала уже сотню раз. — Он много спит, и это к лучшему. Я скажу ему, что вы пришли. Он захочет увидеть вас.

Но Киран лежал неподвижно и еле дышал, так что одеяла чуть вздымались на его груди, а плоть его и лунный камень казались неземного цвета.

— Да, — прошептал Ризи в ответ. — Скажи ему, что мы пришли.

А затем в зале Ризи обнял своих младших родственников и сел за эль и мясо, он и его братья, осунувшиеся и изможденные после дороги; а тем временем на улице опустилась тьма, и с берега реки снова донесся вой.

— Вам не просто было приехать сюда, — сказал Донал. Все собрались у очага — Барк, Мурна, Мев и Келли, и Леннон, молчаливый и без арфы, Шихан, чье морщинистое лицо было картой прожитых лет и нынешних тревог.

— Да, не просто, — ответил Ризи. — Но людям Ан Бега придется справлять похороны у переправы.

— Хорошо, — ответил Барк. Глаза его горели, большие руки были сжаты в кулаки.

— Было и другое, — продолжил Ризи, не поднимая глаз. Но всем было ясно, что он имел в виду кольцо туч, тьму, через которую они пробирались. — Мы тоже оставили не похороненными своих людей. Да помогут им боги, — и углы рта его опустились. Он поднял чашу. И дрожь охватила Донала, все его раны заныли — он ощутил родство со всеми теми, кто был в ночи, в местах опасных и древних.

— А что произошло здесь? — спросил Ризи.

— Плоды доверчивости, — ответил Донал. Он чувствовал, как напряглись и заныли все его мышцы на сломанных костях. — Как вам удалось пробраться?

И глаза Оуэна и Маддока потемнели, у гордых воинов, не привыкших к страху; но больше всего глаза Ризи.

— То твари в зарослях, то стрелы из тьмы; двух лошадей сожрали до костей, а всадников мы так и не нашли. Мы не могли тратить время на поиски, — Ризи вздрогнул и опустился на колени, обхватив ими свою чашу: гнев вспыхнул на его лице. — Туман. Густой туман. Противоположительно густой. Мы думали, здесь будет лучше. Многие из моих людей повернули домой: Гвернак со своим отрядом — я послал их защищать отца. Мы видели солнечный свет и надеялись миновать Кербернский брод. Лучше стрелы Ан Бега, чем лесная дорога в ночи: но что-то присоединилось к нам — не знаю, доброе ли, худое, но оно честно проводило нас. Там было всякое. Я видел пуку.

— Он пошел за ним? — спросил Донал.

— О, друг, он пошел за мной. Это по пути еще туда. Но это было меньше — шуршало в листьях — слишком любит деревья, чтоб покидать их. Мы все боялись, но он не отставал. Мы видели, как он скакал по зарослям с невероятной скоростью все время перед нами до самого брода, а там этот проклятый певец... — Ризи умолк. За окнами шумел ветер и доносился все тот же вой. — Мы слышали этот вой ночью. Две ночи подряд, пока были в пути.

— Пусть воет, сколько хочет, — сказала Мурна. — Внутрь этой твари не войти.

— Это Ши, — чуть слышно сказала Мев. Она сидела рядом с братом у очага. — Ей нужен наш отец.

— Молчи, — оборвала ее Мурна, — молчи, Мев, не говори об этом.

И наступила тишина. Слишком о многих серьезных вещах нельзя было говорить вслух. Донал пересел к детям, придвинувшись к ним, и обняв обоих.

— Постели для вас готовы, — сказал Барк Ризи и остальным. — Я уже проследил.

Ризи оглядел зал, где в углах громоздились матрасы, а кресла были полны подушек, и это сказало яснее слов ему о том, как сами они отдыхали.

— Я помоюсь, — промолвил он. — И буду на страже здесь.

Барк кивнул, не сводя с него глаз.

— Трудно думать о новой дороге, Ризи, но твоих людей ждут не дождутся на севере: Романа подпирают на границе. Видят боги, я должен был быть там, но...

— Мы поспим, — промолвил Маддок таким же тихим голосом, как у Ризи. — Оуэн и я поведем наших людей на север. Для этого мы и пришли. Или на запад. Или куда прикажешь.

Глаза у Барка увлажнились и он, сжав губы, посмотрел на них.

— Да вознаградят тебя боги, Маддок.

— Боги посылают нам врагов, — мрачно ответил Оуэн. — Нашим людям они нужны — те, с которыми можно сражаться стрелами. Мы сберегли их для Браххита, Дава и с радостью поделимся с Ан Бегом.

— Мы — сыновья Дру, — заметил Ризи. — И между нами и северянами всегда была кровная вражда. Во многом.

Барк поднялся и проводил их вниз. Донал остался на страже, но сердце его было не спокойно. Он прижимал к себе Мев и Келли — таких хрупких и глядевших на все огромными глазами. Он чувствовал, как они дрожат. Они то смотрели в пустоту, то устремляли взоры на огонь, то засыпали, то принимали пищу, которую им предлагала Мурна. «Им грозит опасность», — думал Донал, предчувствуя войну, которая ведется не копьями, но другим оружием, и продолжая их крепко прижимать к себе.

«Будь им защитником», — сказал Киран. Он вспоминал о своей матери, занимавшейся внизу со своими соседями тем и этим, пекшей хлеб и укрывавшей беженцев и даже совавшейся на кухню Кер Велла благодаря своим связям — ничто не останавливало ее. У нее на все был готов ответ; и эти сироты — дети господина и госпожи, столь поглощенные горем, — как бы ему хотелось отвести их к ней, но он не мог. Их было ничем не утешить. «Ступайте спать», — сказала им Мурна, и очень строго; но Мев осталась сидеть, как сидела три ночи подряд, и Келли, сложив руки, поднял подбородок, глядя взглядом Кирана, с которым знакомы были лишь немногие — он так смотрел, когда все обстояло очень плохо; и Мев смотрела хоть и спокойнее, но тоже непреклонно, так военачальник смотрит вдаль на поле битвы. И так им постелили тюфяки, и они ложились, когда хотели и где хотели; лишь временами они обращали тревожные взгляды к лестнице, задавая вопросы, а то они совсем по-детски опускали голову, как сейчас к нему. В мыслях своих он винил во всем Бранвин, что она бросила

их; но душой он чувствовал, как и Киран, что они были чужими Бранвин, и с каждым днем становились ими все больше. Он склонил голову, удрученный своим пониманием, и поцеловал Мев в лоб, словно она была его сестрой. Она не шелохнулась, недвижим был и Келли. Раскаленные камни очага жгли ему спину, но он не шевелился.

Ризи тихо вернулся в зал и улегся спать — он заснул быстрым и крепким сном человека, давно лишенного его. И остальные как-то устроились, Мурна дремала в своем кресле, облокотившись на подушки.

А с улицы все так же доносился непрерывный вой.

«Уходи, — с отчаянной страстью умолял Донал. — Бан Ши исчезни, он не может умереть, наш господин. Смирись и уйди».

Мев вскинула голову, внезапно ощутив невыносимое одиночество; Келли заерзал.

— Ничего, — сказал Донал, — это все тот же вой.

— Папа! — воскликнул Келли, отстраняя его прочь.

И из зала донесся крик Бранвин:

— Барк! Барк, помоги мне!

— Он снова спит, — сказал Барк, закрывая за собой дверь и выходя к ним в зал; он сделал шаг и замер, словно собираясь стать на страже, и лицо его выражало такое потрясение, какого Донал еще никогда не видел. — Силы покидают его, — добавил Барк. — Он слабеет.

Дети стояли, и Мурна положила руки на плечи Мев. Донал обнял Келли, словно мог защитить его.

— Будь проклят этот вой, — взорвался Ризи. — Будь проклят. Из-за него удача минует этот дом.

— Это Ши, — промолвил Шихан из угла возле очага. Губы старика дрожали. — И с этим ничего не поделаешь. Так что не произноси проклятий, сын Дру.

— Бан Ши, — добавил Леннон. — Ей нужна жизнь. Она может взять мою. Видят боги, может. Я отдам ее, — и арфист утер заструившиеся по щекам слезы. — О боги.

— Или пусть возьмет мою, — промолвил Келли. — Пусть лучше возьмет мою.

— О боги никогда! — вскричал Барк с искаженным лицом. — Что за потаканье этой твари — клянусь богами, она не получит наших жизней, а если и получит, то пер-

вую — мою, — глаза его горели, как в пылу битвы. И возбуждение его передалось другим. Ризи вскочил на ноги со сжатыми кулаками, лицо его покраснелось.

— Однажды нам удалось с ним справиться, — промолвил Ризи. — У реки. Осмелишься ли повторить, сын Скаги?

— Ради богов, — воскликнула Мурна. — Не надо!

— А ты, сын Гелвена?

Донал вздрогнул. Это было безумием. Нападать на Ши — дело, с самого начала обреченное на провал. Она могла уйти, лишь забрав с собой человеческую жизнь. Он убрал руки с плеч Келли. Охота на Ши — да, пусть будет так. В этом деле у меня есть преимущества.

— Нет, — прошептала Мурна, — нет, о боги, нет.

Барк двинулся к дверям, за ним Ризи и смертельно перепуганный Донал. И Барк снял свой плащ с крюка у лестницы, и Ризи накинул капюшон, и они начали спускаться.

— Пойдите, — крикнул Донал, хватая свою одежду, хоть и не столь проворно. После долгого вынужденного ожидания и стольких пережитых страхов горячка охватила его. Он поспешил по лестнице, придерживаясь за перила, и взял свой меч там, где нынче хранилось у них все оружие — внизу, подальше от зала господина. Они не бежали, но спокойно открыли дверь и вышли навстречу всполохам молний и порывам ветра, обрушившимся на них.

Они были вооружены железом. Одно было несомненно — Ши это не понравится. Донал пристегнул свой меч и поспешил за Барком и Ризи.

— Откройте малые ворота, — велел Барк стражнику таким голосом, что тот не посмел ослушаться и выпустил всех троих пешими — охотников на Ши, возвещавшую смерть своим воем — они вышли пешком, ибо тварь эта была где-то поблизости, и полагаться на лошадей было нельзя.

— У реки, — сказал Донал. Уже несколько дней, как он чувствовал уверенность, что он знает, где затаилась Ши. Он дрожал под ветром в темноте и с трудом поспевал за товарищами. Он вспомнил скалы вокруг Кер Донна, ветер и туман. Ему казалось — он слышит лошадиный топот, словно покинутый конь метался в отчаянии то туда то сюда.

Берег был далеко, а на пути таились опасности — мгла и темные преграды.

— Я все еще здесь, — промолвила Смерть. — Все еще здесь, если я тебе нужна.

— Друг мой, — ответил Киран. Сердце его болело. — Оставь меня.

Смерть примостилась на подоконнике. В руках она держала меч, и руки ее были тьмой, сквозь которую слабо мерцала обнаженная кость. Голова, скрытая капюшоном склонилась, но лица не было видно. Снаружи все пронзительнее звучал вой, и лошадь кружила и кружила, безумно топоча копытами, удары которых напоминали биение сердца.

— Оставь меня, — выдохнул Киран, и боль сперла дыхание в груди. — Уходи. И возьми Бан Ши с собой.

— У меня нет власти над Ши. А над этой менее всего. Она одаривает меня дарами, ступая передо мной. Я не властна приказывать ей. Она живет по своим законам. И твои друзья пошли охотиться на нее.

— О боги, остановите их! Не допустите, не дайте!

— Я властна лишь над людьми. Которого из них мне выбрать, господин Киран?

— Киран, — промолвила Бранвин. Видение начало расплываться, став болью, из которой проступили очертания комнаты. Рука Бранвин сжимала камень. Киран ощутил ее горе, ее любовь, когда пальцы ее скользнули под цепь.

— Нет, — промолвил он, — нет, Бранвин. Оставь. Если ты снимешь его, я умру.

Она зарыдала. По руке ее пробежала дрожь. Он чувствовал ее отчаянную решимость, с которой она готова была сделать свое дело.

— Нет, — повторил он, испытывая к ней еще больший прилив любви за это. — О нет.

Она убрала руку, взяв его пальцы в свои ладони. Она заглянула в его глаза своими, умытыми слезами очами и заставив себя принять спокойный вид, улыбнулась отчаянно деланной улыбкой.

— Проснулся? — спросила она. И принялась не спеша говорить, обволакивая его чарами слов; и он понял, что она будет удерживать его сколько сможет, а когда не останется надежды, она выбросит камень, чтобы отнять его у Элда.

— Не делай этого, — промолвил он.

— Она любит тебя, — сказала Смерть. — И она сделает это. Поэтому мне придется побыть здесь, пока не насытит-ся Ши.

Бранвин умыла ему лицо и зашептала дальше о Мев и Келли; Ризи вошел — и Киран заморгал, пытаясь вспомнить, где тот был прежде; она говорила ему об осаде, со страстью рассказывая то, что он никак не мог припомнить.

— Король умер, — промолвил Киран. — Я уже говорил об этом?

Она поднесла к своим губам его руку.

— Держись, — промолвила она. — Неужто ты оставишь Кер Велл? Держись. Держись, пока сможешь. Ты должен защищать замок. Оставайся здесь рядом со мной.

Это он понял — эту мелочь, о которой она просила и больше которой никто не мог у него попросить. Он вспомнил их юность, прожитую вместе, которая закончилась давным-давно.

А потом:

— Человек! — это был Лиэслиа. Он узнал его голос. Когда-то он был его частью. Тот обращался к нему. И белая тварь, завывая выросла между ними, протягивая окровавленные руки.

— Держись! — закричала Бранвин.

— Нет! — воскликнула Мев, вырываясь из объятий Мурны. Она кинулась вслед за Келли, а за ними — Мурна, Леннон и все, кто охранял их; сжав руки Келли, она окинула безумным взглядом знакомые встревоженные лица.

— Мы знаем, где она. Пустите нас. Эта тварь хочет его, — вой теперь звучал повсюду, пронизывая вместе с ветром замок, проникая сквозь камень и дерево в плоть и кровь.

— Пустите нас! — вскричал Келли.

И они исчезли, так внезапно очутившись среди холодного тумана и деревьев, что дух перехватило.

— Где ты? — вздрагивая, спросила Мев. — Келли, где мы?

— Там, — ответил кто-то тише ветра, тише воя — то был голос Келли. — О, Мев, я думаю, мы там — на берегу реки.

— Найди мужчин, о, Келли, мы должны найти их.

— Мы потерялись, Мев!

— Ну уж нет, — и она сжала в руках свой дар. — Мы не можем потеряться! Ты разве не помнишь, мы не можем потеряться. Это мужчины потерялись, — она слышала, как плеск реки переплетается с воем и шелестом деревьев, раскачиваемых ветром. Она шла по мокрой траве. Сверху лился лунный свет, а стену туч прорезали молнии — странная и жуткая картина. Она подняла камень, и Келли молча последовал ее примеру.

А потом они увидели ее — крошечную белую тварь, пристроившуюся между деревьев — как иссохшая старуха в лохмотьях, она терла и терла что-то в бегущем потоке.

— Киран, — сказала Бранвин. — Киран.

Госпожа Смерть, опустив голову, с мечом в руках, все еще сидела рядом.

— Бранвин, — ответил Киран. Он не знал — открыты у него глаза или закрыты. Видения обступили его. Вой нарастал, и отчаянно ржала лошадь. — Послушай меня, Бранвин.

— О горе, — выла плакальщица, — горе-горемычное и грядут еще большие бедствия. Горе и опустошение...

— Получай, — со слезами выкрикнула Мев и, понимая всю тщетность своего поступка, бросила в нее свой камень.

— Нет, — пропел тоненький голосок, — о нет, не трогайте ее, никогда не трогайте, не бросайте в нее камнями.

Кусты затрепали, и дети вздрогнули, когда перед ними возникло крохотное косматое существо.

— Ты? — удивилась Мев.

Граги обхватил себя руками и закатил глаза — было видно, как он дрожит при свете молний.

— Оставьте ее, уходите, уходите, от вас добра не будет.

— Нет! — Мев схватила другой камень и запустила им в плакальщицу, а Келли вслед за ней, разбрызгивая воду: и там, где была Ши, на воде разошлись два круга.

— Горе! — донес вой ветер.

— Получай! — вскричал Келли, поднимая следующий камень. Бан Ши плыла под склонившимися к воде деревьями, прижимая к груди кровавые лохмотья.

— Келли! — воскликнула Мев, ибо Ши начала увеличиваться. Она стала стройнее, лучезарнее — и вот она уже ступала по воде.

— Вот она! — раздался чей-то крик и тут же: — Боги!

Ши завывала. Она высилась над деревьями, приобретая все более ужасающий вид.

— Она растет, — вскричала Мев, — о нет-нет-нет...

— Барк! — завопил Келли и бросился наутек, но колючки вцепились в них, раздирая им руки и лица, и белые нити, пронизывая кусты, начали их окружать, а вой все нарастал и нарастал.

— Отпусти! — кричала Мев, пытаясь вырваться из цепких лап кустов. — Чертополох, помоги! Чертополох, Чертополох — останови ее, помоги! — но никто не откликнулся. Холодные как лед щупальца обхватывали их все крепче. «Имя, — взмолилась Мев, — о боги, имя!» — Граги! — но он был слаб и мал. — Кили, Кили! — вспомнила она. — Кили, приди на помощь нам!

Белые щупальца отпрянули. Вой раздался ниже по реке, с другого берега. Вода вскипела, словно вверх по течению плыло большое существо.

И вот она была здесь — речная лошадь, черная и влажно блестящая. Она ждала их, вскидывая голову, и глаза ее сияли, как золотые лампы в темноте.

— За ней, — воскликнул Келли. — Гони ее прочь отсюда.

Речной конь вскинул голову и, вдохнув ветер, заржал, бросая вызов.

— Бранвин, — прошептал Киран. Ему так показалось. Он услышал, как приближается стук копыт. Бранвин склонилась и поцеловала его. Он еле ощутил ее прикосновение. Мир начал меркнуть вокруг него.

— Боги, помогите мне, — промолвил он.

— Ты для нас потерян, — откликнулась госпожа Смерть.

— Мев! — то голос Барка, заглушенный громом, долетел вместе с ветром.

— Вперед! — воскликнула она. — Не подпускай ее к нему! — и речная лошадь кинулась вперед, разбрызгивая во-

ду и окатив их с ног до головы. Мев шарахнулась в сторону и ухватилась за плечо Келли. С холма навстречу им бежали Барк, Ризи и Донал — Ризи впереди, Донал — последним.

— О-о, — раздался тоненький голосок между скал, — слишком поздно, слишком поздно, бегите, скрывайтесь. О, торопитесь! Он ушел, ушел, ушел!

Таща друг друга, Мев и Келли бросились в объятия Ризи, потом Барка, и наконец Донала.

— Мы выгнали ее, — заплакал Келли. — Мы отогнали ее прочь. О, Барк, она не должна получить его.

— Слишком поздно, — завыл голосок, — поздно, поздно, поздно.

Грохот лошадиных копыт заглушал раскаты грома. Склон осветился пламенем, и дерево, вспыхнув костром, обрушилось в реку.

И хлынул дождь, пронизывая их до костей. Мев сжала свой дар и думала теперь о доме, но у мужчин было железо, пронизывающее ядом все вокруг, и молнии играли вокруг них, выхватывая струи дождя.

— Бежим, — вскричал Донал, хватая их за руки — потоки дождя словно размыли черты его прекрасного лица. — Бежим в укрытие.

И Ризи потащил ее вверх по склону к замку: она бежала, бежала и бежала за Барком и Келли, пока бок у нее не начал раскалываться от боли, а голова не закружилась; и ворота распахнулись, пропуская их, и закрылись за ними.

Они поднялись по лестнице, вымокшие и дрожащие; мужчины бросили свои мечи, упавшие с гулким звоном, и подняли детей в зал.

Там стояла их мать. И они все поняли. Мев замерла, не в состоянии думать и понимая лишь, что они потеряли. Кто-то обнял ее, прикоснулся к ее щеке, но у нее не было слез, душа ее была пуста.

— Он... ушел, — сказала их мать таким спокойным голосом, какого прежде они никогда не слышали, как шум дождя по крыше — монотонный и глухой. — Мев, Келли, он только что ушел так, как он мог. Вы знаете, он не мог умереть. Камень не давал ему. Ши тают. И так внезапно я просто перестала чувствовать его руку, хотя и видела ее. «Аодан», — сказал он. Так зовут коня, который принадле-

жал ему когда-то, — она подошла к детям и протянула к ним руки. Мев, вымокшая до нитки, подошла и обняла ее, и то же сделал Келли. Дрожащими руками Бранвин пригладила им волосы.

— Вы видели его?

— Нет, — сказала Мев. Загрохотал гром, сотрясая камни. Мев вспомнила тучи. Мать была злоеюще тиха — сдержанность страшнее бури. «Слишком поздно», — сказал им Граги. Она оторвала голову от материнского плеча и жестко и холодно посмотрела той в глаза.

— Ты хочешь сказать, он ушел, как мы? Вот так?

— Вот так, — губы матери шевельнулись, вдыхая силу в слова. — Он сказал «до свидания». Есть место, куда уходят Ши. Он что-то говорил о море. Он не умер. Теперь он не может умереть. Уже никогда, — и впервые ее губы задрожали от слез. Она снова обняла их и, отстранившись, пристально взглянула на них. — Вы не можете плакать? — спросила она.

Мев вздрогнула. Она промерзла до костей в своем мокром платье, и лишь там, где покоился дар Ши, тлеело тепло. Она потерлась о щеку матери, ощутив тепло и мягкость кожи и вспомнив запах лилий, масла и металла.

И все же они его потеряли. Они не уследили за ним — и в том была и ее вина. Она прикоснулась к дару Ши на своей шее, вспомнив, что он означает: но Элд шатался и рушился над ними, оседая вокруг. Горло ее засадило.

— Моя госпожа, — то был голос Леннона из угла, дрожащий и еле слышный. — Прости меня, госпожа... Он ушел. Шихан ушел от нас.

Казалось, старик спит, прикорнув у очага. Лицо его было покойным и безмятежным.

— О боги, — прошептал Ризи, и голос у него сорвался. — Старик опередил нас.

XIV. Беженцы

Утром им предстояли похороны. Они не походили на то, о чем мечтал Шихан — бесшумные, в темном рассвете, без эля и всенощных рассказов о былом: все слишком спешили и были обременены мыслями о своем господине. Они сложили старику пирамиду из серых камней Кер Вел-

ла и поклялись возвести более высокую, когда дождутся лучших дней. Леннон обязался сложить песню в честь него — а пока ни о каком пении и речи быть не могло, пока обстоятельства не изменятся к худшему или к лучшему, так что арфист лишь остался у насыпи после того, как все разошлись, и посидел там, склонив голову на руки — потом вернулся в замок, выпил чашу, вымыл лицо и принялся бродить меж навесов среди несчастных, бежавших за стены Кер Велла.

— Спой песню, — просили дети, что были более стойкими — он всегда старался подбадривать их, ибо минувшая ночь была ужасной, и наступавший день не сулил добра.

— Цыц, — строго одергивали их старшие. — Он — арфист господина, и у него сегодня горе. Будьте почтительны.

И так вокруг него застывала тишина.

Слухи росли от горестного молчания арфиста, от того, как снова укреплялась стена туч после ночной грозы, от шепотков, передававшихся от одного стражника другому... ибо Бан Ши молчала: «Она выла по старику, — говорили люди. — Теперь господин будет жить».

Но на кухне говорили другое: «Из зала не приходит больше распоряжений. Что-то там не так».

И еще: «Его люди выходили прошлой ночью, а вернулись с его детьми, которые не покидали до того пределов стен. Ши заколдовала их».

«Господин мертв — это он покоится под пирамидой, а старик просто спрятался».

— Господин Киран ушел вчера ночью, — сообщил Барк собравшимся воинам, среди которых были Ризи, Маддок и Оуэн с южанами. Он произнес это громко и отчетливо, чтобы ни у кого не оставалось сомнений и никто бы не принялся ничего сочинять. Он прокричал это во всю глотку, и крестьяне обступили тесную группу воинов и южан.

— Он не умер, вы слышите? А куда он ушел и зачем — это его дело; но он простился с госпожой перед уходом, и у него на это были веские причины. А остальное — не для болтовни во дворе. Возвращайтесь к своим делам. Попрдержите свои языки и предоставьте своему господину самому заниматься его делами. А пока нам предстоит управиться с Брадхитом — господин приказал заниматься этим.

Донал наблюдал за собравшимися. Он видел скорбные взгляды и изумление на лицах людей, повидавших в жизни слишком много бед. Но никто не подверг сомнению сказанное Барком — никто не ухмыльнулся и не принялся спорить. Люди слушали, и Барк говорил, что предстоит им сделать и как быстро.

Когда Барк закончил, Донал миновал Ризи, стоявшего у подножия лестницы и поднялся наверх мимо Маддока и Оуэна. К нему теперь это не имело отношения. Приказы предназначались другим. Он отправился в зал присмотреть за Мев и Келли — это было последнее поручение его господина, и эта обязанность так и осталась на нем даже теперь, когда прибыла их южная родня.

В зале на скамье сидела верная Мурна, Мурна, прявшая при свете факела, который продолжал гореть над тюфяками, где спали дети у очага. Все здесь снова было приведено в порядок — одеяла были убраны — конечно же, об этом позаботилась Мурна, как она заботилась обо всем в замке.

Он устроился с ней по соседству в тепле еще не остывшего очага, находя утешение в присутствии Мурны и наблюдая за проворной работой ее пальцев, которые вытягивали нить из шерсти — работой, за которой он так часто следил, пока выздоравливал. «Это был дар Ши Мурне, — думал он тогда, — прясть, прясть и прясть мир из хаоса, и облегчение из боли». Когда он наконец вынырнул из спутавшихся дней и ночей своей болезни, ему было стыдно за то, что его видели в таком состоянии. Но Мурна ни единым движением не намекнула ему на это, более того — она бросала на него робкие девичьи взгляды, над которыми в другое время он бы посмеялся; — такая надежда таилась в них и это в ее-то годы. В самую жестокую лихорадку с ним сидела его мать; но когда вернулись воспоминания и нахлынули на него тысячей вопросов, рядом была Мурна — тогда он узнал, что она никогда не покидала стен Кер Велла, хотя пережила войну и осаду за ними. Она мало что знала о мире. Всю жизнь она пряла, занимаясь детьми и заботами замка, сначала служа госпоже Мередифь, а потом Бранвин, и была так же одинока в своем мире женщин, как какой-нибудь солдат в мире мужчин. И вдруг она оказалась в такой неожиданной компании с ним и робко

делилась тем, чем могла, дорожа каждым мгновением его соседства... «Может ли существовать дружба между столь разными людьми? — думал он. — О, если бы она была возможна...»

Она продолжала прясть. Он смотрел на ее пальцы, на освещенное всполохами огня лицо. Как заботливо она приводила в порядок эту комнату и все остальные в течение всех этих страшных дней, бесшумно она мелькала все время рядом, словно защищая всех ото всего. «И вправду защищая, — подумал он, — если любовь и верность что-нибудь еще значат в этом мире».

Зал казался необычно тихим — ни приказаний, ни распоряжений, которые обычно исходили отсюда. Измученная госпожа почивает, а господин... одним богам известно. А во дворе Барк готовился к отпущению — сгусток рыжеволосой ярости — он занимался всем — оружием, продовольствием, тягловым скотом и лошадьми.

А над ними снова смыкались тучи, залатывая дыры, прорванные ночной грозой. Бастiónы вздымались все выше, и весь лес был во тьме, когда забрезжило утро, и солнце поднялось над стеной туч. Солнечного времени становилось все меньше; и с севера тянулись зловещие метелки облаков, великое множество их, оттуда, где стоял на границе Роан.

И дрожь охватила Донала, когда он увидел это — не то чтобы резкий страх, но иное чувство, соединившееся с остальными впечатлениями дня — криками Барка и шумом во дворе, перешептываниями, движениями и красками — все стало казаться ему зловеще хрупким, как последний всплеск жизни.

«Перед кончиной», — думал он. — Перед тем, как мир померкнет». И наконец он назвал словами то, чего опасался — силы Кер Велла слабеют, они готовятся не к тому, к чему надо, а тем временем кольцо туч все сужается, как подступающие войска. Господин Киран ушел. «Не умер», — твердил он себе, но он помнил, как Киран упал с коня, помнил черные стрелы и восковую плоть, которая держалась за жизнь только благодаря камню... «Вернулся в Элд, вошел в него со всею обреченностью и оседлал эльфийского коня, чтобы из последних сил бороться с неизбежностью...»

«О, ступай, — мысленно обратился он к своему господину, — ступай туда, куда они уходят, и обрети мир, чем бы ни являлось это таяние». Он закрыл глаза и увидел холм у Кер Донна, и черный страшный ветер раздувал, разрывая в клочья, белый огонь Ши.

Он вздрогнул, почувствовав, как судорога пробежала по его членам. Воздух был тяжел и грязен.

Кто-то прикоснулся к нему — но это всего лишь Мурна положила ему руку на плечо.

— Успокойся, все хорошо.

— Им не нужно делать этого, — пробормотал он, вдруг отчетливо увидев двор и готовые к отправке повозки и посередине всего Барка, направляющегося на север на защиту хуторов. — Не нужно. Север и так гибнет. О боги...

— Донал! — прошептала Мурна. Она стояла перед ним на коленях, сжимая его руки. Но только когда она потрясла их, он увидел ее. Ему все еще было холодно, и то, о чем он думал, пронеслось как мимолетный сон.

— Прости, — смущенно промолвил он, забыв обо всем, словно о гаснущем видении.

— Успокойся, тебе нельзя утомляться. Ты задремал сидя здесь. И что-то приснилось тебе. Ляг в свою постель и отдохни. Тебе уже пора.

И тогда он отстраненно подумал о бесплодности всего. Его часто мучили кошмары после Донна. Он вдруг испугался, что мог кричать во сне, и жар залил его. Он отвернулся и посмотрел на детей, спавших на матрасах. Он почувствовал, как болят от напряжения его плечи, как ломит кости.

— Если Элд падет, я стану лунными лучами и паутиной, — вырвались из него обрывки случайных мыслей, разрозненных как все, что приходило теперь ему в голову. — О, лучше бы я остался там, где был, на скалах под Кер Донном.

— Т-с-с! — Мурна прижала пальцы к его губам, и в глазах ее отразилось страдание.

Он поймал ее руку и уже сам прильнул к ней губами. Но она была безутешна и казалась такой усталой. В глазах стояли слезы и испуг.

— Мурна, — промолвил он, — если у Кер Велла есть герои, то ты — один из них. Знаешь ли ты это?

— Почему? — спросила она в смущении.

— Потому что так оно и есть, — он отпустил ее руку, ибо она вся зарделась. Наверное, она сочла его слова пустой лестью, шуткой над незащищенной женщиной. Он почувствовал это и неловко встал. Немногим он позволял видеть свои страдания, но Мурна была одной из немногих, и он покорился, не чувствуя сил, чтобы скрывать свою боль. Тревога грызла его. Опасения, мучившие его еще мгновение назад, казались теперь туманными, и он почувствовал потребность снова увидеть тучи, сделать что-то для защиты замка, хотя бы просто проводить войска, отправлявшиеся на границу. «Я и сам могу поехать, — мелькнуло у него в сумбуре мыслей. — На лошади я вполне ничего. Я могу удержать щит».

Но он вспомнил о детях и почувствовал облегчение, что у него есть предлог не отправляться на север, ибо он ощущал в этом что-то не то.

— Донал? В чем дело? — спросила Мурна.

Он заморгал глазами, возвращаясь из серой пустыни, где он был так одинок, неуверен и незащищен, где порывы ветра уносили остатки надежды.

— Мев! — закричал он. — Келли!

— Донал... — оборвала его Мурна; но он уже бросился к ним и обхватил их расслабленные тельца, прижимая к себе как можно крепче.

— Просыпайтесь! — зашептал он им, пытаясь вернуть их оттуда, куда они ушли. — Возвращайтесь! Мев, Келли! Вы нужны вашей матери, слышите ли меня?

И они покорно вернулись.

— Донал, — промолвила Мев, и он приник к ее застывшему лицу.

— Мы здесь, — пробормотал Келли и, зашевелив руками, начал просыпаться.

— О боги, — выдохнула Мурна.

«Береги их», — сказал мой господин, — сердце Донала рывало ему грудную клетку. — Береги их. Он все время знал о грозящей им опасности. А я еще хотел их бросить. О, просыпайтесь, просыпайтесь, слышите меня? Я знаю, где вы, и вам там не место. Возвращайтесь. Ну, возвращайтесь же.

— Как было темно, — промолвила Мев. — И свет задувало, Донал!

— Разбуди их мать! — резко сказал Донал. — Мурна, разбуди ее, быстро!

Мурна бегом кинулась к лестнице.

И дрожь пронизала Келли, и он глубоко вздохнул — и оба наконец были здесь.

Но только удостоверившись в этом, Донал выпустил их из своих объятий. Мев протерла глаза. Они сидели, глядя на него, и в глазах их брезжила печаль от того, что держал их всего лишь он, а не тот, кого они любили больше жизни.

— Если б я мог уйти вместо него, — сказал им Донал, — о боги, я бы сделал это.

Мев заплакала, сидя среди одеял, и слезы заструились по ее щекам. Она утерла их и закинула назад спутавшиеся от сна волосы. Келли сидел как пораженный громом. Донал снова обнял обоих и закачал их у себя на коленях, хотя у него и болела раненая нога.

— Настало утро, — промолвил он, — и мир таков, каков он есть, и вы должны оставаться в нем.

Они ничего не ответили ему, ни слова.

— Ваш отец сказал мне, чтобы я берег вас, — проговорил Донал, — и так и будет.

За дверью послышались поспешные шаги. И вслед за Мурной вбежала их мать, растрепанная, как Мев, в простом белом платье, с рассыпанными по плечам волосами.

И тогда Донал, преодолевая боль, поднялся на ноги, опираясь на камни очага и руку Мурны. Он смотрел, как Бранвин обняла детей, как те заплакали, как то и должно было быть, а потом Бранвин обрушилась на Мурну, ругая ее за их растрепанный вид и за то, что они спали здесь, а не у себя наверху. Она утерла лицо Келли рукавом, во всем проявляя строгости не меньше любви.

«Она не знает, что с ними было, какой они подвергались опасности, — с содроганием сердца подумал он. — И никогда не узнает». Бранвин пробудилась лишь ото сна, всего лишь сна, легкого ли, тяжелого, но это был сон и не более. «Она всего лишь прах, — думал он, — а в нем был дух, и она знает это». Печать смертности лежала на Бранвин. Она ссутулилась. И нынче утром от глаз ее разбежались морщины. Она оставила своих детей и повернулась к Доналу.

— Где Барк? — спросила она.

— С твоими двоюродными братьями. Собирают людей, отправляющихся на север.

Она взглянула на него широко раскрытыми глазами.

— Нет, — промолвила она.

— Госпожа?

— Нет, они не пойдут.

— Госпожа, они мало чем могут помочь здесь, в Кер Велле, — он почувствовал, как жар залил его лицо. Он оборвал себя, вспомнив, с кем говорит. Он поглядел на нее и увидел ее голубые глаза, бледные и бесстрастные. — Граница, — продолжил он, пытаясь исправить положение, — северные хутора — они не могут больше ждать, — но она была уроженкой Кер Велла, вскормленной и воспитанной здесь. Она знала лишь то, что его необходимо защищать — об этом он тоже помнил.

— Они не пойдут, — повторила она, крепко сжав губы, от чего по щекам разбежались морщины, и прижала к себе детей, словно заслонившись ими. — Скажи это Барку.

— Я передам ему, — он бросил отчаянный взгляд на Мурну, склонил голову и поспешил прочь, зная, как Баркотреагирует на эти вести.

Она была непреклонна, когда, топоча ногами, наверх поднялся Барк, когда за ним вбежал Ризи с братьями, и Ризи повысил голос на нее, что говорило о том, в каком он был отчаянии и как негодовали воины. Оседланные лошади переминались во дворе, нагруженные повозки стояли за воротами, и возницы лишь ждали приказаний. Народ роптал по всему Кер Веллу в тревоге и смущении, напуганный не только зловеще нависавшим небом, но и резким изменением приказов своих военачальников.

— Благие боги, ты не можешь так поступать, — кричал Ризи. — Одно дело горе, но принесение в жертву своего народа — бессмысленно. В этот час трещит твоя граница — лошади готовы, войска стоят в доспехах, и двор полнится слухами.

— Король мертв, — ответила она. Она спокойно сидела в скромном синем платье, волосы были уже туго заплетены в косы, лицо очень бледно. Казалось, облик ее вырезан из слоновой кости. — Ты понимаешь?

— Лаоклан мертв, — Ризи шагал из угла в угол, и ос-

тальные бы с радостью последовали его примеру — до того всем было не по себе. Ризи замер, умиротворяюще протянув к ней руки. — Ну что ж, меня не удивляет это, сестра, но откуда ты это знаешь?

— Мой муж сказал мне это, — спокойно ответила она непрерываемым тоном. — Перед уходом. Пошлите гонцов во все концы наших владений. До самых границ. Пусть все идут в замок, и велите Роану вернуться домой со всеми людьми.

— Госпожа сестрица, — мягко заметил Ризи, — господин Киран был в лихорадке.

Она поднялась с кресла, и на мгновение все в ужасе отпрянуло, несмотря на ее малый рост.

— Брат, ты понял меня? Мой кузен Лаоклан мертв. Он ненавидел нас. Но он мертв. Они убили его, задушили его в постели после того, как не подействовали яды. Король убит.

Глаза Донала метнулись в угол, где рядом с сестрой сидел хрупкий рыжеволосый мальчик, и дрожь пробежала у него вдоль позвоночника. «О боги», — подумал он впервые, ибо до вчерашнего вечера был жив Киран и оставались возможности для дипломатии и заключения союзов; к тому же Лаоклан мог объявить кого-нибудь наследником. Но уже этим утром все изменилось. «Келли. Боги, боги, этот мальчик есть король».

Молчание объяло всех. А возможный король с отчаянием взирал на окружающих, сжимая руку своей сестры.

— Сестра, — тогда промолвил Ризи, — если это так, у нас осталось немного времени. Если это правда, беда придет в долину очень быстро. Тем больше оснований заняться севером, чтоб мы потом смогли отразить нападение с запада, когда он обрушится на нас.

— Нет, — сказала Бранвин.

— Сестра, командуй в замке. И не суйся в дела войны.

— Я сказала — нет.

— Это ошибка, — промолвил Барк. — Госпожа, ты знаешь меня и знаешь, что я верен тебе, как был верен ему. Но я скажу то же. Оставь дела границ тем, кто разбирается в этом.

— Король мертв, — она повысила голос, сразу лишившись спокойствия и достоинства. — И все наши силы дол-

жны быть собраны здесь. И муж мой не мертв, Барк. Он ушел, но он не мертв. И ты все еще его человек, не забывай об этом.

Барк склонил голову, а затем горестно поднял ее. Его мысли были ясны.

— Госпожа, где бы он ни был... но положение на границе... не терпит отлагательств.

— Барк, он посмотрел на меня. Это было последнее, последнее, что он сказал. Он смотрел на меня так же ясно, как я смотрю на тебя: «Бранвин, — промолвил он, — рассчитывай на Дру. Ступай к нему, если потребуется. И торопись».

— Не может быть, — мрачно промолвил Ризи. — Это невозможно: по крайней мере сейчас это не легкий путь. Даже нам с трудом удалось осуществить его. Лучше сейчас обезопасить северные пределы, а потом все силы бросить на запад.

— Они поползут меж холмами как муравьи, — сказала Бранвин.

— Вполне возможно, госпожа, но это их приведет в наши руки. Оуэн, Маддок и я — неужто ты думаешь, что кто-либо из жителей долины превзойдет нас в бою в холмах? Пусть попробуют. Мы будем стоять здесь.

— Донал, — простерев руки, Бранвин обернулась к нему. — Донкад. Короля убил Донкад. Ты меня понимаешь?

Дрожь охватила Донала — разбитые кости заныли от воспоминаний, всколыхнув страх и сомнения в его душе.

— Барк, — промолвил он, — Барк, у него есть союзники... О боги, Ризи, Бурые холмы и север — слишком многое движется на нас... Я видел это, и это не войска. Гораздо хуже. Наверное, она права.

И все обернулись к нему с жалостью во взоре. Барк заправил руки за свой ремень, потом, нахмурившись, взглянул на Бранвин.

— Донал останется здесь, — сказал он, — командовать обороной. Ты моя госпожа, но господина нет, и пока он не появится здесь снова, я буду выполнять его последние распоряжения и хочу напомнить, что я вернулся в замок без его разрешения на это. Ризи, Оуэн, Маддок...

Краска залила щеки Бранвин.

— Я сказала, — промолвила она. — Но ты отказываешь-

ся слушать, — губы ее задрожали, глаза наполнились слезами. — Ну что ж, ступай. И поступай как знаешь, Барк. Хотя бы ты останешься, Донал.

Донал неподвижно стоял, чувствуя, что лицо его пылает, а Барк и Ризи с братьями, бряцая оружием, удалялись вниз по лестнице; и взор его помутился, стал страдальческим и горьким.

— Ну? — резко спросила Бранвин. И Мурна стояла рядом, присутствуя при этом. И краем глаза он видел детей, сидящих в углу.

— Я выйду с твоего разрешения, — горестно пробормотал Донал, — проводить своих братьев.

Бранвин кивнула и повернулась к нему боком, найдя себе занятие со связкой трав и склянок, стоявших в ее углу.

Ворота были раскрыты. Повозки со скрипом уже тянулись по дороге.

— Будьте осторожны, — промолвил Донал, глядя на Барка, проезжавшего мимо, и Барк, придержав лошадь, отъехал в сторону.

— Донал, — и Барк замер на мгновение, нахмутив лоб, потом соскочил с седла и заключил Донала в объятия.

Донал ответил ему тем же и, отстранившись, заглянул Барку в глаза.

— Будьте осторожны, — упрямо повторил он. Страх подступал к горлу, как тошнота. Он смотрел, как мимо проезжали всадники — почти все силы Кер Велла. Не глядя, он знал, на что похоже небо над головой. «Донкад, — звенело у него в мозгу в такт лязганью оружия, — Донкад, Донкад». — Скорее возвращайтесь назад.

Страх был написан слишком явно на его лице — он породил сожаление во взгляде Барка, не привыкшего к подобной слабости.

— Брат... — промолвил он и закусил губу, решив не говорить того, что собирался. — Позаботься обо всем здесь. А мы вернемся, как только сможем.

И руки Барка сжали плечи Донала. Донал застыл, а тот вскочив в седло, галопом опередил колонну, изогнувшуюся по направлению к северу. Сердце его помертвело, ибо отважные цвета знамен Кер Велла и черные стяги сыно-

вей Дру; грохот копыт и бряцанье оружия удалялись на север, где громоздились новые бастионы туч. На стенах стояли люди, облепив их со всех сторон, но мало кто издавал приветственные кличи — стояла тишина, несвойственная Кер Веллу.

— Сын.

К Доналу подошла мать. Он повернулся к ней, и выражение ее лица изменилось, став тише и спокойней. Его мать была высокой женщиной с подернутыми сединой волосами и полными жизни глазами. — Пойдем, — мудро сказала она, желая утешить его, как в юные годы, когда он разбивал коленки, падал или проигрывал состязания, пока он не решил, что вырос и не сбежал в Кер Велл. — Пойдем, я свободна сегодня утром. Позавтракай со мной.

Но он нуждался не в трапезе. В зале его ждала госпожа; у него были свои обязанности, и он не мог попусту тратить время — взгляд Барка все еще жег его нутро, и если Бранвин и Мурна занимались детьми, он мог посвятить себя делам во дворе. Люди должны были видеть его, одно его присутствие могло пресечь сплетни.

И он оставался на виду — народ глазел на него и шептался. За завтраком он выпил лишь чашу сидра и съел кусочек хлеба, пока мать его болтала обо всем на свете за исключением войны. Он сидел на мешке с провизией у кухонной двери, а мимо пробегали туда и сюда дети, женщины носили воду и припасы, даже забредали непослушные козы. Большинство населения Кер Велла теперь составляли женщины — юные, в расцвете лет и старухи. И он слушал рассказы матери о соседях и кухонные сплетни, а на солнце играли дети в салки (хоть за стенами и нависла тень), так визжа и крича, что порою ему казалось, он лишится ума от шума, но уже в следующее мгновение он понимал, что нет для него ничего дороже. Мать не спрашивала о том, что делается в замке — нет, у нее не было никакого желания идти туда. У нее были свои подруги и соседи, и она рассказывала ему о них, о простых мелочах, и он понял, что она, как и Мурна, обладала отважной мудростью. И проходившие мимо задерживались рядом с ними, делая вид, что замешкались по какой-то причине или зашли по делу; и он видел внимательные глаза женщин, думающих о своих сыновьях, мужах, братьях; тогда как

он — калека, переломанный и никчемный, был оставлен с горсткой других командовать ими в Кер Велле.

И он поднял глаза и увидел, как прекрасна его мать и с каким почтением к ней относятся остальные. Она всегда была такой — полной здравого смысла. Отец полюбил ее за это, а сам Донал лишь этим утром в Кер Велле разглядел, какой была его мать.

И тогда внутри его, прогоняя страх, зародился несказанный покой, он словно понял о мире больше, чем знал до сих пор. Он понял, что должен делать, и как выполнить свою клятву в верности господину.

— Мне надо вернуться в замок, — невольно вырвалось у него. — Меня ждут дела... — он услышал, как затаили дыхание присутствующие. — Мой господин оставил распоряжения — их надо выполнить, — мать сидела спокойно, не сводя с него своих ясных глаз — она знала, что он делает. — Если спросят, скажи им так, — он сжал ее руку, лежащую на коленях, и заглянул в глаза. — Наш господин не погиб. Я был там, где он сейчас. И я оттуда вернулся. Он ушел, чтобы вылечиться. Как я. Это им тоже скажи.

Донал поднялся. И мать его встала за ним. Он стал лежцом и не стыдился этого. Склонившись, он поцеловал ее в лоб, а потом подставил ей для поцелуя свою щеку. Он пошел прочь не хромя, хоть кости у него и болели.

Он пересек двор и начал подниматься по лестнице, провожаемый сотней безмолвных взглядов. Он чувствовал их спиной. И стоило ему подняться, как двор затопил гомон женских голосов. Он не стал оглядываться, но повернул на внутреннюю лестницу и еще выше через библиотеку в зал.

— Ну? — спросила Бранвин, оторвавшись от расчесывания волос Мев.

— Все в порядке, госпожа. Они отправились, вот и все. Не так давно. Я был во дворе. Завтракал.

Бранвин поджала губы, а Мев горестно обхватила себя руками, опустив голову. Ее рыжие волосы поблескивали и рассыпались искрами под гребешком.

— А где может быть Леннон? — спросила Бранвин.

— Где-то здесь. Я не видел его после похорон.

— Так. Хорошо, — еще несколько взмахов гребнем. — А теперь слушай мои утренние распоряжения. Доставь в за-

мок всех имеющихся у нас лошадей — кобыл и жеребят. Собери все повозки, оставленные нам Барком, и все оружие. Завтра мы отправимся на юг. Все живые души прочь из Кер Велла.

— Госпожа... — вся его уверенность покинула его, отступив перед доводами рассудка. — Тогда пошли гонца за Барком. Пусть заставит вернуться его и Ризи.

Но Бранвин продолжала расчесывать волосы Мев, а Келли молоть травы Бранвин. Талисман на его шее яростно раскачивался от резких движений его руки. Во всем этом было безумие — в этих привычных вещах, в том, что Бранвин настойчиво продолжала заниматься ими. Воздух благоухал розмарином и горем.

— Если бы они послушались, они бы не уехали, — сказала Бранвин. — Верен ли ты мне, Донал?

— Госпожа, эти люди верны тебе. Просто они видят опасность...

— Я тоже вижу.

— Я поеду за ними, уговорю... если бы я поддержал тебя, возможно, они остались бы, чтобы укрепить Кер Велл.

Рука Бранвин застыла в воздухе. Бранвин похлопала Мев по плечу и отпустила ее. Мев с широко раскрытыми глазами не стронулась с места. Бранвин смотрела на Донала, не отводя глаз.

— Ты, верно, не расслышал меня. А Барк тебя оставил, чтобы удержать меня, — промолвила Бранвин, — ибо он понимал опасность. Нет. Никого не посылать за ними. Собрать последних хуторян — разослать гонцов.

— Люд во дворе испугается.

— Говори что хочешь. Пошли мальчиков Шона — они умеют держать язык за зубами. Отыщи Леннона. И Кована. Все должны быть готовы. Говори что хочешь. Собери все оружие, даже сломанное, что можно починить, и всех, кто в состоянии держать его в руках. А главное — чтоб все были заняты делом. Сумеешь ли сделать все это?

— Да, госпожа, — он взглянул на Мурну, потом на обоих детей и дольше всего задержал взгляд на Бранвин. — Что ты собираешься делать? Госпожа, тебя не было рядом, когда Ризи рассказывал нам, что они видели на южной дороге. Тварей, похищающих людей и лошадей. Лес смертельно опасен.

— Ши защитит нас. Ради моих детей она спасет нас всех.

Безумие играло в глазах Бранвин и страх. И то и другое передавалось окружающим.

— Госпожа... ради тех, кто на улице, там во дворе, кто сможет вынести осаду и пережить ее — с полдюжиной людей я отвезу тебя на юг к господину Дру. Если ты считаешь, что этот риск оправдан. Но отправляться в путь со стариками и грудными младенцами — боги, о, госпожа, по лесной тропе не пройдут повозки и телеги. У нас не хватит лошадей, чтоб посадить всех верхом.

— Донал, на трон в Дан-на-Хейвине взошел Донкад. Ты лучше всех знаком с его характером.

— Да, — ответил Донал, помолчав. «О, Барк, вернись домой, вернись скорее, уговори госпожу». Но если Донкад придет в долину, он не станет тратить время на опустевший Кер Велл.

— Ты думаешь, Кер Велл сможет сравняться с ними по числу воинов. Ты никогда не видел, какое войско может собрать Дан-на-Хейвин. Что ж, зато видела я. Ты думаешь, они не смогут разделить эти силы и, обрушившись на Кер Велл, развязать руки Даву, Брахиту и Ан Бегу? Смогут, — она снова привлекла к себе дочь. И Келли подошел и встал с ними рядом. Морщины стали глубже на лице Бранвин после последних ужасных дней. — Это слово моего мужа, Донал. Ты не веришь ему?

— Я видела Кер Велл сожженным, — промолвила Мев, еле шевеля губами. — Мне снилось это прошлой ночью, Донал. Я думаю, что это правда.

Мир показался холодным и хрупким ему. Он смотрел не мигая на них и на мальчика-корся, вставшего рядом — рыжеволосого, с закатанными рукавами и руками, запачканными травами и корешками.

— Я сделаю, что могу, — сказал Донал Бранвин. Он не мог поверить, что в отсутствие господина им предстоит решить столь роковые вопросы. Ши защитит их — верила госпожа. Но он жил с болью в костях, воспоминаниями о скалах и меркнувшем свете.

«Ши исчезла — вот в чем дело», — думал он, спускаясь по лестнице. Он хромал, придерживаясь руками чтоб не упасть, это он — хранитель Кер Велла. А вокруг себя он ви-

дел камни и всполохи молний и клочья Ши, рассеянные черными ветрами.

Ши растаяла, и Киран ушел путем Ши; и даже за стенами Кер Велла не было спасения, иначе он укрыл бы здесь детей. И Бранвин слепо надеялась миновать лес — надеялась, ибо у нее не было другой надежды.

Но Мев являлись видения.

«Твой брат ушел, — прошептал темный человек. — Исчез».

Донкад вздрогнул и повернулся к нему в пустынной тишине мрачного зала Дан-на-Хейвина. Войска окружали замок — его воины и пришедшие из других земель, слетевшиеся, как стервятники, на смерть короля, но среди них был и один орел.

— Что, умер? — прошептал он вслух и услышал ответ холодный, как лед.

«Вчера ночью, — прозвучал голос, мягкий, как паутина. — Бан Ши предвещала это. Киран из Кер Велла, уроженец Донна, муж Бранвин ушел».

Донкад опустился на аскетичный деревянный трон — его словно ударили молотом по сердцу. Слезы подступили к глазам, но и облегчение охватило его. «Умер... от ран, нанесенных Ан Бегом?»

«Умер... — голос стал еще тише. — Да, почти. По крайней мере, настолько же мертв, насколько может быть мертвым Ши».

Это был коварный удар. Донкад огляделся, но вокруг никого не было видно. «Так мертв он или нет, ты, дух?»

«Какая разница. В нем становилось все меньше и меньше человека. Теперь у него нет границ. В это самое мгновение он может быть здесь или являться по ночам к твоей постели. С легкостью он сможет приходить, куда угодно. Он будет по-прежнему защищать свой замок и своего сына всеми имеющимися у него средствами — а этих средств мало».

Дрожь охватила Донкада. Ему становилось все холоднее, словно тепло вытекало из него навсегда. Это была правда: у него был племянник — наследник через Меру, Эвальда и Бранвин, и все эти собравшиеся войска знали это. И ничего не стоило объявиться мятежнику, который поднимет всех именем мальчика, чтобы они могли воспи-

тать его как им угодно, когда он окажется в их властолюбивых руках.

«И это первая опасность», — подумал он — хотя кто знает, ему принадлежала эта мысль или темному человеку, который так слился с ним теперь, что уже невозможно было отличить одного от другого. «Мальчик. Келли. Наследник Лоаклана, сын моего брата и родня Дру. В Кер Велле, рядом с Ши».

— Это безумие, — сказал Леннон. Его светло-голубые глаза были затуманены элем, когда Донал нашел его рядом с кухней — слишком много любимых он потерял, к тому же и небо все больше темнело.

— Не говори никому ни звука, — промолвил Донал. — Лишь помоги мне в спокойствии удержать народ. Ступай к людям. Узнай, сколько из них находится здесь, и сколько из них могут ехать верхом, хоть как-нибудь. И скольких придется везти.

— Да, — ответил арфист, у которого был дар держать в памяти многие вещи и цифры.

— На юг, — повторил Шон, когда Донал пришел к нему в конюшню. — О боги. С повозками?

— Лучше в руки Ши, чем на милость Донкада, — ответил Донал. — В этом я могу поклясться. Не болтай ни о чем. Разошли своих мальчиков за хуторянами. Пусть все соберутся к закату. И скажи им, чтоб были осторожны.

И наконец он приказал Ковану, который ухаживал за Илерой Кирана, упрямо и верно как всегда по утрам:

— Всех лошадей, Кован. Всех до единой. Мы не оставим ни одной разбойникам Ан Бега. Всех привести в замок. И быков для повозок.

— Да, — задумчиво поджав губы, ответил Кован. Не отрываясь от своего дела, он подозвал мальчика и дал ему указания.

Так шла подготовка. А слухи все ползли: «Враг близок. Граница прорвана. От этого вся эта беготня».

Донал не опровергал этих слухов. Они были ему на руку. Он появлялся тут и там с встревоженно хмурым видом, и уже не заботился о том — кто что подумает.

— Это правда? — спросила его мать. — Северу грозит опасность?

И тогда он решил довериться еще одной душе.

— Возможно. Мама, мы уходим на юг. И очень скоро. На то есть веские причины. Хотя пока я не могу о них сказать. И если Барка отбросили назад, тем скорее должны мы уходить: ради спасения наших жизней мы должны идти и укрыться у господина Дру, пока все не закончится. Ты знаешь крестьянок, на которых можно положиться. Назови мне их имена — тех, кто может повлиять на остальных.

Она сомкнула губы, нахмурилась и назвала.

Кузница работала вовсю — ковалось железо, чинились колеса. Леннон мелькал тут и там, как рыба во встревоженных водах, навещая беженцев, исполняя песенки, чтобы отвлечь от невзгод, интересуясь здоровьем того старика и этой старухи или возрастом какого-нибудь младенца. Шон и Кован привели лошадей — негодующих кобылиц и жеребят, старых меринов, привыкших к вольной жизни и теперь демонстрирующих свой характер, и наконец быков, которые тяжело двигались мимо укрытий и даже свернули один навес под вой и возмущенные крики старух.

Донал переходил от места к месту, занимая пажей и крестьянских юношей заточкой оружия, а старым воинам поручая более тонкое дело по ремонту конской упряжи, принесенной со складов. Он старался быть на людях как можно больше: и если не вмешивался детально во все подробности, то хотя бы хвалил то, что делали опытные люди. И все большему количеству людей он доверял свою тайну, беря с них, где надо, клятву, чтоб они молчали.

Но даже молчание порождало слухи. «Слишком тихо», — начинали звучать голоса. «Почему молчат те, кому все известно?» Он слышал и другие шепотки, смысл которых не мог разобрать, и это вселяло в него беспокойство. А всякий раз как он оказывался на стене, он не мог удержаться, чтобы не посмотреть на север, уповая на то, что увидит каких-либо всадников — может, Барка и Ризи с Роаном, возвращающихся домой; но на самом деле он опасался увидеть крупное конное войско — Кер Дав и Брахит, которые могли возникнуть на горизонте. И по-прежнему их окружало все то же плотное кольцо туч: «нам придется миновать его, если мы едем на юг, придется погрузиться в эту мглу».

И от этих промозглых мыслей он механически повторял себе: «Господин Киран знал бы, что нам делать».

И голова его кружилась, и тогда он вспоминал, почему они все это делали, и что Кирана не было в замке и скорее всего не будет уже никогда, что ничто не вернется к тому, как было, и их больше не ждут ни лето, ни осень, ни зима, ни весна никогда-никогда-никогда.

«О боги», — тогда восклицал он, и сердце его сжимало свинцовой болью, и его охватывало непреодолимое желание подняться в зал хотя бы для того, чтобы убедиться, что их не постигло какое-нибудь новое несчастье. «Никто не знает, как заботиться о них», — думал он о Мев и Келли, вспоминая, что те обладают волшебным даром и способны на все в своем отчаянии. «Я знаю. Я могу. О боги. Мурна, моя госпожа, не отпускайте их никуда».

Но ему хватало своих забот. Пора было считать лошадей, Леннон принес ему сведения о количестве людей.

— Расшифруй мне, — попросил он Леннона, растерявшись от изобилия цифр; и они уселись на корточках у лестницы, мешая пройти всем и каждому, и Леннон принялся писать цифры на земле, подробно объясняя их смысл.

— Самые крепкие должны получить хороших лошадей, — сказал Донал. — И поедут они впереди. И загружать их не надо — нельзя утомлять ни лошадей, ни этих людей, ибо эта наша защита.

— Хорошо, — откликнулся Леннон, — но как мы поступим с теми, кто останется без лошадей?

Доналу нечего было ответить. И Леннон покинул его, ничего более не сказав. Не поднимаясь со ступеней, Донал обхватил руками раскалывающуюся от боли голову, но тут же вспомнил, что за ним следят люди, и заставил себя подняться.

Пала мгла — наступили резкие сумерки. Зарокотал гром. Донал поднял голову и взглянул на стену туч, грозящую над ними. Темная полоса, оторвавшись от нее, протянулась к северу. Еще одна метелка на чистом лоскутке неба. Дрожь пробежала по его спине.

— Донал, — сверху раздался голос, высокий и чистый. Он поднял голову и увидел Мев и Келли.

— Ступайте в замок, — ответил он. Ему было страшно из-за этих туч. Весь Кер Велл казался ему беззащитным, подставленным бурям и молниям. — Возвращайтесь в зал!

Небо раскололось от грома. Дети вздрогнули и посмотрели вверх. Не обращая внимания на боль, он кинулся к ним и вдруг на фоне камней Кер Велла ему предстала другая картина — приграничные холмы, покрытые мглой, сцепившиеся в схватке войска, разбитые наголову отряды и люди, умирающие под дождем черных стрел. «Погибли», — подумал он, застыв с поднятой ногой на ступенях и словно от вспышки молнии он вспомнил, что ему снилось это под утро. «Север пал. Роан!»

— Донал... — его обхватили детские руки, сжимая ладони и обнимая за пояс. Он подхватил их на руки и понес, спотыкаясь от боли. Поднялся холодный ветер, вздымавший вихри пыли и валивший их с ног. Он внес детей внутрь, где они были хоть как-то защищены, и закрыл дверь.

— Они дуют на север, — промолвил Келли. — Тучи движутся к северу.

Так и было: все больше метелок отрывалось от грозовой стены, и словно ключья черной шерсти, подвластные невидимой руке, они неслись на север.

— Как пряжа, — сказала Мев. — Смотрите! Вон новые под ними уже движутся с севера.

Сверкнула молния. Из двора раздались крики ужаса и плач детей.

— Ступайте внутрь стен, — закричал Донал. Он взбежал на стену и обратился к мечущимся людям: — Всем укрыться! Ступайте в Старый зал! Прячьтесь в казармах! Двери там открыты!

Ветер вздымал вихри песка, скопившегося у ступеней. Откуда ни возьмись выбежал Леннон, как младенца, прижимая к груди свою арфу, и бросился вверх по лестнице. Сорвало навес над кухней, горы горшков перевернулись, и они, сталкиваясь, стали кататься по двору. Отбившаяся лошадь металась по двору и ржала, пугаясь гремящих горшков и бегущих детей.

— Донал! — раздался за его спиной голос Мурны. Он стоял, глядя за стены. Солнце исчезало. Их накрывала мгла. Завывал ветер. Если бы он напрягся, он увидел бы мрак и молнии, как в ту ночь возле Донна.

— Донал! — его кто-то схватил за руку. То был Леннон, старавшийся затащить его в укрытие. Хлопнула дверь, и

Мурна задвинула засов. Мев и Келли обняли его, словно боялись, что он тоже растает, и он вслепую прижал их к себе, и двинулся вверх по лестнице, а тем временем гром сотрясал камни замка.

Бранвин сидела в зале у очага.

— Случилось, — промолвил Донал. Дети молчали, дрожа, ибо обладали слишком острым зрением. Донал не отпускал их руки. — Госпожа Бранвин, граница прорвана.

Ее это ничуть не удивило. Она просто подняла на него глаза, в которых не было слез. Она была как камень, лед, сама неподвижность.

— Значит Барк теперь вернется домой, — промолвила она. — Если ему удастся. И вместе с ним Ризи.

— Нет, — промолвил Леннон. — Скорее всего они уже в Лоуберне. Если Роан отступает, Барк остановится там, чтобы прикрыть его.

— Он не должен, — воскликнула Мев. Зубы у нее стучали. Донал обхватил ее за плечи. — Приближается. Что-то темное — «темное на вашем пути», — сказал он, он так сказал мне.

— Тихо, — оборвал ее Келли. — Мев, не надо.

Элд трещал. Серебряные деревья осыпались золотом в темноте, падавшим водопадом на холмы, и даже в первых лучах рассвета было видно, как меркнет их свет.

На мгновение повисла тишина, и снова подул ветер, срывая новые листья, и солнце словно замешкалось — стоит ли вообще всходить.

Ночной холод не убывал. Арафель неподвижно сидела посередине роуи, опустив голову на колени и обхватив руками свой меч. Свет лунного камня померк, затуманенный мглой, и она не могла заставить себя смотреть на него.

Тьма подползала между деревьев, черпая силу в ее отчаянии. И шепот теней доносился отовсюду.

Потом она подняла голову и сжала рукоять меча, и вспыхнул серебряный свет.

— Где твоя лошадь? — кто-то насмешливо спросил ее. — Знаешь ли ты это, Дина Ши? Она убежала, как и твой человек? Или кто-то похитил ее?

— Их было двое, — откликнулся другой, и глаза его

вспыхнули как лампы в темноте — но она потеряла обоих.

Сердце Арафели похолодело. Она встала и подняла меч перед собой.

— Что значит убежал? Говори яснее, тварь.

Они снова отпрянули во тьму. Их было много — высокая стройная Ши с бледным лицом. И все они были при оружии и доспехах, и восходящее солнце просвечивало их насквозь.

— Сгиньте! — воскликнула Арафель. — Вернитесь в Дун Гол! Прочь из Элда!

Они исчезли. Осторожность их еще не покинула. Рана ее болела. Острие меча опустилось на землю, пронзая золотые листья, потерявшие свое серебро. Листья продолжали падать, кружась вокруг нее, бесшумно и одиноко; и тоска охватила ее — как они были прекрасны даже сейчас, как прекрасны и горды, и сколько в них было истинной сути Ши.

— Финела, — прошептала она, и громче: — Финела.

Начался дождь холодный, как смерть: он туманил пробивавшийся день, превращал листья в мокрый ковер, посылал дрожь в ее кости. Как и опадавшие листья, он возвещал перемены. Даже Митиль — младшее из деревьев зеленело лишь на макушке, лишившись уже сотни листьев, сброшенных порывами ветра.

— Финела.

Рядом послышалось дыхание. Эльфийская кобылица, мокрая от дождя, стояла рядом, вскинув светлую голову и раздувая ноздри.

— Вот и ты, — промолвила Арафель и содрогнулась от того, что сомнения было так легко заронить ей в сердце; как дождь, как смерть деревьев, незаметно она лишалась сил. И Финела стояла в недоумении, словно доверие исчезло между ними.

Арафель подошла к кобылице и протянула ей руку. Доверчивое и нежное дыхание было ей ответом. Ночь миновала, занимался эльфийский день, пусть хоть и серый и туманный. Время — смертное время — сколько его прошло?

«Киран — Киран — Киран!»

«Убежал», — шепотом откликнулись ей голоса. Она что-то ощущала, но ощущения эти изменились, сильно

изменились. Она чувствовала чье-то присутствие, когда пыталась пробиться сквозь мглу, сквозь темницу черных деревьев.

— Аодан, — пробормотала она, но камень откликнулся лишь болью и холодом. — Что с Аоданом, Финела? — она погладила влажную шею и почувствовала нетерпеливую дрожь. Безумный, полный страха глаз смотрел на нее. «Пойдем, — говорил он. — Пойдем. Еще можно попытаться что-то сделать».

Она вложила меч в ножны, схватила за гриву и взлетела на спину кобылицы. Финела двинулась вперед в рокоте грома, перемещаясь из одного мира в другой в мгновение ока. Она многое потеряла за эту длинную ночь. День обещал быть коротким и тусклым, и все же то был ее день, когда друу должен исчезнуть.

«Киран», — подумала она и содрогнулась от того, чем откликнулся ей камень — пустынной, затерянной дымкой, куда не проникало никакое солнце.

— Аодан! — позвала она, и имена неразрывно слились в их общей судьбе.

Она спокойно въехала в смертный Элд. Но и тут не было никакого признака их присутствия.

— Госпожа Смерть! — позвала она.

Но и той не было здесь.

Лишь воспоминания об Элде остались в этом мире. «На память, — сказала однажды она, — на память, что Элд истинен».

И снова: «Я дала им дар отыскивать».

Гром рокотал ночью. Мев изо всех сил старалась быть смелой и все равно дрожала, хоть и завернутая в одеяла, в тепле очага, среди тех, кого любила.

«Огонь», — думала она. И ей казалось, что ручной огонь очага лижет пол, сбегает по лестнице, отрезая им путь к спасению. Дар Ши щипал ей горло, а когда она закрывала глаза, вокруг была мгла. И брат ее бродил тоже в этом тумане, и оба они боялись чего-то безымянного.

Отец бы позвал их назад, но его не было с ними, и они не были знакомы с этим местом.

— Мев, — это был Донал. Его мозолистая рука нежно прикоснулась к ее пальцам. — Келли.

И они снова вернулись в зал, в серые каменные стены. Рядом были Мурна и Донал. Мать спала в своем кресле, и Леннон клевал носом под ровный шум дождя по крыше у них над головой. Все было как в ту ночь, в последнюю ночь — страшный дождь, когда их отец лежал в постели.

— Леннон, — сказала Мурна. — Сыграй, сыграй нам.

Арфист приподнял голову, несмотря на усталость, установил арфу, на которую облакачивался, и пустил свои пальцы бродить по струнам, извлекая из них светлую музыку, нежную и печальную под аккомпанемент дождя.

«Это песня Ши», — подумала Мев, и пока двигались пальцы арфиста, зал словно погрузился в волшебство.

Но стоило оборваться песне, и тишина показалась еще мрачнее и тяжелее, чем прежде.

Временами Мев казалось, что она слышит лошадей и свист стрел — эти звуки были знакомы ей лишь по учениям, но затем последовали хриплые крики. Она слышала лязг металла и вдыхала запах железа, отравлявшего воздух. Она опустила голову на руки, но звуки ее не оставляли.

Хоть и недолго, но она поспала настоящим сном. Донал обнимал ее и Келли — так она и отдохнула, прильнув к его груди, и Мурна сидела рядом по соседству.

Свет начал меркнуть: ее день был теперь не длиннее смертного: ночи стали длиннее, а эта будет длиннее всех. Солнце вставало в смертном мире. Двигались войска. Берега Аргиада покрывала мгла.

Но Финела в неутомимых поисках лишь перепрыгивала из этого мира в иной.

И в водах Керберна она нашла его — тихое создание, зловеще прятавшееся в тени.

— Выходи, — промолвила Арафель в лучах смертного рассвета; оно кинулось в Элд, меняя форму, но Финела была быстрее. Оно снова, дрожа, вернулось в смертный мир и забилося меж скал, где пряталось до этого.

— Отчаяние твоё имя, — промолвила Арафель. — Андохас, — и она выхватила со свистом меч из ножен, и воды содрогнулись. — Ты нарушил мои владения, слышишь меня?

Тварь отпрянула дальше. Два бледных глаза поблескивали лунным светом под водой.

— Где он, фиатас?

Лунные глаза всплыли. И бледное лицо рассекло поверхность воды. Воздух задрожал от воя.

— Я предупреждаю, я лишь предупреждаю, Дина Ши.

— Злобная, гнусная тварь! Госпожа Смерть терпелива! Я нет, по крайней мере, не жди терпения от меня сегодня... Андохас. Отвечай мне!

— Он бежал, бежал, бежал. Другая жизнь закончилась, — и Бан Ши нырнула в эльфийскую ночь; но Финела не потеряла ее.

— Куда? — спросила Арафель.

— Темен мне, темен его путь. Смерть потеряла его, — и Бан Ши, став странной бледной рыбой, еще глубже нырнула в темные владения Смерти, оставив на поверхности Керберна лишь рябь. И в те пределы Финела не осмеливалась вступать непрошено.

— Люди, — прошептал далекий голос, — люди предали тебя, Арафель, Аовель, чье имя Радость. Аовель. Аовель — радость и смерть... о, Арафель, Арафель, Арафель...

— Нет, — промолвила она так же тихо. — Нет. Ты не получил его. Сюда, Далйет, ко мне, приходи ко мне, Далйет, мой брат.

И шепот ее полетел, скользя сквозь туманы и призрачные ветви того иного Элда. Она сжала лунно-зеленый камень и извлекла из него звуки арфы, эльфийские звуки ныне уже сломанного инструмента. Эти звуки обладали властью. Они зазвучали во всех трех ипостасях Элда. Они звучали вовеки, ибо арфа была сломана, и Арафель была бессильна изменить ее последнюю песнь. Мелодия окутывала и увлекала, обладая волшебством; и в ней было человеческое, ибо сложил ее человек.

Она достигла стен Кер Велла, где висела эта арфа, она достигла Дан-на-Хейвина, где ее слушали короли, она достигла долины, где ранним утром Донкад скакал на черном могучем коне. Глаза у коня были зелеными и то и дело меняли свой цвет. И Донкад казался иным своим воинам или, может, они еще никогда не видели, чтобы он так был вдохновлен своей целью: он был строен и необычен и сидел прямо, как юноша; никто не рисковал посмотреть ему в глаза, точно так же, как никто не смотрел в глаза лошади.

Двигались знамена. И пики бесчисленных копий тускло поблескивали в зеленовато-туманном утре — то были

войска долины. Там были лучники и люди Боглача со своими господами. Они собрались к смертному одру Лаоклана, чтобы пожить чем можно было, чтобы ухватить власть, но сами пали ее жертвой: и теперь никто не сомневался, кто здесь опаснее всех.

«Славься! — вздымался крик к мутному небу, — славься Донкад король!» — и холмы звенели от этого клича, вздымая, как море.

«Король», — прошептал чей-то голос, став собственным внутренним голосом Донкада. «О, мой нежный, я скажу тебе больше. Твои мечты — ничто рядом с моими. Король — лишь начало всего. Кер Велл был когда-то нашим, как и Кер Донн, но носили они иные имена. Я научу тебя, как называть их. Из всего человечества останешься лишь ты, моя душа, мой внутренний свет. Ты хотел отбросить Элд, я его повергну и восстановлю мир, каким он был прежде. И ты увидишь, душа, все чудеса — драгоценности, сияющие, как солнце и луна, красоту и радость, все редкости, которых не видел ни один человек. Мы очистим мир и будем владеть им».

Он теперь не боялся ни брата, ни войск, ни теней. А менее всего — Ши. Он оглядывался, и люди содрогались от его взгляда. И пустив лошадь галопом, он ринулся вперед.

Звуки арфы достигли слуха и еще одного существа, затерянного в холодном тумане. Аодан замедлил шаг, блуждая в лесах, в дымке темных ветвей. И этот звук проник к нему, как свет сквозь мглу, в которую превратился мир, как весна, пробившаяся сквозь зиму, как рука друга, протянутая сквозь цепи врагов.

И он понял, куда идти. Он заставил себя вспомнить. Мало что осталось от него. Он взглянул на свою руку, цепляющуюся за гриву Аодана, и едва разглядел ее.

— Пойдем, — сказал он Аодану. — Нам туда.

И эльфийский конь побежал, сначала неуверенно, стряхивая молнии со своей гривы.

XV. Об огне и мече

Дождь кончился. Бранвин сидела в зале, вслушиваясь в тишину. Вокруг нее спали дети, Мурна, Леннон, Донал —

все утихомирились под конец ночи. Она смотрела в пустоту и чувствовала, как в горле закипают слезы. Все ее намерения и планы лежали в руинах — дороги превратились в трясины, вода в Керберне поднялась — на много дней непроходимое препятствие для ее бедного народа и мелочь для решительных войск Ан Бега, когда они вздумают отрезать их от брода. Ночью ей снились сны, и все они были о разорении. Она обдумывала и другие отчаянные шаги — послать Донала, Шона и Кована вместе с Мев и Келли, чтоб те в одиночку перебрались через реку рядом с Кер Веллом и пешком прошли сквозь сердце Элда к Дру в поисках защиты для короля, отвергнутого миром.

А может вся ее жизнь была одной безумной надеждой. Слишком мало верила она в удачу в начале и слишком полагалась на нее в конце — и все равно она надеялась, даже не понимая Элда, ибо больше ей ничего не оставалось в этом мире.

— Арафель, — прошептала она в тишине. — Арафель. Арафель. Слышишь ли ты меня, Фокадан, Чертополох или как ты зовешься нынче? Киран, слышишь ли ты меня?

Но первой она не доверяла, а во второго не могла поверить, как ни старалась.

Затем донесся стук копыт бегущей лошади — приглушенный толстыми стенами, он гулко раздавался в замке. Стража молчала — ни приветствий, ни окриков. И он все приближался.

«Киран», — подумала она и перестала дышать, боясь спугнуть надежду.

Нет, то отвязалась какая-нибудь лошадь — вот и все — и теперь бегала под стенами.

Или то Арафель.

Она поднялась, расправив подол, и босиком двинулась к двери — внизу хлопнула дверь, и на лестнице послышались легкие шаги — нет, ни одно смертное существо не могло проникнуть внутрь так быстро, миновав ворота и стражу. Она отпрянула, и сердце ее заколотилось от испуга.

— Донал, — промолвила она, не отрывая глаз от двери. — Донал, проснись...

Но сзади никто не шелохнулся. Дверь отворилась, и на

уровне коленей в щель просунулась косматая голова с глазками, поблескивавшими при свете факела.

— Донал! — вскричала Бранвин.

Существо вошло и, обхватив себя руками, прислонилось к двери.

— Спят, спят, о, славные дети; Граги знает их, знает этого человека, он пришел за ними и за тобой.

— Прочь! — в зале не было оружия, никакого, кроме кинжала: ради Кирана, ради ее детей, которые не выносили железа, отсюда убрали все. Она кинулась к стене, намереваясь схватить факел.

— Не бойся, — промолвило мелкое существо, — о нет-нет-нет, я — друг; такие славные, добрые дети, такой учтивый народ — они мне ставили блюдца с молоком и сладкие лепешки, и бурый эль — но у Граги есть свой дом, и больше он не может медлить. Пойдем со мной, пойдем со мной — сладкие лепешки, бурый эль и теплое солнце на века.

Рука Бранвин опустилась. Она увидела зеленые тени, резвящегося пони и белокурую девочку, ушедшую на поиски волшебства. «Пойдем со мной, возьми меня за руку, не слушай, как они тебя зовут». Взгляд ее помутился.

— Неужто еще есть время? — спросила она. — И там есть место для нас всех?

— Для всех, — ответило существо и, подпрыгнув, выпрямилось. — Для всех добрых и славных людей, только пусть не берут железа. Спешите, спешите, спешите.

И он исчез за дверью, и дверь захлопнулась так быстро, словно никто из-за нее и не появлялся. Бранвин вздрогнула и оглянулась, у очага зашевелились дети и Мурна, проснулся Донал и Леннон в своем углу.

— Вставайте, — сказала Бранвин, — все. Одевайтесь потеплее. Донал, ступай во двор и подними всех.

— Госпожа, — изумленно вымолвил Донал, но покорился.

— Никакого железа, — крикнула Бранвин. — Ни уздечек, ни сковородок, ни ножей, ни брошек — ничего.

— Госпожа...

Так, держалась она за последние лоскуты своей гордости. «Но неужто гордыня должна стать преградой для волшебства?» — спрашивала она себя. И ей было уже страш-

но заявлять, как прежде, что она знакома со всеми тайнами волшебства.

— Кажется, к нам пришла помощь, — тихо промолвила она, — и как бы нам не потерять ее, — из-за спины Донала дети смотрели на нее спокойными глазами. — Одевайтесь. Мы спустимся вниз к воротам. Спешите, Донал; Леннон, помогите ему.

Леннон взял арфу, Донал схватил плащ, и дверь закрылась за ними.

— Мойтесь, одевайтесь, — сказала она Мев и Келли. — И мы спускаемся вниз.

Впервые у нее была своя тайна, а не у Мев и Келли от нее. Но они послушались ее.

Она поднялась в пустую спальню, вымылась и оделась, пока Мурна занималась детьми. Она взяла лучший плащ Кирана из промасленной шерсти, который был теплее, чем ее. «Может быть холодно», — заметил он как-то, собираясь в такое путешествие.

Теперь она вспомнила о Барке, Ризи и Роане, о людях на границе, и радость ее померкла. «О боги, что станет с ними, когда они обнаружат пустой Кер Велл? Что если его захватят наши враги? О боги, куда мы идем? Куда я веду свой народ?»

Но потом она вспомнила о Киране, о том, куда он ушел, о том, что приближалось к ним с запада, и поняла, что выбора нет. И снова возникло видение — девочка на пони и мечта, которая была когда-то у нее. Она видела этот зеленый покой, и посетившее их существо манило ее туда же, напоминая ей о солнце и лугах; не об одновременном сиянии луны и солнца и не о жутком всеисилии гостии, приходившей к ним в этот зал. Этот обещал тепло и смех. И как бы там ни было, он пойдет вместе с ними.

Она заспешила; взяв Мев за руки, она спустилась вниз, и Мурна торопилась следом с узлом одежд...

— Если кому-то понадобятся теплые плащи, — говорила Мурна. — Жаль оставлять их.

Как мог рассвет занялся над Лоуберном — тусклое зарево, пока тучи не поглотили солнце. Черные камыши напоминали копья; берег высился над ними, и Барк вздохнул

спокойнее, когда они оставили его за спиной. Казалось, повсюду их ждали засады.

Они не встретили никаких признаков Роана, как и войск Брахита — дорога была в дымке, а Лоуберн, вопреки своему имени, перекатывал волны.

Но сейчас что-то двигалось к ним из мглы — группа всадников — они издали различили топот копыт. Щиты уже были надеты на руки, теперь вынимались мечи из ножен, а воины, что были с копьями, прищипоривали лошадей, чтобы встретить то, что им несло навстречу.

Всадники ринулись на них с вершины холма, врезавшись в самую середину, словно тени в мрачном красноватом свете — ни лиц, ни фигур их было не разобрать; и лошадь, что скакала впереди, отбрасывала странное зловещее сияние...

— Стойте, стойте! — закричал Барк, увидев это, и острия копий взлетели вверх, и кони заржали, словно повстречав друзей в слабо мерцающем рассвете.

— Где Роан? — спросил он всадника Ласточки. — Куда вы?

Лицо юноши было осунувшимся, из виска сочилась кровь, доспехи были помяты, взгляд мутился, как и рассудок.

«Он сказал нам идти, отступить...» Роан — он удерживает их, «бегите», — сказал он нам, а сам остался — он и еще десяток лучников... «Уводи их», — сказал он мне: старики и Роан — они заставили нас уйти...

— Идемте туда, — сказал Ризи.

— Там собрался весь Брахит, — промолвил Блин. И струйки слез прорезали запекшуюся кровь и грязь. — Господин Ризи, их не удержать... — повернувшись в седле, он оглянулся и снова устремил взор вперед. — Роан сказал, чтоб мы прорвались первыми, за нами крестьяне по двое на лошади; Туали прикрывал нас сзади. Но со вчерашнего дня нас осаждали непрерывно — они прорвали нашу оборону, и мы пускались врукопашную четыре, а то и пять раз за день.

Наступила тишина, нарушаемая лишь хрипами загнанных лошадей.

— Ступайте, — тяжело промолвил Барк. — Езжайте дальше. И не спешите так. Дорога дальше безопасней.

— Да, — откликнулся Блин и дернул свою лошадь за узду. Рассекая отряд Барка, они медленно тронулись прочь; но проехав совсем немного, Блин остановился и повернул назад со всеми своими людьми. — Мы не трусы, — промолвил он, подъезжая.

— Нет, — сказал Барк, — вы не трусы.

— Мой двоюродный брат прав, — заметил Ризи, подъезжая с Оуэном и Маддоком. — Возвращайтесь на запад и на юг — по крайней мере, мы сможем задержать их.

— А дальше? — спросил Барк. — Нет. Так не пойдет. Надо забрать всех, кого еще можно спасти, и быстро вернуться домой.

И холмы ему откликнулись воем — тем самым, что они уже слышали у Керберна. Лошади заржали. Люди крепко выругались.

— Вой сколько хочешь! — воскликнул Ризи, поднимая меч. — Вот на тебя железо!

Вой замер, зашелестела трава.

— Лошадь, — промолвил Блин, взглянув направо.

Но никого не было видно. Цокот копыт прозвучал и исчез в отдалении — и все это произошло неестественно быстро.

Они собрались у ворот и за воротами — толпа лошадей и людей с узлами; лишь у Мев ничего не было в руках, как и у ее матери и Келли, — они, имевшие больше всех, все оставляли. Слишком много свалилось на нее утрат, чтобы заботиться о чем-либо: она держала в кармане лишь шкапулку со своими драгоценностями — ярким птичьим пером, речными голышами — тем, что было собрано ею во время прогулок с отцом. Потеряв отца, она перестала заботиться и о них, но потом решила, что может пожалеть об этом, и будет слишком поздно, поэтому лучше взять с собой эти странные мелочи; остальное же она побросала, хоть у нее были серебряные и золотые заколки, тонкая одежда и серебряное кольцо. Она с пустыми руками спустилась по лестнице, как Келли и мама, и лишь Мурна волокла за ними целый узел одежды; но у них на шеях висели ладанки с дарами Ши, а под ногами были камни Кер Велла и воспоминания о жизни в замке были при них — это было бесценно, и это они уносили с собой.

«У нас будет проводник», — предупредила мать: если бы это отец возвращался домой, она бы сразу им сказала, а остальное их не интересовало, и они шли, не задавая лишних вопросов. Все их мысли были о том, что они оставляли — замок и отца, сидящего в своем кресле в зале. Теперь, когда они уходили, Мев казалось, что он и вправду может вернуться — так крепка была память о нем повсюду — и, положив великий меч Кервалена себе на колени, он опустится в кресло, и золотистый свет очага будет играть на его лице. Зал принадлежал теперь только ему — такой же заброшенный и одинокий — он остался за их спинами, и дверь была уже закрыта.

Они миновали последние ступени, и воздух задрожал от предчувствий и ожиданий. Загорелись их ладанки с дарами Ши. Они подняли глаза и увидели крохотное коричневое существо, которого не было здесь еще мгновение назад.

— Это Граги, — воскликнул Келли, но, казалось, их мать уже знает это — похоже, ничто сегодня не могло ее напугать, даже явись сюда Ши.

— Граги, — промолвила Мев, и тут же дар Ши обжег ее еще больше, или то закололо ее сердце. Она подумала об отце, и мир словно вновь пришел в движение, или она сама стронулась с места — будто снова ожив, у нее заболело сердце — она подняла голову и поняла, что и не жила после той ночи, хотя все в мире шло своим чередом. И вдруг она ощутила, что вокруг полно тайн, и ее мама — родная мама — связана с Ши.

Это не без отца. В этом чувствовалась его рука. Мир по-несся мимо, словно река, обтекающая камни, и беды проносились мимо них, и как-то во всем этом ощущался он.

— Идемте, — промолвил Граги, махая им длинными косматыми руками. — О, поспешите, поспешите. И пони, и славные лошади, и все остальные.

— Граги, — сказала их мать, резко, как она говорила в зале. — Граги, это не все — наши люди еще на дороге у Люберна.

Граги замер, обхватив себя руками, и закачался, и глаза его сузились от боли.

— О, золотая госпожа, Граги, не может дотянуться до них. Пусть добираются сами. Большой рыжий человек и

маленький темноволосый: Граги знает их — на них прикосновение Ши, но ничто не сможет им помочь. Идемте! Идемте! Идемте! Люди, добрые, учтивые люди — не медлите, спешите, спешите! Оно наступает, оно наступает — мрак идет на долину; я не могу назвать его имя, но реке его не остановить, — он повернулся и, отскочив в сторону, вскарабкался на спину лохматому пони. — Торопитесь! О, торопитесь!

И поверх людского гула раздался голос Донала, подгоняющего всех: он появился с Ленноном, Шоном и Кованом и целым войском мальчиков — они вели отцовскую лошадь и пони, и коней. Они остановились, и воцарилась тишина, взорвавшаяся на мгновение криками, словно народ только что увидел коричневого человечка на лохматом пони.

— Идемте, — взмолился Граги, — о, человек, Граги знает тебя — много мы проехали вместе — идемте, идемте, о, поспешайте! С севера и запада они наступают, темные твари и мгла. Садитесь, садитесь, все, кто может ехать верхом — Граги вас поведет!

И словно колдовство опустилось на всех — воздух дрожал от волшебных трелей. Люди вскарабкивались на неоседланных лошадей, которые молча подставляли свои спины, передавали друг другу детей, смотревших вокруг с изумленным видом. Мев ухватила за гриву Флойна, пытаясь залезть, и Флойн даже не шелхнулся, пока она неловко взбиралась на него. Ее брат уже сидел на Фланне. Донал помог их матери и Мурне залезть на белоносную кобылу и дал в руки Бранвин повод.

— Мой муж, — раздался женский голос; — мой сын, — откликнулся другой. — Как они найдут нас? Куда мы отправляемся?

— В безопасное место! — резко ответила их мать. — Туда, где они сами хотели бы вас видеть.

— Позволь мне остаться, — промолвил Донал, держа за повод Илеру. — Я найду остальных.

— У тебя есть другие обязанности, — оборвала Бранвин. — У тебя все еще есть господин — отправляйся с нами.

— Вперед! — крикнул Граги, словно слившись с коричневым пони, на котором он восседал, поджав колени, и помахал косматыми руками. Воздух заколебался, мутный

рассвет затянулся туманом, и ворота стали казаться прозрачными.

Перед ними лежал лес. Граги ехал впереди на своем пони, а за ним все остальные; Донал нехотя шел пешком, ведя Илеру рядом. Потом ухватил ее за гриву и взлетел к ней на спину. Он проехал вперед и снова вернулся назад, и с лица его исчезла печать горя, которая лежала на нем, пока он находился рядом с дарами Ши.

— Держитесь вместе! — услышали они его крик. — Подтягивайтесь, подтягивайтесь — госпожа распорядилась. Удача с нами, как всегда. Не упускайте друг друга из виду, окликайте друг друга, если кто задержится.

«Мы оставили Барка, — думала Мев. — И Ризи, и всех воинов. Я могла бы пойти к нему». Она сжала дар Ши на своей шее, гадая, удастся ли ей достигнуть границы, которой она никогда не видела. Но нет, подумала она, чувствуя в чем-то непоколебимую уверенность, как бы она ни была болезненна — путь стелился перед ними, и она должна была быть с Келли — и опасностей на этом пути было не меньше, чем поджидало воинов Барка. Их путь лежал здесь, и она не могла покинуть его.

Вскоре меж деревьями замелькали другие создания. Шли олени, двигаясь как призраки сквозь мглу и туман, пробегали лисицы и другое зверье — словно жизнь покидала Кер Велл. Мев оглянулась и посмотрела на растянувшуюся колонну — конец ее терялся в тумане — лошади, всадники, кое-кто из мужчин шел пешком, неся на закорках детей. Огромные быки и даже скот шел следом, без привязи, двигаясь с терпеливой осторожностью; рядом бежала отара овец совсем не по-овечьи сосредоточенно. Тут была и старая пятнистая гончая, уже почти совсем слепая; жеребята следовали за кобылами. Из тумана вынырнул Донал, следивший за движением — перед ним на лошади сидел какой-то ребенок.

Дар Ши горел. Мев держала его в руке и ощущала, что Келли рядом. Она снова взглянула на лес — путь становился все темнее. Деревья уходили вверх, и туман становился все гуще; но они все время видели мать с Мурной и коричневого пони Граги, помахивающего хвостом. Мев завернулась в плащ, почувствовав холод, и мысленно поблагодарила мать за то, что та позаботилась о теплой одежде.

«Папа», — думала Мев. Она ощущала его присутствие все больше и уже не с надеждой, но с уверенностью. Она снова оглянулась и увидела Леннона. Арфист ехал рядом с Доналом, а за ним шли олениха с ланкой. На пони ехала Шамара, жена Роана, держа на руках чьего-то младенца, а дочка ее восседала за ней. Кухарка, как всегда в переднике, шла пешком с двумя посудомойками в окружении целой армии пажей. Они то проступали из тумана, то вновь исчезали в нем — они были здесь и не здесь — и так целый Кер Велл. Она в испуге взглянула вперед и с облегчением увидела свою мать — кобыла ее продолжала идти бесшумными шагами так же покорно, как все остальные. Граги сидел задом наперед на своем пони и смотрел на всех темными серьезными глазами.

Роцца понесла потери. Облетело много листьев, и темные твари подползли совсем близко, но все же в ней сохранялись силы: был жив еще Кеннент, хоть листья его и поблекли, как и Митиль, и другие. Арафель пешком вернулась в нее от Аргиада, где осталась ждать ее Финела. Она взяла то, что ей было надо — доспехи и свое оружие. Она огляделась и прикоснулась к листьям Митиль, плетя вокруг той свою защиту — неторопливый заговор особого рода — она вкладывала в него всю свою силу, ибо она уходила, чтобы больше не возвращаться сюда: она нашептывала ей имена, передавая все, что в них хранилось; она заставила петь камни, звонко перекликавшиеся на ветру. Она дарила свою силу, вливавшуюся в землю, в воздух, одухотворявшую все, хоть и ненадолго, ибо вскоре всему суждено здесь было померкнуть. Снова расцвели цветы. На Кеннените набухли почки и проклюнулись цветы, Митиль выбросила вверх новые побеги, Кетик зазеленел, и воздух стал свеж и сладок. Роцца приняла свой прежний облик. Она смотрела на нее с разрывающимся сердцем, потом повернулась и пошла прочь. Еще последний взгляд — ее народ всегда совершал ошибки — так эльфы поддавались сладким голосам, нашептывавшим, как было раньше и как должно тому быть. Но ей было пора идти.

Она повернулась к Аргиаду, к теням, которые сдерживала Финела.

— Исчезните, — промолвила она, обладая властью в

этом месте; и голос ее был так тих, что ветер мог бы заглушить его, и так непререкаем, что раздавался и среди раскатов грома. Свет сиял вокруг нее — лунно-холодный, с отблесками солнца, он отражался в водах Аргиада, и искры сыпались от эльфийских доспехов и оружия.

Далйет подходил, собрав своих союзников. Они шли от Дун Гола, потоками летя на лошадях, как ночной кошмар. Но было там и нечто худшее, чем Далйет, то был голос, который направлял их всех: именно его-то она и искала, чтобы собрать все его внимание к себе, пока он не прекратит звучать.

Она вскочила на спину Финелы. Эльфийская кобылица вздрогнула и вскинула голову.

И шепот долетел до нее, как он долетел до дроу, тихо наступавшего сквозь призрачные деревья. Он воспевал радость битвы и безумие, искушая славой и самопожертвованием — но это тоже был всего лишь соблазн, как соблазняла ее роща вернуться, затаиться в безопасности, заснуть в ожидании конца.

Так они ошиблись однажды, обратившись к драконам в своих войнах, древних и незабвенных; но этот был древнее всех, и голос его обладал магией.

Этого им так и не удалось приручить. Он сам развратил их. «Ступай за мной, — говорил он, — выводил людей, не бойся ничего. Не забывай о своей гордости. Бери то, что по праву твое. Я — власть сильнейшая из всех в моем роде; слушай меня. Слушай».

— Ну уж не я, старый червяк, — ответила она. — Иди найди меня, если ты сможешь... если сможешь нарушить мои обеты.

И снова перед ними был черный всадник, возникший в тот самый день у Лоуберна — в тот день, который и не был похож на день, когда солнце было плотно укутано в тучу. Они собрали всех, кого смогли, и шли теперь на юг без остановок, ибо Брахит наступал им на пятки; всадники Дава поджигали хутора, и со всех холмов поднимались столбы дыма.

Но этот всадник не был человеком Дава, он вовсе не был человеком: Барк знал, кто он такой, и, несомненно, Ризи тоже знал. Что до Оуэна и Маддока — они остались

лежать у Лоубернского брода, с ними пал Блин и немало других под дождем стрел Брахита. Так что неудивительно, что этот всадник ехал с ними, сопровождал их, то сзади, то опережая.

«Госпожа предвидела это», — думал Барк — эта мысль приходила ему не впервые; и от этого ему становилось еще страшнее, ибо она могла предвидеть и будущую судьбу Кер Велла — Донкад, предавая все мечу и пожарам, продвигался вверх по долине.

Ризи не говорил ни слова. Губы его были плотно сжаты: он не проклинал противника, взгляд его не таил угрозы, он был лишь черен и зловец. От безумия он перешел к черной ярости и ни разу не открыл рта, после того как рядом с ним был убит Оуэн.

Но теперь всадник проехал рядом с ними — черная тень, темнее, чем знамена южан.

— Ты! — вскричал Барк, не в силах более выносить его присутствия и не заботясь о том, что его сочтут сумасшедшим. — Сгинь! Мы больше никого не отдадим тебе!

Он не мог различить лица, зато видел, как смотрят другие — осунувшиеся южане вытаскивали мечи, а потом в недоумении опускали их снова в ножны. Лишь Ризи с обнаженным клинком поскакал в сторону и резко остановился затем, ибо в тени деревьев у дороги стояли другие всадники в ожидании его. Лицо его побелело, и меч задрожал в руке.

— Нет, — сказал Барк, — Ризи, вернись.

— Это Маддок.

— Кер Велл, — промолвил Барк. — Ризи, Кер Велл. Помни о нем.

И южанин повернул свою лошадь — она прижала уши и раздула ноздри, глаза дико вылезли из орбит; она рвала узду и ржала, спотыкаясь от изнеможения. Отряд пустился в бегство, день мерк, и дождь обрушился на них, поливая им спины тяжелыми струями.

И все же Смерть не отставала; и лошади, безумно рвавшиеся вперед, теперь передвигались со странной медлительностью. Их преследовали гончие — темные скачущие тени, а в холмах завывала Бан Ши. Смерть ехала совсем рядом, и кости просвечивали сквозь ее призрачную плоть; всадница повернула к ним свою закрытую капюшоном голову так, что оказалась почти к ним лицом.

— Смерть, — закричал ей Барк, охрипший от отчаяния, — согласна ли ты на сделку?

— Бывает, я заключаю их.

— Тогда верни нам моего господина!

— А узнаешь ли ты его? — ее лошадь ускорила шаг, но кони отряда почему-то не отставали. Мрак все сгущался, рождая ночь и ужас. — Тогда следуй за мной: железо не страшно для моих путей. Запомни это, сын Скаги.

— Барк! — раздался у него из-за спины голос Ризи. — Барк... о боги...

— Не оглядывайся, — промолвила темная всадница рядом с ним и мелькнула, затемняя свет и жизнь. — Кер Велл пуст: твоя госпожа раньше тебя ушла на поиски господина... Ты будешь сражаться? Я дам тебе кровь и отмщение!

Барк следовал за ней: он не выпускал тень из виду и слышал лай гончих за собой, и свет мелькал меж мертвых деревьев и заустения под красной отравленной луной. Ни одной звезды не было в этой ночи. И ветер приносил с собой лишь отчаяние.

— Барк... — всадники окружили его, то были его люди, Ризи, всадники с бледными знаменами — так выглядела чернота стягов сыновей Дру — самые темные краски мира бледнели перед мраком той ночи.

Что-то белесое трепетало, и силуэты оленей пробегали мимо них, преследуемые тенями гончих.

«Остановитесь, — шептали голоса из-за деревьев. — Там дальше боль и раны. Этот лес менее опасен, чем путь вперед».

«Ваша госпожа найдет вас здесь, — шептали другие. — Ваш господин сам отказался от возможности вернуться. Сворачивайте, не езжайте дальше. Тьма вам подарит мир».

— Нет! — вскричал Барк голосом, который обычно был слышен и в пылу битвы, но здесь он казался слабым и тусклым. — Не обращайтесь внимания на голоса!

А потом к ним присоединились другие всадники с бледными лицами, и лошади их ступали бесшумно.

— Маддок! — вскричал Ризи. — Оуэн! — и третий всадник подъехал ближе.

— Ты видишь, я не покинул поля боя, — то был Блин, сын Шона.

И другие были здесь — призрачный отряд всадников, и человек с открытым лицом их возглавлял.

— Роан, — позвал его Барк.

— Теперь вы не догоните нас, — сказал Роан. — Мы едем вперед. Ищите нас в Эшфорде.

И всадники хлынули вперед, минуя их как тени в темноте.

Лишь госпожа Смерть осталась перед ними. И такой поднялся вопль, что тени всколыхнулись.

— Следом за ней! — закричал Барк.

— Следом за ней! — повторил Ризи.

Теперь они знали свой путь: безумие охватило их, и они мчались все быстрее, охваченные надеждой на встречу, которая должна была состояться.

Перед ними в ночи виднелись изгороди, сараи, беспорядочно построенный дом, в окнах которого горел свет, стоял под огромным старым деревом. Цапля, как невозмутимый стражник, наблюдала за ними с берега ручья, и вода поблескивала от звездного света, ибо здесь по небу плыли лишь разрозненные облака. Впереди Граги соскользнул со своего пони и помчался рядом с лошадкой, подпрыгивая и пританцовывая, словно простая ходьба была слишком обыденной для него.

Испуганные олени шархнулись в стороны, и лунный свет играл на их спинах, лисы оставили их, но быки и овцы продолжали идти. Лишь кони и пони двигались ровным шагом, а люди уже начинали роптать и перекликаться по мере того, как рассеивались чары.

Мев и Келли ехали рядом с матерью и Мурной; Леннон догнал их со спящим пажом, которого он посадил к себе на лошадь. Подъехал и Донал на Илере, и она понюхала ветер и поприветствовала громким ржаньем долину и амбары с зерном.

Двери дома открылись, и оттуда потек свет и люди.

— Куда это мы попали? — спросила Мурна. — Это народ Кер Велла?

— Нет, — ответила Мев. Воздух дрожал здесь, как перед дождем. — Это Ши. О, мама...

— Мы в безопасности, — слабым голосом ответила их мать. — Я как-то слышала об этом месте — Скага расска-

зывал мне, когда я была маленькой... Мы здесь в безопасности. Я так думаю.

Народ, просачиваясь меж изгородей, затапливал холм, встречая и приветствуя их. Впереди всех был высокий мужчина с огненно-рыжими волосами и бородой, полыхавшими так же, как факел у него в руке.

— Меня зовут Барк, — сказал он. — Милости просим.

XVI. Свет и тьма

Опасность приблизилась. Арафель подняла голову, вслушиваясь в то, как изменился ветер, как замерли деревья. Тревожно заржала Финела.

— Тихо, — прошептала Арафель.

Тьма подползала все ближе, рыча и угрожая и снова отступая в ожидании. Арафель не обращала на нее внимания — она ощущала нечто иное.

Разные твари встречались ей на берегах Керберна. И самые гнусные были двуногими, из рода человеческого, люди, с которыми она давно была знакома — разбойники и воры. Она не стала тратить время на Ан Бег и ему подобных. Их засада, приготовленная для Кер Велла, не принесла им ничего, разве что разбудила сонного водяного, который, звеня ракушками, вынырнул из черных вод Смерти на поросшие ивами берега Керберна и обратил их в бегство. Арафель засмеялась, и дерево расцвело от этого смеха, набухло почками, силясь ожить. Водяной ворча нырнул обратно, а люди бежали, спасая свои шкуры.

Зато другие продолжали творить зло. Окинув взглядом смертный мир, она увидела, что север окутан дымом, дым поднимался и из Кер Велла. И это зрелище не принесло ей никакой радости — разорение земли, садов, тех мест, в которые она вложила свою душу, озеленяя их, и которые любила — пусть меньше, чем собственный лес, но все же любила, уважая людей, что сеяли свою любовь в эту вспаханную железом землю. Они добились входов там, где не смог взойти лес, на земле, разрушенной Дун Голом. И теперь она горела. Теперь ее народ остался без домов. Оставшихся она пыталась вывести, посылая им мысль: «На запад, — шептала она, — ступайте на запад через холмы»; и разрозненные беженцы пускались в путь, бросая все и воз-

лагая надежду лишь на Элд, воины с границы, раненые и растерянные — быстроногие дети крестьян, они отыскивали тропинки, а тем временем над ними и меж холмов наступал такой мрак, которого они даже не умели бояться. То были черные псы дроу, не тратившие время на мелкую добычу, — они готовились к великой схватке.

— Пойдем, — сказала она Финеле, и они осторожно тронулись дальше — гораздо медленнее, чем Финела могла ее нести, но быстрее Арафель не могла управиться, прикасаясь то тут, то там к деревьям, еще сохранившим свою силу, и поддерживая остатки Элда. В том не было великого волшебства. Когда-то она делала то для Кер Велла, озеленяя его поля, и все же это требовало сил. Чтобы разрушить это, понадобилась вся сила Дун Гола — так она создавала преграду промозглым глубинам Лиэслина. Она несла с собой волну жизни, увлекая за собой свой Элд. Иногда ее деяния были хрупки, как цветок, выставший из-под копыт эльфийской кобылицы, или росток, проклюнувшийся из семени. Но она захватывала все более широкие пространства на восток и на запад, затмевая призрачные деревья Далиета пусть невзрачной, но истинной жизнью. Зацвели лилии на водах Аргиада, старая ива, напившись на берегах Керберна, из последних сил выпустила новые побеги, и древний дуб покрылся свежей листвою, приняв ее прикосновение за солнечные лучи. Даже за рекой Смерти расцвели призрачно белые цветы.

Дроу не пересечь эту наступающую волну. И темные твари бежали от ее приближения.

Но теперь зло возникло прямо перед ней: бледные и стройные дроу, окруженные тенями и огнем, так что вид их напоминал заходящее солнце. И все ра подчинялись им, ледяные и смертоносные, убивающие жизнь. И все равно перед ними распустился золотистый цветочек, угрожая всему их волшебству. Они отпрянули, намереваясь начать новую атаку, но она пустилась за ними вслед, отесняя их шаг за шагом.

— Тебе дорого обойдется эта борьба, — промолвил один из них, чье имя было Саллак.

— У тебя есть Кеннент, и корни его глубоки, — сказал другой, — но даже их уже подтачивают.

— Госпожа Смерть скоро погибнет, — продолжил пер-

вый. — Сейчас она процветает, но стоит исчезнуть людям, и ей самой придет конец.

— Ты безумна, о Арафель, если полагаешься на таких союзников, как люди и Смерть. Ты ведь Ши. Это противостоит естественно.

— Все твои чары рухнут. Они смертны по своей сути. Взгляни на нас и вспомни, кто ты. Довольно войны, — и Саллак придвинулся ближе. — Зеленая сень вновь опустится на Дун Гол. И мы вновь назовем его Аиргиди — место серебряных листьев и звезд.

— Вспомни, мы ведь друзья.

После этих слов она обнажила меч — и один исчез, но Саллак остался.

— Нас столько, сколько листьев в лесу, — промолвил Саллак. — А человек этот — Киран ему имя. Ты ищешь его? Мы не забыли о нем. Я могу показать тебе, где он.

— Исчезни, Саллак! — и она протянула к нему не правую руку с мечом, но левую, которой плела свои чары. — Или покорись мне — ты знаешь, что я предлагаю. Память. Зеленую тень и ясное солнце...

Он вскрикнул — несмотря на всю свою холодность, он был все еще подвластен боли, и зеленые чары прожгли его насквозь.

— И у нас это будет. Мы стали мудрее, чем прежде. Мир, Аовель! Кто сеет раздор, как не ты?

— Холодные камни, безжизненное богатство, падение Кер Ри — вот, чего вы хотите! Ты служишь тьме, ненавидящей нас — неужто ты не видишь этого?

— Ненавидящей нас? А разве люди нас любят? Ты поделилась с ними всем белым светом, и чем они отплатили тебе?

— Червь развратил людей... О, Саллак, подумай! Если ты еще в состоянии это делать. Дракон использует тебя: он никогда не любил ни эльфов, ни людей. От натравливал их друг против друга.

— О, Аовель, помнит ли твой камень? О Кер Ри, превращенном в Дун Гол? — злорадство звучало в голосе, такое злорадство, что оно чуть не опрокинуло ее. — Подойди ближе.

Она вытянула руку, чтобы защитить себя, меч ее померк, и камень на груди похолодел.

«Лиэслин, — раздался шепот, но то говорил не Саллак, некто другой говорил его устами, и перед лицом его она содрогнулась. — Приветствую тебя, Арафель. Подойди, Арафель, не останавливайся. Другие позаботятся об этом человеке. Мы с тобой должны встретиться. А чары — о, плети их изо всех своих сил, ты лишь растратишь себя. Мои же не убывают, пока ты транжиришь свои».

Вздрогнул даже Саллак. Дроу отступили в беспорядке, придя в себя лишь удалившись.

«Киран, — прозвучал презрительный голос. — Киран, Киран Калан».

Она не рискнула ни отвечать, ни принимать сражения. Она всего лишь стояла недвижимо, и даже это требовало немалых сил в той жути, что веяла вокруг нее.

— Ты не можешь коснуться его, — вскричала она в пустоту. — Попробуй, Саллак. Попробуй. Когда кто-то из нас уходит этим путем, ни ты, ни я не можем его догнать.

«Потому что он ничего не хочет, он ничего не помнит, — зло скакало и потрескивало, как огонь, в голосе, доносившемся из-за черных деревьев Далиэта. — Тебе не добраться до него, пока он не вспомнит себя — а он не вспомнит, мы зачаруем его, мы обречем его на муки и боль, о, Аовель, и они будут длиться столько же, сколько твои — отмщение и терпение — этим мы овладели в совершенстве. Мы отдадим тебя дракону».

— Уйдите!

«К этому твоему человеку?»

И все исчезло. Лишь звуки голоса еще долго раздавались.

Что-то коснулось его слабо и издали. И он вспомнил, что он блуждал, и даже Аодан сбился с пути в лесах, покрывавших всю поверхность земли, в обрывках мыслей и чащобах желаний. Трудно было двигаться, но направляться туда, куда он был должен идти, казалось и вовсе невозможным — от этого у него болело сердце. Но теперь сквозь дрожь земли, словно и она испытывала боль, до него доносился голос.

Он оглянулся через плечо на темные деревья, и там стояли эльфы.

— Брат, — окликнули они его, — что ты здесь делаешь один?

Он видел их и прежде. Но ни разу они не подходили так близко. Он смотрел на них, на их прекрасные и жуткие лица, вглядывался в глаза Ши. Но они были Ши неизвестного ему рода. Он читал в их глазах холодную власть и страсть к тысяче вещей, искушающих эльфов.

— Брось камень, — шептали они. — Он мешает тебе.

Аодан заржал, разбивая их чары. И тогда Киран смог отвернуться от них, с отчаянием устремив взор на запад.

— Брось его, Киран Калан!

Он сжал камень в руках, но они владели его именем, и тяжело было заставить себя не слышать их, ох, как тяжело. Где-то было место, зал, лица любимых им людей. Они хотели отвести его туда, связать его именем, которого когда-то хватало ему — они предлагали все это, и сердце его стеноло где-то в камне.

— Киран! — окликали они его. — Киран!

Аодан бежал и бежал на запад, с силой отталкиваясь от земли. Мелкие тени наскакивали на него, и черные эльфы гнались за ним следом. Но вперед и вперед летел он в отчаянии, и наконец начал опережать их.

Но впереди их ждало худшее. Он чувствовал это — словно мир раскололся, словно проказа покрыла все сущее.

Он вырвался из леса на вершину холма и увидел в долине, простиравшейся перед ним, тьму, ни с чем не сравнимую, такой черноты не было в мире и даже во владениях Смерти. Она раскинулась меж холмами, достигая самого моря и повсюду отбрасывая тень, от Керберна к северу. И тени коней шевелились в ней, посверкивали копыта и доспеги.

Он никогда не чувствовал себя таким уязвимым, как на этом холме, где расстояния не значили ничего, и он был так же видим для этой тьмы, как сам наблюдал ее. Камень жег ледяным холодом, и Аодан замер, задрожав. Любовь, долг и все остальное казались мелочью по сравнению с этой громадиной. Холмы лежали разбитые, выдав все тайны своих подножий, деревья были порублены, ни единой травинки не осталось стоять в этой тьме.

— Нет, вперед, — повелел он Аодану, хотя многоликий страх, обуявший его, говорил ему другое. — Нас догоняют — вперед!

«Ты погибнешь», — сомнения нахлынули на него.

И внимание, которое он едва замечал на себе, вдруг превратилось в пристальный взор.

«Вот, — промолвило что-то, — он здесь»; и холмы откликнулись эхом. Он содрогнулся, и кости его заныли, и он оглянулся в надежде на отступление, и Аодан начал разворачиваться.

«Нет», — вскричал он тогда, и эльфийский скакун повернул на запад и продолжил свой путь в темнеющем ветре. Казалось, его плоть разрывают на клочья. И его окликали по имени то сзади, то спереди, но это имя было лишь частью его. Они набрасывались на него с оружием, но враги казались ему лишь тенями — железо приносило боль, но не могло ранить его. Дроу мучили его своей холодной силой: они называла Аодана и Арафель, и от каждого имени камень разгорался все жарче, пока не осталось лишь одно желание — выбросить его, чтобы обрести облегчение от боли.

Но тогда зазвучал другой голос. Он не разобрал слов, но они напомнили ему о жизни.

«Киран, — шел ветер, — Киран Калан, что ты здесь делаешь один?»

И он мчался дальше. И вскоре издалека до него донеслись крики чаек.

— Это едет твой брат, — спокойно прошептал темный человек; и Донкад, скорее, тело, принадлежавшее Донкаду, оторвало взгляд от долины. Мало что сохранилось от этого имени и человека, но какие-то остатки вспомнили родство, и дрожь охватила плоть, в нем бродил еще страх, хотя он не помнил, перед чем, и зависть, и сожаление.

«Она все еще ведет его, — промолвил Далиет. — И в иных мирах она делает многое. Но они бессильны против нас, король людей. Я имею в виду драконов. Идем, сразимся с ними».

«Мой племянник, — вспомнил Донкад причину своего страха, поняв вдруг, что идут они не в том направлении, с которого начинали, и темный человек говорил ему совсем о другом, когда он впервые впустил его внутрь. — О боги, что ты наделал?»

«О, мой сладкий, поздно вопрошать, не так ли? Ты дол-

жен встретиться с ним. Подумай, подумай, как назвать его — думай о нем и покажи мне это».

Враг наступал. Войска двигались медленно, будучи слишком многочисленными и присутствуя не только в этом мире, но и в иных. Они разделялись на мелкие отряды, которые стремительно распространялись, как могут двигаться лишь существа, лишённые возможности пересекать границы миров: одни мчались на юг осаждают Дру в его крепости, другие во главе с Ан Бегом ринулись на Кер Велл — но их число было ничтожно по сравнению с тем, что оставалось. Они пересекли Керберн, и многие пошли на дно, быстро переместившись в темные владения Смерти, — но и это была лишь часть гигантского войска.

Двое юношей вззошли на холм рядом с Кер Донном — один был белокур, другой темноволос, а холм был полым внутри и сулил неведомое.

«Теперь тебе нечего бояться, — промолвил голос. — Ты сам такой же Ши, как и он, ты стар как мир и страшнее самой Смерти».

И братья обнялись за палаткой короля при Дан-на-Хейвине. Но теперь он сам был королем, а брат — там, за стройными рядами войск.

«Ан Бег сослужил тебе добрую службу, — нашептывал темный Ши. — Кер Велл сам пришел к нам, нам не надо искать его. Они схоронились там, где люди никогда не нашли бы их, но мы найдем. Союзница твоего брата — ее зовут Арафель. Запомни ее имя. Она покровительствует этому прибежищу, но мы захватим его. И ей придется растаять».

Видения Донкада померкли: на память ему пришли другие, темные силы, заточенные в холмах, — холодная и бессердечная ненависть эльфов, укрощенная чарами, ненависть к людям и ко всем их делам.

И то, что было Донкадом, исчезло, затерялось до неузнаваемости и поблекло, и скакуны предстали перед ним в каком-то ином свете. Некоторые из приближенных попробовали бежать, но были убиты, и новые добровольцы не последовали их примеру. Многие из его людей хотели лишь одного — быть убийцами — мучить и не испытывать боли. Брендан был одним из них — сенешаль Донна, другой был Геннон, а третий — Вулф — новый господин Бана,

убивший предыдущего. Они обрели спокойствие и холодную точность эльфов, они стали красивыми, но ни один человек не осмеливался взглянуть им в глаза.

Далейт теперь открыто взирал на мир — он улыбался губами Донкада, а черная лошадь — фиатас с переменчивым обликом — неслась вперед, и ни один конь не мог с ней сравниться. Он обнажил свой отравленный меч.

— Я знаю, почему вы пришли, — сказал Барк — не знакомый, но так напоминавший им собственного Барка — когда они сели за его стол во дворе под деревом, — и я знаю на что вы надеетесь, госпожа. Ты спросишь меня — видел ли я его, и я скажу тебе — нет. И все это слишком просто. Я скажу тебе, чтобы ты не ходила туда, но ты не слушаешься меня. Ты просто не сможешь послушать. Удача с тобой. Она лежит на всем твоём доме. И против этого я бессилён. Я живу, как и вы. И более я ничего не скажу.

— Загадки, — сказала их мать. Теперь она не могла высказать голос — он дрожал, и Мев сжала ей руки, уставившись на этого Барка, за чьим столом они были гостями.

— Моя мать достойна большего, — промолвил Келли, который раньше вообще не открывал рта. Он поднялся из-за стола рядом с Мев во всю свою высоту. — Если бы ты знал...

— Юный господин, — промолвил Донал.

— Я не господин, — ответил Келли. — Господин мой отец.

— Ты — король, — серьёзно сказал Барк, и сердце у Мев перевернулось, ибо тишина охватила всех — и хуторян, и людей Кер Велла, уместившихся за столом. Остальные ходили по двору, кричали дети, и лошади перекликались друг с другом в конюшне, оказавшись в непривычном месте; да и люди Барка ходили туда и сюда с корзинами хлеба и блюдами сыра для гостей, а потом выкатили бочонок с сидром на крыльцо дома, и там тоже собрался народ от души повеселиться. Но за столом все замерли.

— Келли, — сказала их мать, — сядь, пожалуйста, — и Келли сделал это очень спокойно, хотя на душе у него было вовсе не так — уж Мев это знала. Эльфийский дар горел, а хозяин хутора не сводил с них глаз, от чего делалось

еще хуже. «Он сам Ши, — подумала Мев, — или что-то вроде; но здесь есть железо, по крайней мере, вокруг дома. Стоит ему рассердиться, и нам здесь станет небезопасно».

Но он не сердился. Он спокойно смотрел на них, храня свои тайны, и ветер ерошил ему волосы и бороду. И жена его рядом — Эльфреда, как он называл ее, увенчанная золотыми косами, сверкавшими при свете факела, — она тоже сидела спокойно и с мудрым видом. «Как король с королевой, — подумала Мев. — Их хочется называть госпожой и господином. И папе они бы понравились — он всегда разговаривал с нашими крестьянами о лошадях, о погоде, о зерне...» И она поймала себя на том, что все ее воспоминания слились воедино, собравшись из разрозненных кусков; но и печаль пришла вместе с этим, печаль необычного рода, которую ей еще не доводилось испытывать — осознание потери, необратимых перемен, когда ничто не может быть возвращено обратно.

Барк смотрел на нее, как смотрела Ши, а потом обвел всех взглядом.

— Здесь убежище, — промолвил он, — юный король, госпожа Кер Велла и все, кто с вами пришел — но там, за пределами, вокруг нас собирается зло. И это истинное зло, а не то, о котором знают люди, желая то того, то сего и называя своих врагов злыми именами, а те, в свою очередь, тоже имеют желания. Этому не нужно ничего. Оно просто есть. И то, что оно творит, оно делает исходя из своей природы, — он встал с места, возвысившись над всеми. — Как-то раз, друзья мои — не доброе ли это начало? — Ши пришли в мир: они пришли, полюбили его и захотели, чтоб он навсегда остался неизменным.

Они вели войны, ибо были честолюбивы. А в мире были более древние вещи. И с большей частью они воевали, но только не с драконами. Драконы казались им мудрыми и прекрасными — они сияли на солнце, как золото и медь. Их крылья — ах эти крылья! — их крылья были похожи на солнце, сияющее сквозь лед.

Но и драконы не любили перемен, а появление Ши было для них переменой. Старейший из них был самым прекрасным, но ни одни Ши не мог укротить его — он был слишком велик. Зато он давал советы любому, кто к нему приходил.

«В конце концов, — говаривал он, — мир может снова измениться». И кто знает, каким путем пойдет его народ. Ведь уже в те времена появились люди, менявшиеся с каждым днем — они принесли с собой железо и смерть. Возможно, когда-нибудь драконы будут служить человечеству.

Не было мудрее существа, чем Найер скейяк, князь драконов.

Был князь и у Вина Ши — Далиет его звали, и из всех Ши он был самым гордым и горячим.

«Пойдем, — сказал ему крылатый червь, — я посажу тебя на спину и покажу тебе, что есть люди и смерть».

Путь становился все темнее, хаос бурлил вокруг, и из него продолжало доноситься его имя. Аодан летел, разбрызгивая воды Эшберна, далеко позади оставляя смертных скакунов. Но их настигали другие, неподвластные смерти, страшнее кошмаров.

«Брат, — донеслось до него, — Киран, брат мой...» — раздался крик сквозь бурю схватки.

Тогда он оглянулся. Ему пришлось оглянуться. К нему скакал человек, и он узнал его, несмотря на долгие годы и происшедшие перемены.

— Донкад, — промолвил он и повернулся к нему безоружный.

И мрак скользнул меж ними, простыня мрака и свора гончих и рогатых тварей, и всадница на лошади с просвечивающими костями.

«Господин Киран! — раздался крик. — Беги!»

То был Роан с границы, то были Маддок и Оуэн — южане, и прочие скакали рядом — отряд призрачных всадников. Среди них были лучники с границы — они двигались, как во сне, и их стрелы летели с обманчивой быстротой.

«Господин! — раздались иные голоса, и то были Барк и Ризи, живые — примчались на загнанных лошадях с осунувшимися лицами и вооруженные железом. И из стившегося мрака целый отряд всадников следовал за ними. — Господин, подожди нас!»

Аодан повернулся и прыгнул вперед, унося его прочь. Слезы слепили Кирана, слезы горечи и утраты.

— Вперед! — крикнул он, беря себя в руки, и эльфий-

ский скакун летел все быстрее и быстрее, пока мир не замелькал серым пасмурным светом, пока в воздухе не запахло морем и над ними не появилось солнце. Аодан разбрызгивал воду копытами, и капли падали-падали-падали вниз.

Боль прекратилась.

— Лиэслиа! — закричал Киран, простирая руки. — Лиэслиа! Лиэслиа! Дальше я ехать не могу! Иди мне навстречу — все остальное твое!

И его не стало. Это был конец.

Эльфийский конь вскинул голову, заплясал и развернулся; всадник выпрямился и обратил лицо к затуманенному востоку, где рубились и умирали воины.

Он мало что взял с собой: он прикоснулся к камню на шее, закрыл глаза и полностью вошел в этот мир. У него не было ни оружия, ни доспехов, даже его облик не совсем принадлежал ему: единственную вещь он вызвал властью камня — серебряный рог. Рассвет назывался он — каванак. У него еще не было сил трубить в него, он все еще был ошарашен переменной, охватившая долину битва затуманивала его взгляд.

— Дайет, — промолвил он. И повторил громче: — Дайет!

И он тронулся вперед к берегам Эшберна. Людей оттесняли все больше и больше — дроу кидались на них и фиатас, и всевозможные формы зла выныривали из темноты. Мир изменился с тех пор, как он знал его, мир поблек; но камень сочился тысячей воспоминаний, человеческих воспоминаний — о любви, о жизни, о его понимании мира. Он узнал, что все эти люди — союзники госпожи Смерти. И любовь закипала в нем вместе с гордостью, зарождающаяся где-то в камне. Прижатые люди и тени людей окружили его стеной, приняв за своего господина: железом и жизнями своими смертные защищали его.

Он поднял рог и затрубил в него.

Земля содрогнулась. Дроу издавали ужасные крики.

— Нет! — закричал один из них с поднятым ядовитым клинком. — Уйди... о, брат, ты не можешь сражаться с нами! Она там — наша сестра, и если ты освободишь червя... Мир разделится, Лиэслиа! В этом ты победил — но Аовель наша!

Они отступили, мелкие твари чуть медленнее отползли вслед за ними, оставляя своих смертных союзников в растерянности и панике на лесистых берегах Эшберна.

— Господин! — воскликнул Барк. — О боги, мой господин...

И он снова приложил рог к своим губам и протрубил еще раз — безумнее и громче, чем в первый.

Трапеза закончилась, и сказка подошла к концу. Барк перевернул свою чашу и оглядел всех. Кто-то зашуршал за его спиной, и Граги взобрался на скамейку.

— Что-то случилось, — промолвил Барк, оглядывая всех. Эльфреда поднялась и взяла его за руку. Ветер усилился. С дерева полетели листья, словно мгновенно наступила осень. Они падали на стол, между тарелок. Сердце Мев заколотилось от страха, имя которому она не могла найти, но пока Барк говорил, они слушали как замороженные. А теперь Граги смотрел на них круглыми темными глазами, и мать искала ее руку под столом, а с другой стороны пыталась нащупать кисть Келли.

— Госпожа, — сказал Барк, — ты привела свой народ для спасения. Но никто не может требовать его, кто не отчаялся, для кого это не есть последняя из надежд. Ты же лелеешь другие. А по сему доброй ночи. Прощай. Рог протрубил в Элде, и этот призыв трудно не услышать.

Их мать поднялась, и все встали за ней, с ужасом наблюдая, как удаляется прочь высокий хуторянин со всем своим народом. Один раз он обернулся и поднял руки, словно желая им счастливого пути.

И все исчезло — дом, изгороди, людской круговорот. Они остались одни с матерью и Доналом под мертвым голым деревом на склоне холма.

— Донал! — воскликнула их мать. — О, Мурна...

Мев задрожала. Эльфийский дар горел и замутнял ей взор. Со всех сторон их окружало зло, и путь был открыт в одну лишь сторону.

Рог затрубил в холмах. Воздух сгустился вокруг них, и они оказались в сумерках на берегу реки, заваленном мертвыми телами, меж которых виднелся всадник на белом коне, окруженный горсткой южан и воинов Кер Велла...

И этот всадник спешил к ним, подошел к ним, и другие

сделали то же в этом ужасном месте. Мать их не шевелилась, как и Донал. «Это не наш отец», — подумала Мев, и сердце заболело новой нестерпимой болью. Она почувствовала, как Келли сжал ее руку.

Он подошел к их матери — этот высокий эльф, так похожий на их отца и столь юный: он взял ее руку и опустил ее перед ней на колени, словно она была королевой. Потом он снова встал, и мать с неохотой высвободила свою руку — медленно и печально убрала ее прочь. Донал поспешил к ней и взял ее под руку; и Барк стоял рядом сияя, и Ризи — но Мев не могла сойти с места, и вся похолодела, когда незнакомец повернулся к ней.

— Мев, Келли, — сказал эльфийский князь — только это; но когда он посмотрел на них, она почувствовала — нет, слов для такого не найти: эльфийские дары горели непреодолимой страстью, чтоб мир вернулся к тому, каким он был.

Он повернулся, и эльфийский конь приблизился к нему. Он вспрыгнул ему на спину и полетел прочь — так быстро, что лишь сердцем это можно было различить — все больше удаляясь от них — через реку, где таились твари, встречаться с которыми ей не хотелось. «Ему грозит опасность», — подумала Мев. Все было не так, как прежде: вокруг лежали мертвые, повсюду была кровь и яд железа... Она хотела убежать и скрыться, хотела биться на смерть, чтоб все вернуть как было, она хотела, хотела и хотела...

«Погибла, — раздался вой речной прокашницы, — о, погибла я, пропала, добрые дети! Я следую, я следую сквозь воды — я слышу, о, придите! придите! о, помогите...»

И она пошла — это было так просто. И брат пошел за ней или он пошел впереди? Они углубились в деревья и вышли на берег. Они слышали надрывный крик матери: «Мев! Келли!.. О боги... Барк...»

— Кили! — позвала Мев.

И лошадь захрапела у самых их ног. Они взглянули — и то уже был юноша, облаченный в тень, с красными ужасными глазами.

— Я — Ши, — промолвил он. — Кили боится. Прозвучал каванак, и миру грозит опасность. Идемте! Я понесу вас. У меня нет господина. Но я возьму вас к себе на спину.

Вода забурила и запела — прекрасное лицо мелькнуло в мутной воде.

— Я бегу, куда бежит река. О, дети, верьте мне, верьте Ши — куда бежит река, бегу я. Ши тоже боится, но никогда не признается в этом. Идемте с нами, добрые дети, идемте, идемте — освободите нас, мы не хотим быть рабами дракона.

— Помоги нам, — промолвил Келли. — Помоги, если можешь.

Плеснула вода, разогнулась ветка. Водяной, волоча за собой водоросли, выходил из воды: пука приблизился к Келли, пройдя сквозь кусты.

«Мев! — донесся крик их матери. — О, Келли...»

Мев схватила эквиски за гриву — в нем была сила и помощь, если ей удастся его укротить. Она влезла на него — это было несложно, и тут же эквиски понеслась не как обычная лошадь, но как сама река — плавно и неукротимо; и Келли скакал рядом с ней.

Они неслись вдоль реки на юг очень быстро...

— Нет! — закричала Мев.

— Постой, поверни назад! — воскликнул Келли; но фиатас никогда никого не слушались. Черные и ужасные неслись они вдоль реки, огибая ее излучины; они неслись к морю, куда бежали и другие лошади — белые, словно рожденные из пены, и гром грохотал из-под их копыт.

И тут невесть откуда взялись ладьи — они выплывали словно из солнечного света, скользя, как чайки на ветру; и свет исходил от них.

— Это Ши! — вскричал Келли; и они знали это так же точно, как собственные имена. — О, Мев, это Ши вернулись, чтобы помочь нам!

Штормовой ветер смел уставших людей, удерживавших холм при Эшберне. Он рассекал им лица, рвал в ключья знамена, нес запах зелени, смрад крови и смерти. Люди проклинали его.

— Тихо, — промолвил Донал, поднимаясь на ноги. И Бранвин приподняла голову, что-то услышав, что-то почувствовав — потеряв столь многое, она была готова к любой надежде: ее сердце забилося чаще — то был ветер и гром, и что-то промчалось мимо, к востоку, как ураган. И звуки рогов зазвучали, вызывая с холмов, и кровь застыла в ее жилах — такого с ней не было никогда. То был Элд, то

был свет, и что-то оборвалось в ней — «о, бегите, мои дети, бегите», — пожелала она им.

— Моя госпожа... — Донал был рядом, укрывая ее плащом. Он был при оружии, недостатка в котором не было на этой усеянной трупами земле. Они стояли в грозовых всполохах, и тьма сгущалась по мере того, как опускалось солнце. Возможно, он тоже видел, что пронеслось мимо них — у него был такой взгляд.

— Ши, — промолвила она. — Донал, ты слышал их?

— Я их слышал, — сказал Барк, выходя из-за уступа. — По крайней мере, что-то пронеслось мимо. Им тоже это известно, и они теперь начнут перемещаться, — он указал в темноту, на деревья, стоящие у реки. — Они собираются. Быстро темнеет, и любое направление ветра лишь помещает нашим лучникам. Я предлагаю отпустить лошадей. Они нам только мешают. А видят боги, нам некуда ехать.

Бранвин взглянула на Барка. На его лице ничего не отражалось — ни страха, ни горя, ни усталости. Когда стало ясно, что им не найти детей, он принялся распоряжаться и выбрал это место, этот песчаный холм по пути к морю. Он, Ризи и Донал — «Стоять здесь» — таковы были его приказы: и никто ни голосом, ни взглядом не намекнул на то, что удержать его было невозможно.

— Значит, так поступай, — сказала она и завернулась в плащ. Она ощутила, как дрожит земля, услышала лай гончих псов.

XVII. Найер сксийак

Земля дрожала под стемневшим небом здесь, в этом краю, где волшебные чары столкнулись с опустошением. Холодный воздух пронзил призыв далекого рога, и сердце Арафели вздрогнуло, замерло от терпко-сладкой радости — ибо эта надежда дорого стоила, и она знала ей цену. Но несмотря ни на что, она охватила ее — необузданная и всепоглощающая, переворачивающая мир. Лиэслиа! Друг достиг моря и принес ей надежду ценой собственной жизни. То звучал каванак на гибель миру.

Элд пробудился от сна. Все обеты и клятвы, данные Ши при прощании с миром, распечатывались из-под спуда времен, ибо этот рог возвещал рассвет после тьмы.

С каванаком в руке, миновав все препятствия, эльф вернулся, и теперь могут приплыть ладьи, огромные серебряные стада оттуда, из-за ветров. Ей бы заплакать от ужаса, но она закричала от радости среди затаившихся холмов.

— Кед фали-тъя! — закричала она, и эльфийская кобылица заплясала под ней. — О, милости просим! Милости просим домой!

И хлынули зеленые чары. И Финела скакнула вперед, а в холмах все звенело эхо серебряного рога. И темные Ши разбегались из-под копыт, укрываясь под камнями, отыскивая любую тень, где можно было спрятаться. Звенела арфа. То были память и магия, отзывавшиеся по всей земле, где когда-либо видели арфу или арфиста... от Дан-на-Хейвина и развалин Кер Велла до самого сердца Элда, одетого в эльфийские самоцветы, где ветер ласкал деревья.

Но теперь перед ней лежал Дун Гол, дорога к Лиэслину. Она видела, как в тени на холмах собираются дроу, и эта тень все росла, набирая силу.

— Поворачивай! — крикнула она Финеле. — Поворачивай! Ни шагу дальше. Мы должны подождать, сколько сможем.

И эльфийская кобылица повиновалась, резко повернув назад — она летела теперь, высекая раскаты грома и стряхивая молнии со своей гривы. Теперь появилась надежда — и они мчались на поиски ее. Они летели по тропе, проложенной ими самими, по земле, которую она исцелила, вернув ей прежний вид.

Но:

«Конец, — прошептал дракон из глубин Лиэслина, и шепот его полетел на восток. — Конец, о, Арафель, — ибо сняты все чары, и последняя — Кеннент. Дерево умирает, разве ты не чувствуешь? Каванак погубил его, и теперь я свободен! Твое колдовство не удалось. Остановись, Арафель, и встречай меня».

Она приложила руку к камню, не останавливаясь: но ничто не говорило о том, что дракон лжет. Ее чары и чары Кеннента были одним и тем же — они черпали силу в земле и в воздухе, и в бегущих реках.

— Отчаяние, — сказал дракон, — твои силы слабеют, слабеют, Арафель!

И тьма покрыла вновь исцеленную ею землю. Дроу запрудили ей путь, чтобы отрезать ее от Аргиада. Потоками они сбегали с холмов, держа знамена короля.

— Это твой брат, — сказал дракон. — Далиет нашел тебя, а Кеннент мертв.

Финела переменила шаг, повернула на запад — но и на тех холмах лежали тени, а с севера и востока наступали дроу от Дун Гола; и с востока свое медленное продвижение уж начинал дракон, налагая на землю свои заговоры, пока она не меняла свой облик и не делалась послушной ему.

— Стой, стой, — сказала Арафель, похлопывая Финелу по шее и пытаясь разглядеть какой-нибудь путь среди холмов. Эльфийская кобылица шарахалась то туда, то сюда, выбивая копытами гром, прядая ушами и вскидывая голову. Ничто еще никогда не пугало Финелу, но теперь их окружили, и круг сужался, и на восток им было не пройти. Арафель вынула меч. Мгла опустилась на них. Все затихло, и воздух стал морозным.

— О, Арафель, — промолвил сладкий голос — теперь он звучал гораздо ближе, — теперь ты веришь, Арафель? В этой маленькой долине никто из нас не сможет одержать победу, как этого бы нам ни хотелось. Но разве так не всегда в этом порочном мире? Оставь их, приди ко мне. Я буду чтить тебя. Я посажу тебя рядом с собой и окружу своими рабами. Лишь Далиет будет выше тебя.

Она не удостоила его ответом. Арафель огляделась, и Финела повернулась, послушная ее взгляду. Путь на восток лежал открытым, окутанный дымкой, приглашая ее к себе: Найер скейяк рассчитывал на это, организуя засаду в холмах. С обеих сторон подступали дроу, всадники на фиатас и других черных тварях, а следом за ними неслись еще более мелкие существа.

— Эти люди твои, — вился шелковый голос, глубокий, как гром, и нежный, как летний дождь, — о, Арафель, неужто ты веришь сама в этих человеческих князей? Ты наложила на меня свои заговоры, но я не спал. Рядом был господин Дава — мой сосед — так просто было нашептывать ему во сне; потом резня при Эшбернском броде, конец одного короля и начало другого.

Она посмотрела на юг, на ненависть, исказившую зем-

лю, на Далйета и его соратников, скакавших на рогатых тварях под сияющими знаменами.

— Убийства и убийства, — насмешливо промолвил дракон из-за ее спины. — Эвальд хорошо мне служил. Тебе принадлежали Кервален и, наверное, арфист, и уж конечно Киран Калан; моими же были Лаоклан и Донкад и эвальдово испорченное потомство. Дети, чудные белокурые дети — в них кровь Эвальда — убийцы, вора и короля — о, Арафель, что мне предстоит еще сделать с ними!

— Далйет! — вскричала она, не обращая внимания на этот шелковый голос. — Ты надоел мне!

— Убери свой меч, сестренка, — донесся до нее ответ. — Тут от него не будет толка.

— Магия должна где-то храниться, — прошептал дракон. — Далйет знает, как ты ценна для нас. Мы можем подчинить себе любую мелкую Ши для нашего Кеннента, но твоя служба будет бесценна, захочешь ты того или нет. Скажи, на что не отважатся Вина Ши, зная, что ты в наших руках?

То была правда: при ее помощи могли быть наложены магические узы столь же сильные, как те, что цвели на эльфийском дереве, она и камень, бывший ее сердцем, могли связать воедино все миры и сделать их правителя всесильным. Она сама стала как дерево, пустив свои корни во все миры, она сосредоточила слишком много власти в своих руках и теперь стояла перед ними беззащитной.

— Иди сюда, бросай свое оружие, — сказал Найер скей-як. — Неужто ты все еще надеешься на Лиэслиа и на Вина Ши? Я вызвал его для тебя. И он проскакал здесь один. Если один из вас будет служить нам, к чему нам второй? Пусть приходят и остальные. Дун Гол будет отмщен.

А круг все сужался. Она видела, как умирает зеленая земля, как чернеют листья. Финела прижала уши и дрожала, и беспокоилась под ней, по мере того как они наступали — и нельзя было метнуться, перескочить из мира в мир: они уже глубоко вошли в Элд, и некуда было бежать.

На звук арфы мчался он — песня, звучащая из камня, вела его. И вдруг она затихла.

— Арафель! — закричал он, и Аодан помчался еще быстрее, понесся изо всех сил ради него, рискуя и отыскивая

пути, даже когда перед ним вырастали в тумане деревья, когда корни переплетались, и ветви хлестали и цеплялись за них. Мудр был эльфийский скакун, и его седок знал это, когда видел, как рассыпаются чары бесследно и погибает зеленая жизнь. Это иссякали силы Арафели, Арафели, магией которой держался Элд — та малая часть, что от него еще уцелела.

У него не было ничего — лишь каванак и камень — у человека не было оружия и ничего другого при себе, этот человек преследовал его. Он вспомнил тревожное лицо госпожи у Эшберна, горящие глаза детей — как он был богат, этот человек. Теперь он никогда не забудет этот род, когда-то презираемый им, против которого он когда-то сражался ничуть не меньше, чем сам Далйет — он убивал их, бился против их железа и тех перемен, которые они вносили в жизнь.

Он боролся с ними до конца, пока у него не осталось выбора. Он превратил Аиргиди в Дун Гол, о чем ни один эльф не мог вспомнить без содрогания. Один за другим они повесили свои камни на сучья Кеннента и ушли из Элда, не находя в себе больше любви к этому миру, создаваемому людьми, и не в силах вспоминать о том, что было сделано ими самими.

Он был последним, не считая Арафели — это случилось бессчетные века тому назад: он остался из гордости и из чувства долга, чтобы охранять Кеннент.

«Но какая нам разница? — спрашивал он ее. — Пусть Кеннент погибнет, если гибель суждена миру. Ничто не вернется вспять, Арафель, мы можем лишь ждать... Мы закрыли дверь и запечатали ее. Что нам осталось?»

Но этот человек показал ему иное, показал в яркой и краткой вспышке жизнь столь ослепительную в чередовании дней и ночей, которую он даже с трудом понимал, будучи сам вечно юным. В этой земле сменяющихся времен года эльф понял что-то иное: и теперь он летел, обогащенный человеческим знанием, верностью и страхом — теперь он никогда от них не сможет освободиться, да, впрочем, он и не хотел.

— Арафель! — крикнул он. Он мчался так же безумно, как это сделал бы Киран, услышав шепот дракона, который угрожал всему, что он любил.

В мгновение ока Аодан перелетал через мелких тварей, сбивал с ног покрупнее, обходил корни и ветви. Дроу громоздились перед ним на огненных тварях, на речных видоизменяющихся лошадях и прочей нечисти. Они пытались задержать его, но он был неудержим: эльфийский скакун подминал их под себя, когда они цеплялись и хватались за него, он обгонял их в лунно-зеленом свете.

Всюду вокруг него боролась жизнь. То под ногами была трава, то выжженная земля и мертвые деревья обступали их, то дыхание свежего воздуха, то мутная мгла и мечущиеся всадники на черных лошадях, то и дело перемещающиеся из мира в мир. Ядом страха были пропитаны их мечи — они отравляли людей страхом смерти, а эльфов — сомнениями и ненавистью при каждом своем прикосновении; но тот человек был уже мертв, а эльф не нуждался в сомнениях.

— Вперед! — понукал он Аодана, и эльфийский конь несея вперед, находя дорогу меж засад, мглы и тумана. Камень твердил ему о битве, об опасности и отчаянии. — О, Арафель, держись!

И тени дрогнули перед ним и расступились. Он увидел просвет, где клубящаяся тьма обступила Арафель. Она была без лошади и истекала кровью, сияние ее померкло; Финела пыталась встать после падения, замаранная темной кровью, она разила молниями, а Арафель рубила своим мечом.

Аодан не остановился — темные Ши разлетались из-под его копыт, уязвленные стрелами его молний; и эльфийские кони начали отеснять мерзких тварей, пиная и подгоняя их, пока пространство в роще не расчистилось.

И тогда Арафель упала на одно колено и, опустив руки на землю, приникла к ней головой, ибо она была покрыта глубокими ранами. Камень горел болью, страданием и усталостью; и он взял на себя их, сколько мог, встав меж Арафелью и тьмою.

«Лиэслиа», — промолвил голос откуда-то из теней. Он коснулся души Кирана, глубоко похороненной в камне.

«Донкад», — подсказала память.

Но его истинное имя был Дайлет.

Ветер проносился мимо, но они не могли упасть — та-

ковы были эти скачки без повода и седла. Можно было не держаться за фиатас, идущих вровень с эльфийскими скакунами — черными на фоне их света.

Берег остался далеко позади, и Мев плакала из-за матери, из-за Барка, Донала и Ризи, и всех остальных.

— Стойте! — кричала она.

И Келли ей вторил:

— Помогите!

Но ничто не могло остановить уносящий их ураган, как ничто не могло остановить фиатас.

Теперь они нагнали предводителя — эльфийского военачальника. Он был без доспехов, как и прочие лучники, стрелы его разили светом. Белый конь его несся по собственной воле, без поводьев, как и фиатас. Казалось он был молодым, как и все Ши, молодым и прекрасным — ибо никто из них не знал возраста. Они лучились холодным светом, и были ужасны.

— О, поверни, — взмолился Келли. — Хотя бы оставь кого-нибудь помочь им!

— Это не наш народ, — ответил эльф, — не наша война.

— Тогда отпусти нас! — вскричала Мев.

— Не я вас влеку за собой, а то, что на вас надето, — ответил эльф.

Мев прикоснулась к дару в ладанке. «Дар нахождения», — вспомнила она.

«Они бессердечны, — донесся до нее шепот. — Они повесили их на деревья, чтобы забыть эту землю, забыть все, что они сделали здесь».

— Это дракон говорит, — промолвил военачальник, глядя вперед. — Не слушай его, заткни свои уши.

«И этого зовут Ниеракт. Он не любит людей. Он отнимет у вас то, что вы носите — он отнял бы, если бы мог. Берегитесь его».

— Заткнись, старый червяк! — выкрикнул Ниеракт.

«Кто вы им? И кто был им ваш отец? Они убили его и бросили вашу мать умирать...»

Внезапно их окружили деревья и мгла — кони петляли меж ветвей.

— Не отставайте от нас! — закричал Ниеракт. — Не отставайте, юные Ши! Не слушайте этот голос!

«Король без королевства и королева, рожденная от во-

ров и убийц, о, слушайте меня, юные души: смотрите, к чему ведет благородство — вот, что оно сделало с вашим отцом».

«Замолчи, замолчи», — повторяла Мев, сжимая эльфийский дар в руке и думая лишь о Келли — только с Келли могли они заслониться от дракона.

Она успокоилась и внутри все затихло — может, ей удалось это сделать самой, а может, ей помогло холодное сердце Кили. Рядом бежал пука, чувствуя себя в этой тени как дома. Она увидела лицо брата, но оно было окрашено скорбью, что делало его очень похожим на Ши. Темные твари возникали перед ними, и летели эльфийские стрелы, разящие страшным светом.

«Нам не годится здесь быть», — с отчаянием подумала она и тут же взяла себя в руки, вспомнив Лиэслиа и доброту его глаз. Она почувствовала, как окрепла ее рука, как молодое деревце — пусть листьев на нем осталось мало, но оно было живо, даря ей тепло и жизнь.

«Найди их, — послышался голос в ее сердце, журчащий, как вода. — О держись, держись, держись, сокровище, на моей спине, темные воды, темные пути — фиатас не боится их».

Она боялась, боялась всем земным страхом за оставшихся любимых, за последний свет и последнюю красоту, за тот крохотный отряд, что остался стоять во тьме где-то позади них. «Домой, — думала она, вспоминая их лица. — Домой, домой, домой».

И брат ее был рядом с ней. Он лучился светом, как и она, и эльфийские дары испускали сияние.

В руке его был меч дроу — тусклое отравленное серебро. Его соратники окружили роццу тьмой, холодной от ненависти.

— Я не стану сражаться с вами, — промолвил Далйет, — ни с тем, ни с другим. Это уже ничего не принесет, разве что новые раны. Сдавайтесь, брат и сестра.

Лиэслиа напряженно наблюдал за каждым его движением; а за их спинами кружили две лошади, погрохатывая громом, очерчивая круг вокруг того, что осталось от Элда, и защищая Арафель.

Арафель, как могла, встала на ноги. Но круг все сужался, и чернела трава.

— Лиэслиа, — сказала она, и рукоять меча прикоснулась к его руке. Он взял его, поднял, и лезвие засияло на фоне тьмы.

— Мы уже занимались этим, — напомнил ему Далйет.

— Не достаточно хорошо, — откликнулся Лиэслиа.

И новые стрелы травы полегли, словно выжженные. Умер цветок. Дроу приближался во всполохах тусклого света. Клинки взвились и скрестились, вспыхивая при выпадах и обманчивых движениях, которые делали тот и другой.

Быстрее и еще быстрее. Граница зелени застыла. Они сражались на этой границе, которую Лиэслиа мог перейти, а дроу не мог; и ветер дул все сильнее, и холод все нарастал. Он услышал, как его окликают по имени, услышал голос дракона.

— Берегись! — закричала Арафель.

И граница тут же подалась — трава почернела, умер еще один цветок и рассыпался в прах: Далйет сделал выпад, и Лиэслиа поднял руку, встречая острие — ведь он был без доспехов. Лезвие проникло внутрь, ледяное и отравленное. Но и его лунный меч нащупал брешь в доспехах и, войдя в плоть, повернулся в ране.

— Брат! — взвыло то, что было Донкадом.

И погребло. Дроу еще помедлил, тая — прекрасное холодное лицо, вой и последнее содроганье. Зазвучали рога — то были новые всадники; и дроу кинулся отступать, туда, в сторону Дун Гола.

Деревья померкли, но мгла еще сохранялась. Всадники окружили их; и у двоих, что ехали на фиатас, на двух жеребцах, черных и гладких, волосы горели, как солнечный восход. Загремел гром; эльфийские кони заржали, приплясывая на месте, и рожи осветились светом.

— Арафель! — вскричал Ниеракт, спрыгивая на землю. — Лиэслиа!

И тогда он увидел его рану, холод, пронзивший его руку, почувствовал, как вместе с темным потоком крови из него вытекают силы. Покачиваясь, Лиэслиа встал на ноги, и друзья окружили его; перед ним была Арафель — после стольких веков он видел ее перед собой.

«Стойте, — донесся из-под земли голос, ласкающий и соблазняющий шепот. — О, останьтесь, Вина Ши. Не уходите».

— Не слушай, — сказал Ниеракт. — Ладьи ждут нас, Аовель. Ему не убедить нас. Пойдем. Здесь больше нечего делать.

— Нечего делать, — повторил Лиэслиа. И он посмотрел на нее — за ней стояли века надежды и ожидания, но что-то в камне замутнило ее образ. Она словно померкла от печали, и кровь окрасила ее тьмой — в глазах ее стояла скорбь, а камень разрывался от боли.

— Вы поймете, — сказала она. — Вы бы поняли.

— Торопись! — вскричал Ниеракт.

— Нет, — ответила Арафель.

— Держаться за это? — спросил Лиэслиа. — О, Аовель, довольно.

— Но здесь остались люди, — сказала она, — если мы бросим этот мир на произвол судьбы, мы оставим их на милость червяка. У нас есть оружие. Мы не обречены... О, братья, неужто мы ничему не научились? То, что происходит здесь, очень важно.

— Если мы возьмемся за это, — сказала Лиадран, — о, Арафель, это опасно...

— Очень важно, — повторил Лиэслиа. Он все еще держал в руках сломанный меч, слышал дракона и чувствовал, как холод поднимается вверх. Он прикоснулся к камню — остальные были их лишены. — Я помню. Я помню Кер Ри, прежде чем он стал Дун Голом. Мы создали и то, и другое. Лично я... я с Арафелю.

— И не один, — сказала Лиадран, спрыгивая с лошади.

— Нет, не один, — промолвил Ниеракт — и остальные спешились, вставляя стрелы в свои луки.

И так заняв круговую оборону, они застыли в ожидании, пока до них не донеслась его поступь, пока они не ощутили трепетанье воздуха. Арафель стояла с ними, натягивая тетиву с последней своей стрелой.

— Не вмешивайся, — сказал Лиэслиа, стоявший рядом. — Ты — его главная цель.

Она ничего не ответила.

«Глупо, — сказал червяк. — К чему эта борьба? Вы же видели, мир стал иным по сравнению с тем, чем он был. Неужто вы хотите вернуть, что было прежде? Мы можем переделать его. Он может стать тем, чем мы захотим».

Затем наступил холод, и потекло немереное время, ког-

да все застыло. И вот он был уже с ними — они даже не заметили — явился, сияя, как бронза и золото, словно солнце взошло во тьме, отражаясь от его чешуи. Его крылья разогнали мглу, и огонь пронизал их жилы. Но страшной всего были его глаза — глаза, лишенные цвета. Они стремились рассмотреть, какого они были цвета, но цвета там не было вовсе никакого.

«Ни к чему оружие, — сказал Нойер скейяк. — Ни к чему борьба. Листья вырастут снова, и озера станут чистыми — все будет так, как вы пожелаете».

И тетива расслабилась, и луки разогнулись. Застыли Ши потерянно и изумленно.

И последняя зелень исчезла.

Мев держала в руке свой дар — он горел, он хранил тепло даже тогда, когда все пропало, и эквиски замерли, задрожав, замороженные, как и эльфы. Он нависал, этот кошмарный зверь — он жаждал их, и то, что они имели с Келли теперь удерживало их.

— Нет! — промолвила она. И еще громче воскликнул Келли:

— Нет!

И одна Ши шевельнулась. То была Арафель: она упала на колено, натянула свой лук — он изогнулся и дрогнул.

Дракон ринулся вперед, и стрела вонзилась в его леденящий глаз. Он взвыл, бросился назад, и крылья его подняли бурю и ураган.

А он все поднимался, теперь уже как тень, как струйка дыма; и, вертясь на месте, он скрылся куда-то за холмы. Вздогнула земля, и наступила тишина.

А потом мир начал распадаться — и ветры разносили обрывки света и тьмы.

На берегах Эшберна, на песчаном холме царила тишина, тишина в разгар битвы — враг еще раз был отброшен назад.

Смерть снова была здесь. Бранвин видела ее. Ризи объяснил ей, кто это такая — темная союзница, то приходившая, то уходившая прочь; и Бранвин увидела привидения и прочие ужасы. Тут были твари рогатые, как олени, и с медвежьими клыками, и с волчьими глазами — постраш-

нее любого врага. Она укрылась за стеной щитов, за спинами людей, которых любила, в той крупице мира, что была еще оставлена ей. В воздухе летали стрелы, и щиты сотрясались от их ударов.

И вдруг настала тишина, словно мир затаил дыхание. Она встала и взглянула в неожиданно образовавшийся просвет, ибо щиты упали. Воздух был необычным и холодным, и сама земля словно заколебалась между светом и тенью, как бывает в предгрозовые мгновения.

— Где они? — кто-то спросил. — Куда они делись?

К ним приближался цокот копыт. Темная всадница приближалась к ним: и вдруг не осталось ничего — лишь холм, их маленький отряд, и умоляющая собеседница.

— Идемте, — сказала Смерть. — Ваше сражение закончено. Вы должны покинуть это место и как можно быстрее. Поверьте мне и идemте.

Бранвин замерла. Не то ее дыхание стало медленней, не то жизнь понеслась быстрее: она видела все, словно вокруг лишь занимался день, и мир лежал еще без красок. Наездница обратилась к ним снова.

— Предательница, — промолвил Барк. И щиты медленно сомкнулись; Донал поднял свой вверх, Ризи поднялся на ноги с древком Боглача в боку, но и левой рукой он держал свой меч. — Мы заключили сделку, и ты не выполнила обещания.

— Весь мир рушится. И вам нет места в том, что будет. Госпожа Бранвин, иди ко мне. Иди скорее. Иди первой и приведи других.

— Нет, — ответила Бранвин, ответила тихо, но от всего сердца; и закричала, ибо, казалось, Смерть тянется к ним: — Нет! — мир дрогнул. — Уходи! Оставь моих людей!

— Вы мои. Эти люди принадлежат мне. — Смерть подошла ближе и обнажила меч — он заиграл зловещими огнями. — Ризи, Барк и Донал...

— Оставь их! — вскричала Бранвин. Она замерзла, сбегая с холма. Мужчины медленно шли за ней в бесцветном и страшном свете. Они пытались остановить ее, протягивали руки и таяли, как мир. — Оставь их, отпусти их, а я пойду с тобой.

— О боги, нет! — воскликнул Барк и, бросившись вперед с мечом, скрестил его с оружием Смерти. Железный кли-

нок распался, оставив его безоружным. И мир завертелся вокруг них.

Цвет начал возвращаться — сначала бледный, как на большинстве лугов — оттенок зелени и прохлады. Мгла расступилась, пропуская солнце и деревья с серебристыми листьями, окружавшими их — а дальше складками расходились холмы.

— Барк! — воскликнул Донал. Но из всех только Барка не было рядом, и все духи покинули их. Все, что остались, потрясенно взирали вокруг. Тишину нарушал только ветер.

— Милости просим, — пропел голосок. — Милости просим, о, золотая госпожа! О, проходите, проходите, проходите!

То был Граги, скорчившийся на камне. Рядом с ним стояли три пони и пегая кобыла.

— Граги, — промолвила Бранвин, — о, Граги, куда проходить?

— Вы уже здесь. Ступайте, ступайте за мной. Кто верхом, кто-мешком — недалеко, недалеко, о, мои люди, моя золотая госпожа, идите за мной, кто как может.

Ризи хотел идти, но не смог. Его люди подхватили его на руки и подняли на лошадь. Так же поступили они и с другими ранеными, и пони осторожно повезли их.

А Граги шел впереди, пританцовывая по дороге, все вверх и вверх по долине, а вокруг разворачивались холмы. Они шли из последних сил, в надежде на встречу.

Все тот же хутор лежал перед ними, разве что дом еще больше покосился.

Они двигались так быстро, как могли, в конце некоторые даже побежали, ибо с холма к ним неслись люди Кер Велла, а впереди всех двое рыжеволосых детей.

— Мев! Келли! — вскричала Бранвин и бросилась, чтобы заключить их в свои объятия. Мурна подбежала и Шон, и кухарка, Шамара, Кован и кузнец, и родня Донала — и не было недостатка в слезах, и смех мешался со слезами — они радовались тому, что удалось спасти.

— Нас привели эльфы, — сказала Мев. — Они здесь.

Последними подошли хуторяне со своим высоким рыжеволосым хозяином и его золотокошой женой.

— Проходите, — сказал этот Барк, столь похожий на их родного. — Милости прошу сюда и еще раз трижды милости прошу. Тут вам понравится больше, чем там, где вы были прежде, и оставайтесь столько, сколько пожелаете.

XVIII. Прощание

Пришла осень, а затем и зима, и Ши, проезжавшие мимо хутора, стали появляться реже и уже не приближались, мелькая на расстоянии, и чаще по ночам среди ветра и раскатов грома, налетавших, как зимняя буря.

Но как бы ни был глубок снег на полях, на хуторе было тепло и уютно, где всем нашлось место и занятие. Амбар с западной стороны дома был теплым и чистым; кое-кто устроился на сеновале — он обосновался повсюду, этот народ Кер Велла, словно птицы, и снова начал смеяться, когда ужасы миновали, а раны стали залечиваться. Дети играли с детьми хуторян и строили снежные крепости, а крестьяне уже поговаривали о весне.

И весна пришла. Снег растаял под неярким нежным солнцем, ночи стали теплее, подули ласковые ветра, и луна зазеленела необычным светом.

— Пора сеять, — сказали хуторяне, и на следующий день на крыльце лежали наточенные плуги и прочий инвентарь.

— Кто это сделал? — спрашивал люд Кер Велла.

И Граги отворачивался с умным видом.

А как-то вечером в ручье, протекавшем мимо хутора, появились фиатас в виде двух черных лошадей, кормившихся у берега; а в другой вечер черный конь, резвясь, начал скакать через изгороди и носиться по полям.

— Это, верно, Ши, — сказал Келли, и сердце его заныло от какой-то тоски.

И Мев посетила эта тоска, и она ощутила беспокойство под открытым небом; по ночам она слушала, как поет лес, и думала о Вина Ши — они навсегда поселились в ее сердце. Впрочем, эльфийские дары теперь ни на мгновение не умолкали, и она постоянно ощущала их присутствие. «Еще не пора, еще не пора», — звенели они.

Здесь еще оставалось много дел с человеком Кер Велла, с

их матерью, Мурной и Доналом, с поправляющимся Ризи. Им надо было еще осмотреть все владения хутора, и они снова начали ездить на Фланне и Флойне. И зачастую Граги составлял им компанию на пегой кобыле или коричневом пони, всегда появляясь по собственной прихоти. Они узнали от него имя цапли и каковы на вид совы, охотившиеся в амбаре, они выучили истинные имена лошадей и узнали, откуда течет ручей — с верховьев холмов и куда он втекает — а нес он свои воды в море, до которого можно было дойти, если спуститься вниз по течению.

«Когда-нибудь мы отправимся туда», — думала Мев, размышляя о будущем. И всегда она чувствовала сердцем, что мир живой вокруг них: она знала, когда приближались Ши, хотя никто их не видел, и что ближе всех подходили двое, когда зажили их сердца.

И Ризи, поправившись, начал гулять вокруг, и часто его можно было застать на крыльце, где он сидел, устремив взгляд на лес. И как-то вечером он сказал:

— Я поеду на юг. Ши говорили, что там все в порядке, но я и мои люди слишком долго не были дома. А путь теперь безопасен.

— Я поеду с тобой, — сказал Донал. — Хочу посмотреть твои горы, — и Мурна, оторвавшись от пряжи, взглянула на них с тревогой, но промолчала.

И Бранвин ничего не сказала, подумав лишь, что эти расставания неизбежны. Этому она училась всю свою жизнь. Она смотрела на Мев и Келли и замечала, как они притихли за зиму, и весна не разогнала их задумчивости. Она замечала, как они стали серьезны, какая мудрость сквозила в их взглядах. «Келли» — называли люди ее сына — так, просто, ибо он все еще был мальчиком; но Барк, говоря о нем, величал его «юный король». Он и был королем, только чего — она не знала; а что представляла из себя ее дочь, она даже не могла догадаться. «Мев» называл ее Барк, просто «Мев», но говорил он это таким же тоном, как слово «король». Мев ездила, куда хотела, и ничто не причиняло ей вреда: пони прибегали на ее зов, и совы откликались ей, когда она к ним обращалась.

Бранвин не надеялась удержать их или на что-нибудь еще, но лишь лелеяла то, что имела — тепло друзей, окружавших ее, очаг и изгороди, сохранявшие все на своих ме-

стах... но они не могли удержать тех, кто хотел войти или выйти. Таков был порядок вещей. Пришла весна. Дети ее гуляли, и Леннон уходил в холмы, и порой до них доносилась его игра на арфе — песни стекали с холмов, как чары, и были гораздо нежнее, чем те, что он исполнял для них.

С появлением зелени большинство Ши вернулось. Они появлялись обычно по утрам с юга на своих белых лошадях.

И так однажды утром Бранвин сидела на крыльце, глядя на сборы Донала и Ризи, а кузнец ковал что-то возле амбара. Она перебирала воспоминания и думала о том, сколько ей всего еще хочется.

— Едут, — промолвил Граги, внезапно появляясь на ступеньке и снова исчезая.

И Бранвин встала и взглянула на юг, и сердце ее замерло при виде эльфийских всадников у ручья.

И весь хутор побросал свои дела, когда всадники повернули к двору.

— Несите еду, — закричал Барк, — и питье! К нам едут гости!

Примчались откуда-то Мев и Келли, Донал и задыхающийся Ризи, и Мурна выбежала из дома. И лишь Бранвин стояла неподвижно, сжав руки и пытаясь усмирить биение сердца, ибо то были Арафель и Лиэслиа.

Всадники подъехали к изгороди. Они были все в зеленом, и серые плащи были наброшены на плечи, и свет исходил от них, словно солнце освещало далекие холмы. У них были луки и мечи, но ехали они без поводьев, и когда они спешили у ворот, их кони исчезли, как они всегда исчезали.

Собравшийся люд окружил их кольцом — так было всегда — люди хотели посмотреть, но в то же время боялись их и потому молчали.

— Ризи, — сказал Лиэслиа, протягивая свою руку. — Донал, — он обращался к ним, как к друзьям, с которыми давно не видется. Он обнял детей и прикоснулся к их лицам; и на левой его руке был виден шрам, как бледная звезда. Они поцеловали его в щеки, а он приник губами поочередно к их лбам.

Бранвин сжала руки. И тогда он взглянул на нее и подошел к крыльцу, где она стояла. Глаза у него были серы-

ми, не такими, как у Кирана — ничто в нем не напоминало человека, которого она любила — кроме нежности, с которой он взял ее руку и поднес ее к губам, кроме взгляда, который говорил: «Я был его другом. Он любил тебя. И до сих пор любит».

— Бранвин, — промолвил он. Он отдавал ей честь, этот князь Вина Ши, который был древнее холмов, окружавших их, и моложе рассвета. Она была прахом и знала это. Но он научился любить этот прах. Ибо он носил сердце Кирана, глубоко затаенное в своем.

— Пойдем, — сказал Барк, — пойдемте, сядем и выпьем. Леннон, где твоя арфа? Милости просим всех.

И они подошли к большому столу во дворе. Граги тут же утащил лепешку и кружку эля и устроился на изгороди наблюдать за всем. Рядом устроилась лиса, ее темные глаза светились мудростью. На столе стояли молоко и мед, лепешки, эль и сидр, и горы желтого масла такого же, как желтые цветы, распутившиеся у ручья. Рядом были дети и ее друзья, и все, что имело смысл в этом мире — и она снова почувствовала себя счастливой.

— Все ли хорошо у тебя? — спросил Лиэслиа.

— Все хорошо, господин эльф, — ответила она.

— Фиатас вернулись, — вдруг вмешалась Мев.

— Это уж точно хорошо, — сказала Арафель. Она потягивала сидр, и улыбка блуждала на ее лице. — Следите за деревьями, — промолвила она.

— Мы любим их, — ответил Барк. — И ухаживаем за ними.

— А изгороди? — спросила Арафель.

— Они крепко стоят, эльф.

— Это правда, — глаза ее светились, и свет отражался в камне на ее груди. — В следующий раз я привезу вам дикого меда. Граги любит свою плошку и кружку эля, но больше всего он любит поля, о, человек. Ради них он трудится. И потому пусть стоят твои изгороди. Но однажды на восходе луны пение раздастся из твоего ручья, и ему не нужны будут ни плошки, ни изгороди, — она отставила кружку. — Да цветут твои ручные деревья, сосед. Да процветают те, кто заботится о них. Да пребудет удача с вами и со всеми теми, кто сам обретет ее.

— Со всеми нашими друзьями, — добавил Лиэслиа, ко-

торый был немногословен. — А когда вы поедете на юг, я отправлюсь с вами и покажу вам многие чудеса.

— А нам? — тут же спросила Мев.

— Пока еще нет, — ответила Арафель. — Но вскоре, вскоре... А мои дары вам — как они?

Мев грустно посмотрела на Бранвин, и Келли посмотрел с видом, предвещавшим что-то — открытие тайн, долго хранившихся от нее. И сердце Бранвин заныло от взгляда дочери. «Я люблю вас», — хотела сказать она своим детям, но она была обречена любить Ши, зеленую магию, то, что было хрупко и непостоянно в этом мире.

— Я люблю вас, — прошелестели ее губы, и она договорила про себя: — «Даже если мне предстоит потерять вас сейчас».

Они достали свои дары — но то уже были не листья — они превратились в лучезарные камни, полные света.

— Они изменились, — сказал Келли Ши. — Они стали такими в тот самый день.

— Как и Митиль, — промолвила Арафель. — Это было единственное деревце, рожденное во времена человека. Вы несете в себе ее жизнь: она никогда бы не появилась, если б новые Ши не родились на свет. Даже отец ваш не знал, сколь вы бесценны. Теперь в этих камнях заключены ваши сердца; будьте осторожнее с ними, чтобы они сохранились такими, какие есть.

Она посмотрела на Бранвин, устремив на нее свой долгий серый взгляд, и ветер застыл, и все замерло от него.

— Это место будет держать тебя столько, сколько захочешь. Если захочешь, навсегда. Но послушай моего совета — уходи.

— Куда? — спросила Бранвин. — Куда мы можем пойти? Кер Велл у наших врагов, не так ли?

— Разве ты все еще не поняла, что ты за морем? — спросил сидевший рядом Барк. — Что эта земля покинула мир?

— Значит, мой отец... — начал Ризи. — Мой дом...

— О, твои горы здесь, — сказал Лиэслиа. — Лес, долина и все-все-все, стоит каванаку зазвучать в человеческом сердце. В мире ничего не изменилось. Он не заметит потери крохотного уголка. Твои горы, Кер Велл и Донн, Дан-на-Хейвин королей... люди могут вспахивать землю, залечи-

вать шрамы и жить в мире с Элдом... А разве вы не видели здесь часек? Они прилетают оттуда, из-за ветра.

— Миры разделились теперь, — промолвила Арафель. — Темное и светлое — мы не можем забрать светлое и оставить людей в темноте. Кер Велл может быть, как и многое другое, Бранвин, госпожа Кер Велла.

— Ступайте туда, — сказал Лиэслиа.

И слезы навернулись на глазах Бранвин, так что светлый образ эльфа померк.

— Если бы он был там, господин эльф...

— Делай, что тебе хочется. Будь он здесь, он сказал бы так.

Она задумалась над этим, о полях, золотящихся в лучах солнца, о раскинувшихся хуторах, и что-то прорвалось в ее сердце, сделав его широким навсегда.

Они выехали утром, и Арафель оглянулась на Граги, который скакал вдоль изгороди невдалеке; и рожденные на земле лошади шли за ними и издавали приветственное ржание.

— Береги их! — крикнул Лиэслиа. — Береги их всех!

— Граги с ними, — откликнулся коричневый человек. — Славное, славное утро, Вина Ши, и весна будет долгой, о, долгой — удачи вам и возвращайтесь назад, да падет на вас свет, о, Вина Ши!

Вокруг лежали вспаханные коричневые поля, холмы зазеленели, и люди трудились на них. Лиэслиа полюбил этот человеческий род и уже ничего не мог с этим сделать.

И Арафель открыла в своем сердце радость при виде трудов человеческих — ей нравились аккуратные, ухоженные поля и люди, оберегающие свои пределы, спокойно наблюдающие за переменами, быстро происходящими вокруг них. Они расселились повсюду — от Дру на юге до этого хутора. А в Дун Голе крепко спали дрею. Что спало в темных водах Лиэслина — не знал никто. Пусть удивляются люди. Пусть они живут здесь и в Элде, пусть видят сны о еще небывалых вещах, ибо таков путь человека.

Они были быстротечны, предприимчивы и подвержены переменам.

Но порою они достигали величия. И Лиэслиа был тому свидетелем.

В одном была уверена Арафель в это утро мира — что перемены грядут, ибо Вина Ши ехали по земле в надежде на встречу с неизвестным.

Элдвуд — место в волшебной стране и, как все подобные места, не обладает определенной географией. Используемые названия имеют кельтское и уэльское происхождение с небольшими добавками староанглийского, так что по своему языку и духу скорее всего Элдвуд находится на стыке земель, через которые мигрировали многочисленные народы — то есть севернее Уэльса.

В этом мире англоязычное население живет на далеком востоке, уэльсцы — на юге, а носители кельтских языков — у самого моря; но все они соединяются в Кер Велле.

Что касается эльфов, то они в основном носят кельтские имена, ибо их родина — Кельтика.

Для удобства читателя, возможно, никогда не имевшего дела с этими языками, ниже приводится список имен, который, кроме познавательного интереса, сможет доставить некоторое удовольствие, ибо свидетельствует о том, что используемые нами имена пришли из далекого Элда.

Аиргиди — серебряные листья (кельт.)

Алард — священная отвага (староангл.)

Ан Бег — мелкий (кельт.)

Аодан — разбойник (кельт.)

Аогел — владения Смерти (кельт.)

Аовель — радость (кельт.)

Арафель — от Аовели (кельт.)

Аргиад — серебро (кельт.)

Бан — светлый, бледный (кельт.)

Банберн — светлый ручей (староангл.)

Банен — светлый (кельт.)

Бан Ши — Ши, предвещающая своим воем смерть; обычно появляется близ воды в образе женщины, стирающей кровавые одежды; буквально — Белая Ши

Барк — береза (староангл.)

Берн — река (староангл.)

Бертрам — блестящий ворон (староангл.)

Блин — стройный (староангл.)

Боглач — болото (кельт.)

Бода — геральд (староангл.)

Бок — олень (староангл.)

Брадхит — широкий очаг (староангл.)

Бранвин — белая грудь (уэльс.)

Брендан — ворон (кельт.)

Бром — метелка (староангл.)

Велл — источник (староангл.)

Вулф — волк (староангл.)

Вина Ши — народ мира (кельт.); зачастую опасные, а иногда и зловредные силы носят противоположные их сути имена, которые используются умышленно, чтобы не причинить им обиды или случайно не вызвать на свет; истинным именем нельзя пользоваться. Естественно, Вина Ши обычно не сообщают простым смертным имя своего народа. Название Ши используется для обозначения большого количества различных существ: в какой-то мере Граги относится к Ши, а также другие, куда как менее приятные твари. Но Вина Ши занимают высшую ступень в этой иерархии

Гвернак — ольховая речка (кельт.)

Гелвен — белый (кельт.)

Геннон — бледный (кельт.)

Гер — копье (кельт.)

Глас — серый (кельт.)

Граги — волосатый (кельт.). Один из видов Ши, выполняющий домашнюю работу

Да — черный (кельт.)

Дав — олень (кельт.)

Далахан — темный (кельт.)

Далач — советник (кельт.)

Далйет — тенистый лист (кельт.)

Дан-на-Хейвин — башня птиц (кельт.)

Демсей — гордый (кельт.)

Дермит — свободный (кельт.)

Дина Ши — от Вина Ши ед. число (кельт.)

Донал — правитель (кельт.)

Донкад — бурая рубашка (кельт.)

Донн — бурый (кельт.)

Дроу — темный эльф (кельт.)

Дру — взгляд (уэльс.)

Дули — темный борец (кельт.)

Дун Гол — гора слез (кельт.)

Каванак — рассвет (кельт.)
Кадок — воин (уэльс.)
Кэвин — добрый (кельт.)
Кайт — поле битвы (кельт.)
Калан — щенок (кельт.)
Кали — борец (кельт.)
Калли — лес (кельт.)
Каррак — стоящий камень (кельт.)
Кед фали-тья — тысяча приветствий! радуйся! (кельт.)
Келли — воин (кельт.)
Кеннент — судьба, удача (кельт.)
Кетик — удовольствие (кельт.)
Кер — крепость (уэльс.)
Керберн — замковая река (староангл.)
Кервален — победитель (кельт.)
Кер Велл — башня источника (староангл.)
Кер Глас — серый замок (кельт.)
Кер Дав — олений загон (кельт.)
Кердейл — долина замка (староангл.)
Кер Лел — башня замка (староангл.)
Кили — худой (кельт.)
Кинвел — голова (кельт.)
Киран — сумерки (кельт.)
Кован — гора (кельт.)
Коеннач — мох (кельт.)
Конвей — гончая (кельт.)
Лаоклан — герой (кельт.)
Леннон — плащ (кельт.)
Лиадран — светозарная (кельт.)
Лин — озеро (староангл.)
Лиэс — крепость Ши (кельт.)
Лиэслиа — серая крепость Ши (кельт.)
Лиэслин — крепостное озеро Ши (кельт.)
Лонн — сильный (кельт.)
Лоуберн — низкая вода (староангл.)
Маддок — добрый (уэльс.)
Мев — смех (кельт.)
Мера — дикий смех (кельт.)
Мередифь — море (уэльс.)
Митиль — драгоценная (кельт.)
Мурна — гостеприимная (кельт.)

Найер скейяк — дракон (кельт.)
 Ниеракт — счастливый (кельт.)
 Нэаль — герой (кельт.)
 Одрин — бледный (кельт.)
 Оган — юность (кельт.)
 Оуэн — благородный (уэльс.)
 Пука — фиатас, появляющаяся в форме черной лошади (кельт.)
 Ракли — храбрый (кельт.)
 Реган — маленький король (кельт.)
 Ри — король (кельт.)
 Ризи — горящий, слава (уэльс.)
 Роан — красный (кельт.)
 Ронан — печатка (кельт.)
 Ротрам — славный ворон (староангл.)
 Руари — рыжий олень или король-олень (кельт.)
 Скага — ограда из деревьев (кельт.)
 Скелли — рассказчик (кельт.)
 Соврак — примула (кельт.)
 Саллак — темный глаз (кельт.)
 Талли — опытный (кельт.)
 Тиарн — господин (кельт.)
 Тивак — мрачный (кельт.)
 Туали — северянин (кельт.)
 Фейяк — ворон (кельт.)
 Фиан — светлый (кельт.)
 Фиатас — ненависть, злоба (кельт.); обитающие в воде
 Ши — водяные, или пука. Многие зловещие Ши появляются в виде черных животных
 Финвар — белокурый (кельт.)
 Финела — белое плечо (кельт.)
 Фланн — рыжий (кельт.)
 Флойн — рыжий (кельт.)
 Фокадан — чертополох (кельт.)
 Хаген — маленький (кельт.)
 Хаги — мудрый (староангл.)
 Харли — заячий луг (староангл.)
 Хейзел — орешник (староангл.)
 Хит — очаг (староангл.)
 Холен — святой (староангл.)
 Шамара — вереск (кельт.)

Шелта — водоплавающая дичь (кельт.)

Ши — королевский (кельт.)

Шихан — мир (кельт.)

Шон — старый (кельт.)

Эвальд — дубовый лес (староангл.)

Эд — благородный (староангл.)

Элд — старый (староангл.)

Эк — лошадь (кельт.)

Эквиски — речная лошадь (кельт.) — род фиатас, соблазняющая прокатиться и утаскивающая жертву на дно, так как та прилипает к спине эквиски. См. фиатас

Эктиарн — господин лошадей (кельт.)

Эльфреда — совет (эльф и реда) (староангл.)

Эшберн — пепельный ручей (староангл.)

Эшлин — пепельное озеро (староангл.)

Эшфорд — пепельный брод (староангл.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая ГРАГИ

I. О рыбе и костре	5
II. Хутор Барка	13
III. Арфист	25
IV. Травля	38
V. Охотник	48
VI. Выступление в путь	60
VII. Мера	67
VIII. Удача Нэзля Кервалена	77

Книга вторая ШИ

I. Лето и встречи	87
II. Бранвин	94
III. Дан-на-Хейвин	100
IV. Дела Кирана Калана	109
V. Древо камней и мечей	114
VI. Кер Велл	121
VII. Об огне и железе	132
VIII. Пути Элда	144
IX. Заклинание Ши	150
X. Битва перед воротами	154
XI. Конец всему	165

Книга третья ДРЕВО МЕЧЕЙ И КАМНЕЙ

I. Фиатас	169
II. Кер Велл	181
III. Арафель	193
IV. Сердце Кирана Калана	206
V. Послание	227
VI. Об изгородах и беглецах	242
VII. Банберн	254
VIII. Путь в Донн	267
IX. Осуществление миссии	280
X. Кер Донн	293
XI. Отступление	310
XII. О доме и надежде	324
XIII. Бан Ши	341
XIV. Безженцы	364
XV. Об огне и мече	389
XVI. Свет и тьма	403
XVII. Найер скейк	417
XVIII. Прощание	430
Об именах	437

КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ
ЭЛЬФИЙСКИЙ КАМЕНЬ СНА

Серия «ORION»

Переводчик М. Ланина
Оформление художника В. Громова
Макет И. Герасимов, А. Ксендигов
Составитель серии Д. Лобанов
Редактор И. Анисимова
Художественный редактор И. Фаррахов
Технический редактор Н. Лакатош

Подписано в печать 23.11.93. Формат 84x108 1/32. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 14,0. Усл. печ. л. 23,5.

Уч.-изд. л. 25,7. Тираж 50 000 экз. Заказ 21658

Библиополис. 197148, С.-Петербург, Бронницкая ул., 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов, предоставленных

ТОО «Библиополис» на ЦКФ ВМФ

ТАНИТ ЛИ

«ВОССТАВШАЯ ИЗ ПЕПЛА»

«Большое, красочное, кровавое эпическое полотно меча и магии, с незабываемой героиней — такой же крутой, как Конан-варвар, но более убедительной».

«Танит Ли, которую называли блистательной суперзвездой в научной фантастике, теперь становится также и самой яркой звездой на небосклоне *fantasy*».

Baryon Preiss

#1 «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» БЕСТСЕЛЛЕР

«Лучшее чтение для поклонников Толкиена... далеко превосходящее самую популярную фантастику... Трудно вообразить, что можно написать лучше».

«Эпическая фэнтези, в которую можно погрузиться на дни, а не только на часы».

Locus

Тэд Уильямс

Серия «Лига Пергамента»

Книга первая: Трон из костей дракона

Книга вторая: Скала Прощания

Книга третья: К Башне Зеленого ангела

Впервые на русском языке выходят произведения новой суперзвезды в жанре фэнтези. На западе произведения Тэда Уильямса сравнивают с «Властелином Колец» Толкиена.

Критики в восторге от его романов:

«Всячески рекомендуемый нами Тэд Уильямс опирается на многие мифологические системы как на основу своего фантастического эпоса, создавая превосходную эпопею, одобренную захватывающей политической интригой и наличием сильных привлекательных героев».

«Уильямс начал великолепную, полную привлекательных персонажей и легко читаемую сагу».

Publishers Weekly

ТЭД УИЛЬЯМС

«ТРОН ИЗ КОСТЕЙ ДРАКОНА»

Война, разожженная темными силами чародейства, грозит поглотить мирную землю Остен Арда, ибо Престер Джон, Верховный король, победитель ужасного дракона Шуракаи, при смерти. После его смерти будет освобождено, наконец, Древнее Зло, потому что Король Бурь, бессмертный правитель бессмертных ситхи, хочет вернуть себе потерянное царство, заключив договор с человеком королевской крови. И тогда, принужденный страшным заклятием, ненавистью и ревностью, принц вступит в борьбу с принцем, и страна погибнет, захлебнувшись кровью.

Только маленькая, рассеянная группа — Лига Пергамента — сознает опасность, нависшую над Остен Ардом. И Саймону, слуге из замка, который, сам того не подозревая, стал учеником одного из членов Лиги, предстоит возглавить поиски решения загадки, содержащей единственную надежду на спасение — тайны давно утерянных Мечей Власти... Мы увидим Саймона спасающимся и встречающим опасность лицом к лицу, среди врагов, словно вышедших на свет божий из ночных кошмаров.

«Трон из костей дракона» — первая часть долгожданного нового фантастического эпоса непревзойденного Тэда Уильямса.

Вот что говорят критики об этом романе:

«Уильямс рассказывает о мире драконов и волшебных мечей, юных героев и чародеев, о силах зла, прекрасных принцессах, переодеваниях и тайнах. То, что делает Уильямс, неизмеримо лучше большинства вещей, написанных в этом жанре... Великолепная *fantasy*, приближающаяся к „Властелину Колец“ Толкиена».

Cincinnati Post

ТЭД УИЛЬЯМС

«СКАЛА ПРОЩАНИЯ»

Это время тьмы, ужаса и предельного испытания для королевства Остен Ард. Сумасбродная магия и ужасающие приспешники Короля Бурь распространяют свое непобедимое зло по всему королевству. Потрепанные остатки когда-то гордой человеческой армии бегут в поисках последнего прибежища к Скале Прощания — в место, окутанное тайной и древней скорбью.

«Тэд Уильямс — один из немногих, кого можно признать самыми лучшими в жанре *fantasy*. Его творческий подход к теме, его блестящий талант в обращении с персонажами, его очевидное отвращение к ставшим клише подземельям и драконам, делают его надеждой всех тех, кто хочет, чтобы жанр *fantasy* выжил в девяностые годы... Уильямса скоро провозгласят новым королем *fantasy*».

«Эпический рассказ о борьбе добра со злом... Превосходное повествование о столкновении между силами света и тьмы».

San Francisco Chronicle

Уважаемые господа!

Вас приветствует
торгово-издательская фирма «Библиополис»
г. Санкт-Петербург.

Издательство предлагает литературу повышенного спроса:
фантастику, зарубежный детектив, приключения,
женский роман, детскую литературу.

Сегодня Вы можете у нас приобрести оптом партии книг
и заключить договора на покупку книг до конца 1994 года.

«Библиополис»

предлагает своим клиентам следующие виды услуг:

- Отправка книг контейнерами в любую точку России.
- Отправка автотранспортом фирмы.

В нашем магазине Вы можете приобрести книги
в розницу.

Оплата в любой удобной для Вас форме.

Предоставляем скидку при оптовых закупках.

Ваши интересы определяют нашу работу!

Приглашаем всех к постоянному
и взаимовыгодному сотрудничеству!

**По вопросам закупок
обращаться в отдел реализации по адресу:**

г. Санкт-Петербург, ул.Бронницкая, д.17
Тел. 110-15-12 (с 9 до 18 ч. кроме субботы и воскресенья)

Адрес магазина фирмы:
Московский проспект, 41. Тел. 292-71-01

Один из самых известных и популярных
авторов в мире, обладатель премии Хьюго,
суперзвезда издательства DAW.
Впервые на русском языке.

КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ

«ЭЛЬФИЙСКИЙ КАМЕНЬ СНА»

В мире наступило переходное время, когда человек с огнем и мечом пришел на земли, слышавшие раньше лишь отзвуки нечеловеческих голосов. В период подъема человека и гибели магии осталось лишь одно нетронутое место — небольшой лес Элдвуд, лес, в котором время текло в своей плоскости и совершенно по-иному, чем во всем мире. Арафель Сидха, живущая на этой земле, гордится ею и любит ее намного сильнее, чем любой другой представитель ее расы.

Это роман о последнем оплоте мира волшебства и магии в борьбе против железного меча, с которым приходит эра Человечества.

